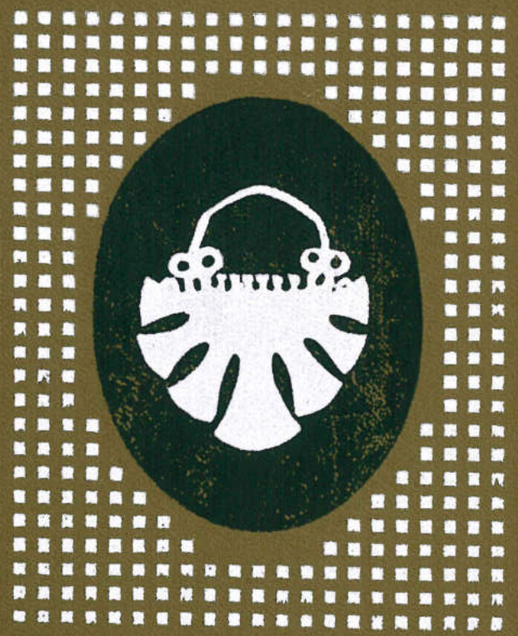
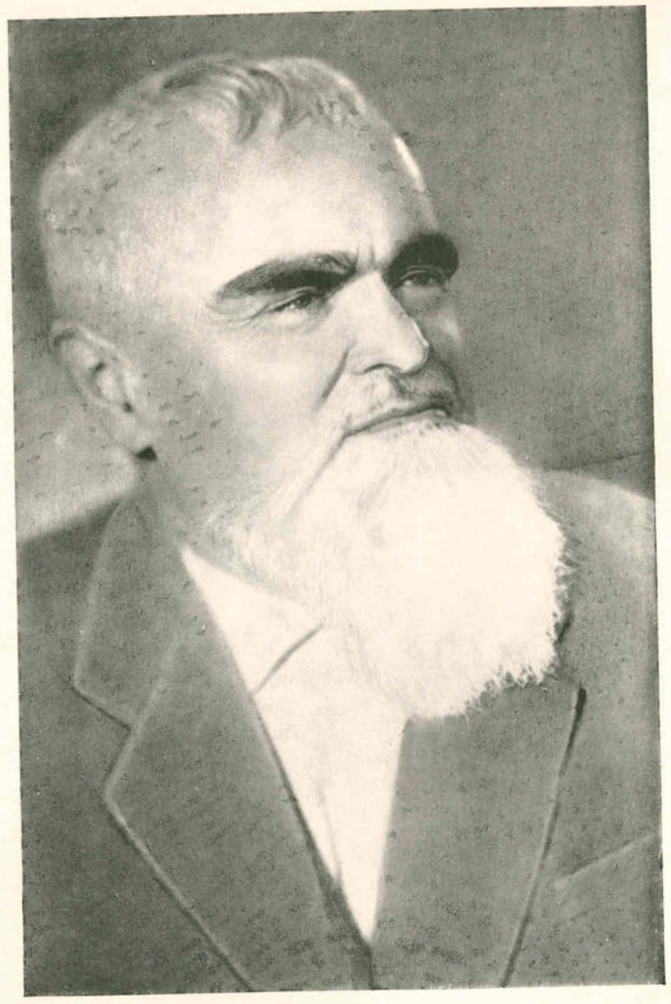
Ар. 02к.

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ



НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ



Артемий Владимирович Арциховский

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ

Сборник статей,
посвященный 70-летию
Артемия Владимировича
АРЦИХОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1972

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Под редакцией В. Л. Янина

1-6-2
57—72

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ

Тематический план 1972 г. № 57

Редактор *М. Л. Будниченко*
Художник *И. А. Огурцов*
Художественный редактор
М. Ф. Евстафьева
Технические редакторы
И. Л. Тимашева, Е. Д. Захарова
Корректоры
Н. П. Стерина, А. А. Алексеева, С. Ф. Будаева, Н. И. Коновалова, Л. А. Костылева

Сдано в набор 17/VII 1972 г. Подписано к печати 6/XII 1972 г. Л-45422. Формат 70×108 1/16. Бумага тип. № 1. Физ. печ. л. 20,5. Усл. печ. л. 28,7 + 1 вкл. Уч.-изд. л. 26,26. Изд. № 1976. Зак. 395. Тираж 2260 экз. Цена 3 р. 02 к.

Издательство Московского университета.
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы

ОЧЕРК НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРТЕМИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА АРЦИХОВСКОГО

Научная деятельность Артемия Владимировича Арциховского, начатая почти 50 лет назад, — заметный этап в становлении и развитии советской археологии. Важность этого этапа характеризуется самими успехами археологической методики, бесспорными в наши дни, поучительными для дальнейшего развития историографии и демонстрирующими качественное преобразование науки об ископаемых источниках истории человеческого общества. Сформулированное А. В. Арциховским образное определение археологии как «истории, вооруженной лопатой», сейчас ни у кого не вызывает сомнений, но оно рождалось в трудной борьбе за марксистскую методологию науки. Победа в этой борьбе была достигнута тем поколением советских археологов, к которому принадлежат Б. А. Рыбаков и С. П. Толстов, С. В. Киселев и А. П. Смирнов. Среди этих имен, популярных и сегодня, как и 40 лет назад, имени А. В. Арциховского неизменно сопутствует авторитет выдающегося историка-археолога, теоретика науки, последовательно воплощающего свои идеи в практику, учителя в том высоком значении этого слова, которое дает многим советским исследователям почетную возможность причислять себя к школе Арциховского. Школа Арциховского — понятие чрезвычайно емкое, ибо к ней принадлежат не только те, кто испытал радость творческого становления под непосредственным руководством А. В. Арциховского, но и сотни археологов, которые приобщились к избранной ими специальности, впервые соприкоснувшись с археологией на страницах его учебников.

* *
*

Артемий Владимирович Арциховский родился 26 (13) декабря 1902 г. в Петербурге. Его отец — известный ботаник, профессор Мос-

ковского университета, мать — врач. Детские и гимназические годы А. В. Арциховского прошли в Новочеркасске. Гимназия, привив любовь к античной литературе и истории, сделала его гуманитарием. Бурные события первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны на Дону разбудили интерес к современной общественной жизни. Феноменальная врожденная память на имена, даты, литературные тексты, хранящая с детства имена всех римских консулов, американских и французских президентов, депутатов всех четырех государственных дум, а впоследствии едва ли не всех студентов, раз в жизни сдававших ему экзамен, потребовала четкой организации, выделяющей действительно важное. Из этих трех компонентов возникла эрудиция, система и общественная направленность исторического исследования, уже в студенческие годы породнившая А. В. Арциховского с образцом эрудиции, системы и общественной направленности — марксизмом.

В 1925 г. А. В. Арциховский окончил Московский университет под руководством одного из виднейших русских археологов В. А. Городцова и был оставлен в аспирантуре. Его первые научные интересы и первые исследования связаны с Москвой и ее округой. Древнейшему славянскому населению Москвы—вятичам—посвящены первые публикации А. В. Арциховского. И этим публикациям, и кандидатской диссертации «Курганы вятичей», защищенной в 1929 г. и опубликованной отдельной книгой в 1930 г., свойственно ярко выраженное источниковедческое начало: основу исследования составляют скрупулезный анализ и классификация курганных инвентарей для выяснения хронологии древностей и выделения локальных особенностей погребального обряда. Сегодня такое построение исследования представляется единственно правильным, полноценным и доказательным, но именно первый большой труд А. В. Арциховского подтвердил важность источниковедческого анализа, который в 20-е годы вульгаризаторами марксизма презрительно именовался «вещеведением» и якобы противостоял социологическому исследованию как немарксистский. В своем первом большом труде и других работах того времени А. В. Арциховский смог показать, что именно к археологическому источниковедению самое прямое отношение имеют слова К. Маркса: «Такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель общественных отношений, при которых совершается труд»[1].

В работе А. В. Арциховского источниковедческий анализ сделался широкой ступенью восхождения к историческим и социологическим выводам, ступенью настолько прочной, что за истекшие с тех пор 40 с лишним лет книга «Курганы вятичей» не утратила свежести, исчерпывающе осветив проблему и сделавшись образцом для археологов, изучающих другие славянские общности.

А. В. Арциховский уже в первых своих работах, рассматривая всю совокупность археологических источников, четко выделяет в них те категории, которые наиболее важны для исторических реконструкций общественно-экономических формаций, то есть орудия труда. Одна за

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 191.

другой появляются его статьи: «Социологическое значение эволюции земледельческих орудий» (1927 г.), «К методике изучения серпов» (1928 г.), «Новые методы археологии» (1920 г.), «Митяевские литейные формы» (1930 г.), «Находки в колодцах на Моховой» о древних топорах (1936 г.). Эти статьи можно рассматривать не только как свидетельство начального становления марксизма в археологии: они—прообраз современных успехов археолого-технологического исследования, оснащенного новейшей методикой.

Главный предмет исследования в ранних работах А. В. Арциховского — методология и методика археологического анализа. Поначалу этот анализ крепнет в применении к истории вятичей. А. В. Арциховский еще не раз будет возвращаться к своей первой научной теме, раскапывая вятичские курганы под Звенигородом (1940 г.), Царицыным (1944 г.), в Беседах (1945, 1946 гг.). Очень скоро для него станет очевидной необходимость обязательного сочетания сельских и городских древностей в едином анализе. И закономерным становится назначение А. В. Арциховского руководителем археологической бригады на строительстве первой очереди Московского метрополитена. Успех работы коллектива, возглавляемого А. В. Арциховским, стал достойным подражания и популяризации образцом блестящего сочетания интересов науки и строительства, в котором и наука и строительство особенно нуждаются теперь, когда задачи сохранения и изучения памятников истории и культуры приобрели характер всенародной заботы. В этой связи следует процитировать ту часть Постановления Президиума Моссовета, где говорится о награждении А. В. Арциховского почетным знаком Моссовета: «За ударные темпы в работе, за перевыполнение плана и обеспечение высокого качества работы в строительстве Московского метрополитена». Это высокое качество сказалось не только в том, что решение научных задач не повлекло снижения темпов и графика строительства, но и в конечном результате научного исследования, воплотившемся в создание фундаментального сборника «На трассе первой очереди Московского метрополитена» (1936 г.) и в более поздних больших работах А. В. Арциховского: «Основные вопросы археологии Москвы» (1947 г.) и «Древнейшие поселения на месте Москвы» (1952 г.).

Систематические исследования курганных и городских древностей Москвы и ее округи сделали А. В. Арциховского наиболее авторитетным знатоком московских древностей. Однако уже с первых лет своей научной деятельности он связан и с другим историческим центром России — Новгородом, раскопки которого принесли ему всемирную известность.

Первая экспедиция в Новгород была организована А. В. Арциховским в 1929 г., но началась она не в городе, а на одной из курганных групп (в Хрепле). Такая тактика свидетельствует о целеустремленной планомерности работ молодого исследователя. Задуманные раскопки, как это сейчас очевидно, сыграли важную роль в развитии советской археологии. И прежде всего потому, что средневековый город до этого археологами не изучался (отдельные небольшие раскопки дореволюционной поры не имели никакого значения из-за мизерности полевых работ). Начало раскопок требовало постановки и отработки методических задач. Русская археология во всем, что касалось хронологических решений, была воспитана на курганных древностях. Сейчас в результате новгородских раскопок составлены датирующие коллекции самых разнообразных городских древностей, позволяющие определять время вскрываемых слоев по сочетанию различных ископаемых предметов. До

раскопок в Новгороде датировать слои можно было лишь по подробно изученным погребальным инвентарям. Казалось вполне естественным, начав с изучения новгородских курганов, получить именно из них исходные хронологические эталоны. Курганные раскопки продолжались и в 1930 г. Тогда же еще одним трамплином для перехода в Новгород было избрано Курское городище Новгородской области, на котором сохранились древние деревянные сооружения — их расчистку предстояло освоить.

В 1932 г. работы были перенесены в Новгород. В 1932, 1934, 1936, 1937 гг. раскопки велись в Славенском конце близ церкви Ильи. Анализируя результаты этих первых городских раскопок, можно назвать три выдающихся достижения. Первое из них важно для дальнейшей разработки методики вскрытия городского культурного слоя. Хотя в довоенное время археологические работы еще не были технически оснащены, однако они велись на участке значительной площади (в общей сложности свыше 500 $м^2$). Так обозначилась оптимальная методика исследования городского участка, исключающая элемент случайности. В раскопе обнаруживались не части построек, а целые сооружения, что позволило составить представление о планировке раскапываемого объекта, а также о взаимоотношении разных построек. В настоящее время требование раскопок в городе широкой площадью стало основой полевой методики.

Во-вторых, важнейшее значение имели хронологические наблюдения над слоем. Уже тогда стало очевидным, что древности курганного типа практически не встречаются в городских слоях. Следовательно, хронологическая работа требовала иной базы, методическая основа которой могла быть обнаружена лишь в ходе самих городских раскопок. Такой исходной базой оказалось открытие в раскопках остатков крепостной стены, которую А. В. Арциховский датировал по летописному упоминанию под 1335 г. построенного посадником Федором Даниловичем и тысяцким Остафией «каменного острога... от Илии святого к Павлу святому», то есть от церкви Ильи к Павлову монастырю. Стена была исследована еще на нескольких участках, и ее направление точно совпало с указанным в летописи. Благодаря этому открытию вся толща культурного слоя была разделена прослойкой строительного мусора стены на два горизонта: к верхнему относились напластования, образовавшиеся после 1335 г., к нижнему — более древние. Дополнительное хронологическое деление материала давало примененное тогда впервые расчленение слоя на ярусы приблизительно одновременных деревянных построек (на Славне оказалось 3 таких яруса).

Третье достижение получено при анализе замкнутых в пределах определенных построек вещевых комплексов, позволивших выяснить функциональное назначение построек. Среди них были открыты первые ремесленные мастерские (сапожника, маслодела и игрушечника). Открытие ремесленных мастерских имело в то время характер научной сенсации: до раскопок в Новгороде в историографии держалось упорное мнение о чисто торговом облике средневекового Новгорода и отсутствии в нем собственного ремесленного производства.

Таким образом, уже в довоенное время А. В. Арциховский заложил те фундаментальные основы новгородской археологии, которые стали руководящими и для исследования других средневековых городов. Существо этой методики то же, что и в его работах по истории вятичей: тщательный источниковедческий анализ для восхождения к историческому выводу большой важности.

В 1938 и 1939 гг. раскопки в Новогороде были продолжены на другом участке — в восточной части Ярославова дворища. Характер этих работ (разведовательная шурфовка) соответствовал главной цели — попытке отыскать остатки вечевой площади. Работы привели к негативному результату, ограничив тем самым район будущих поисков республиканского форума древнего Новгорода.

Существует еще одно направление довоенных исследований Новгорода, ставшее органической частью научной методики А. В. Арциховского. Это обязательное — хотя тогда еще и не ставшее синтезом из-за малочисленности археологических материалов — обращение к письменным источникам средневековой русской истории. Мы подчеркиваем важность этого направления из-за его исключительной методической ценности и в наши дни, когда пример А. В. Арциховского оказал большое воздействие на археологов, охотно привлекающих письменные источники для осмысления своих находок, и, к сожалению, мало сказался на исторических построениях «чистых» историков, привычно ограничивающихся анализом только письменных материалов.

В предвоенные годы А. В. Арциховский выступает с циклом исторических работ, посвященных краеугольным проблемам новгородской истории. Именно в этих работах заложен фундамент современных представлений о характере политической власти в Новгородской республике, о социальной и административной структуре Новгорода. Они составили программу очередных исследований Новгорода на долгие годы, в равной степени направляя анализ письменных и археологических источников.

В 1938 г. А. В. Арциховским была опубликована статья «К истории Новгорода», посвященная исследованию социально-политического характера Новгородской республики. Автор пришел к прекрасно аргументированному выводу о принадлежности высших сановников республики — посадников и тысяцких — к классу феодалов-землевладельцев. Не купеческие капиталы, а земля и владение ею составляли экономическую основу государства. Только бояре обладали полнотой власти, все прочие сословия принадлежали к непривилегированной части общества. Такой взгляд на существо феодальной республики Новгорода в дальнейшем многократно подтверждался новыми открытиями и стал основой современных представлений о средневековом Новгороде.

В статье «Новгородские ремесла» (1939 г.), написанной после археологического открытия первых ремесленных мастерских на Славне, обобщен многочисленный, но до того разбросанный по страницам письменных источников материал, подтверждающий наличие в средневековом Новгороде массового, разветвленного и дифференцированного ремесленного производства, возникающего на заре новгородской истории и прогрессирующего на протяжении всего обозримого периода новгородской самостоятельности.

В работе «Городские концы в Древней Руси» (1945 г.) исследованию подверглась административная система Новгорода, делившегося на самоуправляющиеся районы-концы; автор показал, что сама система концов не составляла собственно новгородской специфики, так как присуща и другим русским и славянским городам.

Поиски общих закономерностей средневековья, проявляющихся в конкретных условиях исследуемого объекта, будь то Новгород, Москва или курганные древности, составляют характерную часть исследовательской методики А. В. Арциховского. В этой связи следует особо упомянуть чрезвычайно важную для понимания исторического значения курганных древностей восточных славян статью «В защиту летописей и

курганов» (1937 г.), в которой показано значение археологических материалов для реконструкции исторической карты локализации восточнославянских территориальных общностей.

В равной степени уже в довоенное время проявилась и другая черта исследовательского таланта А. В. Арциховского — стремление расширить круг традиционных источников, найти прямые связующие звенья между мирами вещей и текстов. На этой основе появляются его работы по эпиграфике (1936 г.), ранней геральдике (1946 г.), нумизматике (1949 г.). Статья А. В. Арциховского «Древнерусские областные гербы», в которой разработана история новгородского, владимирского, нижегородского, казанского, астраханского, вятского и пермского гербов, до сих пор остается единственным в советской литературе полным очерком ранней русской областной эмблематики. В статье «Изображение на новгородских монетах» впервые в исторической литературе обосновано правильное истолкование загадочной эмблемы, оказавшейся изображением патронессы Новгорода — Софии.

Особо нужно выделить исследования по древнерусской книжной миниатюре, по существу открытой А. В. Арциховским в качестве важного исторического источника, образно названного им «окнами в исчезнувший мир». Исследования А. В. Арциховского по древнерусской миниатюре появляются впервые еще в 1932 и 1934 гг., а в 1940 г. представлены и защищены как диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук; она была опубликована в виде отдельной книги в 1944 г.

Интерес к обобщению, к анализу движущих сил исторического процесса на широком фоне русской и мировой истории особенно проявился в педагогической деятельности А. В. Арциховского. Будучи воспитанником Московского университета, он с ним связал и всю свою дальнейшую жизнь. С 1927 г. он ассистент, а с 1929 г. доцент университета. В период временной ликвидации университетского исторического образования его деятельность проходила в Историческом музее и Академии истории материальной культуры, но сразу же после открытия исторического факультета (1934 г.) и возобновления преподавания археологии А. В. Арциховский уже в качестве профессора был приглашен работать в университет. В 1939 г. на историческом факультете Московского университета была основана кафедра археологии. А. В. Арциховский стал ее первым заведующим, выполняя эти обязанности до сегодняшнего дня.

Подготовленный А. В. Арциховским курс археологии читался им и читается теперь для студентов-историков всех специальностей, составляя необходимый элемент высшего исторического образования. Особенность этого курса, не имевшая прецедента в мировой педагогической практике, — соединение в едином изложении сведений по первобытной, античной и средневековой археологии. Впервые проблемы русской и мировой истории излагались на археологических материалах СССР, Западной Европы и Ближнего Востока, демонстрируя поступательное движение исторического процесса со времени возникновения человеческого общества до позднего средневековья. Этот учебный курс превратился в важнейшую обобщающую работу, излагавшую марксистско-ленинское понимание древней истории человечества. В 1938 г. лекции А. В. Арциховского были изданы на стеклографе. В 1940 г. на их основе был подготовлен учебник «Введение в археологию», второе издание которого вышло в свет в 1941 г.

Подготовка общего археологического курса и учебника вызвала к жизни еще две особые ветви научного творчества А. В. Арциховского.

Одновременно с курсом общей археологии он подготовил курс археологической историографии «История археологических знаний», которому в равной мере свойственно уважение к научному наследию прогрессивных археологических школ и страстная нетерпимость к антинаучным теориям. Уже в раннем периоде своего творчества А. В. Арциховский выступает с марксистской критикой реакционных взглядов Шухгардта и Друпа, с программной статьей «Русская дружина по археологическим данным» (1939 г.), показывающей возможности археологических материалов в борьбе с пресловутой норманнской теорией. Историографический курс содержит развернутую критику основных антимарксистских буржуазных построений в археологии. К сожалению, этот труд лишь фрагментарно и только в той части, которая касается истории археологических знаний в России, издан в кратком изложении в «Очерках истории исторической науки в СССР» (тт. I—III, 1955, 1960, 1963 гг.) и в статьях об археологической деятельности Ю. В. Готье (1945 г.), И. Е. Забелина (1948 г.), А. В. Орешникова (1955 г.).

Второе направление научного творчества проявилось в подготовке изданных уже после войны в «Истории культуры древней Руси» обзорных очерков «Одежда» и «Оружие», обобщающих сведения археологических и письменных источников X—XIII вв. об этих важных категориях русских древностей.

Обзор деятельности А. В. Арциховского в довоенное время был бы неполон без упоминания его работы в Государственном историческом музее, где по его плану и материалам из его раскопок были подготовлены экспозиции по истории Новгородской земли и Владимиро-Суздальского княжества и открыты для показа новые залы.

* *
*

Послевоенный период, несомненно, стал временем расцвета деятельности А. В. Арциховского, проявившегося прежде всего в успехах новгородских исследований.

В 1947 г. были возобновлены археологические работы в Новгороде, истерзанном войной и начавшем осуществлять программу своего восстановления. Раскопки 1947—1948 гг. были проведены снова на территории, примыкающей к Ярославову дворищу, но на этот раз они велись в прибрежном районе и затронули значительную площадь — свыше 800 $м^2$. Исследованию подвергся мощный культурный слой, насыщенный сотнями древних предметов. Впервые на этих раскопках была использована в заметных масштабах механизация отброса земли, сэкономившая много сил и времени и давшая возможность изучить громадный участок в течение двух полевых сезонов. В числе многочисленных находок заслуживают особого упоминания различные бытовые предметы с надписями, впервые поколебавшие популярный до того времени тезис о сплошной неграмотности средневекового городского населения.

В 1951 г. раскопки в Новгороде возобновились и с тех пор продолжаются непрерывно. На протяжении 1951—1962 гг. работы были сосредоточены на одном участке древнего Неревского конца, где вскрыто около 10 000 $м^2$ древней городской территории. Эти раскопки продемонстрировали торжество провозглашенной А. В. Арциховским методики археологических работ широкой площадью. Если прежде исследованию подвергались небольшие комплексы построек, теперь главной изучаемой единицей стала целая усадьба. На Неревском конце были вскрыты на большом протяжении деревянные настилы трех хорошо

известных по летописям улиц — Великой, Холопьей и Кузьмодемьянской с примыкавшими к ним усадебными комплексами. Углубление в землю вело к открытию новых, более древних ярусов мостовых и построек. Всего таких ярусов оказалось 28. Их последовательная смена на протяжении X—XV вв. демонстрировала динамику развития городской жизни в пределах раскопанного участка, а накопление находок, исчисляемых теперь сотнями тысяч, создало возможность подробной характеристики каждого строительного яруса и каждой постройки.

Можно выделить несколько направлений намеченных и организованных А. В. Арциховским работ на Неревском раскопе. К числу источниковедческих работ относится совершенствование методики точного датирования слоев и ярусов. На первых порах инструментом датирования стали сами древние предметы, форма которых с течением времени меняется в связи с прогрессом техники, движением моды, расширением системы торговых и культурных связей. Археологические предметы, прежде известные в единичных образцах, теперь превратились в массовые категории, наглядно демонстрирующие свою эволюцию во времени. Корреляция их рядов, проверка предметами, несущими дату в надписях или обстоятельствах их появления и исчезновения, создали условия, при которых стало возможным датировать конкретные слои с точностью до 50—100 лет, то есть более детально, чем датировались курганные древности.

Показательно, что в состоявшейся в 1958—1961 гг. дискуссии между А. В. Арциховским и Б. А. Рыбаковым расхождения в оценке хронологических фактов не превышали 50 лет, что само по себе является показателем исключительного успеха в методике датирования новгородских древностей.

Тогда же Новгородская экспедиция приступила к новому способу датировок на основе разработанного Б. А. Колчиным и В. Е. Вихровым метода дендрохронологии. Этот способ, учитывающий обязательную разницу в толщине годичных колец живых деревьев, которая зависит от ежегодной смены климатических условий, позволил установить время рубки деревьев, пошедших на сооружение мостовых и срубов, с точностью до одного года, что в свою очередь сообщило объективные даты любым прослойкам культурного слоя с точностью до 10—25 лет. По этому предложенный Новгородской экспедицией датирующий прием позволил археологам пользоваться датами более точными, чем, например, палеографические даты не датированных в самом тексте древних документов.

Также к циклу источниковедческих работ относятся историко-технологические исследования, в ходе которых к изучению внутренней структуры древних предметов применены металлоструктурный и спектрографический анализы. Благодаря таким анализам получены хронологические ряды предметов, эволюция которых проявляется не в их внешней форме, а в изменении производственной технологии. Вместе с тем сама эта технология стала предметом специального изучения большого исследовательского коллектива, которое привело к открытию конкретного хода развития новгородского ремесла во многих его отраслях.

К числу наиболее важных открытий руководимой А. В. Арциховским экспедиции следует отнести выяснение характера и структуры новгородской усадьбы. В ходе раскопок расчищено свыше 1000 остатков древних построек, группирующихся в несколько усадеб, границы которых были неизменными с начала их возникновения до падения новгородской независимости. В структуру каждой усадьбы, имевшей площадь около 1500 $м^2$, входили господский дом, хозяйственные постройки, ремесленные мастерские, жилые постройки зависимого населения. Усадьбы иного характера, например — более мелкие, в Новгороде не известны, что бросает новый свет на социальную структуру города в целом.

Мировое значение имеет обнаружение 26 июля 1951 г. первой берестяной грамоты и стремительное накопление этого нового вида источников в последующие годы (к концу 1972 г. в Новгороде обнаружено 500 грамот, в Старой Руссе — 9, в Смоленске — 10, в Пскове — 3, в Витебске — 1). О самом факте существования письма на бересте в Древней Руси было известно и раньше, однако упорные поиски берестяных документов до 1951 г. базировались на представлении, что берестяные тексты написаны чернилами. Открытие первой грамоты показало, что в действительности эти тексты выдавливались на берестяном листе, и, следовательно, земля идеально сохраняет в условиях достаточной влажности все тексты, когда-либо выброшенные. Тем самым наметилась перспектива беспредельного увеличения письменных источников по истории средневековья, фонд которых для X—XV столетий казался практически исчерпанным.

Особое достоинство вновь открытого источника — его сугубо частный характер, открывающий перед исследователем такие стороны и детали древнего быта, какие никогда не отражались прямо в летописях и официальных документах. По своему научному эффекту открытие берестяных грамот можно сравнить лишь с открытием папирусов эллинистического Египта. Важное отличие берестяных документов состоит в том, что, входя в общую сумму археологических находок, они подвергаются столь же точной датировке, а концентрация их в определенных комплексах определяет персональную принадлежность усадеб и построек. Иными словами, будучи письменными источниками, берестяные грамоты сохраняют все полезные качества археологического предмета и сами могут быть истолкованы привлечением всей совокупности сопутствующих им находок.

При помощи берестяных грамот стало возможным выяснить, что несколько раскопанных на Неревском конце Новгорода усадеб принадлежали выдающимся политическим деятелям XIV—XV вв. из семьи Мишиничей-Онцифоровичей, которой А. В. Арциховский занимался еще в довоенное время. Выявлена социальная принадлежность и других усадеб, что позволило, в частности, окончательно утвердить вывод о тождестве бояр и крупных землевладельцев.

Открытие берестяных грамот обосновало новое представление о широком развитии грамотности в Древней Руси, ознакомив исследователей даже с конкретным процессом обучения грамоте.

Издание вновь обнаруживаемых берестяных грамот стало главным научным подвигом А. В. Арциховского. Им опубликовано уже 6 томов «Новгородских грамот на бересте», содержащих 405 грамот, которые были найдены в 1951—1961 гг., с подробным археологическим, палеографическим и историческим комментарием. Основные находки берестяных последующих лет регулярно публикуются в предварительных статьях и сообщениях. Издание их А. В. Арциховским заложило фундамент новой исторической дисциплины — берестологии, к изучению которой обращаются теперь многие ученые в СССР и за рубежом.

Следует назвать еще два больших достижения руководимой А. В. Арциховским экспедиции. Начиная с 1947 г. его усилиями сформирован постоянный, активно пополняемый научный коллектив, посвятивший себя исследованию Новгорода. Работы этого коллектива, опи-

рающегося на сформулированную А. В. Арциховским в статье «Археологическое изучение Новгорода» (1956 г.) исследовательскую программу, позволили характеризовать новгородский культурный слой как памятник исключительного для истории значения. Это в свою очередь привело к законодательной защите новгородских древностей, к установлению в Новгороде обязательного порядка предварительного археологического исследования любого подлежащего новой застройке участка. Развивая сложившиеся при строительстве Московского метрополитена традиции, экспедиция после 1962 г. ведет работы в местах текущего строительства, прибегая к широкому исследовательскому маневру и получая сравнительные данные из разных районов древнего города.

Научная и организационная деятельность А. В. Арциховского в Новгородской экспедиции в 1966 г. была отмечена университетской Ломоносовской премией, а в 1970 г. он вместе с ближайшими сотрудниками был удостоен Государственной премии СССР.

Руководство большим и сложным научным коллективом и деятельность по изданию берестяных грамот не снижают активности А. В. Арциховского в других направлениях его научного, педагогического и научно-организационного творчества. Ему принадлежит публикация важнейшей для истории древнерусского прикладного искусства новгородской находки — деревянной колонны X — начала XI в., орнаментика которой обнажает действительные национальные корни всегда остававшегося загадочным искусства владимиро-суздальской белокаменной пластики. Обзор истории прикладного искусства Новгорода дан им в специальном очерке (1954 г.).

В 1954 г. А. В. Арциховский издал новый учебник общей археологии СССР «Основы археологии», включив в него многочисленные материалы, открытые советскими археологами.

Значительна его деятельность по популяризации достижений советской археологической науки за рубежами нашей страны. В 1946 г. он выступал с докладом «Культурное единство славян в средние века» во время археологической поездки по балканским странам. В 1955 г. новым открытиям в Новгороде был посвящен его доклад на X Международном конгрессе историков в Риме. В 1958 г. доклад «Средневековый русский город» он прочитал в Париже, а с докладом «Открытия советских археологов» выступил в Лондоне. Доклад по варяжскому вопросу был подготовлен в 1962 г. для VI Международного конгресса происториков и протоисториков.

Работа А. В. Арциховского в качестве бессменного заведующего кафедрой археологии Московского университета может быть охарактеризована несколькими цифрами. С 1940 по 1967 г. эту кафедру окончили 315 специалистов, работающих в вузах, научно-исследовательских институтах и музеях СССР и зарубежных стран; 11 археологов защитили докторские, а 131 археолог — кандидатские диссертации. Иными словами, почти каждый второй выпускник кафедры получает подготовку к самостоятельной работе высокой квалификации, что свидетельствует об умелой научной организации учебного процесса на кафедре и ее преподавательского коллектива. В настоящее время кафедра археологии Московского университета — одно из важнейших в стране учебных и научных археологических учреждений, оснащенное новейшей лабораторной техникой и посылающее экспедиции во многие районы СССР.

В 1952—1957 гг. А. В. Арциховский был деканом исторического факультета Московского университета. На протяжении многих лет он возглавляет еще один коллектив — по подготовке к изданию «Истории

русской культуры», опубликованные тома которой охватывают XIII—XV вв. В этом издании, продолжающем начатые Институтом истории материальной культуры исследования, А. В. Арциховский председатель редакционной коллегии и автор отдельных разделов: «Одежда», «Пища и утварь», «Средства передвижения», «Оружие» (к этому циклу примыкает также блестящий этюд А. В. Арциховского «Лыжи на Руси», опубликованный еще в 1946 и 1947 гг.).

С момента основания журнала «Советская археология» в 1957 г. А. В. Арциховский возглавляет этот журнал, руководя одновременно и «Вестником Московского университета» (серия «История»). Большой активностью отличается его деятельность в редакции Большой Советской Энциклопедии.

В 1952 г. А. В. Арциховский был принят в члены КПСС. С тех пор он неоднократно избирался в состав партийного бюро исторического факультета Московского университета, был депутатом Краснопресненского районного совета депутатов трудящихся, выполнял много других общественных поручений.

Научные заслуги А. В. Арциховского отмечены награждением его орденами и медалями Советского Союза. В 1960 г. он избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Напряженная научная работа всегда требует переключения и отдыха, того избирательного увлечения, которое сейчас принято называть модным словом «хобби». Хобби А. В. Арциховского неотделимо от его научных занятий. Оно состоит в упорном пополнении списка тех городов, где Артемием Владимировичем были внимательно изучены их древности. Сегодня этот список выглядит так: Москва, Азов, Архангельск, Астрахань, Ашхабад, Борисоглебские Слободы, Бухара, Валдай, Витебск, Владимир, Волгоград, Вологда, Волоколамск, Горький, Дмитров, Загорск, Зарайск, Звенигород, Казань, Калинин, Кашира, Керчь, Кириллов, Киров, Коломна, Кострома, Куйбышев, Ленинград, Можайск, Муром, Новгород, Новочеркасск, Одесса, Переяславль-Залесский, Пермь, Псков, Рига, Ростов-на-Дону, Ростов-Ярославский, Рязань, Самарканд, Саратов, Свердловск, Севастополь, Серпухов, Симферополь, Слободской, Смоленск, Соловки, Старая Русса, Суздаль, Таллин, Тула, Углич, Ульяновск, Уфа, Ферапонтов, Цессис, Юрьев-Польской, Ялта, Ярославль, а также: Афины, Белград, Братислава, Брно, Бухарест, Варна, Варшава, Венеция, Геркуланум, Дельфы, Дубровник, Кентербери, Коринф, Краков, Лондон, Любляна, Микены, Милан, Неаполь, Оксфорд, Олимпия, Остия, Париж, Пестум, Пирей, Пловдив, Помпеи, Прага, Рим, Сараево, Солсбери, София, Спарта, Сплит, Тиволи, Эпидавр.

Жизнь большого ученого воплощается не только в его открытиях и книгах, но и в учениках. Школа Арциховского не обладает такими бросающимися в глаза признаками, какие обычно объединяют людей, работающих над решением одной и той же сравнительно замкнутой проблемы. Напротив, ученики А. В. Арциховского исследуют области науки, казалось бы, далеко разошедшиеся друг от друга. Одни из них сосредоточились над вопросами курганной археологии, другие углублены в археолого-технологические исследования или же посвятили себя социально-политической истории, источниковедческому анализу археологических предметов. Для одних главным местом приложения научных усилий оказался Новгород, другие работают над историей Москвы, Смоленска, Рязани или Старой Руссы. Объединяющим признаком этой школы является сам Артемий Владимирович Арциховский, впервые поставивший перед наукой те разнообразные и сложные проблемы, для

решения которых нужны уже не отдельные исследователи, а целые исследовательские коллективы, подобные выпестованной А. В. Арциховским Новгородской археологической экспедиции. И сотни участников этих коллективов будут находить источник своей научной генеалогии в лекциях и семинарах, в книгах и статьях А. В. Арциховского, прочитанных и написанных им и в молодости, и в расцвете таланта. Иными эти труды и не могли быть потому, что каждую, даже самую небольшую свою публикацию Артемий Владимирович рассматривает как главное дело жизни.

В. Л. Янин

Б. А. КОЛЧИН, В. Л. ЯНИН

НОВГОРОДСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

(организация и методика полевых работ в городе)

Раскопки в Новгороде, начатые в самом городе в 1932 г. под руководством А. В. Арциховского, ведутся 40 лет. С 1932 г. Новгородская археологическая экспедиция стала первой в Советском Союзе научной экспедицией по раскопкам древнерусских городов.

На протяжении многих лет Новгородская археологическая экспедиция, одна из крупнейших в нашей стране, существовала как межведомственная организация. Она возникла в результате совместных усилий Государственной академии истории материальной культуры и Государственного исторического музея, затем была комплексной организацией Института археологии, Московского университета и Исторического музея. С 1951 г. ею руководят Институт археологии Академии наук СССР и Московский университет, а с 1969 г. к ним присоединился Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник. В процессе этих раскопок вырос большой и разносторонне подготовленный научный коллектив, который не только намечает, исследует и подводит итоги археологических работ, но и планирует дальнейшие исследования.

В истории экспедиции очень ясно вырисовываются три этапа. Работы 1932—1948 гг., особенно в конце этого периода, хотя и отличались значительными масштабами, но в целом носили характер разведывательных раскопок, в ходе которых были собраны исходные характеристики культурного слоя на разных участках города, получены важные материалы, позволившие поставить и решить важные проблемы истории городского ремесла и роли ремесленников в экономике города, накоплен первоначальный опыт организации раскопок в современном городе, выработана методика археологического вскрытия широкой площадью.

решения которых нужны уже не отдельные исследователи, а целые исследовательские коллективы, подобные выпестованной А. В. Арциховским Новгородской археологической экспедиции. И сотни участников этих коллективов будут находить источник своей научной генеалогии в лекциях и семинарах, в книгах и статьях А. В. Арциховского, прочитанных и написанных им и в молодости, и в расцвете таланта. Иными эти труды и не могли быть потому, что каждую, даже самую небольшую свою публикацию Артемий Владимирович рассматривает как главное дело жизни.

В. Л. Янин

Б. А. КОЛЧИН, В. Л. ЯНИН

НОВГОРОДСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
(организация и методика полевых работ в городе)

Раскопки в Новгороде, начатые в самом городе в 1932 г. под руководством А. В. Арциховского, ведутся 40 лет. С 1932 г. Новгородская археологическая экспедиция стала первой в Советском Союзе научной экспедицией по раскопкам древнерусских городов.

На протяжении многих лет Новгородская археологическая экспедиция, одна из крупнейших в нашей стране, существовала как межведомственная организация. Она возникла в результате совместных усилий Государственной академии истории материальной культуры и Государственного исторического музея, затем была комплексной организацией Института археологии, Московского университета и Исторического музея. С 1951 г. ею руководят Институт археологии Академии наук СССР и Московский университет, а с 1969 г. к ним присоединился Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник. В процессе этих раскопок вырос большой и разносторонне подготовленный научный коллектив, который не только намечает, исследует и подводит итоги археологических работ, но и планирует дальнейшие исследования.

В истории экспедиции очень ясно вырисовываются три этапа. Работы 1932—1948 гг., особенно в конце этого периода, хотя и отличались значительными масштабами, но в целом носили характер разведывательных раскопок, в ходе которых были собраны исходные характеристики культурного слоя на разных участках города, получены важные материалы, позволившие поставить и решить важные проблемы истории городского ремесла и роли ремесленников в экономике города, накоплен первоначальный опыт организации раскопок в современном городе, выработана методика археологического вскрытия широкой площадью.

В 1951—1962 гг. проводились стационарные работы на широкой площади, охватившие участок до 10 000 *м*². В этот период были вскрыты целые кварталы древнего Новгорода с улицами, усадьбами, многочисленными жилыми и хозяйственными постройками. Именно тогда организация экспедиции обрела законченные формы и были установлены те методические приемы, которые свойственны и сегодняшним исследованиям. В начале этого периода сформировался и главный состав постоянного научного коллектива экспедиции.

С 1962 г. из-за изменившихся условий работы меняется и характер деятельности экспедиции, которая подчиняет свою программу задачам охраны культурного слоя, стремясь вести исследования везде, где городским древностям Новгорода угрожает разрушение в ходе текущего строительства. Поскольку стационарные раскопки предшествующего периода уже привели к созданию основных характеристик вещевых коллекций, элементов благоустройства, жилища, специфики и общих черт усадеб на протяжении всего периода существования средневекового Новгорода, охранная задача не противоречит научной программе. Эта программа учитывает необходимость широкого маневра на всей площади Новгорода как для получения сравнительного материала, так и для решения важных историко-топографических проблем, связанных с изучением истории городской застройки, происхождения Новгорода и формирования его как цельного организма (рис. 1).

Открытие берестяных грамот во всех районах древнего Новгорода особенно подчеркнуло важность охраны культурного слоя. Понимание этого обстоятельства привело к существенному организационному решению, принятому в 1969 г. Новгородским горисполкомом. Согласно этому решению, любые строительные и земляные работы в Новгороде, затрагивающие целостность культурного слоя, должны обязательно предваряться археологическим исследованием. В 1970 г. это положение было подтверждено и распространено еще на 114 городов Советского Союза постановлением коллегии Министерства культуры и Госстроя РСФСР.

Разумеется, потребности текущего строительства в современном городе велики. Однако они могут и должны регулироваться наукой для охраны важнейших памятников нашего прошлого. Модус взаимоотношения строительных и научных планов может быть определен той оптимальной пропорцией, которая учитывает максимум археологических возможностей. Опыт многолетних работ в Новгороде показывает, что максимум вскрываемой в течение одного полевого сезона площади при мощности культурного слоя около 5—6 *м* не превышает 1000 *м*². При такой площади работ, оснащенных транспортерами для удаления просмотренной земли, нужно примерно 200 землекопов и 40 научных сотрудников.

Новгород стоит на влажных почвах русского севера среди болот и заливных лугов. Его территорию подстилают ледниковые слои, состоящие из водонепроницаемых глинистых образований. Поэтому земля Новгорода с первых же дней возникновения города всегда была избыточно увлажненной. Это печальное обстоятельство, всегда усложнявшее жизнь новгородцев, оказалось благоприятным для археологов и превратило Новгород в археологический феномен.

Исключительность культурного слоя Новгорода характеризуется тремя качествами: мощностью, сохранностью в слое всех материалов, включая и органические вещества, и стратиграфической чистотой. Все эти качества взаимно связаны.

Благодаря повышенной влажности культурного слоя в нем сохранились все попавшие в него объекты, сделанные из любого материала. Прежде всего это касается дерева. Как известно, в продолжение многих тысячелетий до конца XIX в. в Северной Европе, в том числе и на Руси, дерево было основным и наиболее массовым поделочным материалом. В сущности русское средневековье было «деревянным» веком. В земле Новгорода полностью сохранилось практически почти все, что в нее попало, от остатков деревянных жилищ и мостовых улиц до машин и мельчайших предметов быта.

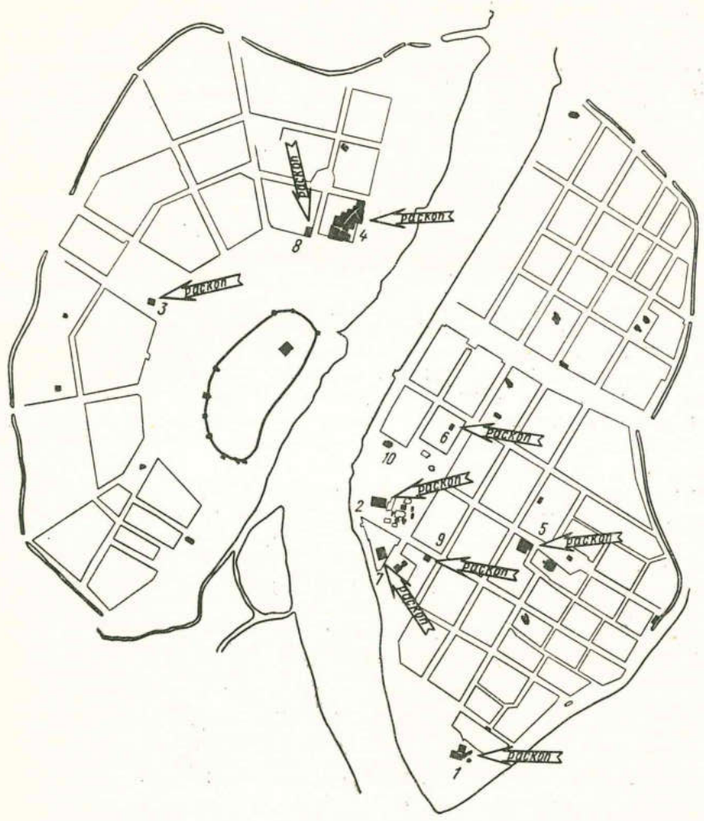


Рис. 1. Схема расположения раскопов в Новгороде: *1* — Славенский, *2* — на Ярославовом дворище, *3* — Чудинцевский, *4* — Неревский, *5* — Ильинский, *6* — Лубяницкий, *7* — на Готском дворе, *8* — Тихвинский, *9* — Суворовский, *10* — Торговый

Хорошая сохранность всех древностей, оказавшихся в земле, определила во многих местах города исключительную мощность культурного слоя. На площади наших раскопов за все годы работы экспедиции культурный слой имел толщину: 2—3 *м* на Славне, 2,5—5 *м* на Ярославовом дворище, 6—7,5 *м* на Неревском раскопе и 8,3 *м* на Суворовской улице в 1970 г.

Кроме этого, культурный слой Новгорода отличается еще и стратиграфической чистотой. Древние новгородцы из-за влажности почвы ничего не сооружали в земле города: ни фундаментов для домов, ни подвалов, ни погребов, ни колодцев. Исключение составляли лишь траншеи для частоколов и деревянных водосточных труб, а также ямы маленьких водосборников. Поэтому все напластования слоя, однажды сформировавшись, в дальнейшем не подвергались каким-либо перекопам. Это обеспечило четкое выделение всех археологических комплексов последовательно из века в век.

Культурный слой Новгорода структурно состоит из двух пластов. Верхний — мощностью 1,0—2,0 *м* — состоит из сыпучего сильно перекопанного слоя, довольно сухого, с нормальной аэрацией и с вкраплениями камня, стекла, керамики, строительного щебня и т. д. В этом слое органические вещества и металлы не сохраняются. Хронологически этот пласт простирается от современности до второй половины XV в.

Ниже идет второй структурный пласт земли мощностью до 4,0—6,0 *м*, совершенно ненарушенный, очень плотный, вязкий, темного, а иногда коричнево-зеленоватого цвета с большим количеством навоза, древесных щепок, угля, золы и коричневого перегноя. Именно этот пласт имеет повышенную увлажненность. Хронологически он простирается от второй половины XV в. до материка.

Культурный слой на территории Новгорода размещается неравномерно. Внутри окольного города встречаются районы, где культурного слоя вообще нет. Слой толщиной более 3 *м* размещается на значительной территории. Слой свыше 5 *м* занимает площадь около 30 *га*. Эти сведения получены на основании данных более 350 буровых скважин, заложенных в границах городского вала [1].

Эти материалы были бы для археологов более интересными и важными, если бы геологи при бурении скважин сохраняли колонки грунта, по которым специалисты могли не только более точно определять толщину культурного слоя, но и давать стратиграфическую характеристику самому слою.

Вскрытие культурного слоя на новгородских раскопках всегда велось по пластам и квадратам. Эту методику впервые предложил А. В. Арциховский в 1932 г. во время археологических работ на Славне.

Пластом мы называем строго горизонтальный срез культурного слоя толщиной в 20 *см*. Горизонтальность поверхности пласта устанавливается и постоянно проверяется нивелиром. Отсчет пластов ведется сверху вниз от условной нулевой точки — репера, отмеченного или установленного на здании или ином сооружении вблизи раскопа. Первый пласт имеет отметку 0—0,2 *м*, второй — 0,2—0,4 *м*, ... десятый — 1,8—2,0 *м* и т. д.

Многолетняя практика Новгородской экспедиции показала, что археологическое вскрытие культурного слоя в древнерусском городе, где слой всегда имеет сложную структуру и дробную стратиграфию, наиболее целесообразно и экономично вести горизонтальными пластами.

Рабочей единицей производства археологических работ и научной фиксации на раскопе является квадрат 2×2 *м*, то есть площадь в 4 $м^2$.

[1] И. И. Кушнир. О культурном слое Новгорода. СА, 1960, № 3, стр. 217 и СА, 1964, № 4, стр. 227.

Из отдельных квадратов образуются участки, а группы участков (от 4 до 10) объединяются в раскоп.

Раскоп — научно-организационная единица экспедиции. Его начальник — это высококвалифицированный и опытный археолог. Площадь отдельного раскопа в Новгороде обычно колебалась от 200 до 400 $м^2$, то есть от 50 до 100 квадратов. На Неревском и Ильинском раскопах экспедиция производила одновременные вскрытия сразу нескольких рядом расположенных больших площадей. Например, в 1952 г. общая площадь 6 раскопов равнялась 1520 $м^2$, в 1953 г. — 1516 $м^2$, в 1954 г. — 1040 $м^2$ и т. п.

Вскрытие культурного слоя в Новгороде, как и на всех подобных памятниках, производится землекопами вручную лопатой или мелким инструментом, включая ножи и кисти. Но это лишь первый этап археологических раскопок. Он сопровождается внимательным изучением структуры и стратиграфии пласта, ручным просмотром всей земли и отбором археологических находок всех категорий. Это производительная часть земляных работ, так как каждая лопата вскрытой земли дает археологу какую-то новую научную информацию о прошлом.

Второй этап работ заключается в транспортировке изученной земли с места вскрытия пласта за границы раскопа. Археологически это уже непроизводительный, накладной труд. Второй этап — перекидка или отвоз земли — всегда составляет бо́льшую часть общего объема земляных работ на раскопе. Особенно велик этот объем при раскопках на больших площадях. А именно в Новгороде археологические работы всегда велись большими площадями, особенно в 1952—1965 гг. В Новгороде просмотренную землю надо поднимать из раскопа на значительную высоту, так как мощность слоя часто достигает 6—8 *м*. На Неревском раскопе второй этап составлял 85—90% общего объема земляных работ.

Таким образом, Новгородской экспедиции необходимо было решить задачу механизации откидных работ, найти наиболее удобный и экономичный метод.

Эта проблема решалась в несколько приемов. Еще в 1932 г. для отвоза земли с края раскопа, куда землю доставляли вручную перекидкой или носилками, была установлена узкоколейная железная дорога с деревянными вагонетками. В 1947 г. при раскопках на Ярославовом дворище для подъема земли из раскопа использовали 15-метровые ленточные транспортеры. Они дали значительный экономический эффект. Бревна и камни из раскопа убирали вручную.

Более сложную задачу по механизации пришлось нам решать на Неревском раскопе. С территории огромного раскопа нужно было вовремя (в том же темпе, как и вскрывается слой) ежедневно убирать сотни кубометров земли, тяжелых камней и валунов и большое количество мокрой, тяжелой древесины от древних построек и настилов мостовых улиц.

Очень важным условием, ограничивающим выбор вида и формы механизации, было то, чтобы приспособления и машины, которые размещались на раскопе, не разрушали культурного слоя, вскрытых сооружений, находок и не мешали работе землекопа.

Технически наиболее рациональными механизмами для отвоза земли оказались скиповые подъемники и ленточные передвижные транспортеры. Применялись они в сочетании один с другим.

Земля из раскопа вывозилась во вместительном скипе емкостью около 2 $м^3$. Загрузка скипа производилась с ближайших квадратов вручную, а с отдельных квадратов транспортерами. Разгрузка скипа

велась самосвалом в отвал по схеме горного терриконика. Скип, приводимый в движение электрической тягальной лебедкой, ходил по наклонной легкой деревянной эстакаде с железными рельсами. По мере углубления раскопа конец эстакады, расположенный над раскопом, опускался, поэтому скип всегда был на уровне вскрываемого пласта. Один скип успевал обслуживать одновременно участок с 40—50 землекопами. На Неревском раскопе в 1952—1957 гг. мы устанавливали по 5 скиповых подъемников и по 7 15-метровых транспортеров.

Благодаря этой механизации по удалению земли нам удалось добиться значительной экономии средств, которые затем были вложены в раскопки новых площадей. Вывоз камней и деревянных бревен и плах от сооружений производили тягальными лебедками по эстакадам.

В 60-х годах, когда площади раскопов несколько сократились, в сезон мы вскрывали раскоп в 400—600 *м*²; вывоз земли из раскопа полностью обеспечивали одна или две линии из 15-метровых транспортеров, поставленных цепочкой в 2 или 3 транспортера. Работа транспортеров облегчалась тем, что под ними не росли терриконы отвальной земли, так как в эти годы землю сразу же забирали строители для планировки и озеленения новых районов города.

Довольно важной технической проблемой на раскопках в Новгороде является обезвоживание раскопа, так как даже в сухую погоду из стенок раскопа всегда сочится вода, не говоря уже о времени, когда дождевая вода заливает раскоп.

Чтобы вскрываемый пласт был сухим, естественно, не считая времени дождя, в одном из углов раскопа мы делаем водосборник площадью 2×2 *м* и глубиной до 3—5 *м*. Вдоль всех стенок раскопа делаются траншеи глубиной в 40—60 *см*, по которым вся вода, попадающая в раскоп, стекает в водосборник. Из водосборника насосы качают воду наверх в городскую канализацию. Практика работ показала, что для откачки воды на раскопах наиболее удобны насосы с диафрагмой (типа «лягушка»), приводимые в движение электромотором или движком.

В 30-х и 40-х годах экспедиция вскрывала верхние сухие пласты XVI—XX вв. лопатами вручную. Так мы вскрывали раскопы и в 1952 г. Полевая практика показала, что эти слои всегда сильно деформированы, перемешаны и археологически пусты. Поэтому в сезон 1953 г. экспедиция решила на раскопах № X и XI, где верхний деформированный слой оказался толщиной около 1,5 *м*, вскрыть его экскаватором, перекидывая землю в котлован раскопа № 1, вскрытого уже до материка. Во время работ экскаватора археологи вели наблюдения за слоем. Это был удачный опыт снятия археологического балласта на раскопе. Он нам дал также некоторый экономический эффект.

В последующие годы вскрытие раскопа, то есть снятие верхнего слоя, всегда производилось с помощью бульдозера или экскаватора. Но каждый раз это сопровождалось предварительным определением мощности слоя, а последующие работы велись под наблюдением опытного, знающего новгородский слой археолога.

Археологическое изучение Новгорода широкими площадями потребовало от коллектива экспедиции разработки новых видов полевой фиксации. Основной формой фиксации археологического вскрытия пласта были пластовой чертеж сооружений и находок и два полевых дневника. Один дневник вел начальник участка, другой — начальник раскопа.

На чертеж пласта наносились абсолютно все сооружения, раскопанные в данном пласте, и места расположения всех археологических находок, вскрытых тут же. Чертеж пласта составлялся в два этапа.

Сначала во время самих археологических раскопок начальники участков наносили на свои полевые кроки места расположения находок с упоминанием их названия и присвоенного им полевого номера. В это же время по мере расчистки сооружений специальные лаборанты — обычно 2 студента-архитектора — под руководством начальника раскопа, наносили на чертеж все постройки в масштабе 1:20. Каждая постройка или даже отдельно лежащее бревно обязательно нивелировались и получали свои отметки с точностью до сантиметра. Затем на этот чертеж с крок участкового лаборанта переносился список находок и места их расположения.

В дневнике начальника участка ведется подробное описание вскрываемого слоя — его характеристика, стратиграфия, структура, состав и другие наблюдения. Описание ведется поквадратно. Кроме этого, начальник участка составляет этикетки на каждую находку с указанием названия или № раскопа, пласта, квадрата, названия предмета и, если возможно, № яруса. Находка вместе с этикеткой упаковывается и отправляется в камеральную лабораторию экспедиции.

В дневнике начальника раскопа фиксируются все основные наблюдения, сделанные при вскрытии пласта — это общая характеристика пласта и его стратиграфия. Описываются довольно подробно все сооружения: как отдельные постройки, так и их комплексы, перечисляются с соответствующим комментарием главные индивидуальные находки, дается общая характеристика такого массового материала, как керамика, кости животных, зерно, кожа и т. п.

Несмотря на то что слой на раскопе вскрывается по горизонтальным пластам, основой стратиграфии новгородского культурного слоя является ярус. Ярус представляет собой совокупность хронологически связанных между собой уличных мостовых, жилищ и иных сооружений, массу разнообразных археологических находок, собранных в этих постройках или рядом с ними. Само понятие и термин «строительный ярус» были предложены А. В. Арциховским в 1951 г. На раскопах, где были вскрыты древние улицы (Неревский, Лубяницкий, раскоп на Суворовской улице), за основу яруса принята деревянная мостовая улицы. На раскопах, где улиц не было, за основу яруса берется главный жилой комплекс построек.

Стратиграфически ярус выражается определенной прослойкой культурного слоя, которая выросла (образовалась) за время существования какой-либо одной деревянной мостовой или жилого комплекса. К данному ярусу относятся все дома и жилые постройки, возведенные в этот период, а также и все попавшие за этот срок в землю предметы. Основанием для стратиграфического определения на раскопе яруса и привязки к нему построек и находок являются прежде всего многочисленные строительные, пожарные и иные прослойки, которые перекрывали одновременно и мостовые, и постройки, и саму территорию вскрываемой усадьбы. Кроме того, это определение подтверждается и самими постройками, дворовыми настилами, часто связывающими отдельные постройки и их группы с мостовой, отдельно лежащими длинными досками и бревнами, частоколами и другими подобными признаками. В последнее десятилетие при выделении яруса на раскопе имеют большое значение и абсолютные даты построек, определяемые дендрохронологическим методом.

Хронологически ярус определяется периодом от даты постройки основной мостовой или основного жилого комплекса до даты постройки новой мостовой или комплекса, перекрывающих эти сооружения и прослойку. Например, на Неревском раскопе 20-й ярус хронологически

простирается от 1116 до 1134 г. Это значит, что в 1116 г. была построена мостовая 20-го яруса Великой улицы. Дата 1134 г. определяет дату постройки мостовой 19-го яруса, перекрывающей мостовую 20-го яруса (счет мостовых на Неревском раскопе шел сверху вниз).

Определение яруса и выделение его стратиграфических и топографических границ производится непосредственно на раскопе во время вскрытия слоя. Поэтому кроме чертежа пласта на раскопе делается чертеж яруса. Его выполняет специальный лаборант-архитектор по указаниям начальника раскопа. Следует заметить, что вскрытие сооружений, определяющих ярус, то есть мостовой или главного жилого комплекса, производится одновременно независимо от того, в каком пласте залегают отдельные части этого сооружения — в раскапываемом, последующем или предыдущем. Это сооружение не разбирается и не выносится из раскопа, пока все окружающие его объекты не окажутся на одном стратиграфическом уровне и будут документированы всеми видами фиксации.

Археологический паспорт находки в Новгородской экспедиции всегда был трехчленным. До 1951 г. он обозначал номера раскопа, квадрата и пласта. Например, паспорт 8-2-5 обозначал, что предмет найден на раскопе № 8, в квадрате № 2, на глубине 5-го пласта. С 1951 г. в паспорт введен вместо № раскопа хронологический показатель — ярус. Теперь в паспорте указываются номера яруса, пласта и квадрата. Например, паспорт 8-14-1213 обозначает, что предмет найден в 8-м ярусе на глубине 14-го пласта на площади 1213-го квадрата. Указание на 8-й ярус, например, для находки с Неревского раскопа, говорит о том, что данная находка относится к слоям 70-х годов XIV в., то есть попала в землю в период между 1369 и 1382 гг. В связи с тем что паспорт дает характеристику предмету внутри того или иного большого раскопа (а это раскопы на Славне и Ярославовом дворище, Неревский, Ильинский, Лубяницкий, Готский), на этикетках хранения находок ставится год раскопок — Новгород, 1962 (сокращенно Н-62) или для ранних раскопок условное название раскопа (например, Ярославово дворище — Яр.).

Во время производства археологических работ на раскопе лаборант, ведущий текущую документацию на участке, не всегда может знать, к какому ярусу относится данная прослойка на вскрытом квадрате. Подобные определения делает начальник раскопа, но и он не всегда может сразу сделать привязку и сообщить это участковым. Поэтому в этикетке и дневнике ставятся только номера пласта и квадрата. При массовости находок, вскрываемых на раскопе, лаборант не имеет возможности в дальнейшем добавить данные яруса в этикетку, так как находка ушла в полевую камеральную лабораторию. Поэтому в коллекции Новгородской экспедиции имеются десятки тысяч индивидуальных находок лишь с двухчленным паспортом — пласт и квадрат. При научной обработке вещей и их издании в паспорт необходимо внести данные яруса. Для этого в экспедиции созданы специальные атласы по отдельным раскопам, где указаны привязки конкретных квадратов к их прослоек к ярусам. Кстати, эти определения может проделать и любой археолог, работающий с новгородскими материалами, по чертежам пластов и ярусов, которые приложены к отчетам экспедиции, хранящимся в архиве Института археологии Академии наук СССР.

Благодаря насыщенности культурного слоя Новгорода остатками деревянных сооружений и наличию разнообразных и многочисленных прослоек, топография и стратиграфия слоя на раскопе читаются достаточно ясно уже во время самих раскопок. Но для уточнения и кон-

троля этих наблюдений на раскопе мы обязательно фиксируем микропрофили и макропрофили. Микропрофиль — это разрез пласта по линии отдельного квадрата, который ежедневно фиксирует участковый лаборант при вскрытии конкретного квадрата. Макропрофилем называется вид (разрез) всех стенок раскопа, за которыми постоянно ведут наблюдение во время работ и фиксируют всеми способами (описание, чертеж, фото, рисунок), когда раскоп доходит до материка. Например, на Неревском раскопе только одних макропрофилей, то есть полных разрезов культурного слоя, снято по длине на 885 *м*.

Кроме описаний и чертежей на раскопе ведется регулярная фотофиксация. Объектом фотосъемок в поле являются общие виды и рабочие моменты на раскопе. Все вскрываемые сооружения фотографируются поярусно. Кроме того, фотографируются все строительные комплексы и крупным планом большинство отдельных сооружений с выделением интересных деталей конструкций. Крупно снимаются профили стенок, а также интересные находки in situ. Архив полевых негативов экспедиции огромен. Сейчас он насчитывает более 18 000 негативов. С 1951 г. съемки производятся только на широкую пленку, кадром 6×9 *см*. К настоящему времени часть негативов Новгородской экспедиции, в том числе и Неревского раскопа, уже переданы в фотоархив Института археологии АН СССР.

Очень интересный вид фиксации в археологии—киносъемка. В этом отношении Новгородской экспедиции повезло. Полевые работы экспедиции снимались множество раз в разных жанрах — научном, научно-популярном и документальном.

Первый документальный фильм о работах экспедиции (в двух частях) был снят в 1947 г. В следующем году были выпущены документальный черно-белый фильм о работах на раскопе и научно-популярный одночастный цветной фильм о раскопках и архитектурных памятниках Новгорода. В 1953 г. кафедрой кино Московского университета создан большой учебный фильм. Тогда же студия научно-популярных фильмов выпустила фильм о раскопках Новгорода. В 1970 г. снят фильм «Я послал тебе бересту».

Документом, завершающим ежегодные археологические раскопки в поле, является научный отчет экспедиции, который она сдает регулярно каждый год в Полевой комитет Института археологии АН СССР. Полевые отчеты экспедиции — это многотомные рукописи с чертежами и фотографиями; они составляются осенью и зимой ведущими сотрудниками экспедиции на основе всех видов полевой фиксации. К настоящему времени Новгородская экспедиция представила в Полевой комитет 43 толстых тома рукописей отчетов, более 3000 чертежей пластов и ярусов и 29 альбомов фотографий, примерно с 7500 фотокадрами.

В послевоенные годы в экспедиции выработалась оптимальная форма научного отчета, которая, на наш взгляд, наиболее объективно отражает раскопанный объект и позволяет любому исследователю контролировать или делать научные реконструкции по новгородским усадьбам, вскрытым на раскопках.

Отчет состоит из кратких введения (где характеризуется ситуация данного года), заключения и двух больших частей описаний пластов и ярусов. Описание пластов ведется по разделам: а — характеристика культурного слоя в данном пласте в целом, по участкам и на некоторых наиболее интересных квадратах; б — описание всех сооружений, вскрытых в пласте, и описание отдельно лежащих бревен, досок или иных конструкций; эти описания сопровождаются чертежом пласта; в — характеристика массового материала, керамики, костей, зерна, ко-

жи и иных скоплений с количественными характеристиками; г — описание заканчивается перечислением (с указанием квадратов) наиболее интересных индивидуальных находок, иногда с краткими характеристиками. Список всех находок пласта перечисляется на пластовом чертеже.

В описании ярусов дается развернутая характеристика всех сооружений, которые отнесены к тому или иному хронологически одновременному строительному горизонту — ярусу. Эти описания также сопровождаются чертежами сооружений по ярусам. Отчет заканчивается списком подписей к фотографиям, где даются наименования объекта и его паспорт.

Новгородская археологическая экспедиция за последние 20 лет стала комплексной многоотраслевой научной организацией. Широкое наступление в поле, мы имеем в виду раскопки в 50-х годах большими площадями, с высоким темпом работ, при 300—400 рабочих-землекопов и более 100 научных сотрудников, требовало обеспеченного дееспособного тыла. Одна из служб археологического тыла — лаборатории камеральной обработки.

Необходимость таких лабораторий выявилась еще в 1947 г. В экспедиции была создана маленькая лаборатория из двух человек, которая производила первичную обработку находок, поступавших из раскопа. В 1951 г. эта лаборатория продолжала свои работы, но уже едва справляясь с массой поступавших вещей.

Новые пути нужно было искать в 1952 г. в связи с огромным размахом полевых работ экспедиции. В этом году ежедневно из раскопов хлынули «на-гора» несколько сот индивидуальных находок, включая и берестяные грамоты, десятки тысяч находок фрагментов керамики, кожи, костей, зерна и разных деревянных поделок. Все это нужно было принять, обработать и зафиксировать.

В течение 1952—1954 гг. в Новгородской экспедиции были организованы: лаборатория общей камеральной обработки, фотолаборатория, керамическая и остеологическая группы, группы по обработке находок из кожи и берестяных грамот, группы консервации металла и обработки зерновых материалов. Все эти лаборатории работали и в последующие годы, часть из них работает и в настоящее время. Эти лаборатории и группы успешно справлялись с поставленными перед ними задачами. Организация таких лабораторий в полевых условиях была первым опытом советских археологов. С этой задачей экспедиция справилась успешно.

Лаборатория общей камеральной обработки всегда была самой большой. В 50-х годах в ней работали по 8—10 человек. В эту лабораторию несли все индивидуальные находки, кроме массовых — керамики, костей, кожи. За день поступало более 1000 находок. Здесь их мыли, сушили и классифицировали по категориям. Ежедневно научные сотрудники экспедиции, включая начальников раскопов, знакомились с находками и каждый делал соответствующие заметки. После этого из коллекции выделялись находки из дерева, которые вторично классифицировали и определяли. Нужно было решить, какие находки хранить в воде, а какие подвергнуть естественной сушке.

Как известно, предметы из дерева в земле Новгорода сохраняются благодаря воде. Деревянные находки, только что вынутые из культурного слоя, имеют влажность от 300 до 400%. Очень сложен вопрос о том, как сохранить деревянные находки. Влажная древесина, вынутая из земли, должна быть стабилизирована, то есть переведена в естественно сухое состояние (с влажностью не более 20%). При свободной сушке на воздухе древесина значительно деформируется и пред-

мет сильно разрушается. Проблема стабилизации древесины оказалась очень сложной и научно и технически. В последнее время коллектив ученых лаборатории модификации Белорусского технологического института под руководством В. Е. Вихрова разработал несколько рецептов стабилизации древесины на основе фенолоспиртов. Этим методом можно консервировать большие деревянные сооружения и отдельные предметы из дерева.

В аквариумы (большие цинковые баки с водой) кладут наиболее ценные в научном отношении находки. За 20 лет в воду положено более 7500 находок. Они лежат в воде и поныне в археологических хранилищах Института археологии АН СССР и кафедры археологии Московского университета.

Деревянные находки перед закладкой в аквариум максимально фиксируют: их фотографируют и зарисовывают в «водяном» журнале, где кроме рисунка даны названия и подробный паспорт. Таких «водяных» журналов составлено более 50 томов. Деревянные находки, оставленные на сушку, тоже фиксируют при помощи фотографий, рисунков и чертежей.

Остальные находки фиксируют в лаборатории в «дневнике находок», который ведется ежедневно. В дневнике к рисунку предмета (как правило, в натуральную величину) записывают его наименование, материал и паспорт находки. К настоящему времени составлено 20 таких дневников. Они — очень хороший справочный материал при работах с новгородской коллекцией. В последние годы мы отказались от ведения таких дневников и заменили их стандартными описями с рисунками, которые составляют квалифицированные археологи, умеющие рисовать.

В обязанности этой же лаборатории входила организация фотосъемок вещей в фотолаборатории (отбор материалов, составление кадров по типам и категориям, паспортизация снимков и т. п.). Фотолаборатория экспедиции за 20 лет работы изготовила более 12 000 негативов вещей, найденных на раскопках.

В задачу керамической группы входила полная научная фиксация керамического материала. Раскоп поставлял огромное количество фрагментов керамики и, прежде всего, обломков кухонной посуды. Ни один музей, ни одно хранилище не могли бы вместить такого количества материала. Поэтому экспедиция решила фрагментированную керамику (за все годы в Новгороде было найдено только 52 целых сосуда) обрабатывать полностью на раскопе и выбрасывать в специальные котлованы. С этой целью была разработана система специальных формализованных кодов, по которым были составлены более 100 типологических таблиц с хронологическими и качественными показателями. Такая работа проводилась в течение 8 лет и, по мнению специалистов, дала полную характеристику новгородской керамике. В последующие годы на раскопах велся только количественный учет керамики, после чего она выбрасывалась. Целые сосуды, естественно, остаются в коллекции находок.

Подобную обработку мы проделали еще с двумя массовыми категориями находок — костями домашних и диких животных, а также с массовыми находками обуви (подошвы, стельки, мелкие фрагменты верха, каблуки, задники) и отходами сапожного ремесла.

Остеологическая лаборатория в экспедиции работала в 1953 и 1954 гг. В эти годы специалист-остеолог обработал всю грандиозную коллекцию костей (более 250 000 определимых экземпляров), накопленную с 1951 по 1954 г. Обработанный материал затем был выброшен,

кроме целых черепов, которые взяты в остеологическую коллекцию Института археологии. По рекомендации специалистов, в последующие годы экспедиция стала сохранять только целые черепа, а кости на раскопах обрабатывать лишь количественно.

Что касается костей и чешуи рыб, то их по непонятным нам причинам мы находим очень мало, поэтому весь ихтиологический материал полностью собирается и передается специалистам.

В 1954 г. экспедиция в виде опыта организовала полевую лабораторию по очистке и консервации металлических предметов (железа, стали и цветных металлов). Опыт вполне удался, особенно по очистке железных и стальных находок, и с тех пор такая лаборатория в экспедиции работает регулярно. Особо стоит упомянуть полевую обработку берестяных грамот.

В ходе современной научно-технической революции в археологии происходит глубокий синтез естественных и общественных наук; он проявляется в развертывании новых комплексных исследований с помощью научных методов разных областей естественных наук. И в этом поиске Новгородская экспедиция оказалась на передовом рубеже. Лабораторией поиска новых методов стал Неревский раскоп.

Нам нужно было решать на основе археологических источников проблемы по абсолютной хронологии древностей, истории ремесла, земледелия и другие вопросы. Для этого нужны были новые пути познания прошлого, новые методы исследований.

Одним из таких новых методов, разработанных и примененных Новгородской экспедицией, стала дендрохронология. Эта научная дисциплина, созданная на стыке таких наук, как ботаника, климатология, лесоведение и археология, изучает закономерности годичного прироста деревьев во времени. Исследуя дендрохронологические данные, мы можем определять с точностью до одного года время рубки дерева. Лаборатория дендрохронологии в экспедиции была создана в 1959 г.

На основе более чем 5000 образцов древесины из новгородских раскопок нами, впервые в Европе, была создана дендрохронологическая шкала с 884 г. до современности с абсолютными годичными датами. С помощью этой шкалы мы получили возможность датировать новгородские деревянные сооружения, то есть определять время их постройки с точностью до одного года. Например, самая древняя и самая нижняя мостовая Великой улицы была построена в 953 г. Даты получили все мостовые улиц и сотни деревянных домов, вскрытых на раскопках. Такая хронология деревянных сооружений дала возможность датировать с высокой точностью и все новгородские археологические вещевые комплексы, включая и отдельные находки из металла, камня, стекла, дерева и т. п.

Теперь новгородские древности датируются с большей точностью, чем многие письменные средневековые документы. Систематизированные и классифицированные хронологически на основе абсолютных дат коллекции новгородских древностей стали надежным эталоном, по которому датируются средневековые археологические материалы как у нас в стране, так и в Западной Европе.

Дендрохронологическая лаборатория в экспедиции работает постоянно. В полевой сезон 1970 г., когда мы вскрывали раскоп на Суворовской улице с настилами мостовой древней улицы, абсолютные даты лаборатория определяла через 5—7 дней после взятия образца на раскопе. Это большой успех лаборатории. Кстати, самая древняя мостовая этого раскопа, лежащая на глубине 8 *м*, была построена в 974 г.

Другой метод абсолютного датирования — археомагнетизм, зарождался также в нашей экспедиции. Разработку полевой методики и составление первых кривых вариаций магнитного поля Земли для северных широт Восточной Европы мы начали на материалах Новгорода.

Сейчас на наших материалах уточняется другой метод археомагнитного датирования, основанный на фиксации остаточного магнитного поля в осадочных породах. Культурный слой Новгорода из-за высокого увлажнения в некоторых местах свободного формирования имеет структуру осадочной породы. Определяя методом дендрохронологии довольно узкие даты взятых образцов, мы получаем возможность ставить на кривой вариации геомагнитного поля временные вехи.

Первые наши лаборатории по структурному анализу металлов, по спектральному анализу стекла и металла зарождались во время исследования материалов Неревского раскопа.

По завершении научной обработки коллекций Новгородская археологическая экспедиция передает их в государственные хранилища, руководствуясь при этом двумя принципами. Находки становятся достоянием крупнейших музеев при условии активного включения их в специальную экспозицию по истории Новгорода (Исторический музей, Эрмитаж, Новгородский музей) или их передают тем музеям, которые участвуют в организации экспедиции. В последние годы единственным таким музеем был Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник, ставший закономерно единственным хранителем коллекций.

Особой проблемой для экспедиции долгое время оставался вопрос о хранении берестяных грамот, которые в первое время поступали после их издания в Исторический музей (Москва), гарантировавший надежность сохранения этих ценнейших документов. Сейчас, когда надлежащие условия хранения созданы в Новгороде, естественным хозяином новых находок бересты стал также Новгородский музей.

Основные научные достижения экспедиции изложены в четырехтомном издании «Трудов Новгородской археологической экспедиции», в изданиях берестяных грамот, осуществляемом А. В. Арциховским. В соответствующих томах «Свода археологических источников» издаются новгородские древности (из 6 новгородских томов опубликовано пока 2). Кроме этого сотрудники экспедиции опубликовали много книг и сотни статей.

Научные результаты работ экспедиция активно пропагандирует на еженедельных общедоступных пятницах в ходе раскопок, в выступлениях по радио и телевидению, в публичных лекциях. Основной задачей того же плана, ставшей одной из важных научных тем, нам представляется организация музеефикации раскопок, которая позволит увидеть древний Новгород не только в фотографиях и рисунках, но и даст возможность пройти по его мостовым и ощупать руками бревна его срубов.

О. Н. БАДЕР

О ВОЗНИКНОВЕНИИ АРИФМЕТИЧЕСКОГО СЧЕТА В ПАЛЕОЛИТЕ

Во всеобщей истории культуры и в этнографической науке давно установлена зависимость математического развития племен и народов от уровня развития производительных сил. Стало традиционным мнение, что ограниченность этого развития у культурно отсталых племен служит как бы мерой их «дикости». Наиболее отсталые племена современности «часто умеют считать только до трех, все выше этого обозначается словом «много». Если счет несколько более развит, то «четыре» выражается так: два и два, «пять» — два и два и один. Андаманцы и ряд других отсталых племен умеют считать до десяти, все свыше того обозначается словами «много» и «очень много». При этом операция счета всегда составляет для них очень утомительное занятие»[1].

Положение о том, что истоки, зарождение арифметического счета можно проследить на современном этнографическом материале, не может быть принято, и тем более мысль, что членам наиболее отсталых племен «попросту нечего, да и незачем считать»[2]. Первобытным охотникам, даже в глубочайшей древности, было что считать, они не могли не считать количество убитых или выслеженных животных, число встреченных людей и т. п.

Сейчас можно с уверенностью говорить о существовании счета уже в палеолите Евразии, притом более сложного, чем в приведенных выше этнографических примерах.

Более 80 лет назад Эдуард Пьетт, начавший систематические раскопки мезолитической пещеры Мас д'Азиль (Южная Франция), изучая во множестве найденные там знаменитые раскрашенные гальки, покрытые сложными, непонятными знаками, предположил, что часть этих галек служила как бы счетными камнями и для запоминания чисел.

[1] М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 137—138.
[2] Там же, стр. 137.

Такие же гальки с полосами и иными знаками были найдены в пещере Бирзек (Швейцария) и других пещерах. Но предположение Пьетта осталось недоказанным.

Мало было обращено внимания и на интереснейшую деталь, подмеченную М. Ферворном на одной из костей из позднепалеолитической стоянки Брассампуи (Франция): непрерывный ряд из 40 насечек имеет сбоку каждой десятой насечки отметку в виде двух нарезок. По мнению Ферворна, это наводит на мысль о существовании уже в то время десятичной системы счета[3].

Позднее М. Рафаэль отметил ритмичность в количественных соотношениях фигур животных, расположенных группами в палеолитических пещерах[4]. Аналогичные наблюдения, но гораздо более полные, сделал недавно А. Леруа-Гуран[5]. Но лишь Ф. Бурдье в начале 60-х годов, насколько нам известно, первым высказал и мотивировал положение о необходимости искать истоки математики в палеолите[6]. За ним последовал и советский исследователь Б. А. Фролов[7].

Одновременно вышла другая статья Б. А. Фролова, специально посвященная вопросу о возникновении математики в палеолите[8]. В основе этой содержательной работы лежит анализ нескольких десятков произведений искусства палеолита Сибири, но используется и более широкий материал по палеолиту Средней и Западной Европы. В итоге автор формулирует вполне определенный вывод: «Истоки математики лежат в производственной деятельности и социальной жизни людей палеолита»[9]. С этим выводом необходимо полностью согласиться.

Изучая обработку поверхности костяных статуэток людей с позднепалеолитической стоянки Мальта из Восточной Сибири (14 статуэток), а также костяные пряжки, пуговицы, подвески ожерелий, пластины, стержни с той же стоянки (13 предметов), подсчитывая число врезанных линий, моделирующих детали статуэток, или детали орнамента в виде линий, точек или кружков, Б. А. Фролов установил присутствие числовых ритмов 7, 5 и 10, то есть количеств, кратных 7, 14, 5 и 10, на подавляющем большинстве орнаментированных изделий Мальты независимо от их назначения, формы, размера и мотивов нанесения линий или точек. На 25 предметах, изученных им в подлинниках, присутствует ритм 7 и 14, а на 21 предмете — ритм 5 или 10; гораздо реже встречается ритм 3.

Одним из примеров может служить орнамент вокруг центральной подвески ожерелья из погребения ребенка на стоянке Мальта; М. М. Герасимов, автор раскопок, расценивает ее как стилизованную фигуру птицы[10]. Подвеска покрыта рядами круглых точек или маленьких ямок; 10 рядов точек опоясывают тело птицы, 10 рядов — одно крыло и 9 — другое. На теле птицы в каждом ряду насчитывается: 10, 13, 15, 9, 10, 10, 14, 8, 6 точек; при этом пара рядов, расположенных между дву-

[3] M. Verworn. Die Anfrange der Kunst. Jena, 1920, S. 37.
[4] M. Raphaël. Prehistoric cave paintings. Washington, 1945, p. 46.
[5] A. Leroi-Gourhan. Prehistoire de l'art accidental. Paris, 1965.
[6] F. Bourdier. L'art préhistorique et ses essaies d'interpretation. Paris, 1962, p. 35.
[7] Б. Фролов. К вопросу о содержании первобытного искусства. СЭ, 1965, № 1, стр. 165.
[8] Б. А. Фролов. Применение счета в палеолите и вопрос об истоках математики. (На материалах сибирских памятников палеолитического искусства). ИСО АН СССР, серия общ. наук, 1965, № 9, вып. 3, стр. 97.
[9] Б. А. Фролов. Ук. соч. ИСО АН СССР, серия общ. наук, 1965, № 9, вып. 3, стр. 104.
[10] М. М. Герасимов. Мальта, палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931.

мя первыми десятками, насчитывает 13+15 точек и вместе составляет 28 точек, то есть число, кратное 7; после третьего ряда, состоящего из 10 точек, ряд насчитывает 14 точек, а за ним два последние ряда 8+6=14 точек. Из этой системы выпадает только один ряд из 9 точек. Конечно, ритмы 7 и 10 здесь не случайны и лишь подтверждают преобладание тех же числовых ритмов на подавляющем числе произведений искусства из Мальты.

Замечательно, что аналогичная картина, насколько можно судить по некоторым опубликованным данным, рисуется и произведениями искусства в палеолите Европы. Так, в зале палеолитических рисунков в пещере Шульган-Таш (Каповой) на Западном Урале нарисовано 7 мамонтов. На обломке костяного предмета из Гварджилас-Клдэ с двух сторон вырезаны параллельные линии с овалами на концах — с каждой стороны по 7 линий[11]. Не рассчитав площадь орнаментального поля, мастер был вынужден на одном из его краев наносить линии чаще, чем на противолежащем. В этом видно непременное желание мастера нанести именно 7 линий[12]. На одном из широких браслетов из Мезинской стоянки (Украина) орнамент состоит из двух групп зигзагов; общее число зигзагов равно 14, и каждый зигзаг состоит из 7 прямых линий[13]. Числовой ритм 7 фиксируется и на некоторых других более или менее целых произведениях искусства из Мезина — скульптурах и украшениях[14]. Особенно интересен в этом отношении широкий браслет из бивня мамонта, состоящий из 5 составленных вместе узких пластинчатых браслетов; каждый из узких браслетов орнаментирован двумя рядами коротких наклонных нарезок; каждый ряд состоит из 4 групп нарезок одного и того же наклона; всего в браслете 40 таких групп. Если опубликованный развернутый рисунок[15] верен во всех деталях, то число косых нарезок в каждой группе равно 14 и лишь иногда 13 и 15; при этом в трех случаях группы из 13 и 15 черточек оказываются смежными в одном ряду и, следовательно, дают в сумме по 28 черточек — опять-таки число, кратное 7. Случайность в числовой ритмичности орнаментальных элементов на этом очень сложном предмете, конечно, исключена; число черточек в каждой группе было заранее предопределено и затем пересчитано мастером (рис. 1, *4*). К тому же, как было указано выше, ритмичность, кратная 7, наблюдается и на других предметах с той же стоянки.

Еще далее к западу, на схематическом изображении женщины со стоянки Пржедмост (Чехословакия) очертания грудей и живота подчеркнуты 5 концентрическими овалами, а ноги и волосы изображены рядами из 7 и 10 штрихов[16]. Известное стилизованное изображение женщины из стоянки Долни Вестонице (Моравия) несет группы по 7 параллельных резных линий в каждой группе[17]. Ритмы 7 зафиксированы и в изделиях со стоянки Павлов в Моравии[18].

Как отмечалось выше, со стоянки Брассампуи происходит кость с 40 насечками, с подчеркнутым ритмом в 10 единиц. На известной

[11] З. А. Абрамова. Палеолитическое искусство на территории СССР. САИ, А 4—3. М.—Л., 1962, табл. XLVII, *9*; Б. А. Фролов. Контакты в психике *Homo sapiens*. «Вопросы антропологии», вып. 32. М., 1969, рис. 2.

[12] А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства. М., 1966, стр. 27.

[13] И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка. Киев, 1965, табл. LI, *1*.

[14] И. Г. Шовкопляс. Ук. соч., рис. 60, табл. XLVIIIa и XLIXa.

[15] И. Г. Шовкопляс. Ук. соч., табл. LII.

[16] Pravěké umění v obrazech W. a B. Formanu, s textem Josefa Poulika. Praha, 1956, tabl. 1.

[17] Op. cit., tabl. 8.

[18] Б. А. Фролов. Ук. соч. «Вопросы атнропологии», вып. 32; B. Frolow. Die magische Sieben in der Altsteinzeit. «Bild der Wissenschaft», Stuttgart, 1971, Nr. 3.

скульптурной головке женщины с той же стоянки прическа (или головной убор) выполнена 7 горизонтальными и 10 вертикальными бороздами.

Приведенные выше примеры для территории Европы единичны, но все же рисуют картину, аналогичную выясненной Б. А. Фроловым для Мальтинской стоянки в Сибири. Использование числовых ритмов 5 и 7 и кратных им в палеолитической Европе можно считать установленным, так же как и в Сибири, несмотря на очень заметные различия между этими регионами в эпоху палеолита как в культурном, так и в расово-антропологическом отношении, и отсутствие фиксируемого археологией общения между ними в палеолите.

В последние годы мне удалось получить новый яркий материал для иллюстрации сделанных выше заключений, добытый при раскопках позднепалеолитической стоянки Сунгирь близ Владимира.

В 1957 г. при первых раскопках этой стоянки была найдена сделанная из бивня мамонта плоская фигурка лошади или сайги (видимо, жеребой кобылы), украшенная с двух сторон рядами неглубоко высверленных круглых точек (рис. 1, *1*)[19]. На схематическом изображении задних ног — сквозная сверлина, указывающая на его подвешивание и, видимо, на использование в качестве амулета; о том же свидетельствует и сильная сглаженность поверхности, сохранившей следы окрашивания красной охрой.

Количество орнаментальных точек, линии которых повторяют контуры туловища и ног фигурки, на лицевой стороне равно: 20 в верхнем ряду, 20 в нижнем ряду, 5 на передних ногах и 5 на задних ногах, считая со сквозным отверстием; всего 50 точек. С обратной стороны, обработанной с меньшей тщательностью, в аналогичном верхнем ряду 18 точек, в нижнем 20, на передних ногах 5 и на задних 5. Отсутствие двух точек в верхнем ряду, быть может, следует объяснить тем, что мастер, нанося точки справа налево, плохо рассчитал пространство; 18-я точка верхнего ряда, так же как 20-я точка нижнего ряда помещены на самом конце морды, даже прорезая край фигурки, что совершенно не нужно в чисто орнаментальных целях.

В 1962 г. на той же стоянке был найден небольшой плоский предмет в виде диска с отколовшимся краем, со сквозным отверстием в центре, также из бивня мамонта и украшенный орнаментом, из точно таких же точек или ямочек, как и на лошадке. Орнамент представляет собой 8 расходящихся от центра радиусов. Каждый из них, считая вместе с центральной точкой — отверстием, состоит из 5 точек (рис. 1, *2*)[20]. Находка описанного диска в сочетании с фигуркой лошади позволила более обоснованно говорить о существовании у обитателей Сунгирской стоянки пятиричной системы счета[21].

Дополнения к полученным данным можно почерпнуть и из открытых на Сунгире палеолитических погребений. Так, на одежде взрослого мужчины, погребенного в 1-й могиле, были нашиты спереди 7 поперечных рядов бус. У скелета старшего из двух мальчиков во 2-й могиле был найден стоявший почти вертикально большой диск из бивня мамонта, надетый на церемониальный дротик из дерева. Когда мы натолкнулись на него и начали его расчищать, он был покрыт густыми натеками извести, сквозь которые различались лишь несколько узких радиальных прорезей вокруг центрального круглого отверстия, и мы сначала гадали, сколько их на предмете: могло быть 8—9, а возможно,

[19] О. Н. Бадер. Уникальная палеолитическая фигурка со стоянки Сунгирь. КСИА, вып. 82. М., 1961.

[20] О. Н. Бадер. Раскопки стоянки Сунгирь. АО 1966 г. М., 1967, стр. 25.

[21] О. Бадер. Математика палеолита. «Вокруг Света», 1969, № 10, стр. 24, 25.

и 11. Но когда в лаборатории предмет был освобожден от известковой корки, прорезей оказалось ровно 10; при этом для 10-й как будто оставалось мало места, но она все-таки была сделана (рис. 1, *3*) [22].

Таким образом, произведения искусства со стоянки Сунгирь говорят об особом, сакральном значении чисел 5, 10 и 20 у обитателей

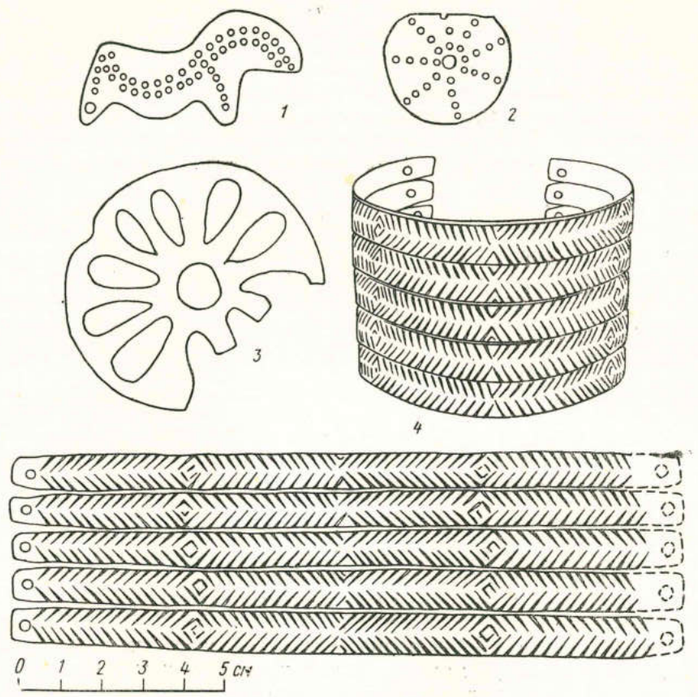


Рис. 1. Числовые ритмы 5 и 7 на костяных изделиях верхнего палеолита: *1—3* — из стоянки Сунгирь, *4* — из Мезинской стоянки

стоянки и наряду с уже упомянутыми находками на других палеолитических памятниках Евразии служат новым весомым аргументом в пользу возникновения децимарной системы счета еще в палеолите.

Положение о глубокой древности счета по пальцам рук никем не оспаривается. «Пять» во многих языках мира обозначается как «рука». Ведь, и по-русски слово «пять» по звучанию близко слову «пясть» и может происходить от него. В различных частях света самостоятельно числительными сделались «рука», обозначающая 5, «две руки» — 10, «две руки и нога» — 15, «человек» — 20. Например, в языке южноамериканского племени таманак термин для обозначения 5 звучит как «целая рука», 6 — «один с другой руки» и так далее до 10 или «обеих рук»; «один с ноги» обозначает 11 и так далее до «целой ноги», или 15, «одного с другой ноги», или 16 вплоть до «одного человека», что означает 20; «один с руки другого человека» значит 21, «два человека» — 40 и т. д.

[22] О. Н. Бадер. Находки и открытия на Сунгире. «Наука и жизнь», 1970, № 3.

О возникновении и развитии пятиричной и децимарной системы счета очень хорошо сказано в основном исследовании этнолога Эдуарда Тэйлора: «... Во всех языках мира, дикого или цивилизованного, за крайне незначительными исключениями, существуют неизгладимые свидетельства того, что числительные возникли из первобытного счета по пальцам рук и ног. Последнее всегда приводило людей к счету пятками, десятками или группами по двадцати, а люди продолжают такое счисление и теперь. Пятиричная система счисления употребительна у племен вроде сенегальских негров, которые считают: один, два, три, четыре, пять, пять-один, пять-два и т. д. Мы никогда не считаем подобным образом на словах, но мы пишем их так римскими цифрами. Десятичная система есть самая употребительная на свете, и наше обычное счисление относится именно к ней: таким образом, восемьдесят три есть «восемь десятков и три». Двадцатиричное счисление, составляющее обычный способ во многих языках, оставило свои следы и в десятичном счислении цивилизованной Европы, как это видно из английского и французского языков, где, например, выражения для 83 буквально означает «четыре двадцатки и три». Таким образом, вряд ли возможно сомневаться, что современный мир унаследовал прямо от первобытного человека его самую раннюю арифметику, производившую свои действия на природном счислительном приборе — на руках и ногах. Это также объясняет, почему цивилизованный мир употребляет числовую систему, основанную на неудобном числе десять, которое не делится ни на три, ни на четыре».[23] Но вопрос о времени возникновения десятичного счета во всеобщей истории культуры этнографами и социологами не ставился; он ставится лишь в последнее время на основе фактических материалов археологами и решается в пользу глубокой, еще палеолитической древности.

Мы не знаем, какими словами обозначали обитатели, скажем, Сунгирской стоянки числа 5, 10, 20, но можем с уверенностью сказать, что в их языке были такие обозначения, потому что они умели точно считать и изображали эти числа на сделанных ими предметах. На Сунгире мы находим ряды из 5 точек (на ногах лошадки), 10 радиальных прорезей на ритуальном диске с копья, 20 точек в верхнем ряду на корпусе лошадки, еще 20 точек в нижнем ряду, 40 в двух рядах, а всего 50 точек на одной лицевой стороне фигурки и 100 точек на двух ее сторонах[24]. На диске с Сунгиря, считая по 5 точек (вместе с центральной) в каждом радиусе, воспроизводится сумма 40, а с двух сторон — 80. Сочетая отдельные ряды точек на фигурке лошадки с обеих ее сторон, можно получить числа 5, 10, 15, 20, 25, 30, 35, 40 и так далее до 100, или 20 пятерок, 10 десяток, 5 двадцаток. Это ли не доказательство сформировавшейся системы счета пятерками, десятками, двадцатками!

В этнографии принято считать, что первоначально количества в первобытном обществе изображали зарубками, нарезками, точками, узелками и другими знаками. Изучение верхнепалеолитической культуры не только подтверждает правильность этого утверждения, но и позволяет конкретизировать вопрос о времени появления подобных бирок. Вспомним кость с рядом из 40 насечек, разделенных на десятки, из палеолитической стоянки Брассампуи, а также все произведения палеолитического искусства, на которых зафиксированы различные ритмично повторяющиеся количества, подчас в сложных сочетаниях.

[23] Э. Тэйлор. Первобытная культура. М., 1939, стр. 185.

[24] Если принять во внимание сделанную выше оговорку о причине недостачи двух точек в верхнем ряду на другой стороне фигурки.

Возможно, в этом же плане следует рассматривать отпечатки рук в пещере Гаргас и других пещерах с палеолитическими рисунками.

По данным радиокарбоновых анализов, возраст Сунгирской стоянки достигает 23 тысяч лет, но я считаю возможным по ряду соображений

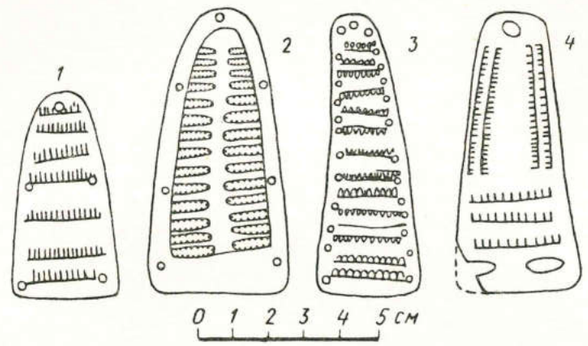


Рис. 2. Числовые ритмы 7 на костяных пластинках эпохи бронзы: *1, 2* — из Балановского могильника на Средней Волге, *3* — из Лайбахер Моор в Югославии, *4* — из Вестербьёрс, Готланд

углубить ее время до 25—30 тысяч лет. Принимая во внимание вполне сложившуюся пятиричную систему счета у сунгирцев, возникновение ее следует относить к еще более раннему времени, вероятно, уже к первым тысячелетиям существования верхнепалеолитической культуры, создателем которой был *Homo sapiens*. Вопрос о счете в эпоху среднего палеолита не освещается археологическими фактами.

Объяснить возникновение не менее распространенного в позднем палеолите числового ритма 7 значительно труднее. Число 7 является священным в мифологии некоторых народов. Им определяется число дней в неделе. Оно фигурирует и на некоторых археологических памятниках, занимающих промежуточное место между палеолитом и современностью. В качестве примера приведу своеобразные орнаментированные костяные дощечки или таблички с одним овальным, другим усеченным концом, найденные у кистей правых рук двух погребенных из Балановского могильника на Средней Волге, относящегося ко второй четверти II тыс. до н. э.[25]. На маленькой дощечке видно 5 сквозных отверстий, на большой — 7; с их помощью эти таблички прикреплялись, вероятно, к рукаву. Обе дощечки покрыты с одной стороны орнаментом. На маленькой дощечке имеется 7 поперечных линий, на большей — по 14 поперечных петель вдоль каждого края (рис. 2, *1, 2*). Вряд ли эти числа случайны. Они могут свидетельствовать о священном значении числа 7, обозначающем одну из четырех фаз луны. Если это так, то поперечные линии на маленькой дощечке обозначают одну четверть лунного цикла, а 28 петель на большой дощечке — все четыре фазы луны, то есть полный лунный месяц. При этом, с какой бы стороны не считать (а считать следует с правого столбца, по движению луны, сверху вниз) первый день обозначается маленькой петлей, соответствующей нарождающемуся месяцу, затем, по мере роста месяца, петли увеличиваются в размерах до самых крупных — 12-й,

[25] О. Н. Бадер. Балановский могильник. К истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.

13-й и 14-й, а затем переходят на ущербную половину и уже снизу вверх постепенно уменьшаются в размерах, так же как уменьшается и ущербленная луна.

Эти наблюдения дополняются некоторыми аналогичными предметами примерно того же времени, происходящими из Средней Европы и с острова Готланд. Так, на табличке с Лайбахского болота, подобно большой балановской табличке, нанесено 14 поперечных линий, а на табличке из Вестербьёрс — 3 поперечные и 4 продольные линии, всего 7 (рис. 2, *3, 4*).

В самом деле: число 7 — это число суток, определяющих каждую фазу луны, 14 суток — половина лунного месяца, 28 суток — полный лунный месяц. Числом 7 определяется и количество наблюдаемых на небе звезд (планет), место которых меняется по отношению к другим звездам. Тем же числом определяется и количество звезд в одном из наиболее ярких созвездий — Большой Медведице. Первобытный человек с его острой наблюдательностью должен был уже очень рано подметить эти явления в обожествляемой им природе, и в первую очередь, конечно, фазы луны, которые легче всего было использовать для счета времени. И нет ничего удивительного, что фазы луны с их сакральным числом 7 были осознаны в позднем палеолите и нашли отражение в замечательных произведениях искусства того времени. Следует вспомнить очень высокий уровень позднепалеолитической культуры, большую сложность ритуальных образов и искусства, семантику которого только начали изучать.

Вскоре после выхода первой публикации материала Мальтинской стоянки К. Хентце счел возможным рассматривать большую костяную пряжку из Мальты со спиралями с одной стороны и змеями — с другой, как связанную с культом луны, использовав в качестве параллелей обширный этнографический материал с территорий Евразии и Америки[26]. А. Маршак пытался также доказать, что нарезки на костяных предметах с Гонцовской палеолитической стоянки (Украина) фиксируют фазы луны на протяжении не менее двух месяцев[27].

Для понимания того, как возникло у наших далеких предков сакральное значение «магической семерки», Б. А. Фролов указал на значение психологического фактора: «7 дней оказались наиболее удобными для ориентировки в длительных промежутках времени, так как соответствовали естественным границам внимания и памяти»[28].

Затронутая здесь тема огромна. Хочется пожелать скорейшего исследования под этим углом зрения весьма значительного материала по палеолитическому искусству Европы, как это было начато Б. А. Фроловым для Сибири, а также изучения археологического материала более поздних эпох, который позволит сомкнуть палеолит с этнографической современностью и вместе с другими историческими источниками нарисовать широкую и хронологически глубокую картину зарождения и развития математических знаний.

[26] C. Hentze. Mytes et symboles Lunaires. Anvers, 1932, pp. 84, 85.
[27] A. Marschak. Lunar Notation on Upper Paleolithic Remains. «Science», 1964, v. 146, pp. 743—745.
[28] Б. А. Фролов. Ук. соч. «Вопросы антропологии», вып. 32, стр. 192.

И. В. СИНИЦЫН

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ИЗЛУЧИНЕ ДОНА

В пределах степной полосы европейской части СССР огромная территория между Волгой и Днепром, связанная с бассейном Дона, в археологическом отношении исследована неравномерно. Как известно, район верхнего течения Дона, особенно в границах Костенковско-Борщевского участка с его знаменитыми палеолитическими стоянками, давно стал объектом пристального изучения[1]. В советское время в районах нижнего течения Дона также проводились археологические исследования, сопровождавшиеся открытием и изучением разновременных памятников[2].

Бассейн среднего течения Дона и его притоки Хопер и Медведица (в границах их нижнего течения) до последнего времени оставались почти неисследованными. Лишь в 30-х годах нашего столетия в связи с проектированием Волго-Донского канала два отряда археологической экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры под руководством Б. Б. Пиотровского и Г. В. Подгаецкого произвели в излучине Дона разведочные исследования, позволившие составить предварительную археологическую карту этого района[3]. В 1937 г. в левобережной полосе излучины Дона, в низовьях р. Иловли, нами были произведены разведки и раскопки курганов, давшие разновременные погребения — от эпохи бронзы вплоть до позднего средневековья[4].

[1] П. П. Ефименко. Костенки I. М., 1958.

[2] Труды Волго-Донской экспедиции, т. 1. МИА, № 62. М.—Л., 1958; т. 2, МИА, № 75. М.—Л., 1959; Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. (Раскопки 1955—1958 гг.). МИА, № 98. М., 1961; Древности Нижнего Дона. МИА, № 127. М., 1965.

[3] Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941.

[4] И. В. Синицын. Археологические памятники в низовьях реки Иловли УЗСГУ, т. XXXIX, вып. исторический, 1954.

Учитывая слабую изученность археологических памятников среднего течения Дона и большой интерес к древней истории племен Волго-Днепровского междуречья, мы в 1958—1960 гг. произвели стационарные раскопки древних поселений на правом берегу Дона, у хуторов Репин и Задоно-Авиловский. Раскопки поселения у хут. Репин дали новый интересный материал времени раннеямной культуры. Значение исследований этого поселения определяется тем, что аналогичные материалы и особенно керамика содержатся в комплексах памятников энеолита и ранней бронзы левобережной полосы Приднепровья, в частности в Михайловском поселении на Днепре[5].

В районе хут. Задоно-Авиловский на протяжении 5 *км* вдоль берега было открыто 4 поселения. Все они расположены на первой террасе правого берега Дона. Раскопки производились на двух поселениях. Материалы раскопок и разведок показывают, что обнаруженные поселения относятся к срубной культуре. Не касаясь в данной статье результатов исследований этих поселений, отметим, что аналогичные поселения известны во многих районах Дона. Среди них наиболее полно исследовано хорошо известное в археологической литературе поселение у хут. Ляпичева[6]. Работами Волго-Донской археологической экспедиции на территории зоны затопления Цимлянского водохранилища было выявлено и частично исследовано значительное число поселений срубной культуры[7].

Одновременно со стационарными раскопками нами проводились разведочные обследования в левобережной полосе излучины Дона. Основной маршрут обследования левобережной полосы Дона охватил район междуречья Медведицы и Хопра от ст. Новогригорьевской (на Дону) через хуторы Логовской, Фролово и далее на запад вдоль р. Арчеды до Медведицы и Хопра. Берега Медведицы и Хопра обследованы от ст. Арчединской и Слощевской вплоть до Дона.

Разведочными обследованиями обнаружено в этом районе большое число разновременных археологических памятников — курганов и древних поселений. Многочисленные курганные группы и одиночные курганы располагаются обычно на высоких, открытых местах правобережной полосы Медведицы, Хопра и Дона.

Среди памятников, выявленных в излучине Дона, особое место занимают древние поселения, расположенные как на правобережной, так и на левобережной полосе Дона и его притоков. Характер расположения поселений, изучение их топографии позволяет установить две хронологически разновременные группы: дюнные поселения с микролитическим инвентарем, относящиеся в основном к эпохе неолита и энеолита, и поселения коренных береговых террас, относящиеся к бронзовой эпохе, срубной культуре.

Поселения более раннего времени с кремневыми микролитическими орудиями расположены чаще в левобережных пойменных местах, в долинах рек, на песчаных площадках, возвышающихся над поймой. Поселения этого типа обнаружены нами в 7 пунктах междуречья Хопра

[5] См. статьи Е. Ф. Лагодовской, О. Г. Шапошниковой, М. Л. Макаревича в КСИА, вып. 4, 5. Киев, 1955; вып. 9, 1960; вып. 11, 1961; О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962.

[6] М. И. Артамонов. Поселение предскифской эпохи близ хут. Ляпичева на Дону. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 1—2; М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону. (Из работ в зоне строительства Волго-Донского канала). КСИИМК, вып. L. М., 1953.

[7] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища. МИА, № 62.

и Медведицы. Отдельные местонахождения представлены единичными, хотя и хорошо выраженными орудиями. Для характеристики этой группы поселений мы даем описание наиболее типичного и более полно обследованного дюнного поселения, обнаруженного в 1959 г. у с. Безымянка.

Поселение расположено в 1 *км* к юго-западу от с. Безымянка, Михайловского района, Волгоградской области, на дюне пойменной тер-

Рис. 1. Общий вид Безымянского поселения

расы левого берега Медведицы. Центральная часть поселения занимает сравнительно небольшую ровную песчаную площадку, окруженную невысокими всхолмлениями, местами сильно заросшими травой и кустарниками. С северо-западной стороны поселения начинаются неглубокие заливчики поймы Медведицы. По-видимому, в древности около поселения находились небольшие водоемы, покрывавшие пойменную долину Медведицы.

В настоящее время возвышенная часть поселения развеяна и культурный слой разрушен. Находки концентрируются в центре песчаной площадки протяженностью с севера на юг около 150 *м* и с востока на запад до 100 *м*. Распределение находок на площади поселения неравномерно. В основном культурные остатки сосредоточены в центре площадки на песке серо-буроватого цвета. Наибольшее число находок сделано вокруг очага, от которого сохранились небольшие камни и сильно обожженные прослойки песка с углистыми пятнами. Очаг состоял из груды небольших (до 10—15 *см*) округлых камней-голышей, заполнявших площадь диаметром до 60—70 *см* (рис. 1). Судя по наличию компактной груды камней и сохранившейся пережженной массы песка с зольными прослойками, наиболее вероятно следует считать, что очаг был связан с жилищем. Однако вследствие развевания площади стратиграфия памятника нарушена, и сколько-нибудь ясных очертаний жилища установить не удалось.

На развеянной поверхности поселения собран кремневый материал, состоящий из разнообразных орудий, большого количества бесформен-

ных пластинок, отщепов-отбросов производства и обломков глиняной посуды. Среди собранных коллекций (585 находок) наибольшее число (около 500 экз.) составляют различные бесформенные куски кремня, пластинки, отщепы.

В этой коллекции около 70 законченных кремневых орудий различных групп и до 10 нуклевидных обломков и нуклеусов. Наиболее типичны карандашевидные нуклеусы небольшого размера, полностью

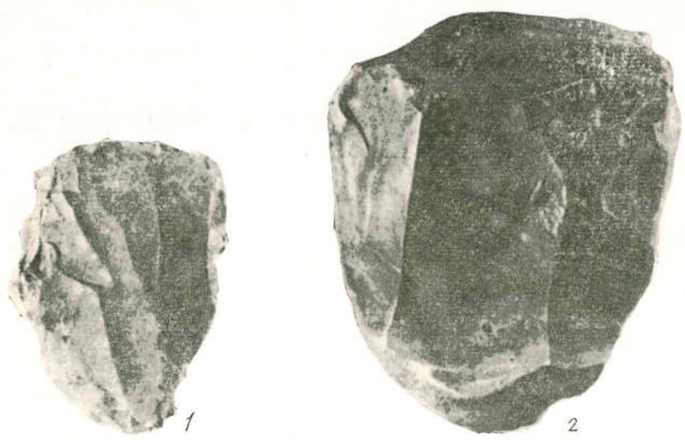


Рис. 2. Нуклеусы из коллекции, собранной с поверхности Безымянского поселения

или с одной стороны ограненные узкими фасетками. Часть нуклеусов менее правильных форм, на одной стороне они неравномерно и плохо ограненные, на другой — у них сохраняется неиспользованный для скалывания пластинок участок (рис. 2, *1*).

Для выяснения процесса изготовления орудий и техники обработки кремня важно отметить находку массивного желвака-нуклеуса конусовидной формы, круглого в горизонтальном сечении (рис. 2, *2*). Его длина 10,5 *см*, диаметр в горизонтальном сечении 8 *см*. Одна сторона нуклеуса хорошо использована и имеет следы сколов, удлиненных широких пластин. Другая сторона не использована и покрыта желвачной коркой.

Наличие на поселении нуклеусов, различных пластин, отщепов и других отбросов производства свидетельствует о том, что обработка кремня и изготовление орудий производились непосредственно на поселении.

Для изготовления орудий использовался сравнительно однородный меловой кремень хорошего качества и очень редко кварцит. Кремень по составу и цвету самый разнообразный; больше встречается плотный темно-серый, серый, реже — коричневатый. Кремень, служивший обитателям Безымянского поселения для изготовления орудий, брали здесь же в местных балках р. Арчеды и других окрестных пунктах. Овраги во многих местах прорезают берега местных рек с их меловыми отложениями и обнажают богатые месторождения кремня. Особенно богатые залежи мелового кремня находятся в районе ст. Кременской на

Дону. Незначительную часть орудий желтоватой окраски изготовляли, по-видимому, из валунного кремня.

Изучение отдельных групп кремневых орудий позволило выявить архаичные черты как в технике их изготовления, так и в самих формах орудий. Среди кремневых орудий имеются такие категории, которые весьма типичны для эпохи мезолита и более позднего времени. Наибо-

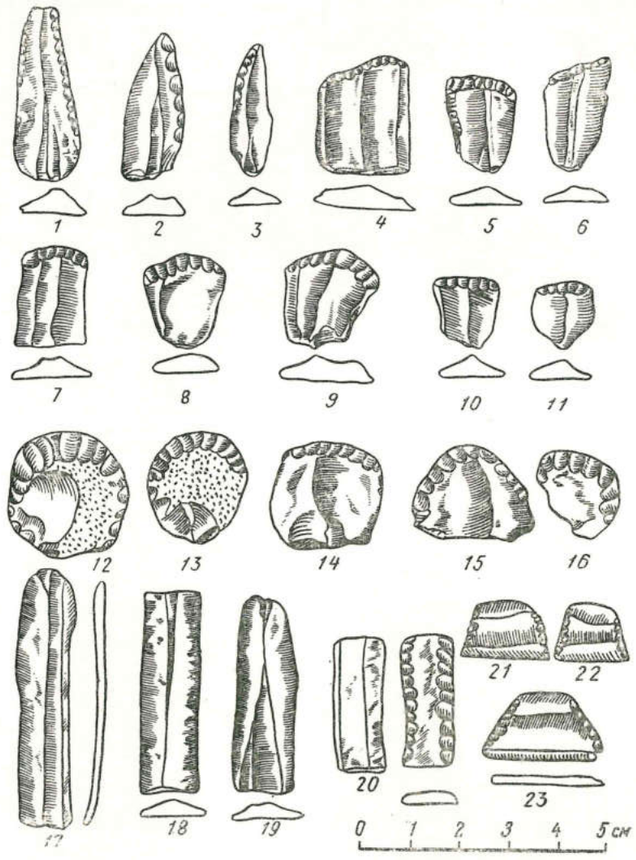


Рис. 3. Кремневые ножевидные пластинки с Безымянского поселения

лее выразительная группа — микролитические орудия: трапеции, многочисленные скребки, проколки с заостренным концом, ножевидные пластинки широкие и массивные.

Самую многочисленную группу орудий составляют различные по форме скребки. Типологически они могут быть подразделены на 3 или 4 группы. Среди них наиболее типичны концевые и округлые (рис. 3, *7—16*). Концевые скребки, как правило, изготовляли из кремневых отщепов, чаще из пластинок, одна сторона которых плоская, другая —

двухгранная или с несколькими гранями. Большинство скребков небольшого размера — 1,5—2 *см*; по внешнему виду они однообразны, с хорошо оформленным полукруглым рабочим концом, тщательно подправленным крутой ретушью, иногда слегка заходящей на боковые края орудий (рис. 3, *9*, *14*). Реже встречаются более крупные концевые скребки, грубо отделанные (рис. 4, *1*, *2*). Несколько выделяется по

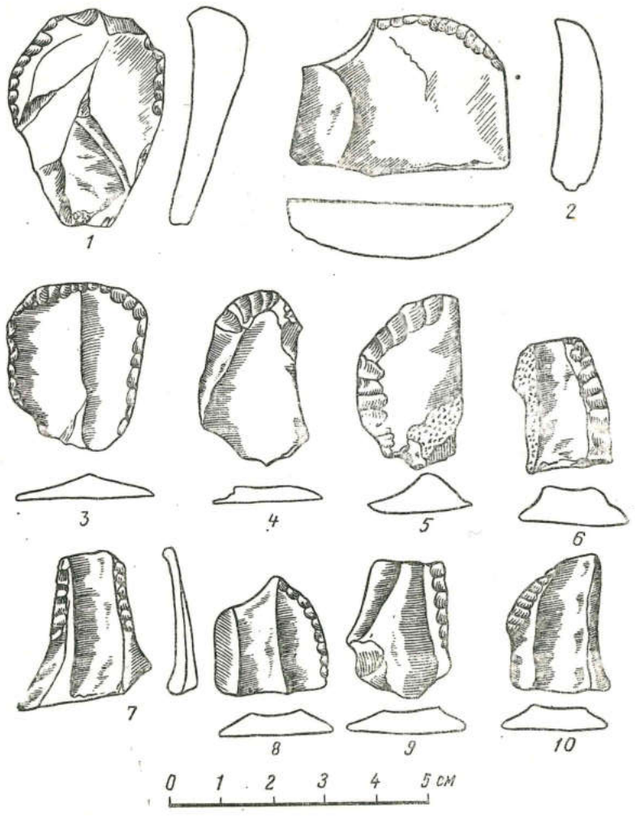


Рис. 4. Кремневые скребки с Безымянского поселения

оформлению концевой скребок, изготовленный на широкой тонкой пластинке. Его рабочий конец и боковые грани подправлены тонкой крутой ретушью (рис. 4, *3*).

Своеобразную группу орудий составляют округлые скребки, изготовленные из мелких отщепов или пластинок, имеющих округлые очертания (рис. 3, *12*, *13*). Все они не превышают 2,5 *см* в диаметре. Для этой группы скребков характерна однотипная обработка. У некоторых скребков этой серии на спинке есть корка. Часть орудий имеет не вполне округлый вид — ретушь заостряет полукруглый рабочий край, противоположная сторона без подправки (рис. 3, *16*).

В коллекции выделяется характерная серия проколок, сделанных из пластинок. Некоторые из них имеют тщательно отретушированные боковые грани, другие с затупленным краем (рис. 3, *1—3*). Типичны также небольшие пластинки со скошенным краем, обработанным крутой ретушью (рис. 3, *6*). Орудий этого типа немного, но они всегда встречаются вместе с другими орудиями микролитического облика.

Из микролитических орудий геометрических форм наиболее характерны трапеции (рис. 3, *21—23*). На поселении найдено всего лишь 3 таких экземпляра. Все они изготовлены из тонких призматических пластин. По очертаниям трапеции однообразны, они несколько отличаются друг от друга размерами. Боковые обрезы подправлены мелкой крутой ретушью. Аналогичные трапециевидные пластины хорошо известны и считаются самой обычной группой микролитических орудий дюнных поселений.

Для общей характеристики техники кремневых орудий Безымянского поселения важно отметить наличие большого количества тонких ножевидных пластинок, треугольных или трапециевидных в сечении (рис. 3, *17—19*). Такие пластинки служили материалом для изготовления орудий разного назначения. Размер их очень разнообразен — от грубых сколов крупных пластин до мельчайших. Предельная длина пластин 5—7 *см*, ширина их более разнообразна — от 2—3 *мм* до 2 *см*. Среди этих орудий выделяется небольшая продолговатая пластинка трапециевидной в сечении формы с ретушью по обоим краям со стороны брюшка (рис. 3, *20*).

Вместе с кремневыми орудиями на Безымянском поселении найдено свыше 100 обломков сильно измельченных и маловыразительных обломков глиняных сосудов, по которым невозможно установить ни их форму, ни размеры. Керамика отличается большой однородностью и представляет единый комплекс. Глиняное тесто сосудов грубое, с растительной примесью, выгоревшей при обжиге. Толщина стенок — 0,4—0,7 *см*. Поверхность черепков пористая, на многих следы мелких и крупных пустот. Фрагменты сосудов не имеют орнамента. Исключение составляют 4 сосуда, представленные единичными обломками. В отличие от основной массы обломков 3 фрагмента имеют гребенчатый орнамент, состоящий из отпечатков продолговато-четырехгранной или ромбовидной формы (рис. 5, *2—4*). Такой орнамент часто встречается на керамике эпохи бронзы юго-востока наших степей. Среди керамики один фрагмент выделяется и по составу глины, и по орнаменту. Он украшен рельефными горизонтальными и зигзагообразными полосами с защипом, придающим вид лепного узора (рис. 5, *1*).

Несмотря на ограниченное число орнаментированных фрагментов, можно отметить, что аналогичная керамика встречается и на соседних поселениях по берегам Медведицы, Хопра и Дона. Так, например, южнее излучины Дона, на берегах Донской Царицы аналогичная керамика обнаружена И. И. Ляпушкиным и другими исследователями на поселениях в районе хуторов Ляпичева, Жукова, Красного и других пунктах[8]. Из ближайших к Дону районов аналогичная керамика встречается в бассейне среднего течения Северского Донца[9] и особенно на его левобережных притоках — на р. Осколе и в других пунктах[10].

[8] И. И. Ляпушкин. Ук. соч. МИА, № 62, стр. 238, рис. 10.

[9] С. А. Локтюшев. Доисторический очерк Средней Донеччины. (Попытка построения краевой доистории). Луганск, 1930, табл. 9, 15, 18, 20, 26.

[10] М. Е. Фосс. Раскопки стоянок на реке Осколе. В кн.: «Работы археологических экспедиций». «Труды ГИМ», вып. XII. М., 1941, стр. 71, рис. 7—10.

Материалы Безымянского поселения, несмотря на сравнительно ограниченное число находок, позволяют сделать некоторые общие выводы относительно характера поселения, определить его место среди аналогичных поселений, известных на широкой степной полосе Волго-Днепровского междуречья и Предкавказья.

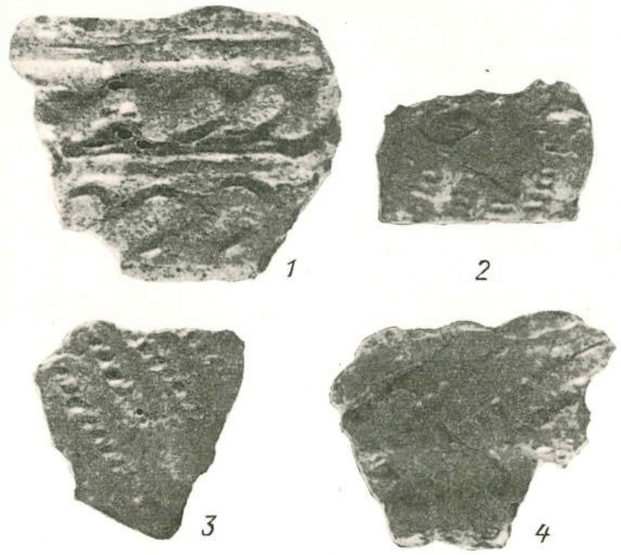


Рис. 5. Керамика с Безымянского поселения

По общему облику микролитических орудий, характеру расположения и другим признакам Безымянское поселение имеет несомненные черты сходства с аналогичными поселениями не только междуречья Хопра, Медведицы, излучины Дона, но и более отдаленных районов. Совершенно аналогичные развеянные дюнные поселения были обнаружены археологической экспедицией Государственной Академии истории материальной культуры в 1934 г. по берегам среднего течения Дона, включая нижнее течение Хопра и Медведицы. Кремневые орудия микролитического облика были найдены во многих пунктах левобережной полосы Дона, Хопра и Медведицы. Однако основной вопрос — относятся ли эти орудия к неолиту или же являются пережиточной формой, сопутствующей бронзовым орудиям, — разрешить не удалось. Почти во всех местах, где были собраны микролиты, встречались также и фрагменты керамики эпохи бронзы и более позднего времени, но определенную связь кремневых орудий с керамикой установить было невозможно, так как стратиграфическое залегание материала везде оказалось нарушенным. Кремневые орудия, как справедливо отмечается в отчете, представляют полное совпадение по формам с нижневолжскими микролитами[11].

[11] Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., стр. 169 и сл., рис. 43, 47.

В настоящее время аналогичные дюнные поселения с микролитическими орудиями хорошо известны в пределах Нижнего Поволжья [12]. Особенно широко распространены поселения с микролитическими орудиями на юге Нижнего Заволжья в районах северо-западного Прикаспия [13]. Здесь они смыкаются с аналогичными поселениями Восточного Предкавказья, исследованными Е. И. Крупновым [14]. К этой же группе относятся поселения, обнаруженные в центральных районах Калмыцких степей (Бичкин-Булук, Кегульта), а также в Западном Прикаспии в районе Черных земель, на Ставрополье. Среди них особенно следует выделить поселение в урочище Ястак-Худук, исследованное Т. М. Минаевой [15]. Всю эту группу поселений характеризует сходство материальной культуры. Для выяснения хронологического соотношения указанных поселений очень важны памятники других районов Кавказа [16] и особенно поселения Прикубанья типа Нижне-Шиловской стоянки [17].

Отмечая культурную общность и особенно сходство микролитических орудий поселений юга Поволжья и Северо-Восточного Кавказа, необходимо сказать, что поселения излучины Дона наиболее ярко обнаруживают признаки, указывающие на связь их с памятниками степной левобережной Украины — Донеччины, где они исследованы с наибольшей полнотой [18].

Для типологического сопоставления микролитических орудий и их хронологического определения важно указать на инвентарь дюнных поселений, исследованных М. Е. Фосс на р. Осколе, в окрестностях с. Шелаево [19]. На этом поселении обнаружены культурные слои, содержащие керамику и кремневые орудия микролитического типа. Стратиграфические наблюдения позволили М. Е. Фосс проследить совместное залегание керамики с микролитами и тем самым выяснить продолжительность бытования отдельных категорий микролитических орудий вплоть до эпохи бронзы. Хотя такое заключение отдельные исследователи считают ошибочным [20], тем не менее новые материалы обследования поселений и погребений более определенно показывают непрерывный ход развития микролитической техники от мезолита вплоть до энеолита и эпохи бронзы.

[12] Т. М. Минаева. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. «Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения», вып. 36, ч. I. Саратов, 1929.

[13] И. В. Синицын. Древние памятники приморского района Калмыцкой области. «Известия Нижне-Волжского института краеведения», т. VI. Саратов, 1933; он же. Археологические памятники Северо-западного Прикаспия. «Труды Саратовского областного музея краеведения», вып. 3. Саратов, 1960.

[14] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2; Л. В. Грехова. Памятники неолита Восточного Предкавказья. «Археологический сборник. К 100-летию со дня рождения В. А. Городцова (1860—1960 гг.)». «Труды ГИМ», вып. 37. М., 1960, стр. 21.

[15] Т. М. Минаева. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях. КСИИМК, вып. 59. М., 1955, стр. 46.

[16] А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

[17] А. А. Формозов и А. Д. Столяр. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае. СА, 1960, № 2, стр. 103; А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. (Материалы к изучению неолита Юга СССР). МИА, № 102. М., 1962.

[18] Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. I—IV. Изюм, 1926—1930; он же. Эпипалеолит Изюмщины и его отношение к позднейшим культурам. СА, вып. V. М.—Л., 1940; Д. Я. Телегин. Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскола. МИА, № 79. М.—Л., 1960; он же. Неолитические памятники среднего течения Северного Донца. СА, вып. XXIX—XXX. М., 1959; Д. Я. Телегін. Неолітична стоянка в урочищі Бондариха. «Археологія», т. IX. Київ, 1954.

[19] М. Е. Фосс. Ук. соч. «Труды ГИМ», вып. XII.

[20] Д. Я. Телегин. Ук. соч. СА, вып. XXIX—XXX, стр. 166.

О длительном существовании микролитических орудий свидетельствуют находки микролитов в курганных погребениях ямной культуры Нижнего Поволжья. Мы имеем в виду находки микролитов в погребениях, обнаруженных нами в 1954 г. в кургане № 9 II Бережновского могильника в Заволжье [21]. Таким образом, новые дополнительные материалы подтверждают вывод о длительном бытовании микролитических орудий на поселениях в излучине Дона.

Определяя хронологическое место Безымянского и других поселений излучины Дона, необходимо обратить внимание на значительное их сходство с памятниками левобережной Украины и особенно Донеччины, выделенными Д. Я. Телегиным в группу неолитических. Эту группу памятников Д. Я. Телегин назвал днепро-донецкой культурой, хронологически определив ее IV — первой половиной III тыс. до н. э. [22].

Материалы поселений излучины Дона имеют наибольшее сходство с материалами неолитических памятников левобережной Украины — Донеччины. Это сходство культуры объясняется не только географической близостью расположения памятников, но и общностью исторического процесса на этой территории. В связи с этим важно отметить, что изучение многочисленных памятников, обнаруженных в последние десятилетия на огромной территории Волго-Днепровского междуречья, в частности исследование памятников типа Михайловского поселения на Днепре [23], позволяет проследить пути сложения древнеямной культуры [24].

При выяснении исторического процесса в бассейне Дона и прилегающих областей прослеживается живучесть архаических традиций в технике обработки камня, начиная с верхнепалеолитических стоянок Костенковско-Боршевского района, мезолитических стоянок левобережной Украины вплоть до поздних неолитических и энеолитических стоянок типа Безымянской. Поэтому при определении этнической принадлежности носителей этой культуры едва ли можно сомневаться в том, что насельники поселений с микролитическим инвентарем ведут свое происхождение от верхнепалеолитических племен бассейна Дона и всей Волго-Днепровской зоны.

[21] И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 г.). МИА, вып. 78. М., 1960, стр. 146, 14, рис. 3, *1*.

[22] Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, 1961, № 4, стр. 38; он же. Никольский могильник эпохи неолита-меди в Надпорожье. КСИА, вып. 11. Киев, 1961; Д. Я. Телегін. Дніпро-Донецька культура. Київ, 1968.

[23] О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення.

[24] В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Киев, 1969.

Н. Я. МЕРПЕРТ

ДРЕВНЕЙШИЕ КАМЕННЫЕ КРЕПОСТИ БОЛГАРИИ

Исследования последних десятилетий значительно удревнили историю искусственных оборонительных сооружений. Еще в начале 50-х годов нашего века открытие мощных каменных стен и круглой боевой башни докерамического Иерихона, созданных не позднее VII тыс. до н. э., стало подлинной научной сенсацией[1]. Ныне эта древнейшая оборонительная система уже не может считаться уникумом. Весьма близки ей хронологически каменные укрепления одного из наиболее ранних поселков телля Рас-Шамра в Сирии (фаза V—с), где у северо-восточного подножия холма открыта стена из больших камней, достигавшая в высоту 5 *м*. Стена окружала поселок, предшествовавший появлению керамики и существовавший в конце VII тыс. до н. э.[2]. К этому же тысячелетию, возможно даже к началу его, должны быть отнесены сложные каменные конструкции на поселении Бейда в Палестине, состоящие из основной стены, параметра, предохраняющего ее основание, и вымостки между ними. Автор раскопок Д. Киркбрайд считает, что стена предназначалась прежде всего для крепления террасы, но в случае необходимости, вместе с возвышающимися над ней стенами домов, могла служить и оборонительным сооружением[3]. А в VI тыс. до н. э. известны уже 3-метровый оборонительный ров и сырцовые стены телль эс-Саввана в Центральной Месопотамии[4] и сложные фортификации Хаджилара II и I в юго-западной Анатолии, причем в последнем крепость имела диаметр до 150 *м* при толщине стен 3,5—4 *м*[5]. В развитых раннеземледельческих культурах Ближнего Востока известны примеры весьма совершенных фортификационных сооружений и в V тыс. до н. э.; это — мощная сырцовая крепость в XVI слое Мерсина[6]. Но, как и в предшествующие тысячелетия, такие сооружения единичны и связаны с отдельными особо значительными поселениями. Большинство поселков оставались неукрепленными.

С такой же картиной встречаемся мы и на Балканах. Вопрос о времени появления здесь первых оборонительных сооружений остается пока открытым. Отдельные, весьма немногочисленные еще свидетельства позволяют предполагать наличие оборонительных сооружений уже в конце VI — начале V тыс. до н. э. В Фессалии мощные каменные стены открыты на поселении Магула Хаджимиссиотики[7], а также на восточном конце знаменитого Сескло.

Правда, функции этих сооружений пока спорны: некоторые исследователи считают, что они могли быть подпорными стенами террас[8], тогда как другие видят в них фортификации, подчеркивая специфику их расположения, чрезвычайно удобного для обороны[9]. На севере полуострова каменные укрепления этого времени не известны, но земляные валы с деревянным палисадом отмечены на средненеолитических поселениях культуры Каранова I, относящейся ко второй половине VI тыс. до н. э.[10].

Несколько полнее и определеннее сведения об укреплениях на территории полуострова в конце V и IV тыс. до н. э. — в период развития балканских энеолитических культур. Но касаются они прежде всего Фессалии. Здесь в Одзаки открыта целая система широких (4—6 *м*) и глубоких (1,5—3,5 *м*) рвов, дополненных стеной из дерева и земли толщиной до 2,5 *м* и высотой до 4 *м*. Остатки рвов открыты также в Аргиссе, Арапи и Суфли[11]. Наиболее показательным примером достаточно сложных фортификаций остается система концентрических каменных стен, окружавших овальный акрополь Димини[12]. Таких стен 6 или 7. Толщина их от 0,6 до 1,4 *м*. Узкие коридоры вели в межстенные участки и далее в центральный двор акрополя (прием оформления входов, широко распространенный позднее в Трое I и II, а также на других поселениях Эгеи и Северо-Восточных Балкан[13]. До сего времени эта сложная и совершенная система каменных укреплений является уникальной для всего греческого неолита[14]. Конечно, в дальнейшем отнюдь не исключаются отдельные открытия каменных фортификаций

[1] K. Kenyon. Digging up Jericho. London, 1957, p. 67.
[2] Schaeffer, C. F. A. Mission de Ras Shamra, XV. «Ugaritica», v. IV. Paris, 1962.
[3] D. Kirkbride. Beidha: Early Neolithic Village Site South of the Dead Sea. «Antiquity», 1968, v. XLII, No. 168, p. 266.
[4] El-Wailly, Faisal and Abu es Soof, Behnam. The Excavations at Tell es Sawwan: First Preliminary Report (1964). «Sumer», Baghdad, 1966, v. XXI.
[5] J. Mellaart. Excavations at Hacilar, I. Edinburgh, 1970, pp. 25, 75.
[6] J. Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1952; S. Lloyd. Early Anatolia. London, 1956, p. 81.
[7] K. Grundmann. Magula Hadzimissiotiki: eine steinzeitliche Siedlung im Karla-See. «Athenische Mitteilungen», 1937, Nr. 62, SS. 56—69.
[8] В. С. Титов. Неолит Греции. М., 1969, стр. 116.
[9] Χ. Τσουντας. 'Αι Προϊστορικαι 'Ακροπόλεις Διμηνιου και Σέσκλευ. 'Αθῆναις, 1908; S. S. Weinberg. The Stone Age in the Aegean. Cambridge, 1965, p. 34.
[10] G. Georgiev. Beitrage zur Erforschung des Neolithikums und der Bronzezeit in Südbulgarien. «Archaeologia Austriaca», 1967, Nr. 42, S. 93.
[11] W. Milojcic. Vorbericht über die Ausgrabungen auf der Magulen von Otzaki, Arapi und Gremnos bei Larisa, 1955. AA, 1955, Bd. III/IV; В. С. Титов. Ук. соч., стр. 133.
[12] Χ. Τσουντας. Op. cit.
[13] Н. Я. Мерперт. Ранний бронзовый век Южной Болгарии. М., 1966, стр. 19—20.
[14] S. S. Weinberg. Op. cit., p. 48; В. С. Титов. Ук. соч., стр. 133.

на других неолитических поселках Балканского полуострова. Но в целом оборонительные сооружения данного периода не только каменные, но и дерево-земляные, редки и не могут считаться обязательной принадлежностью всех больших поселений.

Сведения о позднеолитических и энеолитических укрепленных поселениях в северной части полуострова, особенно на территории Болгарии, ограничены и не всегда определенны. Достоверных свидетельств наличия в эти периоды каменных стенок нет совсем. Упоминания их некоторыми авторами в раскопочных отчетах не подтверждаются документацией и даже противоречат ей. Так, остатки стен, открытые в Каранове [15], не имеют стратиграфической характеристики. То же следует сказать о каменной стене, окружавшей многослойное поселение Балбунар в районе Русе [16]. И здесь точной стратификации не было, но по внешним наблюдениям в обоих случаях стены принадлежали верхним слоям [17], а слои эти относятся уже к раннему бронзовому веку. Несомненно, к этому же периоду относится стена из двух рядов каменных блоков, открытая на поселении Окол-Глава близ с. Гниляне в Софийском районе [18]. Каменная стена, открытая на юго-западном и юго-восточном участках поселения в Русе, не связана с основным энеолитическим слоем и принадлежит небольшому фракийскому поселению, существовавшему в конце бронзового и в начале железного века [19].

В целом можно считать, что сложные каменные оборонительные системы не характерны для энеолитических поселков Болгарии. Зафиксированные в отдельных случаях укрепления ограничивались рвами с земляными валами и палисадами [20], а иногда и одними палисадами [21].

Этими элементами ограничивались и значительно более многочисленные укрепления, открытые к северу от Дуная. В V—IV тыс. до н. э. здесь известны лишь рвы и реже — валы. На поселении культуры Боян в Спанцове в период Бояна III был создан оборонительный ров, а в период Бояна IV, после расширения поселка, появился второй ров [22]. На поселениях культур Гумельницы и Сальнуцы, наряду с естественно укрепленными поселками на выступах террасы или берега, отмечены земляные валы (Видра, Гумельница I) или рвы (Видра, Гумельница II), а иногда сочетание обоих элементов (Тею, Глангоешти), причем иногда фортификационная система создавалась до строительства самого поселка [23]. В культуре Кукутени укрепления, если они и встречались,

---

[15] В. Миков. Праисторически селища и находки в България. София, 1953; J. H. Gaul. The Neolithic Period in Bulgaria. «American School of Prehistoric Research», 1948, No. 16, pp. 43, 90.

[16] В. Миков. Селищната могила при с. Балбунар. ИАИ, вып. IV. София, 1927, стр. 252.

[17] Н. Петков. Селищната могила Окол-Глава. ИАИ, вып. VII. София, 1950, стр. 158.

[18] Н. Петков. Ук. соч. ИАИ, вып. VII, стр. 159.

[19] Г. Георгиев и Н. Ангелов. Разкопки на селищната могила до Русе през 1950—1953 г. ИАИ, вып. XXI. София, 1957, стр. 50, 51, 121.

[20] G. Georgiev. Die Aneolithische Kultur in Südbulgarien in Lichte der Ausgrabungen vom Tell Azmak bei Stara Zadoga. «Studijne zvesti...», 1969, Nitra, Nr. 17, S. 142.

[21] А. Радунчева. Разкопки на селищната могила Клизенджик при с. Виница, Шуменско. «Археология», София, 1966, вып. VIII, № 4.

[22] S. Morintz. O asezare Boian fortificata. SCIV, 1963, t. XIV, pp. 275—283.

[23] S. Morintz. Tipuri de asezari si sisteme de fortificatie si de imprejmuire in cultura Gumelnita. SCIV, 1962, t. XIII, pp. 273—283; A. Florescu. Befestigungsanlagen der Spätneolithischen Siedlungen im Donau-Karpatenraum. «Studijne zvesti...», 1969, Nr. 17, SS. 111—124.

ограничивались рвом или двумя параллельными рвами. Единственное исключение представляет само поселение Кукутени, где ступенчатый ров дополнялся валом и контрвалом и была зафиксирована каменная обкладка [24]. Однако этот пример не только экстраординарен, но и относится уже к фазе Кукутени В, то есть к III тыс. до н. э., когда историческая обстановка здесь заметно изменилась.

Еще севернее, в I и II дунайских и михельсбергской культурах Центральной Европы, укрепления столь же примитивны: они ограничиваются одним, двумя или в самых сложных случаях (Кельн-Линденталь) несколькими концентрическими рвами. Перерывы в ходе рвов представляли примитивные ворота, возле которых иногда располагались земляные насыпи-башни. И. Неуступный, специально исследовавший оборонительные сооружения дунайских культур, подчеркивает, что ни ширина, ни глубина рвов серьезного препятствия нападающим не представляли, и связывает это с общей неразвитостью военных средств в энеолите данной территории [25]. Полагаю, что такая примитивность военных средств была обусловлена большой стабильностью раннеземледельческих культур как на Балканах, так и в Центральной Европе и относительно медленным темпом их экспансии. Можно согласиться с И. Неуступным, отрицающим представление В. Г. Чайлда о полностью мирном характере носителей дунайских культур [26]. Столкновения, конечно, были и прямые свидетельства их известны в различных районах Центральной Европы, — к ним относятся и сами укрепления. Но в условиях господства стационарного земледельческого хозяйства и каменной индустрии, когда производство базировалось в основном на местных ресурсах, а экономика была фактически автаркной (self-sufficing, как характеризует ее В. Г. Чайлд), такие столкновения были скорее исключением, нежели правилом. В противном случае не смогли бы накопиться многометровые культурные слои балканских энеолитических культур, не могло бы веками поддерживаться поразительное единообразие развития внутри обширных территорий дунайских культур — Гумельницы, Кукутени и пр.

Но в III тыс. до н. э., с началом раннего бронзового века, в интенсивности и технике фортификационного строительства на Балканах наступают заметные изменения. В материковой Греции строятся уже мощные крепости. Ярким примером тому может служить Лерна III на берегу Арголидского залива с ее двойным кольцом каменных стен, башнями и воротами [27]. Весьма сложные каменные укрепления появляются на островах (Полиохни II и последующие на Лемносе, Терми III, IV и V на Лесбосе и др.). И подобная же картина, на сей раз четко документированная, встречена на территории Болгарии, где в этот период получают значительное распространение сложные каменные фортификационные сооружения.

С наибольшей полнотой оборонительная система выявлена на многослойном поселении у с. Эзеро (Юго-Восточная Болгария). Верхняя часть его культурного слоя относится к раннему бронзовому веку и синхронизируется в основном с ранними периодами Трои (I—III), Тер-

---

[24] A. Florescu. Op. cit. «Studijne zvesti...», 1969, Nr. 17, S. 111.

[25] J. Neustupny. Fortifications appartenant a la civilisation danubienne neolithique. «Archiv Orientalni», Praha, 1950, v. XVIII, n° 4, p. 138.

[26] V. G. Childe. The Dawn of European Civilization. London, 1950, p. 100; J. Neustupny. Op. cit. «Archiv Orientalni», 1950, v. XVIII, n° 4, pp. 134—135.

[27] J. L. Caskey. Excavations at Lerna, 1957. «Hesperia», 1958, v. XXVII, pp. 132—136, fig. 1, tabl. 33—34.

ми I—V, Полиохни II—V[28]. В этой части слоя выделены 13 строительных горизонтов (нумерация сверху). И уже древнейший поселок, представленный нижним 13-м горизонтом, имел мощные каменные укрепления, располагавшиеся по самому краю верхней площадки холма. С западной стороны ее открыты остатки каменной стены толщиной в 1,5 *м*,

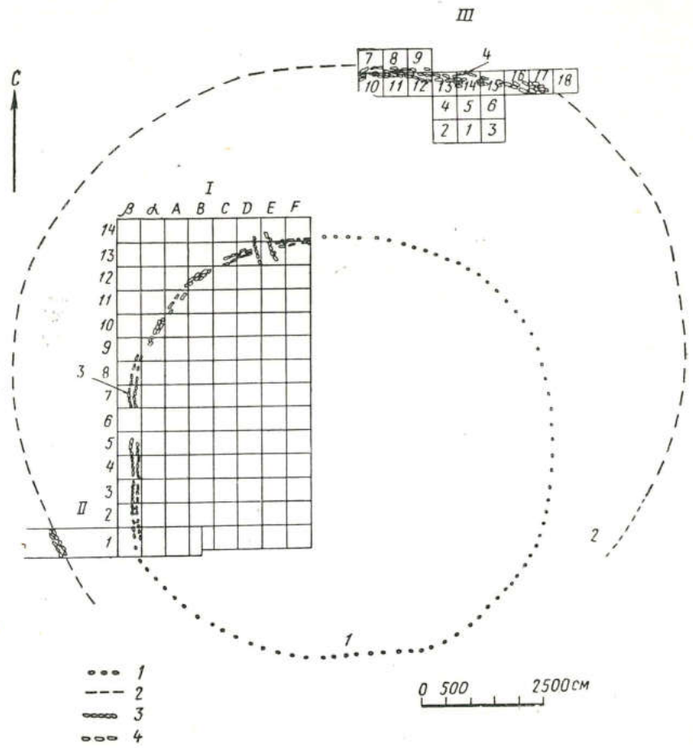


Рис. 1. Схема укреплений (на уровне 4-го горизонта), вскрытых на поселении Эзеро Болгаро-Советской экспедицией: *1* — ход стен акрополя, *2* — ход внешних стен, *3* — остатки внутренних укреплений, *4* — остатки внешних укреплений; *I* — основной раскоп, *II* — стратиграфический раскоп, *III* — северо-восточный раскоп

прослеженной на протяжении около 30 *м*. 5-метровый разрыв в ходе стены на квадратах 5—6 указывает, очевидно, на место западных ворот. Сохранился лишь нижний ряд кладки стены. Он открыт на глубине 3,80—3,90 *м* от 0 (рис. 1).

В период 10-го строительного горизонта укрепления были перестроены и (во всяком случае с западной стороны) отодвинуты на 1,50 *м*

[28] Н. Я. Мерперт. К вопросу о связях Анатолии и Фракии в раннем бронзовом веке. В кн.: «Sbornik Narodniho Muzea v Praze», v. XX, № 1/2, 1966, стр. 109; Н. Я. Мерперт и Г. И. Георгиев. Поселение Эзеро и его место среди памятников раннего бронзового века Юго-Восточной Европы. В кн.: «Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur». Nitra, 1969.

в глубь площадки. Новая стена прослежена на большом протяжении (свыше 60 *м*). Остатки ее позволяют судить об общей схеме большой и достаточно сложной фортификационной системы. Нижний ряд кладки стены открыт на глубине — 3,00 *м* от 0. Толщина стены у основания — 1,50—2,00 *м*. Основу конструкции составляли два ряда крупных (до 0,6 *м*) необработанных камней (местный известняк), пространство между которыми забутовано мелкими и средними камнями. Трудно судить о том, до какой высоты шла каменная кладка, но большие развалы камней по обе стороны панцирей свидетельствуют о наличии многих вертикальных рядов, дополненных, возможно, деревянной или земляной конструкцией. Стена имела эллиптическую форму и окружала верхнюю площадку холма диаметром до 80 *м*. Западные ворота сохранялись на том же месте, что и в 13-м горизонте (рис. 2).

В дальнейшем оборонительная система подверглась еще дополнительным перестройкам, иногда с частичными изменениями ее плана. Несколько заметных перестроек прослежены в периоды от 7-го до 4-го горизонта. Основание стены этого времени открыто на глубине — 2,70 *м* от 0. На западных участках ход стены не изменился, но далее к северу (квадраты 6—10) она вновь была отодвинута к краю верхней площадки, а остатки стены 10-го горизонта перекрыты жилыми постройками. Западные ворота несколько отодвинуты к югу и с внутренней стороны фланкировались каменными сооружениями, возможно, башнями. Весьма характерно оформление северных ворот этого периода. Они представляли собой перпендикулярный ходу стены коридор длиной не менее 8 *м* и шириной 2,5—2 *м*. Коридор огражден каменными стенами. Наклонный пол его обмазан глиной и вымощен камнем. На полу отмечены значительные скопления обгоревшего дерева — возможно, остатки сгоревшего деревянного сооружения, расположенного над коридором или рядом с ним. Довольно резкий наклон пола и небольшая ширина коридора сильно ограничивали возможность подъема на верхнюю укрепленную площадку поселения: по проходу в один ряд могли идти не более двух-трех человек. Подобные «входные коридоры» открыты в древнейших слоях Трои, оборонительные сооружения которых вообще поразительно близки фортификациям Эзера. Уже в Трое IV ворота на квадрате EF 5—6 представляют узкий проход длиной до 5,50 *м* и шириной 1,97 *м*[29]. Совершенно тождественны нашему «входные коридоры» Трои II. Особенно характерен длинный коридор фазы II е. К. Блеген специально подчеркивает, что подъем его был слишком крут для колесного транспорта[30].

В периоды 7-го — 6-го горизонтов поселение у с. Эзеро распространилось за пределы верхней укрепленной площадки (акрополя) и в связи с этим вскоре была создана вторая (внешняя) оборонительная стена, охватившая все подножие холма. Длина укрепленного участка с севера на юг достигала 160 *м*. Конструкция внешней стены та же, что и у стены акрополя, а камни, составлявшие ее панцири, еще крупнее (до 1 *м*). С постройкой этой стены поселение превратилось в сильную крепость с двойной системой мощных каменных укреплений. В случае военной опасности оно могло быть убежищем не только для собственного населения, но и для жителей небольших открытых земледельческих поселков, обнаруженных в непосредственной близости от Эзера. Планировка акрополя была приведена в соответствие с таким назначе-

[29] C. W. Blegen et al. Troy, v. I, p. 1. Princeton, 1950, pp. 145—147, fig. 436.
[30] C. Blegen. Troy and the Trojans. London, 1963.

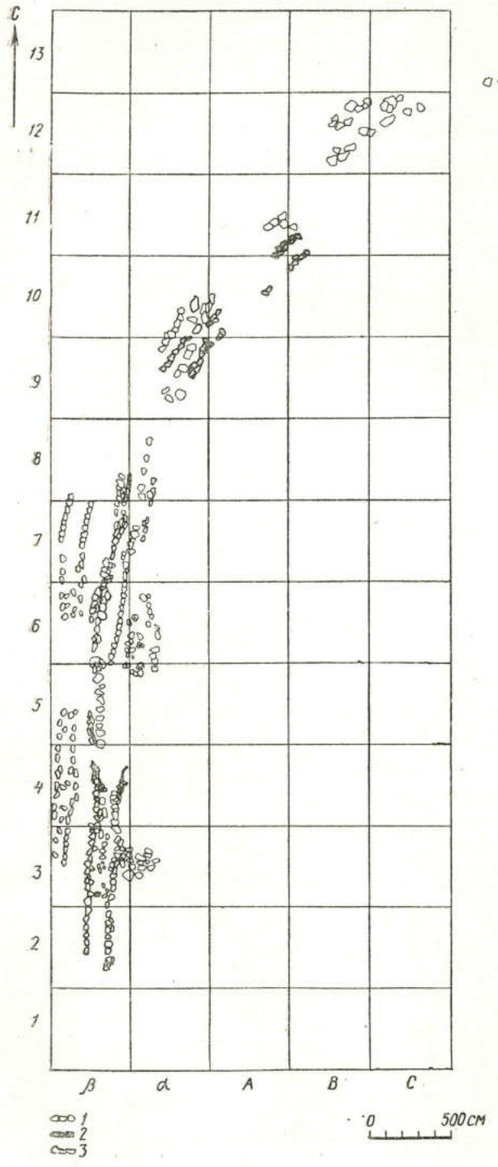


Рис. 2. Перестройки оборонительных сооружений акрополя на западном участке поселения Эзеро: *1* — остатки стен 7—6-го горизонтов, вскрытые в 1965 г. на глубине 2,7 *м*; *2* — остатки стен 10-го горизонта, вскрытого в 1967 г. на глубине 3,0 *м*; *3* — остатки стен 13-го горизонта, вскрытые в 1970 г. на глубине 3,8—3,9 *м*

нием поселка и с планом фортификаций. Расположенные по странам света ворота соединены центральными проходами, крестообразно пересекающими акрополь. Дома расположены в основном вблизи оборонительных стен, а многочисленные зернохранилища и печи для выпечки хлеба, находившиеся под особыми навесами в центральной части поселения, рассчитаны на вынужденную концентрацию здесь окрестного населения.

Таким образом, в Эзеро представлена мощная система каменных фортификаций, резко отличающаяся от всех, даже наиболее совершенных, укреплений этой территории предшествующих периодов. И крепость эта отнюдь не единичное исключение для раннего бронзового века Болгарии.

Остатки такой же каменной стены обнаружены на аналогичном Эзеру по культуре поселении Михалич в Южной Болгарии.

Эта стена, построенная из больших и меньших каменных блоков, возможно, скрепленных глиной, имела ширину около 1,60 *м*. Сохранилась только часть стены длиной около 8 *м* и высотой 1,20 *м*, открытая на юго-восточном участке раскопа [31]. На многослойном поселении в Казанлыке каменная стена такой же конструкции (толщиной в среднем 1,5 *м*) прослежена Р. Катинчаровым в северной части холма на протяжении более 35 *м*. Стратиграфически она связана с разрушенным слоем раннего бронзового века, культурно аналогичным Эзеру и Михаличу. Со слоем этого же периода связана каменная стена (толщиной 1,60 *м*), окружавшая верхнюю площадку поселения у с. Кирилло-Мефодиева [32]. Выше уже упоминалась стена на поселении Окол-Глава. На всех стратифицированных памятниках каменные укрепления принадлежат слоям раннего бронзового века. Есть все основания относить к этому периоду подобные конструкции, найденные в менее четких стратиграфических условиях — на поселениях Караново, Балбунар, Мечкур близ Пловдива [33] и др.

Все это позволяет говорить о широком распространении каменных фортификаций на севере полуострова в эпоху раннего бронзового века. Они становятся обязательной принадлежностью каждого крупного поселка. И не случайно в тот же период конструктивно очень близкие, а иногда и полностью аналогичные оборонительные сооружения появляются в сопредельных областях Эгеи, Западной и Центральной Анатолии, Северо-Западного Причерноморья, а также и в более отдаленных областях Северного и Восточного Причерноморья. В одних случаях они возникают вместе с самими поселениями (Троя I [34]), в других — каменными стенами обносятся не укрепленные ранее поселки.

Так, два нижних поселка Терми не имеют никаких следов укреплений и автор раскопок подчеркивает мирный характер живших в них коллективов [35]. В поселках Терми III и IV открыты толстые каменные стены, но функции их не совсем ясны [36]. И лишь в поселках IV и особенно V открыта четкая система обводных каменных укреплений [37],

---

[31] В. Миков. Предисторическото селище до с. Михалич, Свиленградско. «Разкопки и проучвания», София, 1948, т. I, стр. 8.

[32] Г. И. Кацаров. Разкопки в Свети Кирилово. «Известия на Българско Археологическо Дружество», т. III. София, 1913.

[33] G. Seure et A. Degrand. Exploration de quelque tells de la Thrace. «Bulletin de Correspondance Hellenique», Paris, 1906, v. XXX.

[34] C. Blegen. Op. cit., p. 43.

[35] W. Lamb. Excavations at Thermi in Lesbos. Cambridge, 1936, p. 208.

[36] W. Lamb. Op. cit., pp. 24—25, 32.

[37] Ibid., pp. 35, 43—47.

состоящая из внутренней и двух или более внешних стен с воротами, подобными «входным коридорам» Эзера и Трои[38].

Не был укреплен и древнейший («черный») поселок Полиохни. Каменные укрепления появляются у второго («синего») поселка и получают полностью уже развитой характер в периоды третьего («зеленого») и четвертого («красного») поселков, синхронных Трое I[39].

В многослойном поселении Бейзесултан в Юго-Западной Анатолии серия последовательных энеолитических поселков не имела укреплений, и лишь у последнего из них предполагается возможность наличия стены из сырцового кирпича. Но с началом первой фазы раннего бронзового века (слой XIX) появляется оборонительная система, включавшая стены из необработанных камней толщиной 1,25 *м* и, возможно, башни и контрфорсы[40]. Даже совсем небольшие поселки Западной Анатолии, состоящие из одной постройки, становятся укрепленными (Карataш — Семайук)[41].

В тот же период каменные укрепления появляются и в Центральной Анатолии. Каменная стена открыта на поселении раннего бронзового века Ахлатлибель в районе Анкары[42]. Расположенное еще восточнее поселение Алишар было обнесено каменной стеной в период I B — то есть в середине III тыс. до н. э.[43].

Активизируется строительство укреплений и к северу от Дуная. Такая активизация, связанная с определенной и все более нараставшей «нестабильностью» жизни, отмечается уже для финального энеолитического периода в культуре Городиштя-Фолтешти[44]; в дальнейшем укрепленные системы создаются на поселениях культуры Черноводы, исследуемой на территории Румынии и синхронной Эзеру[45].

Совершенно очевидно, что потребности обороны, опасность внутренних столкновений и вторжений извне резко возросли во всех этих исторически взаимосвязанных и культурно близких районах.

Но подобная историческая ситуация документируется и для Причерноморья в целом. Укрепления появляются в «ключевых пунктах» Северного Причерноморья — в местах наиболее активного контакта оседлых земледельческо-скотоводческих групп с подвижными группами степных скотоводов. Укрепления создаются на усатовских и других позднетрипольских поселениях (Усатово, Маяки и др.). Каменные фортификации открыты на поселениях этого же периода в Нижнем Поднепровье — в Михайловке и Скеле Каменоломне[46]. Каменными стенами обнесены поселения майкопской культуры второй половины III тыс. до н. э. на Северном Кавказе (Мешоко)[47]. В этот период заметно активизируется и фортификационное строительство в Закавказье,

[38] W. Lamb. Op. cit., fig. 18—19.
[39] L. B. Brea. Poliochni. Citta Preistorica nell Isola di Lemnos, t. I. Roma, 1964.
[40] S. Lloyd and J. Mellaart. Beycesultan, v. I. London, 1962, p. 27.
[41] M. J. Mellink. Excavations at Karatas-Semayük in Lycia, 1967. AJA, 1968, v. 72, No. 3, p. 244.
[42] K. Bittel. Prähistorische Forschungen in Kleinasien. «Istambuler Forschungen», 1934, Bd. VI.
[43] J. Neustupny. Op. cit. «Archiv Orientalni», 1950, v. XVIII, n° 4, p. 148; S. Lloyd. Op. cit., p. XX.
[44] M. Dinu. La civilisation Horodistea-Foltesti á la lumière des nouvelles recherches. «Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur». Nitra, 1969, S. 15.
[45] D. Berciu. Quelque données préliminaires concernant la civilisation de Cernavoda. «Slovenska Archeologia», Nitra, 1964, v. XII, n° 1, p. 269.
[46] О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962, стор. 50 и сл., 65 и сл., 77.
[47] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 98.

там появляются сложные и совершенные каменные укрепления Шингавитского поселения и другие циклопические крепости Южного Кавказа.

В целом создается как бы циркумпонтийская система каменных крепостей. Явление это, несомненно, обусловлено социально-экономическим развитием населения указанных областей, развитием всех отраслей производства и особенно металлургии и металлообработки, ростом прибавочного продукта и концентрацией его на крупнейших поселениях, изменением самого характера этих поселений, связанным с производственной специализацией и развитием ремесел. Само создание сложных и часто идентичных фортификационных систем является показателем такой специализации. Она документируется и повторяющейся из горизонта в горизонт концентрацией следов определенных видов производства (прежде всего металлообработки) в одних и тех же районах поселений, что достаточно четко отмечено при исследовании Эзера[48]. В целом все виды общинных ремесел концентрировались на укрепленных поселениях, с каждым из которых была связана группа небольших открытых сельскохозяйственных поселков[49]. Все это позволяет говорить о достаточно сложной общественной структуре населения Балканского полуострова, о нарастании различий между общинами и дифференциации внутри них, что, безусловно, способствовало заметному усилению межплеменных столкновений.

Но наряду с этими внутренними факторами следует учитывать, что именно в III тыс., особенно во второй его половине, резко активизировались передвижения причерноморских скотоводческих групп, все более усиливавших свой натиск на земледельческие области как балкано-дунайского, так и кавказского флангов степной полосы. Эти передвижения охватили все Северное Причерноморье, а отдельные вклинения прослежены вплоть до Восточной Болгарии[50]. Не менее бурные события происходили в этот период и в Анатолии, где отмечены заметные передвижения и появление новых культурных и этнических элементов (лувийцев, позднее хеттов). Определенная стабилизация и одноэтничность значительных областей, характерные для энеолитического периода, были резко нарушены. Драматические события конца III тыс. до н. э. охватили все области циркумпонтийской зоны. С ними связаны создание гигантской древнеямной культурно-исторической области, перемещения больших групп в Анатолии, сочетание анатолийских элементов с центрально- и восточноевропейскими в культурах Эзера, Черноводы и Баденской, восточноанатолийские элементы в майкопской культуре Северного Кавказа, распространение по всей зоне металлических изделий, близких как по форме, так и по составу металла. Эти события стали одним из основных факторов, обусловивших появление здесь системы каменных крепостей.

[48] Н. Я. Мерперт и Г. И. Георгиев. Ук. соч. В кн.: «Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur», S. 15.
[49] Там же, S. 3.
[50] Н. Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. КСИА, вып. 108. М., 1966; Г. Тончева. Новооткрити антропоморфни плочи край с. Езерово, Варненско. «Известия на Народния музей — Варна», т. III (XVIII), 1967, стр. 3—18.

А. И. МЕЛЮКОВА

НАХОДКИ ИЗ СКИФСКОГО МОГИЛЬНИКА IV—III вв. до н. э. НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ДНЕСТРОВСКОГО ЛИМАНА

При раскопках скифского грунтового могильника у с. Николаевка, Овидиопольского района, Одесской области[1] кроме оружия, керамики и украшений тех типов, которые часто встречаются в памятниках Северного Причерноморья, было найдено несколько уникальных предметов. Трем таким находкам посвящена эта статья.

Из женского погребения № 1 (траншея 19 1968 г.) происходит пара изящных золотых височных колец-подвесок (рис. 1), найденных у черепа погребенной. Кольца овальной формы (внутренний диаметр 3,9×3,3 *см*), круглые в сечении, утолщенные в средней части и сужающиеся к несомкнутым концам (диаметр в средней части 0,4 *см*, у концов — 0,15 *см*). Довольно большой вес (каждое кольцо весит 13,25 *г*) свидетельствует, что они имеют металлическую основу, скорее всего, серебряную, и лишь сверху покрыты тонким листом светлого золота. На обоих кольцах наружный край золотого листа оковки хорошо заметен, но основа нигде не проступает. Концы близко подходят друг к другу. Один из них прямо срезан, на втором напаян золотой шарик и два тонких проволочных колечка под ним. Край верхнего колечка оформлен в виде слабо заметных зубчиков. Нижнее колечко гладкое. Такие же проволочные колечки, соединенные по три, из которых среднее с зубчатым краем, а крайние гладкие, напаяны еще в двух местах — посредине кольца и напротив конца с шариком. Они служат основой, на которую с наружной стороны колец припаяно по одной 6-лепестковой розетке. Розетки тисненые; лепестки с углублениями в средней части и выступающими краями располагаются вокруг напаянного в центре шарика. Шарик сохранился только в одной из розеток. Углубления в лепестках, возможно, были сделаны для цветных вставок из пасты, однако никаких следов вставок не заметно. На одном из колец лепестки одной розетки загнуты по кольцу вниз.

[1] Раскопки могильника производились под моим руководством в 1965, 1966 и 1968 гг. Материалы не опубликованы. Хранятся в Одесском археологическом музее. Краткие сведения о памятнике см. А. И. Мелюкова. Раскопки на могильнике и поселении IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка. АО 1966 г. М., 1967, стр. 204; она же. Раскопки скифских могильников IV—III вв. до н. э. АО 1968 г. М., 1969, стр. 279.

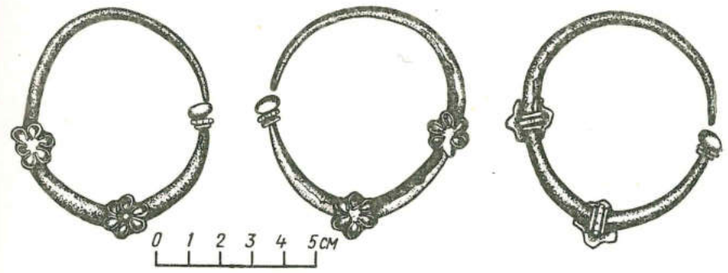


Рис. 1. Золотые височные кольца-подвески из скифского могильника на левобережье Днестровского лимана (погребение № 1, траншея 19 1968 г.)

Погребение, в котором найдены височные кольца, датируется концом IV — началом III в. до н. э. по амфоре группы Муригиол и чернолаковому аттическому канфару.

По общей форме височные кольца из Николаевского могильника ближе всего к одному из типов греческих серег, выделенных К. Гадачеком (Offene Ring mit angelöteten Gebilden)[2].

Как отмечает К. Гадачек, серьги в виде несомкнутого кольца с напаянным узором появились в VII в. до н. э., известны по находкам в Греции, Малой Азии, греческих колониях Сицилии, в памятниках VII—VI вв. до н. э. Дафнии и Навкратиса, а также по изображениям в вазовой живописи и на монетах Сиракуз VI — первой половины V в. до н. э.[3]. Однако большинство серег этого типа украшено пирамидками из зерни или напаянными колечками; другой узор встречается редко. Серег или височных колец, во всем аналогичных найденным в Николаевском могильнике, мне неизвестно. Можно привести лишь несколько более или менее близких к ним по отдельным деталям. Пожалуй, больше всего сходного у них с серебряной серьгой, воспроизведенной П. Германном среди вещей, поступивших в Дрезденский музей в 1891 г.[4]. Автор публикации места находки серьги не называет, но К. Гадачек считает ее происходящей из Смирны[5]. П. Германн упоминает второй экземпляр подобной серьги из Малой Азии[6], однако воспроизведения его в литературе найти не удалось. Дрезденская серьга, помимо того, что она сделана из серебра и не имеет золотой обкладки, отличается от николаевских некоторыми другими особенностями: она

[2] K. Hadaczek. Der Ohrschmuck der Griechen und Etrusker. Wien, 1903, S. 16, Fig. 25, 26.
[3] K. Hadaczek. Op. cit.
[4] P. Herrmann. Erwerbungen der Antikensammlungen in Deutschland. Dresden, 1891; AA, 1892, SS. 169—170, Fig. 46. Автор считает предмет фибулой, несмотря на отсутствие пружины и приемника.
[5] K. Hadaczek. Op. cit., S. 16.
[6] P. Herrmann. Op. cit., S. 170.

меньше по размерам, по форме напоминает дуговидную фибулу, так как один конец несомкнутого кольца загнут под прямым углом, второй конец, по-видимому, обломан. На дужке напаяно не две, как у николаевских височных колец, а три группы соединенных по три маленьких колечек, среднее из которых с зубчиками по краю. 6-лепестковые розетки, во всем сходные с розетками на николаевских височных кольцах, напаяны с наружной стороны двух групп колечек; третья группа, расположенная в центре серьги, не имеет розетки. 9 золотых колец-подвесок, орнаментированных розетками, было найдено в кургане Мушовица могила в Болгарии, относящемся к началу V в. до н. э.[7]. Однако сходство их с николаевскими височными кольцами еще меньше, чем у дрезденской серьги. Розетки на них не 6-, а 4-лепестковые, расположены они по 3 на средней, утолщенной части кольца; свободное пространство между ними украшено мелкой зернью. Кроме того, у этих подвесок иначе оформлены несомкнутые концы, а розетки напаяны не на группы из трех колечек, а прямо на кольцо, но на довольно высокой подставке. 10-е кольцо-подвеска, входящее в тот же набор головного украшения из кургана Мушовица могила, хотя и не имеет напаянных розеток, по пропорциям и другим деталям довольно близко к височным кольцам из Николаевского могильника. У него совершенно так же, как у них, оформлен один из несомкнутых концов и так же расположены две группы строенных колечек, из которых среднее имеет зубчики по краю[8].

Отсутствие прямых аналогий и малое количество серег, близких к описанным, хотя бы по отдельным особенностям, не позволяет определить, из какого центра ювелирного производства происходят височные кольца, найденные в могильнике у с. Николаевка. Выполненные в традициях античного ювелирного искусства, они могут быть изготовлены в одной из греческих или местных мастерских, работавших по греческим образцам.

В связи с тем что в технике изготовления колец заметна некоторая небрежность, можно считать, что они — произведение ремесленника, расчитанное на широкий рынок. Этим обстоятельством, очевидно, можно объяснить находку височных колец в одном из погребений могильника, оставленного рядовым скифским населением, жившим на левом берегу Днестровского лимана, занимавшимся в основном земледелием и связанным торговлей с близлежащими греческими колониями. Поскольку по всему комплексу находок, полученных при раскопках могильника, прослеживается более тесная торговля местного населения с городами Западного, а не Северного Причерноморья, можно думать, что николаевские височные кольца поступили от греческого купца из Западного района Причерноморья. Золотые подвески из Мушовица могила указывают на то, что греческая или туземная мастерская Фракии могла быть одним из возможных мест их изготовления.

В мужском погребении № 16 (раскоп VIII 1966 г.) слева у черепа найдено серебряное височное кольцо, сделанное из круглого в сечении стержня диаметром 0,3 *см* (рис. 2). Прямо обрубленные концы стержня, согнутого в чуть сплющенное кольцо, заходят друг на друга. В средней части к кольцу припаяна скульптурная, полая внутри фигурка львицы, покоящаяся на прямоугольном пьедестале, сохранившемся лишь в верхней части. Львица изображена в позе припавшего

[7] И. Велков. Могилни гробни находки от Дуванлий. ИАИ, вып. VI. София, 1930, стр. 40; Б. Филов. Надгробните могили от Дуванлий. София, 1934, стр. 88, рис. 109.

[8] Б. Филов. Ук. соч., рис. 109 (крайний правый экземпляр в среднем ряду).

к земле и готового к прыжку хищника. Морда ее довольно выразительна, хотя глаза, нос, пасть и уши не детализированы, а даны весьма схематично. Хорошо проработаны задние ноги, а передние не показаны. Львица как бы грудью опирается на пьедестал.

Погребение датируется IV — началом III в. до н. э. на основании находок в нем амфоры с колпачковой ножкой, чернолакового аттического блюдца и бронзовых наконечников стрел. Тип височных серег с изображением животного или иной фигуры на крупной базе, к которому можно отнести височную серьгу из николаевского могильника, греческого происхождения[9]. Прототип его появился еще в Трое[10]. Однако в самой Греции этот тип височных украшений не имел широкого распространения и развития. Зато он хорошо известен по находкам в царских скифских курганах и богатых погребениях IV—III вв. до н. э. в некрополях греческих городов Северного Причерноморья[11]. Все известные нам экземпляры золотые. Некоторые из них, как например, височные подвески со сфинксами, сидящими на невысоком пьедестале, из Феодосии[12] или кургана I группы «Три брата на Боспоре»[13], выполнены первоклассными греческими торевтами. Подвески со сфинксами из Деева кургана отличаются менее высоким художественным мастерством; очевидно, они сделаны рядовыми ремесленниками[14]. Еще следует выделить ту группу височных украшений, которые изготовлены местными скифскими мастерами в подражание античным образцам. К ним принадлежит пара золотых серег от головного убора женщины из кургана у с. Рыжановка, наиболее близких к находке из погребения № 16 по характеру и стилю фигурного изображения[15]. Крылатый хищник передан на рыжановских серьгах в той же позе, что и на височном кольце из Николаевского могильника. Сближает их и слабая проработка деталей тела и морды животных, хотя в целом львица на николаевском кольце более выразительна. Узор в виде зигзага и плетенки на полом постаменте, а также шумящие привески, прикрепленные к нему, хвосту и рту хищника, составляют особенность рыжановских, а также и некоторых других височных колец этого типа, более далеких от нашей находки по характеру фигурного изображения.

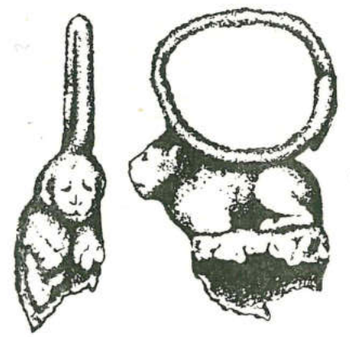


Рис. 2. Серебряное височное кольцо (погребение № 16, раскоп VIII 1966 г.)

Есть еще одна, пожалуй, более существенная особенность, позволяющая выделить височное кольцо из Николаевского могильника в

[9] K. Hadaczek. Op. cit., S. 4.

[10] K. Hadaczek. Op. cit., Fig. 1.

[11] E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p. 397, pl. 292, 294, *2*.

[12] E. Minns. Op. cit., pl. 294, *2*.

[13] Д. С. Кирилин. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера. В кн.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 184, рис. 5.

[14] ИАК, вып. XIX. СПб., 1906, табл. XIII, *18*.

[15] В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, Д 1—4. М., 1967, табл. 20, 23.

особый до сих пор неизвестный вариант в типе височных серег с фигурными изображениями. Эта особенность заключается в форме дужки и способе прикрепления ее к фигурке животного. Все ранее найденные золотые височные украшения с фигурками на пьедестале имеют высокую дужку в виде крюка, один конец которого прикреплен к фигурному изображению, другой отогнут. В отдельных случаях второй конец плотно прилегает к первому, как например, на серьгах со сфинксами из кургана I группы «Три брата на Боспоре». Иногда фигурное изображение снабжено колечком или пронизкой, через которую продевалась дужка.

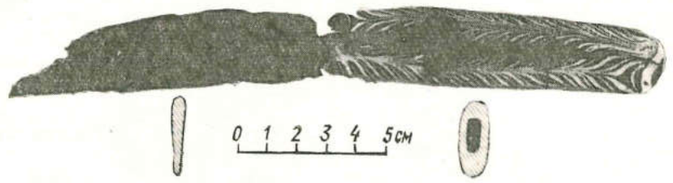


Рис. 3. Железный нож с рукояткой из непрозрачного стекла (погребение № 18, раскоп VIII 1966 г.)

В отличие от всех названных вариантов дужка височной серьги из Николаевского могильника имеет вид кольца с заходящими друг на друга концами, причем изгиб кольца удачно использован для скрепления с фигуркой львицы. Кольцо припаяно так, что оно повторяет изгиб спины животного. Форма дужки заставляет сближать височное украшение из Николаевского могильника с часто встречающимися в памятниках IV—III вв. до н. э. височными подвесками в виде кольца с заходящими друг на друга концами, на которое нанизана бусина или пронизка. Кольцо может быть золотым, серебряным, бронзовым или даже железным. Бусина чаще всего бывает пастовой или в виде стеклянного флакончика. Ареал этих простеньких височных серег очень широк. Они известны в степи и лесостепи Северного Причерноморья, а также в Западной Европе со времен латена II[16]. Однако фигурные изображения, припаянные или просто нанизанные, хоть сколько-нибудь близкие по общему облику к николаевскому, на них не встречены.

Кто был создателем оригинального височного украшения из Николаевского могильника, в котором как бы слились воедино особенности, характерные для двух разных типов височных украшений, определить трудно. Отсутствие черт, свойственных скифскому звериному стилю, в передаче фигурки львицы, особенно реалистическая трактовка морды животного, заставляет склоняться к тому, что украшение было сделано греческим ремесленником в одном из городов Северного или Западного Причерноморья.

В погребении № 18 (раскоп VIII 1966 г.) среди костей коровы — остатков заупокойной пищи, положенной в ногах женского погребения, был найден необычный нож (рис. 3).

Общая длина ножа 22 *см*, а 11,5 *см* приходится на рукоять. Железный клинок ножа имеет горбатую тупую спинку, прямое лезвие и острый конец. От середины клинка отходит узкий прямой черенок (ширина его в верхней части 0,9 *см*), который простирается на всю длину рукояти, сужаясь в острие к концу. Рукоять, сделанная из непрозрачного черного стекла с желтыми и белыми волнистыми прожилками, имеет вид тонкого бруска толщиной 0,8 *см*, шириной 2,5 *см*, конец которого слегка округлен. В результате коррозии железного черенка рукоять местами потрескалась, середина ее выкрошилась и черенок оголился. Стекловидная масса, из которой сделана рукоять, имеет такой же внешний вид, как на бусах и пронизках, а также на некоторых алабастрах, сделанных из «финикийского стекла», хорошо известного по находкам в скифских и античных памятниках нашего юга[17]. По всей вероятности, и техника изготовления рукояти была такой же, как и других изделий из аналогичного материала. Рукоять плотно со всех сторон облегает черенок, а это свидетельствует о том, что она была надета на него, когда стекловидная масса была мягкой, еще не затвердела. Основываясь на технологии изготовления бус из «финикийского стекла», мы можем думать, что заготовка состояла только из черной стекловидной массы. Желтые и белые стеклянные нити накладывались и втирались в еще мягкую заготовку, но уже после того, как она была надета на черенок. Затем производилась окончательная формовка рукояти и заглаживание поверхностей, по-видимому, при помощи плоского камня или дощечки.

Погребение, в котором найден нож, датируется третьей четвертью или концом IV в. до н. э. по сопровождавшей его фасосской амфоре с клеймом. Железные ножи составляют едва ли не самую многочисленную группу изделий из памятников Северного Причерноморья. В скифских погребениях они чаще всего находятся вместе с остатками заупокойной мясной пищи, обычно сопровождавшей покойника в загробный мир. Встречаются они и отдельно от нее. Немало железных ножей найдено и в некрополях античных городов Боспора и Ольвии. Однако, несмотря на обилие находок, мы не можем привести ни одного ножа, близкого к описанному, не только из Северного Причерноморья, но и из других соседних и более далеких территорий. Только по форме клинка его можно сопоставить с одним из типов железных ножей, бытовавших в Северном Причерноморье[18] и имевших довольно широкое распространение за его пределами[19], известных в греческих городах, например, в Олинфе и Приене[20]. Но обычно ножи с клинком этого типа (с прямым лезвием и горбатой спинкой) имеют широкий или более узкий, как правило, короткий черенок, непохожий на описанный выше. Рукояти этих, как и ножей других типов, делались из кости, дерева, иногда из металла. В царских скифских курганах есть ножи с рукоятками, обложенными золотом[21]. Нож с рукоятью из непрозрачного цветного стекла для скифской эпохи представляет совершенно новое явление, которому пока трудно найти правильное объяснение. Нет сомнения в том, что нож не мог быть изготовлен местным мастером. Оче-

[16] Б. Н. Граков. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА, № 115. М., 1962, стр. 93, 199, рис. 8, *6*; В. Г. Петренко. Ук. соч., стр. 31, табл. 20, *15—21*.

[17] П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, Д 1—31. М., 1965, табл. 30, *19*; В. Г. Петренко. Ук. соч., табл. 23, *13*, *24* и 37, *25*; Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. М., 1957, табл. III, *5*.

[18] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36. М., 1954, стр. 110, табл. XIII, *1*; В. Г. Петренко. Ук. соч., табл. 17, *8*, *13*.

[19] С. И. Капошина. Некрополь в районе поселка им. Войкова. МИА, № 69. М., 1959, стр. 143, рис. 52.

[20] D. M. Robinson. Excavations at Olynthus. Part X. Metal and minor miscellaneons Finds. London, 1941, p. 335, No. 1595; T. Wiegand, H. Schrader. Priene, Ergebmisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in Jahre 1895—1898. Berlin, 1904. S. 391, Fig. 515.

[21] М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов. Ленинград—Прага, 1966, табл. 211.

видно, он происходит из какого-то центра античного мира, в котором в IV в. до н. э. умели варить стекло, получившее название финикийского. В Причерноморье такие центры пока неизвестны. Изделия из непрозрачного «финикийского» стекла считаются привозными из Египта или Сирии, где существование таких мастерских отмечено письменными источниками. А. Киза допускает наличие стеклоделия на островах Лесбосе и Родосе с IV в. до н. э.[22]. Ф. Нейбург считает, что стеклоделательные мастерские на этих островах были египетскими[23]. Отсутствие находок ножей с рукоятками из этого материала говорит о том, что изготовление ножей, подобных нашему, очевидно, не было рассчитано на широкий сбыт, в отличие от бус и различных флаконов, которые поступали в большом количестве, особенно бусы, во все античные города-колонии и к местному населению, связанному с колониями торговыми узами. В этой связи попадание ножа с рукоятью из «финикийского стекла» к жителям побережья Днестровского лимана, видимо, нужно считать случайным. Нож мог привезти греческий купец как свое личное орудие и по каким-то причинам продать или подарить его местному жителю, в данном случае, возможно, женщине. Использовался ли он в быту наряду с обычными для этих мест железными ножами, имевшими рукоятки из дерева или кости, сказать трудно. Но в могилу он попал как режущее орудие, предназначенное для разрезания мяса.

[22] A. Kisa. Das Glass im Altertume. Leipzig, 1908, S. 116.
[23] F. Neuburg. Glass in Antiquity. London, 1949, pp. 15—21.

Д. С. РАЕВСКИЙ

О СЕМАНТИКЕ ОДНОГО ИЗ ОБРАЗОВ СКИФСКОГО ИСКУССТВА

Замечательный комплекс предметов из кургана Куль-Оба уже много лет привлекает внимание исследователей. Тем не менее большинство предметов этого комплекса не получило должного освещения в литературе. К ним относится группа металлических культовых сосудов, обнаруженная у западной стены склепа. Религиозная символика как отдельных изображений, так и культовый смысл всего комплекса сосудов остаются нераскрытыми. К одному из сосудов этой группы мы и обращаемся в настоящей статье.

Речь идет о небольшом шаровидном серебряном сосуде с высоким горлом обычной для скифских древностей формы. Его тулово украшено рельефным поясом с изображениями водоплавающих птиц, скорее всего, уток. Часть птиц представлена спокойно плавающими, часть — ныряющими за рыбами, изображения которых помещены между фигурками птиц (рис. 1). Этот сюжет на первый взгляд с трудом поддается толкованию как культовый. В нем можно было бы видеть не более чем чисто декоративный мотив, но большинство сосудов этого типа имеет бесспорно культовую орнаментацию; кроме того, эти сосуды можно видеть у персонажей религиозных сцен на различных изображениях[1]. Поэтому маловероятно украшение одного из сосудов этого типа узором чисто декоративным. Культовый характер интересующего нас сюжета доказывается и тем, что этот сюжет встречается в скифском искусстве неоднократно, в том числе и на различных ритуальных

[1] М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, вып. 49. СПб., 1913, стр. 10, прим. 2; он же. Воронежский серебряный сосуд. МАР, № 34. Пг., 1914, стр. 83; Д. С. Раевский. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея. СА, 1970, № 3, стр. 92—98.

сосудах. Такой декор имеет серебряная чаша с горизонтальными ручками из Чмыревой могилы[2]. Очень близок к этим изображениям фриз на серебряном ритоне из Карагодеуашха, расположенный под известной инвеститурной сценой (рис. 2).

Золотая булавка из Куль-Обы с навершием в виде утки, перстень из Чертомлыка и другие вещи, украшенные изображениями водоплавающих птиц, свидетельствуют об устойчивости этого символа в скифском искусстве. Античные источники, содержащие сведения о верованиях скифов, не сообщают никаких данных о культе водоплавающей птицы. В поисках необходимого материала приходится обращаться к индо-иранской мифологии, привлечение которой весьма эффективно при толковании скифской религии[3]. Наша задача облегчается тем, что Э. Шредером уже собраны все сведения, касающиеся символики образа водоплавающей птицы в древних религиях индо-иранского мира[4]. Сопоставление различных источников привело автора к выводу, что в древней мифологии Ирана и особенно Индии наблюдается стабильное противопоставление двух образов: хищной птицы (орла, сокола) или орлиноголового грифона и водоплавающей птицы (утки, гуся). Первый образ символизирует высший, потусторонний мир, а второй служит олицетворением мира земного, смертного. Индийские источники, наиболее ярко сохранившие такое толкование, противопоставляют двух птиц как духа жизни и высшего Духа[5]. Если мы примем это толкование, то культовые древности, украшенные изображениями водоплавающих птиц, должны рассматриваться как атрибуты культа некоего божества, олицетворяющего земной мир и власть над ним.

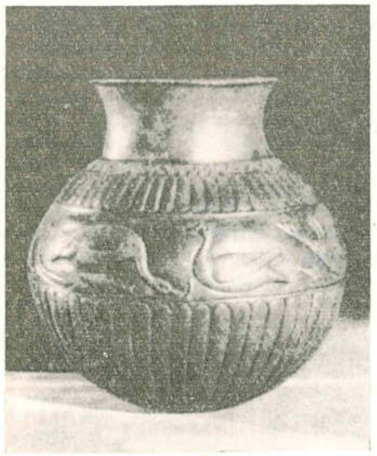


Рис. 1. Серебряный сосуд из кургана Куль-Оба

Имеются ли какие-либо основания для распространения такой интерпретации на названные скифские предметы? Обратим внимание на то, что образ водоплавающей птицы представлен на всех трех известных нам типах скифских культовых сосудов: шаровидном кубке, ритоне и чаше с горизонтальными ручками. Пока нельзя сказать с уверенностью, атрибутом какого культа являются сосуды с горизонтальными ручками. Находка В. И. Бидзили в кургане Гайманова могила показывает, впрочем, что культовые функции сосудов этого типа и шаровидных кубков были тождественны. Это доказывается тождеством сюжетов изображений на них, и еще М. И. Ростовцев убедительно показал, что шаровидные кубки и ритоны в Скифии всегда изображаются в сценах приобщения царя божеству и должны рассматриваться как символы божественного происхождения царской власти[6]. Именно на таких культовых атрибутах вполне уместно изображение птицы, символизирующей власть над земным миром.

Данное М. И. Ростовцевым толкование культовой функции этих сосудов подтверждается предложенной нами интерпретацией сюжета некоторых изображений на них[7]. Сцена вручения Таргитаем атрибутов царской власти младшему из своих сыновей, легендарному первому царю скифов, неразрывно связана с идеей божественного происхождения земной власти, а следовательно, по смыслу тождественна тому значению, которое мы предположили для образа водоплавающей птицы. Идейное тождество реалистического изображения на этот сюжет и его символического воплощения в зооморфном образе лучше всего доказывается ритоном из Карагодеуашха, где в непосредственном соседстве находятся обе трактовки: и сцена инвеституры, и фриз из фигур уток (рис. 2). Странное, на первый взгляд, сочетание мотивов получает при предложенном толковании смысловое обоснование. То, что древний мастер поместил оба изображения вместе, позволяет сопоставить такие же изображения на однотипных сосудах и высказать предположение, что сюжетные сцены на куль-обском и воронежском сосудах и рассматриваемый зооморфный мотив несут одинаковую смысловую нагрузку.

Рис. 2. Серебряный ритон из кургана Карагодеуашх

Эти соображения дают право утверждать, что названные скифские древности не противоречат предложенной Э. Шредером трактовке образа водоплавающей птицы в индо-иранских религиях как символа власти над земным миром, но и предоставляют некоторые дополнительные аргументы в пользу такого толкования. Воплощался ли этот символ в скифской религии лишь в данном зооморфном образе или же он персонифицировался в каком-либо из антропоморфных богов скифского пантеона? Как известно, Геродот называет имена восьми скифских божеств, трех женских и пяти мужских, включая почитаемого лишь царскими скифами Тагимасада[8]. Думается, что поиски следует вести только среди мужской части пантеона, так как вряд ли в патриархальном скифском обществе идея власти над земным миром могла персонифицироваться в женском божестве. Из пяти богов Зевс-Папай, безус-

---

[2] ОАК за 1909—1910 годы. СПб., 1913, стр. 131, рис. 199, *а, б, в*.

[3] Подробнее об этом см. Д. С. Раевский. Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства. В кн.: «Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция 1969 года». Доклады. М., 1971, стр. 268—270.

[4] E. Schroeder. An aquamanile and some implications. «Ars Islamica», v. V, p. I. Michigan, 1938, pp. 17 ff.

[5] Ригведа, I, 164, 20; см. также E. Schroeder. Op. cit., p. 19.

[6] М. И. Ростовцев. Ук. соч. ИАК, вып. 49, стр. 6; он же. Ук. соч. МАР, № 34, стр. 83.

[7] Д. С. Раевский. Ук. соч. СА, 1970, № 3, стр. 92—97.

[8] Геродот, IV, 59.

ловно, не является носителем этой функции, так как в нем как в верховном божестве воплощалось то высшее, потустороннее начало, которое, как говорилось выше, противопоставлялось понятию земного мира. Из круга поисков должны быть, видимо, исключены и Арес и Тагимасад-Посейдон, так как их религиозные функции достаточно определенны[9]. Из двух оставшихся богов — Гойтосира-Аполлона и Геракла — больше привлекает внимание последний. Перечисляя скифских богов, Геродот не называет его скифского имени. Думается, однако, что после известной работы Б. Н. Гракова тождество скифского Геракла с Таргитаем — героем излагаемой Геродотом этногонической легенды, не вызывает сомнений[10]. Семантика образа Таргитая на основе сообщенных Геродотом сведений рисуется достаточно ясно: это типичный для ранних мифологических циклов первочеловек и культурный герой, в ходе социального развития Скифии принявший на себя и роль родоначальника скифской династии. Неясным остается одно: почему Геродот включает его в пантеон. Образ первочеловека, существующий в любой мифологической системе, как правило, четко отграничивается от богов. Эллинский Геракл также воспринимался древними не как бог, а как герой, хотя, как известно, он согласно традиции и получил бессмертие после завершения земной жизни. Поэтому, если Геродот причисляет скифского Геракла-Таргитая к богам, мы вправе предполагать, что в этом образе, кроме черт первочеловека и культурного героя, ясно ощущались и какие-то иные черты: его религиозные функции не ограничивались названными. Здесь привлекает внимание та особенность этого образа, которая так четко выступает в позднескифское время: Таргитай играет роль божественного родоначальника скифской династии, придает земной власти богоданный характер. В этой функции, так выразительно воплощенной в изображениях на куль-обском и воронежском сосудах, герой играет роль посредника между миром богов и земной властью. Как сын верховного божества Зевса-Папая он сохраняет божественную сущность. Но как первый человек, родоначальник земных людей, он неразрывно связан со смертным миром. Эта двойственность его природы полностью соответствует тому началу, которое в индо-иранском мире олицетворялось водоплавающей птицей и противопоставлялось началу высшему, потустороннему. Поэтому логично предположить, что именно Таргитай был в скифском пантеоне божеством земного, смертного мира, а утка, украшающая скифские ритуальные сосуды, — его символ, птица, ему посвященная. Не случайно изображения утки и самого героя встречаются на этих сосудах одинаково часто. Поэтому чрезвычайно важна сцена, украшающая сосуд из Гайматовой могилы. Многие данные заставляют толковать ее как тождественную по сюжету изображениям куль-обского и воронежского сосудов. Тогда в одном из персонажей этой сцены следует видеть Таргитая. За спиной этого персонажа склонился слуга[11], подносящий господину предмет, в котором В. И. Бидзиля справедливо видит птицу — утку или гуся[12]. Птица, видимо, предназначена для ритуальной трапезы. Мысль о том, что утка в Скифии рассматривалась как существо, посвященное Таргитаю, получает при такой трактовке данной сцены важнейшее подтверждение.

[9] О сущности образа Тагимасада см. Д. С. Раевский. Ук. соч. В кн.: «Искусство и археология Ирана», стр. 271—276.

[10] Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV. М., 1950, стр. 7 и сл.

[11] В. И. Бидзиля. Скифские сокровища. «Наука и жизнь», 1970, № 3, цветная вклейка, рис. 4.

[12] Такое толкование предложено В. И. Бидзилей в докладе, прочитанном на пленуме Института археологии АН СССР во Львове в марте 1970 г. В статье «Скифские сокровища» (стр. 40) он трактует этот предмет как неясный.

Не менее существенные данные мы получаем, обращаясь к самому имени этого божества. В. И. Абаевым была предложена этимология Ταργιτάος — darǧa — tava «долгомощный»[13]. Думается, однако, что возможно и несколько иное его толкование. В первой части имени звучит иранское dār — владеть, засвидетельствованное в причерноморской ономастике[14]. Вторая его часть, по отсечении греческого суффикса — ος, соответствует среднеперсидскому gētāh, авестийскому gaēδa. Это понятие переводится как «земной, смертный, телесный мир» и противопоставляется понятию mēnōk — mainyava — «духовный, потусторонний мир»[15]. Таким образом, имя Ταργιτ'άος может толковаться, как dar-gaēδa — «владеющий смертным, телесным миром»[16], что точно соответствует предлагаемой мифологической сущности его образа[17].

В подтверждение предлагаемого толкования образа Таргитая можно привести дополнительные доводы. Имена трех сыновей этого героя, приводимые Геродотом, — Липоксай, Арпоксай и Колаксай — Э. А. Грантовский[18], отчасти вслед за В. И. Абаевым[19], трактует как «Гора-царь», «Река или Море-царь» и «Солнце или Небо-царь». Сыновья Таргитая олицетворяют, таким образом, три стихии земного мира: земную твердь, водную глубину и небесный свод. Совокупность этих стихий и составляет то единое целое, которое обозначается понятием gaēδa, земной мир, и персонифицируется в лице Таргитая. Мифические образы отца и сыновей составляют, таким образом, стройную систему, смыкающуюся с космологическими представлениями. В связи с этой системой становится понятным выбор именно водоплавающей птицы как символа земного мира: это единственное из живых существ, обладающее способностью передвигаться во всех трех стихиях: по суше, по воде и под водой, и, наконец, в воздухе.

Поэтому уток, изображенных на скифских культовых древностях, следует рассматривать как символ бога Таргитая, а сами древности как атрибуты его культа. В этой связи встает вопрос о культовой символике куль-обского комплекса сосудов в целом. Оба сосуда из этого комплекса — и электровый с антропоморфным сюжетом, и серебряный с изображением уток — несут, как мы пытались показать, одну функцию: доказательство божественного происхождения власти скифских царей. Таргитай выступает божественным патроном этих царей, хотя идея патроната выражена на сосудах посредством различных образов. Это заставляет предполагать наличие в Скифии IV в. до н. э. развитого культа царской власти как богоданного института, что вполне соответствовало бы уровню развития скифского общества в этот период. Для окончательного решения этого вопроса необходимо выяснение семантики и других образов, украшающих скифские ритуальные древности.

[13] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I. М.—Л., 1949, стр. 163.

[14] В. И. Абаев. Ук. соч. Замена d на t подтверждается и другими примерами.

[15] H. S. Nyberg. Hilfsbuch des Pehlevi, Bd. II. Uppsala, 1931, SS. 80, 149—150.

[16] Сама структура имени — пример известной в скифском словообразовании инверсии (см. В. И. Абаев. Ук. соч., стр. 238).

[17] С возможностью такого толкования имени Таргитая согласился и В. И. Абаев, которому автор приносит глубокую благодарность за консультацию.

[18] Э. А. Грантовский. Индо-иранские касты у скифов. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады советской делегации». М., 1960, стр. 7—10.

[19] В. И. Абаев. Ук. соч., стр. 242—243.

Ранее мы старались доказать тождество скифского Таргитая общеиранскому мифическому персонажу Траетаоне-Феридуну, индийскому Трайтане-Тритте[20]. Привлеченный здесь материал ни в коей мере не противоречит этой гипотезе. Более того, он предоставляет новые аргументы в ее пользу. Поэтому от некоторых предложенных ранее доказательств приходится отказаться. Так, данная выше этимология имени Таргитая не оставляет сомнений, что имена Ταργιτάος и Θraētaona не тождественны, как я пытался показать ранее. Вместе с тем приведенные соображения позволяют подойти к именам этих героев с иной стороны. Х. Бартоломе, анализируя структуру имени Θraētaona, указывал, что, хотя образование его остается не до конца ясным, можно с уверенностью полагать, что оно возводится к основе θrita[21]. Θrita трактуется не только как порядковое числительное «третий», но и более широко — как образованное от числительного прилагательное, то есть «тройной, тройственный». В связи с этим можно высказать предположение, не сохранилось ли в имени Траетаоны воспоминание о его сущности божества земного мира, воплощенного в трех стихиях. Отказавшись от отождествления имен, мы получаем взамен новый аргумент в пользу отождествления самих образов. В связи с этим необходимо вспомнить, что на протяжении многих веков существования средневекового персидского государства идея законности власти той или иной династии доказывалась в литературе возведением этой династии к Феридуну[22], что составляет прямую аналогию скифской традиции.

Э. Шредер отметил, что интересующее нас толкование образа водоплавающей птицы в наибольшей неприкосновенности сохранилось в индийских источниках. В Персии его место занял в основном образ быка, воспринявшего ту же функцию[23]. Не исключено, что здесь сказалось влияние месопотамской мифологии. Для нас важно, что именно с быком, точнее с коровой, наиболее тесно связана мифическая биография Траетаоны-Феридуна, какой ее знает иранская традиция. Он вскормлен священной коровой[24], а его главным атрибутом и оружием являются палица с навершием в виде коровьей головы[25]. Семантика этих деталей не выяснена. Между тем если принять отмеченное Э. Шредером замещение образа птицы образом быка, то окажется, что Феридун-Траетаона, в котором, на первый взгляд, нет черт владыки земного мира, выявленных нами в Таргитае, неразрывно связан с той же символикой. Эти данные не только подтверждают правомочность сопоставления названных героев, но и приоткрывают завесу над древнейшей сущностью образа Траетаоны.

[20] Д. С. Раевский. Ук. соч. В кн.: «Искусство и археология Ирана», стр. 276—280.

[21] Ch. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, SS. 799—800.

[22] См., например Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы. М., 1960, стр. 187—188.

[23] E. Schroeder. Op. cit., p. 18.

[24] Шах-Наме, I, 1510 и сл.

[25] Шах-Наме, I, 1813 и сл.

И. В. ЯЦЕНКО

ХЕРСОНЕССКАЯ АМФОРА С КЛЕЙМОМ АСТИНОМА ГЕРОКСЕНА

Амфора с клеймом Героксена найдена в небольшом каменном сооружении типа ящика, устроенном в юго-восточной поле кургана № 8 некрополя у с. Заозерное в предместье Евпатории[1]. Остальные могилы этого кургана, построенные также из камня, оказались разграбленными. На дне центрального погребального сооружения была обнаружена медная монета херсонесской чеканки с изображением на лицевой стороне управляемой Никой квадриги и на оборотной коленопреклоненного воина со щитом (рис. 1). Такой тип монет А. Н. Зограф датировал началом второй половины IV в. до н. э.[2]. А. М. Гилевич, опираясь на мнение А. Н. Щеглова, предложила датировать их после 339 г. до н. э., связав их выпуск с победой Херсонеса над скифами в борьбе за хлебородные земли Северо-Западного Крыма[3]. Хотя такой анализ сюжета на монетах этого типа очень интересен, однако уточнение их даты основывается главным образом на предположении А. Н. Щеглова о захвате херсонесцами северо-западных прибрежных областей Крыма после победы Филиппа Македонского над скифами[4].

[1] Курган вскрыт в 1969 г. Раскопки могильника у с. Заозерное ведутся с 1968 г. А. А. Коноваловым, начальником отряда Крымской экспедиции Московского университета. См. А. А. Коновалов. Раскопки некрополя у дер. Заозерное. АО 1969 г. М., 1970.

[2] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16. М.—Л., 1951, стр. 148, табл. XXXV, *10*.

[3] А. М. Гилевич. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV—III вв. до н. э. НЭ, т. VIII. М., 1970, стр. 3.

[4] А. Н. Щеглов. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху. ВДИ, 1966, № 4, стр. 151; он же. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху. В кн.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 338; он же. Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху. КСИА, вып. 124. М., стр. 13.

Это предположение — вполне возможный и логичный вывод из сложившейся в Скифии ситуации во второй половине IV в. до н. э. Как известно, поражение и смерть скифского царя Атея и возникновение сети херсонесских земледельческих поселений на побережье Северо-Западного Крыма относятся ко второй половине IV в. до н. э.[5]. Предположение близкого характера, сделанное на основании письменных источников, было высказано еще в 50-х годах Б. Н. Граковым; он отметил существование враждебных отношений между скифами, или «варварами» херсонесских надписей, основываясь на захвате части прибрежных мест Скифии херсонесцами[6]. Поражение Атея позволяет думать об ослаблении скифского государства и ставить в зависимость от второго события утверждение Херсонеса на территории Северо-Западного Крыма. Все же, несмотря на логическую убедительность этого вывода, не следует забывать о том, что он только предположение.

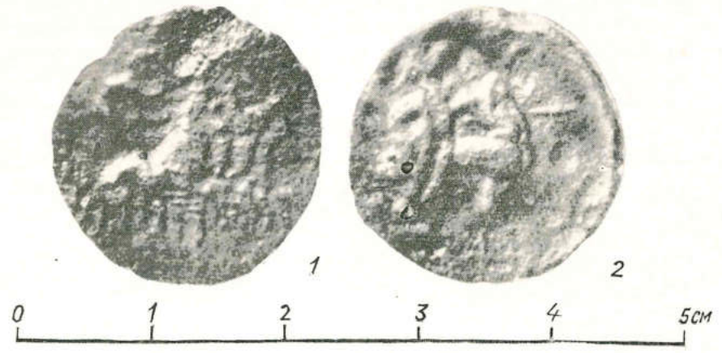


Рис. 1. Медная монета из кургана № 8 некрополя у с. Заозерное (*1* — лицевая и *2* — оборотная стороны)

Кроме того, нужно отметить, что в литературе представлен и иной взгляд на существовавшие во второй половине IV в. до н. э. взаимоотношения между скифами и Херсонесом. Л. А. Моисеев предполагал, что херсонесцы арендовали у скифов земли на побережье Северо-Западного Крыма[7]. Из современных исследователей Н. В. Пятышева тоже, как будто, склоняется к такому мнению[8]. Эта точка зрения

[5] А. Н. Щеглов. Ук. соч. ВДИ, 1966, № 4, стр. 151; он же. Ук. соч. В кн.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», стр. 338; он же. Ук. соч. КСИА, вып. 124, стр. 13; он же. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг. КСИА, вып. 103. М., 1965, стр. 144—146; О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг. КСИА, вып. 109. М., 1967; она же. ΤΕΙΧΗ декрета в честь Диофанта. ВДИ, 1964, № 3.

[6] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36. М., 1954, стр. 25.

[7] Л. А. Моисеев. Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории. ИТУАК, № 54. Симферополь, 1918, стр. 254.

[8] Н. В. Пятышева. Скифы и Херсонес. В кн.: «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 250.

имеет свои слабые и сильные стороны и основана на толковании известного сообщения Страбона о взаимоотношениях между кочевниками и земледельцами Крыма[9].

В настоящее время в пользу предположения Л. А. Моисеева можно добавить еще один довод. Очень важно, что одновременно с освоением херсонесцами Северо-Западного побережья Крыма, а именно во второй половине IV в. до н. э., начинается строительство и Неаполя Скифского (городище в урочище Керменчик на окраине Симферополя). Начало первого строительного периода исследователи относили к началу III в. до н. э. на основании находок клейменой синопской черепицы, относящейся к первой хронологической группе (подгруппа Б), выделенной Б. Н. Граковым. Определение клейм произведено Б. Н. Граковым[10]. С удревнением хронологических групп Б. Н. Гракова, отчасти предложенным самим автором, отчасти его последователями[11], понижается и дата начала строительства города. В последнее время этим вопросом занималась Т. Н. Высотская, определяющая время возникновения города концом IV в. до н. э. Строительство Неаполя Скифского ведется очень парадно и с большим размахом. К нему привлекаются греческие мастера. Об этом свидетельствуют открытые на привратной площади остатки общественного здания, украшенного греческими портиками и крытого греческой черепицей[12].

Черепица синопского и херсонесского производства[13], совершенно очевидно, была получена из Херсонеса и доставлена, вероятнее всего, через один из восточных прибрежных населенных пунктов Северо-Западного Крыма — Керкинитиду или какой-либо другой, находящийся близ нее и отстраиваемый в то время Херсонесом. Такой способ доставки был удобен тем, что товар переправляли морским путем в место, довольно близко расположенное от строящегося скифами города. Сухопутная дорога к нему здесь шла по ровной местности, принадлежащей скифам, в то время как сухопутный путь из Херсонеса в Неаполь проходил через горы, заселенные враждебными таврами, и, следовательно, был опасен.

Эти факты, скорее, свидетельствуют о существовании тесных связей между скифами и Херсонесом в этот период, основанных на каком-то мирном соглашении. Весьма вероятно, что по этому договору херсонесцы обязаны были участвовать в постройке скифского центра и поставлять туда строительные материалы и может быть специалистов в качестве платы за аренду земли.

Следует обратить внимание еще на одну деталь. Строительство ряда памятников, например, архитектурного комплекса эмпория у санатория «Чайка» в окрестностях Евпатории или беляусской башни ве-

[9] Страбон, VII, 4, § 6. ВДИ, 1947, № 4, стр. 205—206.

[10] П. Н. Шульц. Исследование Неаполя Скифского. В кн.: «История и археология древнего Крыма», стр. 70.

[11] Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57. М., 1956, стр. 149; В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров. СА, 1960, № 3, стр. 59; И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. СА, 1961, № 2, стр. 305; он же. Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э. В кн.: «Античный город». М., 1963, стр. 132—133; он же. Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры 1959—1960 гг. В кн.: «Ольвия». М.—Л., 1964, стр. 285, 286.

[12] А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского. КСИИМК, вып. XXXVII. М.—Л., 1951, стр. 161; П. Н. Шульц. Ук. соч. В кн.: «История и археология древнего Крыма», стр. 68—70.

[13] И. Б. Зеест. К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора. МИА, № 33. М., 1954, стр. 72.

лось в лучших традициях греческого строительного дела IV в. до н. э.[14]. Монументальность и парадность характеризуют эти архитектурные остатки. Осуществление таких традиций требовало очень тщательной и превосходной обработки квадров, их индивидуальной подгонки друг к другу во время возведения кладок стен и т. д. Кроме того, нужно было добыть эти материалы и доставить на место строительства. Все это позволяет думать, что освоение побережья должно было вестись в условиях обеспеченного мира, который вряд ли мог быть достигнут только в результате агрессивной и враждебной политики Херсонеса по отношению к скифам во второй половине IV в. до н. э. Тем более, что представление об очень сильном ослаблении скифского царства после неудачного столкновения с Филиппом Македонским несколько преувеличено. Можно напомнить, что скифы вели весьма активную политику по отношению к Боспорскому царству в этот период. Известно о войне их с Перисадом[15]. Б. Н. Граков предполагает, что война велась из-за дани, которую боспорцы обязаны были выплачивать скифам. Эту точку зрения выдвигал и В. Ф. Гайдукевич[16]. Скифы вмешиваются в борьбу между Сатиром и Евмелом за Боспорский престол[17]. О значительности скифского царства свидетельствуют и начавшееся строительство Неаполя скифского, и та манера, в какой оно велось.

Приведенные факты не могут не свидетельствовать о силе скифского царства и о том, что мир со скифами, необходимый херсонесцам в IV в. до н. э., мог быть обеспечен политикой, сочетающей проявление силы с уступками, выражавшимися в уплате в той или иной форме дани за пользование землей. Эти отношения не исключали, разумеется, и различных военных столкновений.

Данный вопрос требует более глубокой и подробной разработки, а пока мы стараемся показать, что точка зрения А. Н. Щеглова остается лишь одним из возможных предположений и на ней неосторожно основывать определение времени выпуска монеты.

А. М. Гилевич убедительно показала, что монеты с воином и квадригой, как бы ни датировать их выпуск, определенно были в обращении еще и в первой половине III в. до н. э.[18]. Более позднее их бытование не может быть полностью исключено, хотя пока ничем не подтверждается. Так что монета, найденная в одном кургане с амфорой, не может служить для уточнения определения времени амфоры и говорить в пользу ее раннего изготовления. Амфора обнаружена в разбитом состоянии. Фрагменты ее были сильно заизвесткованы и подверглись расслоению. Все же сосуд из них собрался почти целиком и дает представление о форме (рис. 2).

К сожалению, оказалась поврежденной нижняя часть ножки, и в корпусе стенок амфоры остались лакуны, которые не удалось заполнить при подборке. Особенно большая лакуна выявилась с одной сто-

[14] А. Н. Карасев. Раскопки на городище «Чайка» близ Евпатории. КСИА, вып. 95. М., 1963; он же. Херсонесское укрепление на городище Беляус. СА, 1965, № 2; он же. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г. КСИА, вып. 103. М., 1965, стр. 131; он же. Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории. АО 1965 г. М., 1966, стр. 115; О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов. Херсонесское укрепление на городище Беляус. СА, 1965, № 2, стр. 250.

[15] Демосфен. Речь против Формиона. ВДИ, 1947, № 3, стр. 237.

[16] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 72; Б. Н. Граков. Ук. соч. МИА, № 36, стр. 24—25.

[17] Диодор Сицилийский, XX, 22. ВДИ, 1947, № 4, стр. 263—264.

[18] А. М. Гилевич. Ук. соч. НЭ, т. VIII, стр. 3—5.

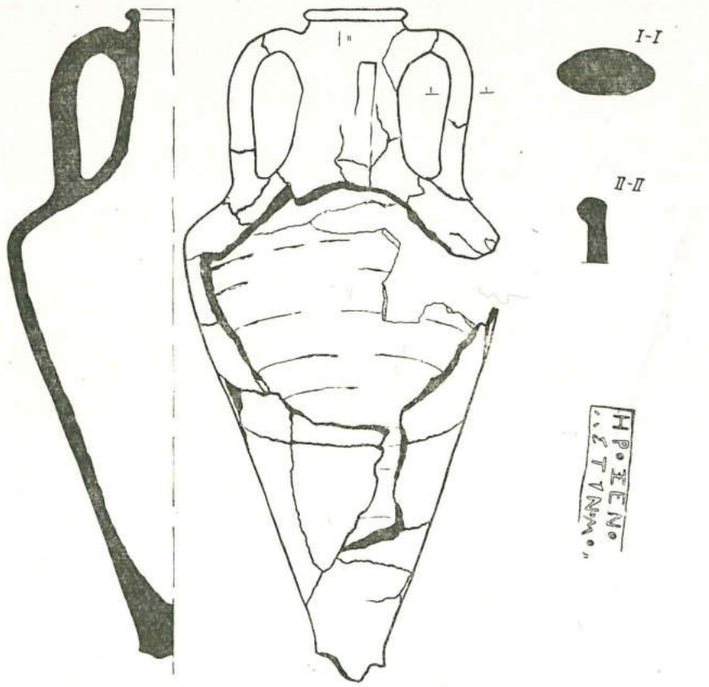


Рис. 2. Амфора с клеймом астинома Героксена из кургана № 8 некрополя у с. Заозерное

роны тулова. Она начинается под горлом амфоры и продолжается книзу на 0,26 *м*. Поперечный размер отверстия составляет 0,28 *м*. Местами на обломанных краях, окружающих лакуну, главным образом в верхней ее части, заметны следы заглаживания. Это заглаживание позволяет предполагать, что амфора была положена в каменное сооружение уже с выбоиной, предназначенной для помещения в нее умершего младенца. Однако при самой тщательной зачистке не удалось обнаружить каких-либо остатков скелета ребенка. Все же данный факт

не может противоречить предположению о существовании в амфоре захоронения, так как хорошо известно, что кости грудных детей плохо сохраняются и иногда исчезают без следа.

Цвет глины амфоры красный. В черепке видны белые известняковые черные включения: примеси, характерные для керамического теста херсонесских изделий. Поверхность не покрыта белой облицовкой, довольно часто встречающейся на амфорах и других изделиях из этого центра [19]. Цвет ее красный, местами она хорошо заглажена, как бы залощена; на ней заметны следы от острия гончарного ножа. Сосуд имеет слегка расширяющееся книзу горло, переходящее в несколько покатые плечи. Тулово вытянуто и имеет коническую форму. Венчик оформлен в виде слегка сплюснутого валика; ручки — овальные в сечении. Горло оказалось слегка сдавленным со стороны ручек. Вероятно, эта небольшая деформация горла и произошла в момент их прикрепления. Самый низ ножки амфоры, как уже отмечалось, оказался поврежденным, и поэтому нельзя говорить о форме этой детали. Высота сохранившейся части составляет 0,74 *м*. Диаметр ее в самой широкой части — 0,32 *м*. Диаметр горла (внешний) — 0,115 *м*. Высота горла — 0,16 *м*; горла с плечом — 0,23 *м*. Высота ручек — 0,185 *м*, ширина их — 0,045 *м*, толщина — 0,025 *м*. На горле сосуда находится двустрочное клеймо, поставленное астиномом Героксеном Ἡροξένο[υ ἀ]στυνόμο[υ] (рис. 2).

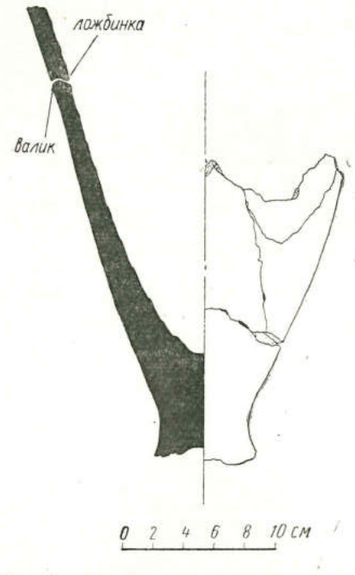


Рис. 3. Фрагмент амфоры из кургана № 8 некрополя у с. Заозерное (деталь стыка верхней и нижней частей амфоры)

Так как амфора была разбита на мелкие фрагменты, это позволило обратить внимание на способ ее изготовления. При склейке фрагментов сосуда удалось выяснить, что он составлен из двух частей, отдельно сформованных и затем соединенных вместе при помощи жидкой глины.

Нижняя часть тулова составляет более $^1/_3$ высоты всей амфоры (0,26 *м*). Ее верхний край оформлен в виде валика, тщательно обточенного. Нижний край верхней части амфоры (высота с горлом 0,46 *м*) в месте стыка имеет ложбинку, соответствующую валику нижней части (рис. 3).

При сборке на валик накладывалась ложбинка и таким образом обе части соединялись в одно целое. Связующим материалом служила жидкая глина. Ее застывшая масса и теперь покрывает стенки ложбинки. Жидкой глиной замазывался стык и снаружи. Делалось это очень тщательно, чтобы шов не был заметен. У амфоры почти по всей окружности стыка шов разошелся, за исключением одного незначительного участка. На этом участке снаружи место стыка совершенно незаметно. С внутренней стороны оно отмечено несколько утолщенной полосой, которая по внешнему виду почти не отличается от горизонтальных полос на внутренней части тулова, образовавшихся при формовке этих частей на гончарном кругу.

Амфора из некрополя у с. Заозерное дополняет наши представления о приемах изготовления этого типа сосудов. Обычно исследователи отмечают, что тулово средних сосудов, в том числе и амфор, формовалось целиком. Затем к нему прикреплялись изготовленные отдельно ножка, ручки и, может быть, горло [20]. В процессе формовки довольно крупных или средних сосудов обычно принимали участие два человека: гончар формует, помощник крутит круг [21]. Большие вазы дипиллоновского стиля, достигающие высоты человеческого роста (до 1,78 *м*), составлялись из отформованных на кругу отдельных горизонтальных частей, которые впоследствии составлялись и скреплялись при помощи жидкой глины [22]. Конкретные приемы, связанные с процессом формования и прикрепления амфорных ножек, прослежены И. Б. Зеест [23].

Прием составления сосудов из разных отдельно изготовленных частей связан с производством фигурных сосудов, которые складывались из частей, оттиснутых в форме и сделанных на кругу [24]. Эллинизм, как пишет М. И. Максимова, эту технику в значительной мере развил, усовершенствовал и в известном смысле даже механизировал, что дало возможность керамическим мастерским перейти частично к серийному производству художественной керамики [25]. Амфора из некрополя у с. Заозерное свидетельствует, что прием составления сосудов из отдельных частей-заготовок использовался не только при изготовлении художественной рельефной посуды, но и значительно шире. По-видимому, при четкой организации труда он был выгоден, так как вел к ускорению выпуска продукции. Сходная картина прослеживается и в истории керамического дела Хорезма. В кангюйский период способ составления сосудов из отдельных частей получает широкое применение как при изготовлении рельефной керамики, так и обычной посуды [26]. Этот способ использовался уже в архаический период античного Хорезма, но широкое применение он получил в кангюйский период, когда тщательно отрабатывались отдельные его операции. Именно для кангюйского периода М. Г. Воробьева указывает приемы обработки краев, предназначенных для стыковки. Для предшествующего перио-

---

[19] Р. Б. Ахмеров. Амфоры древнегреческого Херсонеса (IV—II вв. до н. э.). ВДИ, 1947, № 1, стр. 175; В. В. Борисова. Херсонес. САИ, Г 1—20. М., 1966, стр. 46.

[20] H. B. Walters. History of Ancient Pottery. London, 1905, p. 208; P. Cloché. Les classes, les metiers, le trafic. Paris, 1931, p. 42; В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 23.

[21] H. B. Walters. Op. cit., p. 208; P. Cloché. Op. cit., p. 42; A. Rieth. Die Entwicklung der Topferscheiber. Leipzig, 1939, SS. 57—62; В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 20.

[22] P. Cloché. Op. cit., p. 42.

[23] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83. М., 1960, стр. 123—127.

[24] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 30.

[25] М. И. Максимова. Обработка изделий. В кн.: «Эллинистическая техника». М.—Л., 1948, стр. 217—218.

[26] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. IV. М., 1959, стр. 184—185.

да такие детали проследить не удалось, что может свидетельствовать о менее широком применении этого способа.

Херсонесские мастерские, из которых вышла амфора из некрополя у с. Заозерное, как и другие мастерские античного мира, выпускали художественную рельефную керамику наряду с бытовой[27]. В настоящее время нельзя сказать, насколько широко этот способ применялся в античном мире вообще и в Херсонесе для изготовления обычной посуды. Р. Б. Ахмеров отмечал, что у херсонесских амфор обычно отдельно изготовлялись горла, так как в местах перехода от плечей к горлу имеются утолщения. Кроме того, Р. Б. Ахмеров считал, что херсонесские амфоры, для которых характерен резкий переход от плеча к тулову, были составными — отдельно изготовлялись тулово и плечи. Появление амфор с яйцевидным туловом, имеющим округлый переход к плечам, он объяснял тем, что их изготовляли из одного куска[28]. Все эти наблюдения и соображения Р. Б. Ахмерова интересны, но пока во время подборки разбитых херсонесских сосудов не удалось обнаружить фрагменты, находящиеся на стыках этих частей и имеющие по краю особую обработку, предназначенную для их сцепления.

Как глина, так и форма амфоры из некрополя у с. Заозерное свидетельствуют о ее херсонесском происхождении. Эту амфору можно сопоставить с сосудами подгруппы А второй группы, выделенной Р. Б. Ахмеровым[29]. Амфора из некрополя у с. Заозерное имеет близкий размер и пропорции; такое же коническое тулово с плавным переходом к плечам и невысокое горло, часто сдавленное со стороны ручек. У нее, как и у некоторых амфор подгруппы А, слегка расширяющееся книзу горло. Подгруппа А датирована Р. Б. Ахмеровым IV—III вв. до н. э.[30]. Это определение находит подтверждение в удревнении второй хронологической группы синопских клейм, выделенных Б. Н. Граковым, которые относят к 320—270 гг. до н. э.[31]. На горлах амфор подгруппы А находят клейма астинома Притана сына Аристона[32]. Р. Б. Ахмеровым отмечен фрагмент верхней части херсонесской амфоры с клеймом астинома Притана[33] среди синопских амфор Зеленского кургана с клеймами астиномов второй хронологической группы Б. Н. Гракова[34].

Клейма с именем Притана сына Аристона отнесены Р. Б. Ахмеровым ко второй хронологической группе имен херсонесских астиномов, датированных им периодом от середины до конца III в. до н. э.[35]. Понижение даты второй хронологической группы синопских клейм влечет и некоторое удревнение второй группы херсонесских. Находка клейма с именем астинома Притана в Зеленском кургане свидетельствует о том, что начало второй херсонесской группы надо относить не к середине и не позднее 70 г. III в. до н. э. и, может быть, к еще более раннему времени. Это согласуется с датой первой хронологической группы, очень немногочисленной по числу астиномов. Ранние астиномы этой группы Кратон, Пасион отождествлены с именами магистратов, встречающихся в сокращенной форме на монетах, которые А. Н. Зограф относит к 30-м годам IV в. до н. э.[36], а А. М. Гилевич датирует началом первой четверти IV в. до н. э.[37]. Монеты с именем магистрата Батилл А. Н. Зограф и А. М. Гилевич также относят к концу IV в. до н. э.[38].

Все это свидетельствует о возникновении клеймения херсонесских амфор не позднее начала последней четверти IV в. до н. э. Если подтвердится какими-нибудь новыми данными предположение А. В. Орешникова и В. В. Борисовой, что должность астинома была одной из первых ступеней в карьере городских чиновников города[39], то тогда начало клеймения херсонесской тары может быть удревнено на одно или два десятилетия. Но и без этого небольшое число известных астиномов первой группы не позволяет думать, что ее надо доводить до середины III в. до н. э., как предполагал Р. Б. Ахмеров. Тем более, что он включил во вторую группу тех астиномов, которые были сыновьями самых ранних астиномов первой группы или их современников. Притан, например, и Котитион — сыновья Аристона (монеты начала четвертой четверти или 30-х годов IV в. до н. э.). Разрыв между деятельностью отца и сына в среднем и может составлять максимум 50 лет. Труднее поставить вопрос о ее конце.

Принято считать, что наиболее определенное указание на верхнюю границу этой группы клейм дает астином Невмений сын Филистия, зафиксированный в списке покупателей виноградников конца III — начала II в. до н. э.[40]. Однако Невмения сына Филистия очень соблазнительно считать сыном магистрата Филистия, известного по монетам конца IV в. до н. э.[41]. Но если это так, то его вряд ли можно отождествлять с человеком, упомянутым в списке, так как нет никаких данных для удревнения списка. В этой группе присутствует и Пасиад, по-видимому, сын одного из позднейших астиномов первой группы — Геродота. Таким образом, вторая группа Р. Б. Ахмерова начинается как будто некоторыми представителями сыновей ранних астиномов первой группы и заканчивается сыновьями поздних астиномов этой же группы. При средней разнице между деятельностью отца и сына в 50 лет она должна закончиться не позднее 40—20-х годов III в. до н. э.

Клейма на ручках амфор с именем астинома Героксена хорошо известны среди находок в Херсонесе и других местах[42]. Астином Героксен отнесен Р. Б. Ахмеровым к третьей хронологической группе херсонесских клейм, которую он датирует концом III — началом II в.

---

[27] В. В. Борисова. Гончарные мастерские Херсонеса. СА, 1958, № 4, стр. 152; она же. Херсонес, стр. 13—17.
[28] Р. Б. Ахмеров. Ук. соч. ВДИ, 1947, № 1, стр. 165, 174.
[29] Там же, стр. 163—165, рис. 2, 3.
[30] Там же, стр. 164, № IV, стр. 163—165.
[31] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. ТСА РАНИОН, вып. I. М., 1929, стр. 122; И. Б. Брашинский. Ук. соч. В кн.: «Античный город», стр. 133.
[32] Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1949, № 4, стр. 105.
[33] Р. Б. Ахмеров. Ук. соч. ВДИ, 1947, № 1, стр. 164.
[34] Б. Н. Граков. Ук. соч. ТСА РАНИОН, вып. I, стр. 123.
[35] Р. Б. Ахмеров. Ук. соч. ВДИ, 1949, № 4, стр. 105.

[36] А. Н. Зограф. Ук. соч. МИА, № 16, стр. 148.
[37] А. М. Гилевич. Ук. соч. НЭ, т. VIII, стр. 3—8.
[38] А. Н. Зограф. Ук. соч. МИА, № 16, стр. 148; А. М. Гилевич. Ук. соч. НЭ, т. VIII, стр. 9.
[39] В. В. Борисова. К вопросу об астиномах Херсонеса. ВДИ, 1955, № 2, стр. 147.
[40] IOSPE², № 403; Р. Б. Ахмеров. Ук. соч. ВДИ, 1949, № 4, стр. 106—108.
[41] А. Н. Зограф. Ук. соч. МИА, № 16, стр. 148; А. М. Гилевич. Ук. соч. НЭ, т. VIII, стр. 9.
[42] Р. Б. Ахмеров. Ук. соч. ВДИ, 1949, № 4, стр. 108; В. В. Борисова. Амфорные ручки с именами астиномов древнего Херсонеса. ВДИ, 1949, № 3, стр. 88, № 14; В. Ф. Штифтар. Неизданные штемпеля на ручках греческих амфор, найденные в г. Евпатории. ИТУАК, № 1 (58). Симферополь, 1927, стр. 165, № 7; Б. Н. Граков. Ук. соч. МИА, № 36, стр. 92.

до н. э. Б. Н. Граков отмечал, что шрифт этих клейм, найденных на Каменском городище, относится к концу III в. до н. э.[43]. Морфологическая близость амфоры к сосудам с клеймами Притана, положение клейма на горле, не связанное с образцами клейм, принадлежащих к третьей хронологической группе, позволяет думать, что Героксен может быть одним из поздних астиномов второй группы или ранних третьей. Таким образом, его деятельность, вероятно, должна относиться еще к III в. до н. э. (40-м или 20-м годам этого столетия).

Клеймо Героксена не включает в себя и не сопровождается на данной амфоре штемпелем мастера или хозяина мастерской; это позволяет думать об изготовлении амфоры в государственных мастерских[44].

[43] Б. Н. Граков. Ук. соч. МИА, № 36, стр. 92.
[44] В. В. Борисова. Ук. соч. ВДИ, 1955, № 2, стр. 147.

И. Т. КРУГЛИКОВА

МРАМОРНАЯ ГОЛОВКА АФРОДИТЫ ИЗ ГОРГИППИИ

В 1968 г. в Анапе на раскопе «Город» на углу улиц Набережной и Свободы во дворе Анапского горисполкома среди мусора, заполнявшего подвал III в. н. э., была найдена мраморная женская головка[1]. Дом, которому принадлежал подвал, входил в жилой блок, расположенный к северу от магистральной улицы, пересекавшей Горгиппию с востока на запад. При раскопках здесь были обнаружены культурные слои от V—IV вв. до н. э. до III в. н. э., когда античное поселение в этом районе города прекратило свое существование.

Женская головка находилась вместе с двумя монетами II в. до н. э. среди кусков сырцовых кирпичей, обломков амфор с реберчатыми стенками. Там же были монеты I и II вв. н. э. и одна монета Котиса III (227—333 г. н. э.), которая и определяет время гибели дома.

Мраморная головка поражает хорошим качеством исполнения (рис. 1). Она сделана из сероватого мрамора с некрупным зерном. Высота головки вместе с остатком шеи 12 *см*, высота лица от подбородка до верхней части лба 6,8 *см*. Головка, вероятно, принадлежала статуе. Судя по размерам головы, общая высота статуи была, по-видимому, около 1 *м*. Поверхность мрамора покрыта темными пятнами, а лоб и нос имеют, кроме того, желто-серый налет. Кончик носа, прядь волос над левым глазом и подбородок отбиты в древности. Есть небольшие повреждения античной поверхности мрамора сзади на шее, прядях волос и пучке.

Нежный и довольно массивный овал лица слегка удлинен, но округлость его нижней части и широкий подбородок создают впечатле-

[1] И. Т. Кругликова, Т. М. Смирнова. Раскопки Горгиппии. АО 1968 г. М., 1969, стр. 115.

ние мягкости и нежности всего облика девушки. Лоб не очень высокий, прямой, гладкий, обрамлен слегка вьющимися мягко трактованными прядями волос, которые придают лбу форму треугольника; его вершина совпадает с началом пробора. Волосы, разделенные проборо

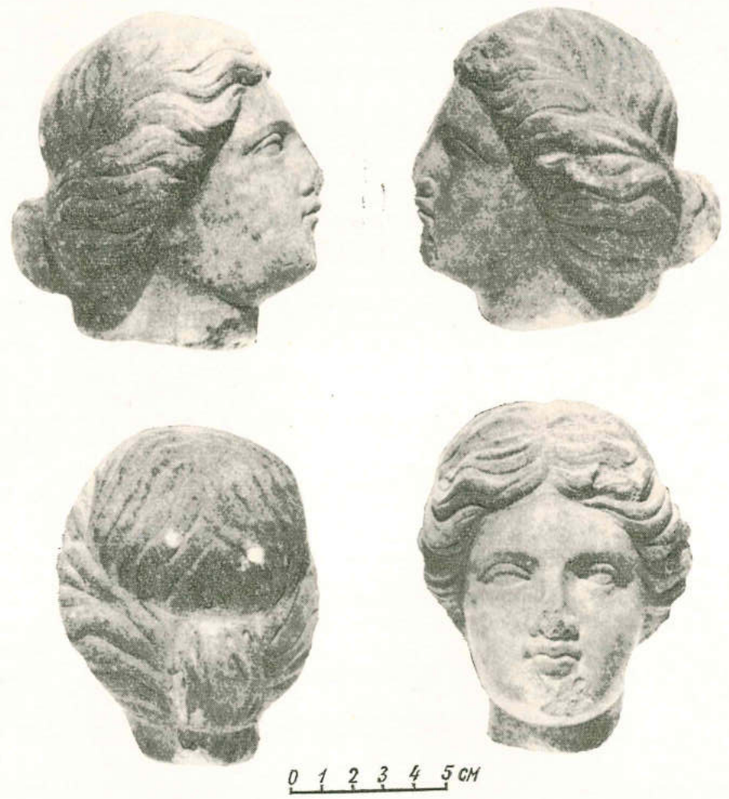


Рис. 1. Головка Афродиты, найденная в 1968 г. в Анапе

ром, слегка поднимаются вверх по обеим сторонам лица. Прическа, по-видимому, поддерживалась лентой, которую скульптор не воспроизвел. Волосы полностью закрывают уши, лишь с правой стороны чуть-чуть намечена мочка уха. Сзади волосы собраны в пучок, из-под которого на шею падает прядь волос. Аналогичная прическа у мраморной головки Афродиты школы Праксителя[2].

[2] H. Bulle. Der schöne Menschen im Altertum. München, 1922, Taf. 256.

Скульптор хорошо передал волнистость пышных волос, сделав бороздки между прядями, благодаря чему достигается игра светотени. Нос прямой с широкой переносицей является продолжением лба, образуя в профиле прямую линию со лбом. Широкие дуги бровей обрамляют продолговатые глаза с немного припухлыми веками. Глазные яблоки плоские, не расчленены пластически. Следов краски не сохранилось. Слезницы во внутренних уголках глаз углублены с помощью буравчика. Это вместе с выступающим верхним веком создает нежную тень. Рот небольшой с сомкнутыми, слегка припухлыми и выразительно очерченными губами. Уголки рта слегка опущены вниз, сделанные там буравом углубления дают глубокую тень и создают впечатление капризного выражения лица. Поверхность лица хорошо моделирована, видны мягкие углубления под глазами, гладкие щеки. Тщательно заглаженная поверхность мрамора имеет следы легкой полировки. Следы инструмента — траянки — отчетливо видны под правым ухом, где поверхность мрамора не заглажена.

Головка представляет идеализированное женское лицо без каких-либо портретных черт. Это распространенный в Греции тип юной девушки или богини. Скорее всего, головка принадлежала статуе Афродиты. Лицо ее отвечает тому типу, который связывается с изображением этой богини. У голов Афродиты встречается округлый или, наоборот, более утонченный, сужающийся к подбородку овал лица. Глаза, обычно небольшие, округлые или удлиненные, очень суженные, рот маленький[3]. Этот тип девушки-богини неоднократно воспроизводился греческими ваятелями со второй половины V в. до н. э. Он же воплощен Праксителем в его статуе Афродиты Книдской. Однако горгиппийская головка стоит ближе к работам последователей Праксителя и находит параллели в скульптурах эллинистической поры. Так, она имеет сходство с головкой Афродиты, выполненной в манере Праксителя[4]. Буль, характеризуя эту головку, находит у нее общие черты и с головой Афродиты Книдской Праксителя, и с головой статуи Афродиты Медицейской из галереи Уффици во Флоренции; он считает ее произведением скульптора школы Праксителя и датирует III в. до н. э.[5].

Манера исполнения волос в виде широких прядей без мелкой детализации и трактовка глаз — нешироких с удлиненными верхними веками, так же как и резко очерченный рот, сближают горгиппийскую головку с головой Афродиты с о. Мелоса[6]. О том, что она сделана не ранее эллинистического времени, свидетельствует и небрежность выполнения задней стороны головы по сравнению с тщательно выполненной лицевой стороной. Для эллинизма характерны и трактовка мягких частей вокруг глаз, когда веки слегка прикрывают глазное яблоко, и изображение рта с опущенными вниз уголками губ. Отсутствие сильной блестящей полировки поверхности лица и отсутствие пластического изображения глазного яблока не позволяют отнести эту головку к периоду после начала II в. н. э.

Некоторая округлость в трактовке нижней части лица, отсутствие сужения лица к подбородку сближают горгиппийскую головку с головой Афродиты из Пергама, хранящейся в Берлинском музее[7], но величавое спокойствие, роднящее горгиппийскую головку с работами после-

[3] H. Bulle. Op. cit., SS. 153, 182; М. М. Кобылина. Об одном памятнике искусства Александрии. «Искусство», 1935, № 1, стр. 149.
[4] H. Bulle. Op. cit., Taf. 256.
[5] Ibid., S. 167.
[6] Ibid., Taf. 259.
[7] Античная скульптура. М., 1961, рис. 77.

дователей Праксителя, резко отличает ее от пергамской школы. Отсутствует сходство и с головой Афродиты, найденной в Пантикапее в 1949 г. и связанной с кругом пергамской скульптуры [8]. Некоторые общие черты в манере исполнения имеет горгиппийская головка с мраморными головами из Ольвии [9] и Горгиппии [10]. Одинаково исполнение волос, трактовка глаз, припухлые губы с ямочками в углах рта. Б. В. Фармаковский и Н. Л. Грач, публикующие эти головы, связывают их с кругом александрийской эллинистической скульптуры. Б. В. Фармаковский вслед за Амелунгом [11] называет особый характер какой-то интимности, мягкости, нежности, женственности типичным для работ александрийцев. Он указывает, что они очень любят игру света и тени, их нежные переливы и градации. Особенной нежностью отличается у них трактовка глаз, которые они любят делать томными с поволокой, а волосам придают извилистость и мягкость [12]. Однако некоторые черты, приписываемые Амелунгом особенностям александрийской школы, характерны для всей скульптуры эллинистического периода [13]. М. Бибер отмечает, что именно в александрийской скульптуре наиболее сильным оказалось влияние школы Праксителя [14]. Однако если мы сравним горгиппийскую головку со скульптурами александрийского происхождения, собранными Амелунгом и другими исследователями, то увидим, что горгиппийская головка отличается от них. Иной была постановка головы. У горгиппийской статуи она не имела кокетливого наклона. Но особенно выделяется жесткость выполнения деталей: резко очерченные глаза, почти острые грани при переходе верхней поверхности носа в боковые плоскости, четко с некоторой жесткостью показаны губы, так, что чарующая легкая улыбка Афродиты несколько напоминает капризно надутые губки.

В. Д. Блаватский обратил внимание на следы инструментов, сохранившиеся на поверхности головки. Он пришел к выводу, что скульптор применял прямую скарпель. Это особенно хорошо видно на волосах. На щеках видны следы рашпиля и хорошо отточенной траянки. Преимущественное употребление прямой скарпели говорит в пользу поздней даты выполнения скульптуры. Применение бурава в уголках глаз и рта, легкая полировка поверхности лица, передача волос врезными линиями — все это заставляет считать временем изготовления головки I в. н. э. или самое начало II в. н. э.

По-видимому, горгиппийская головка, так же как головка Афродиты I в. н. э. из Пантикапея [15], представляет собой уменьшенную копию более раннего произведения скульптуры. Вероятнее всего, это была свободная копия, выполненная в Малой Азии или на одном из островов Эгейского моря, где в период позднего эллинизма и в первые века н. э. было очень распространено копирование греческой скульптуры. Можно предполагать, что горгиппийская статуя была свобод-

[8] Н. М. Лосева. Голова Афродиты из раскопок Пантикапея в 1949 г. ВДИ, 1954, № 1, стр. 167.
[9] Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902 и 1903 гг. ИАК, вып. 13. СПб., 1906, стр. 207 и сл.
[10] Н. Л. Грач. Мраморная скульптура из Горгиппии. СА, 1970, № 1, стр. 245 и сл., рис. 1—2.
[11] W. Amelung. Dell'arte Alessandria a proposito di due teste rivenute in Roma. Roma, 1897, tabl. XXV, p. 110.
[12] Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 206 и сл.
[13] М. М. Кобылина. Ук. соч. «Искусство», 1935, № 1.
[14] M. Bieber. The Sculpture of Hellenistic Age. New York, 1961, p. 80.
[15] Н. М. Лосева. Три мраморные скульптуры из Пантикапея. Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина [вып. 1]. М., 1960, стр. 5 и сл.

ным воспроизведением какой-то статуи эллинистического времени, сделанной под влиянием наследства школы Праксителя.

Изображения Афродиты в Горгиппии встречались неоднократно. Это — бронзовая, ранее позолоченная статуэтка Афродиты Анадиомены [16], маленькая мраморная головка Афродиты, сделанная в конце II — начале III в. н. э. [17], мраморный обнаженный женский торс тоже, вероятно, принадлежал изображению Афродиты [18], мраморная головка александрийской школы [19] и множество терракотовых статуэток, воспроизводящих Афродиту. Сохранилась надпись о возведении в Горгиппии в 110 г. н. э. храма Афродите Навархиде [20]. К II—III вв. н. э. относится бронзовый бюст Изиды, представленной в образе Афродиты [21]. Афродита была покровительницей моряков; ей они приносили дары, вернувшись из опасных морских плаваний. Горгиппия была крупным морским портом и нет ничего удивительного, что эта почитаемая греками богиня пользовалась там большой популярностью.

[16] И. Т. Кругликова. Боспор III—IV вв. н. э. в свете новых археологических исследований. КСИА, вып. 103. М., 1965, стр. 7, рис. 2.
[17] И. Т. Кругликова, Г. А. Цветаева. Раскопки в Анапе. КСИА, вып. 95. М., 1963, стр. 69, рис. 26, 2.
[18] И. Т. Кругликова. Находки в Анапе. «Искусство», 1963, № 9.
[19] Н. Л. Грач. Ук. соч.
[20] Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965, № 1115.
[21] И. Т. Кругликова. Бронзовый бюст Изиды из Горгиппии. КСИА, вып. 128. М., 1971, стр. 193.

Н. А. ОНАЙКО

АНТИЧНЫЕ ИМПОРТНЫЕ ИЗДЕЛИЯ НА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ БОСПОРА (I в. до н. э. — IV в. н. э.)

В последние годы в нашей литературе большое внимание уделяется изучению античных импортных изделий римского времени в Восточной Европе, что нашло наиболее яркое отражение в одной из работ В. В. Кропоткина [1]. Благодаря активному археологическому исследованию северокавказского побережья в районе Новороссийска эти сведения все время пополняются. По насыщенности археологического материала выделяется район к северо-западу от Цемесской бухты: долины рек Цемеса, Мысхако, Чухабль и Озерейки. В устье р. Мысхако, на Малой земле, расположено наиболее значительное для первых веков н. э. прибрежное поселение. В Широкой балке (р. Чухабль, в 14 *км* юго-западнее Новороссийска) находятся остатки богатой загородной виллы. Другой менее обширный и менее богатый памятниками район прилегает к юго-восточной оконечности Цемесской бухты (район Кабардинки) [2].

Одной из основных статей импорта, как и во многих областях Северного Причерноморья, в исследуемых районах было вино, изготовлявшееся вместе с тарой в различных центрах Причерноморья и Средиземноморья. Наиболее многочисленной группой такой тары были светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками, которые бытовали в I в. до н. э. — I в. н. э.[3]. Особенно много их на поселении в Широкой балке. Вместе с обломками таких амфор здесь постоянно встречаются двуствольные ручки красноглиняных амфор, относящихся, по-видимо-

[1] В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.). САИ, Д 1—27. М., 1970.

[2] Н. А. Онайко. Разведка античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика. СА, 1970, № 1, стр. 130, рис. 1.

[3] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83. М., 1960, стр. 109.

му, к наиболее ранним формам подобной тары [4]. В это же время сюда ввозилось вино в италийских амфорах [5] и в амфорах с каплевидной ножкой [6]. К рубежу тысячелетий и I в. н. э. относятся светлоглиняные узкогорлые амфоры и амфоры с воронкообразным горлом [7].

Несколько иной состав керамической тары представлен на поселении, расположенном на Малой земле, где в конце XIX в. был обнаружен богатый могильник [8]. Как и в Широкой балке, на рубеже тысячелетий здесь бытуют красноглиняные амфоры с двуствольными ручками, появляются амфоры с конусовидной ножкой [9], а затем в I—II вв. н. э. распространяются амфоры с конической ножкой [10], а также некоторые из известных по Широкой балке типов светлоглиняных узкогорлых амфор и амфор с воронкообразным горлом. Встречающиеся в незначительном количестве в Широкой балке обломки «коричневоглиняных» амфор (слой I в. до н. э. — I в. н. э.) занимают доминирующее положение в керамической таре с Малой земли. Это в основном два варианта «коричневоглиняных» амфор [11]; они очень близки по глине и форме более ранним амфорам, выделенным И. Б. Зеест и относимым ею к центрам Южного Причерноморья [12]. Характер глины и содержание надписи на обломке «коричневоглиняной» амфоры (с горизонтальным ребром на горле) из Широкой балки [13] позволяют сказать, что одним из таких центров была Гераклея.

Светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками и светлоглиняные амфоры с узким горлом I—II вв. н. э. встречались на поселениях Южная и Северная Озерейка и Владимировка. Во II—III вв. н. э. на поселениях, расположенных к северо-западу от Баты (Северная и Южная Озерейка, Борисовка, Владимировка, бассейн р. Дюрсо), но особенно на поселении Малая земля, получают распространение главным образом светлоглиняные амфоры, а также красноглиняные с профилированными ручками и другие [14]. Сосудов III—IV вв. н. э. очень мало на Малой земле; зафиксирована позднесинопская тара [15].

Керамическая тара, добытая при разведке античных поселений, прилегающих к юго-восточной оконечности Цемесской бухты, представлена значительно беднее. Обломки светлоглиняных амфор, в том числе амфор с двуствольными ручками, встречались на территории Голубой бухты, но главным образом на поселениях, расположенных в районе поселков Кабардинка и Виноградный, а также у горы Дооб. Красноглиняные амфоры с двуствольными ручками найдены на поселениях Кабардинка и Виноградный.

На поселении Малая земля, наиболее насыщенный слой которого

[4] И. Б. Зеест. Ук. соч. МИА, № 83, табл. XXVI, *62*.

[5] М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст боспорской царицы [Динамии] и история Боспора в эпоху Августа. «Древности», т. 25. М., 1916, стр. 2, прим. 1; И. Б. Зеест. Ук. соч. МИА, № 83, табл. XXVII, *63*.

[6] Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское). МИА, № 64. М., 1958, стр. 210, рис. 44, *4*.

[7] И. Б. Зеест. Ук. соч. МИА, № 83, табл. XXVIII, *64*; XXIX, *65б* и др.

[8] В. Сизов. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. МАК, вып. II. М., 1889, стр. 71.

[9] И. Б. Зеест. Ук. соч. МИА, № 83, табл. XXIX, *70—71*.

[10] Там же, табл. XXIX, *69*.

[11] Н. А. Онайко. Раскопки поселения на Малой земле. КСИА, вып. 124. М., 1970, стр. 76.

[12] И. Б. Зеест. Ук. соч. МИА, № 83, стр. 108, табл. XXVI, *59*, *60*.

[13] См. статью Ю. Г. Виноградова «Дипинто из раскопок поселения в Широкой балке близ Новороссийска» в этой книге.

[14] И. Б. Зеест. Ук. соч. МИА, № 83, табл. XXXIII, *78*, *80*; XXXV, *84*; XXXI, *75а*; XXXII, *76в*, *77*.

[15] Там же, табл. XLI, *105* и XXXIX, *93а* и др.

датируется I—III вв. н. э., обнаружены обломки синопской черепицы и синопского лутерия. В Широкой балке найдено много обломков красноглиняных пифосов.

Краснолаковую посуду потребляли главным образом жители крупных поселений и в данном случае обитатели Широкой балки и Малой земли. Но и здесь этой посуды сравнительно мало (несколько десятков фрагментов), причем значительная часть их представлена маловыразительными обломками. В краснолаковой керамике из Широкой балки выделяются венчики пергамских чаш первой половины I в. н. э. с вертикальными и конусовидными стенками, обрамленными прямым, не очень высоким бортиком[16]. Есть образцы самосской краснолаковой посуды с конусовидным туловом и бортиком, украшенным по нижнему и верхнему краям насечкой и круглыми налепами между ней[17].

Несколько многочисленнее и разнообразнее по формам краснолаковая посуда с Малой земли[18]. Наиболее ранние ее образцы датируются II—I вв. до н. э. Это малоазийская посуда; к ней относится и керамический кубок. Имеется часть самосской круглодонной чаши с характерным для этого центра оранжевым лаком. Часть подобного сосуда, но более вычурного по профилю стенок, исполнена в технике «барботина». Остальные наиболее выразительные фрагменты представлены венчиками чаш с профилированными прямыми бортиками, с загнутыми внутрь краями, а также венчиками кувшинов I—III вв. н. э.[19].

Следующая категория римского импорта — изделия из бронзы, обнаруженные главным образом в Широкой балке. Еще в 1898 г. здесь при строительных работах была найдена коллекция бронзовых вещей, из которых до нас дошли: широко известный бюст боспорской царицы Динамии и отдельные части утвари, главным образом детали художественно оформленных канделябров и горизонтальная ручка чаши, украшенная в нижнем ее основании маской Силена с инкрустированными серебром глазами. К сожалению, в обстоятельных статьях М. И. Ростовцева вопрос о центре производства этой портретной скульптуры не затрагивался[20]. До детального исследования ее мы также воздержимся от каких-либо определенных выводов. Что касается остальных вещей из данной коллекции, то датировка их эпохой Августа, предложенная М. И. Ростовцевым, не вызывает возражений[21]. Найденные в Широкой балке детали бронзовых изделий принадлежат нескольким предметам. Наиболее определенно из них выделяются канделябр с высоким вертикальным стержнем (цилиндрическая подставка и завершающая подобные канделябры верхняя часть в виде раструбообразной вазы) и светильник на треножнике (цилиндрический ажурный треножник и фрагмент от него в виде лапы льва). Оба предмета имеют аналогии среди помпеянских бронз[22].

[16] Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, № 25. М.—Л., 1952, стр. 295, рис. 1, *4*.

[17] T. Knipovitsch. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Errmitage. «Materialien zur römischgermanischen Keramik», Bd. IV. Frankfurt am Main, 1929, Taf. 1, *4*.

[18] Н. А. Онайко. Ук. соч. КСИА, вып. 124, стр. 77, рис. 31, *10—12*.

[19] Т. Н. Книпович. Ук. соч. МИА, № 25, стр. 33, рис. 27; стр. 293, рис. 8, *1*; стр. 302, рис. 4, *2*; Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. МИА, № 85. М.—Л., 1958, стр. 290, рис. 5, *3—5*; стр. 300—301, рис. 14, *4*.

[20] М. И. Ростовцев. Ук. соч. «Древности», т. 25, стр. 1, табл. I; он же. Медь Динамии и Аспурга. ИТУАК, № 54. Симферополь, 1918, стр. 47.

[21] М. И. Ростовцев. Ук. соч. «Древности», т. 25, стр. 2; В. В. Кропоткин. Ук. соч., стр. 89 (местом находки ошибочно названа Мысхако).

[22] E. Pernice. Gaffässe und Geräte aus Bronze. Berlin — Leipzig, 1925, S. 56, fig. 74.

Того же происхождения, по-видимому, и найденная нами в 1967 г. при раскопках в Широкой балке (слой I в. до н. э. — I в. н. э.) бронзовая гиря в виде женского бюста[23]. Как показали исследования, ее

Рис. 1. Бронзовая гиря из раскопок поселения в Широкой балке в 1967 г. (ум. 4/5)

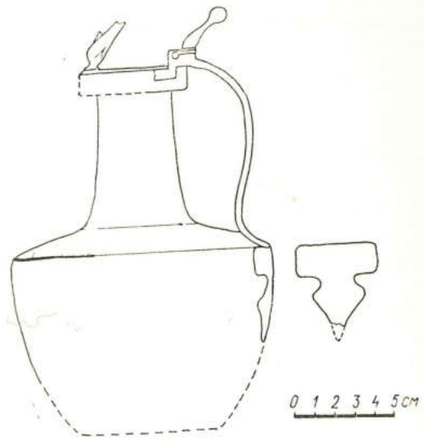


Рис. 2. Бронзовый кувшин из раскопок поселения в Широкой балке в 1969 г.

первоначальный вес имел 3 римских либра-фунта по 327,45 *г*. Римский либр-фунт лежит в основе веса многих бронзовых фигурных гирь, в том числе и хранящихся в наших музеях[24]. По художественному стилю и технике (инкрустация серебром) этот бюст-гирю можно датировать не позднее I в. н. э., скорее всего, первыми его десятилетиями (рис. 1).

Продолжая раскопки в Широкой балке в 1969 г., мы обнаружили на том же участке обломки бронзового кувшина. Судя по ним, кувшин был выкован из тонкой бронзы, покрывшейся голубовато-зеленой патиной. Он имел высокое, несколько расширяющееся книзу узкое горло, стройные, слегка покатые плечи, переходящие в округлое тулово. Кувшин был, по-видимому, плоскодонным. Его литая из золотистой бронзы ручка заканчивается у нижнего основания большим стилизованным трехлистником, плотно прикрепленным к тулову. Верхняя часть ручки с округлым на конце выступом переходит в узкую обойму, припаянную к горлу (рис. 2).

Кувшин имел крышку, подвижно соединенную с ручкой при помощи шарнира. От крышки сохранилась лишь украшавшая ее литая фигурка дельфинчика, уткнувшегося носом в край узкой пластины.

[23] Н. А. Онайко. Бронзовый бюст-гиря из раскопок античного поселения в Широкой балке. КСИА, вып. 128. М., 1971, стр. 73.

[24] Л. И. Чуистова. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье. В кн.: «Археология и история Боспора», т. II. Симферополь, 1952, стр. 7 и сл.

Высоту тулова этого кувшина можно представить скорее приземистой, чем высокой. На это указывает ближайшая аналогия к нашему сосуду — один из двух (меньший) кувшинов из кургана Хохлач[25], датированного М. И. Ростовцевым I—II вв. н. э.[26]. По форме горла и верхней части тулова кувшин из Широкой балки близок также сосудам первых веков н. э. из хут. Хмельницкого[27] и с. Олонешты[28]. Однако у него имеются и существенные отличия от них: более крутые плечи, стройное, не расширяющееся к устью горло, менее вычурная линия изгиба ручки и совершенно иной тип художественного украшения крышки — фигурка дельфинчика. Аналогичная фигурка дельфинчика на крышке, как и близкая форма горла и ручки сосуда для нашего кувшина, имеются на кувшине из Помпей[29]. И если учесть, что кувшин из Широкой балки найден с гирей в слое, хорошо датируемом светлоглиняными амфорами с двуствольными ручками, то наиболее вероятной для него датой изготовления будет время не позднее I в. н. э.

Судя по заметкам Г. Ф. Чайковского и описям в Книге старого музея в Новороссийске, в Мысхакском могильнике были найдены, но потом утеряны бронзовая статуэтка «римско-египетского стиля (Изида?) высотою в 12,5 *см*» и «бронзовая статуэтка женщины, держащей факел»[30].

В начале XIX в. в Цемесской долине был случайно найден набор украшений первых веков н. э., который тогда же был продан и не попал в музей. В нем имелись привозные вещи: миниатюрная статуэтка и привеска в виде виноградной кисти из египетской пасты, а также сердоликовый медальон с изображением Артемиды в золотой оправе[31]. Круглые ребристые бусы из зеленоватой пасты были обнаружены вместе с бронзой в 1898 г. в Широкой балке[32] и на Малой земле[33].

Изделия из стекла представлены единичными фрагментами сосудов. В основном это мелкие обломки венчиков или стенок небольших сосудов из прозрачного тонкостенного стекла, найденные в Широкой балке в слое I в. до н. э. — I в. н. э. и на Малой земле в слое I—III вв. н. э. В слое I—III вв. н. э. обнаружены: обломок толстостенного сосуда, изготовленного в технике мозаичного сине-белого стекла, и обломок сосуда из светлого прозрачного стекла[34], который принадлежит, по-видимому, хорошо известной, но редко встречающейся в Северном Причерноморье форме сосуда типа стакана. Такие выдутые в форме стаканы с рельефно орнаментированными стенками изготовлялись на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. сначала в Сирии, затем в Италии. Как правило, они сопровождались греческими надписями с девизами и пожеланиями[35].

[25] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. III. СПб., 1890, стр. 133; ГЭ, ОИПК.
[26] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пг., 1925, стр. 585.
[27] В. В. Кропоткин. Ук. соч., рис. 67, *9*.
[28] А. И. Мелюкова. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты. СА, 1962, № 1, стр. 198—199, рис. 3, *4*; В. В. Кропоткин. Ук. соч., рис. 67, *7*.
[29] H. Willers. Neue Untersuchungen über römische Bronzeindustrie in Capua und in Niedergermanien, besonders auf die Funde aus Deutschland auf dem Norden hin. Hannover — Leipzig, 1907, fig. 41, *17*.
[30] Новороссийский историко-краеведческий музей. Опись, № 1432, 1416.
[31] ИАК, вып. 11. СПб., 1904, стр. 167—168, рис. 2, *5—7*.
[32] М. И. Ростовцев. Ук. соч. «Древности», т. 25, стр. 2, прим. 1.
[33] Раскопки Н. А. Онайко в 1969 г.
[34] Н. А. Онайко. Ук. соч. КСИА, вып. 124, стр. 75, рис. 30, *6*, *7*.
[35] Н. З. Кунина. Стеклянные стаканы с греческими надписями в собрании Эрмитажа. В кн.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 220; Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1959 гг. МИА, № 103. М., 1962, стр. 229—230, рис. 13, *1—2* и 14.

Среди собранных В. И. Сизовым находок на Мысхакском могильнике имеются обломки цветного алабастра, форма которого характерна для II—I вв. до н. э.[36].

Итак, в окрестностях современного Новороссийска — древней Баты — получили распространение хорошо известные в Восточной Европе категории импортных изделий I в. до н. э. — IV в. н. э. Однако здесь они имеют свои особенности. Так, в керамической таре преобладают амфоры южнопричерноморских центров, среди которых выделяется Гераклея, поддерживающая с Батой особенно тесные торговые связи. Это позволяет поставить вопрос о значительной роли Гераклеи в торговле с понтийскими городами не только в IV—III вв. до н. э., но и в последующий период. В импорте краснолаковой керамики доминирует малоазийская посуда, в металлических изделиях — италийская бронза. В районе Новороссийска известны римские и боспорские монеты главным образом I—II вв. н. э.; здесь обнаружены также варварские подражания римским денариям. В 30-х годах XIX в. жителем Новороссийска И. И. Маевым был найден в черте города клад фанагорийских монет II—I вв. до н. э., из которого только 2 монеты попали в музей. Здесь же хранится 10 боспорских монет, найденных в разное время на территории города. К этому времени относится и клад римских монет, обнаруженный в Новороссийске еще в 1841 г.[37]. Известно 7 монет с Малой земли (Мысхако)[38]. В 1969 г. нашей экспедицией были приобретены еще 4 боспорские монеты I—II вв. н. э., случайно найденные на этом поселении. Монеты и различные категории римского импорта свидетельствуют о том, что рубеж тысячелетий и I—II вв. н. э. для юго-восточных окраин Боспора, как и для всех боспорских земель,— период наивысшего экономического и культурного расцвета. Вместе с тем если сравнить интенсивность распространения на Боспоре импортных изделий с соседней территорией — Прикубаньем, то следует признать, что Прикубанье поглощало значительно больше привозных товаров[39]. Земли, расположенные вокруг Баты, да и сама Бата, несмотря на усиление ее роли в первые века н. э., занимали в этой торговле довольно скромное место[40]. Это объясняется, по-видимому, сравнительно слабым социально-экономическим развитием местных племен вследствие более суровых, чем в Прикубанье, жизненных условий, а также значительной отдаленностью этих районов от крупных центров Боспора. Экспорт прикубанского хлеба покрывался гораздо большим количеством промышленных товаров и ремесленных изделий, чем скромные доходы обитателей горной сельскохозяйственной округи Баты. Среди них выделяется поселение рыбаков на Малой земле. Кроме рыбы из этих мест на экспорт шли рабы, лес[41] и другие товары.

[36] В. Сизов. Ук. соч. МАК, вып. II, табл. XI, *13*; ср. P. Fossing. Glass vessels before glassblowing. Copenhagen, 1940, p. 112, pl. 84.
[37] В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. САИ, Г 4—4. М., 1961, стр. 39, № 7.
[38] Н. А. Онайко. Ук. соч. КСИА, вып. 124, стр. 75, рис. 30, *1—3*.
[39] В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия.., стр. 149, рис. 1; стр. 151, рис. 4, *6*; стр. 153, рис. 8, *9*, *11*; стр. 157, рис. 14, 15; стр. 159, рис. 16.
[40] Н. А. Онайко. Ук. соч. СА, 1970, № 1, стр. 139.
[41] Strabo, XI, 2, 12, 15.

Ю. Г. ВИНОГРАДОВ

ДИПИНТО ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ В ШИРОКОЙ БАЛКЕ БЛИЗ НОВОРОССИЙСКА

До сих пор наши сведения о торговой деятельности римских купцов в районе Северного Причерноморья ограничивались априорными умозаключениями, базировавшимися главным образом на археологических и нумизматических материалах и в редких случаях на косвенных свидетельствах античных авторов. Недавно археологи и историки получили интересный эпиграфический документ, дающий прямое указание по этому вопросу.

Рис. 1. Дипинто с поселения в Широкой балке (ум. 2/3)

Разбираемый памятник представляет собой фрагмент плечика амфоры коричневой глины с максимальными размерами 9×6 *см*, найденный в 1969 г. при раскопках поселения в Широкой балке близ Новороссийска экспедицией Института археологии АН СССР[1]. На черепке сохранилась трехстрочная надпись, исполненная красной краской в технике dipinti (рис. 1). Слева и сверху — vacat, то есть мы имеем начало надписи.

Судя по вполне связному контексту, справа не пропало ни одной буквы; только снизу повреждена третья строка и полностью отлома-

[1] Автор благодарит руководителя раскопок Н. А. Онайко за материал, любезно предоставленный для публикации. См. статью Н. А. Онайко «Античные импортные изделия на юго-восточной окраине Боспора (I в. до н. э. — IV в. н. э.)» в этой книге.

на, вероятно, по крайней мере еще одна. Высота букв 8—10 *мм*. Текст, исполненный на латинском языке, читается довольно просто.

VINI·HERI Vini Her (acliensis?)
EMI·SIMO emi Simo
INAR v]inar[ia

Перевод: «Я купил гераклейского (?) вина у Сима винариев [столько-то]».

Строка 1-я — лигатура из букв H и E довольно характерна для латинской эпиграфики. Аббревиатура Her., скорее всего, означает место происхождения вина, так как других подходящих слов в латинском языке подыскать не удается. Все слова надписи отделены интерпункционными знаками в виде точек.

Строка 2-я — emi, несомненно, perf. от глагола emo — «покупать, приобретать». Simo — или полная форма abl. от Simus или сокращение abl. имен типа Simo(ne), Simo(nide). Возможно, что во втором случае конец слова пришелся на излом. Emo требует управления aliquid ab aliquo, но нет ничего невероятного и в простом abl., тем более в столь лаконичной надписи.

Строка 3-я — несомненно восстанавливается v]inar[ia — довольно частое наименование амфоры в римское время. В следующей строке стояло, очевидно, количество закупленных винариев.

Интересен вопрос о датировке документа. Надпись исполнена актуарным письмом[2], которое находит ближайшие аналогии в помпеянских dipinti на стенах домов. При внимательном анализе палеографии заметно, что ближе всего шрифт нашего дипинто стоит к надписям более позднего периода, объединенным К. Цангенмайстером в подгруппы II, 1 и II, 2[3]. Особенно характерны формы букв v, i, n, e, r, m, s с типичными крючкообразными украшениями на концах. На основании такого сопоставления надпись можно датировать I в. до н. э. Такой датировке не противоречит и археологический контекст — слой поселения относится к I в. до н. э. — I в. н. э.

Таким образом, наша надпись является пометкой торговца о закупленной партии вина — довольно частый вид дипинто на амфорах. Она представляет значительный интерес во многих отношениях. Во-первых, у нас крайне редко встречаются латинские граффити и дипинто на амфорах; подавляющее число их — греческие.

Во-вторых, если надпись исполнена на латинском языке, то нанес ее на амфору, конечно, римский торговец, привезший партию вина в этот район. Таким образом, наш памятник — первый документ, свидетельствующий о торговой деятельности римлян в Северном Причерноморье. Историки и археологи с полным правом предполагали, что одновременно с проникновением римских легионов в припонтийские области здесь появились и римские купцы[4]. Этот процесс начался со

[2] Е. В. Федорова. Латинская эпиграфика. М., 1969, стр. 51 и сл.

[3] [K. Zangenmeister]. CIL, IV, 1871, tabl. I; ср. W. Krenkel. Pompeianische Wandinschriften. Heidelberg — Leipzig, 1963, S. 78.

[4] Е. С. Голубцова. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951, стр. 53.

времени митридатовых войн и, естественно, протекал наиболее интенсивно в Южном Причерноморье. Не имея данных письменной традиции и эпиграфики для северного берега Понта, обычно ссылаются на нумизматический и археологический материалы [5]. Действительно, большое количество римских денариев, италийской краснолаковой керамики, бронз, стекла и других предметов импорта говорит об оживленных торговых связях с Римом, однако, как и о характере греческой торговли, мне хочется еще раз подчеркнуть, что все эти богатые археологические материалы молчат о том, кто же был непосредственным импортером римских товаров в Северное Причерноморье — сами римляне, греки или купцы каких-то иных национальностей. Ведь мы знаем об активной торговой деятельности в эту эпоху греков, особенно из Восточного Средиземноморья. Наш документ дает прямой ответ — среди купцов-импортеров были лица латинского происхождения.

В-третьих, если верно расшифровано мной сокращение Her. в первой строке, то встает вопрос о месте изготовления данных амфор и вина. В том, что этот центр был греческим, убеждает имя виноторговца или винодела Simus, у которого неизвестный римский купец, автор надписи, приобрел партию вина. Правда, личное имя Simo фигурирует в латинской комедии как имя-прозвище старика (simus — «плосконосый, курносый», слово, кстати сказать, заимствованное, скорее всего, от греческого σίμός, с точно таким же значением). Однако вероятнее всего, здесь мы имеем дело с латинской транслитерацией греческих собственных имен Σῖμος, Σίμων, Σιμωνίδης довольно распространенных. Так как со времен Митридата в южнопонтийских областях осело много римских легионеров и разного рода предпринимателей, а также принимая во внимание давние связи Северного Причерноморья с Гераклеей Понтийской, не нарушавшиеся в римскую эпоху [6], с большой долей вероятия можно предположить, что центром производства данного вина был этот давно знаменитый виноделием полис. В этом предположении меня укрепляет анализ глиняного теста, весьма схожего с глиной атрибутированных гераклейских амфор IV—III вв. до н. э. Оно имеет характерный светлокоричневый оттенок и включения черного пироксена. Кстати сказать, имя Σῖμος присутствует в просопографии гераклейских керамистов [7]. Остается пожалеть, что до нас не дошла целиком форма амфоры. Недавно румынским ученым Э. Бужором был поднят вопрос о производстве гераклейской амфорной тары в I в. до н. э. на основании изучения склада амфор из Ислам-Джаферка [8]. И хотя такая датировка комплекса была скептически встречена И. Б. Брашинским [9], все же не исключена возможность изготовления амфор в Гераклее (и соответственно экспорта вина) в римскую эпоху.

С другой стороны, мы, конечно, не знаем, жил ли этот римский купец в самой Гераклее или в каком-то другом городе. Вполне вероятно и второе. В таком случае, римские негоцианты шли в своей транзитной торговле по проторенным путям греческих эмпоров, о подобной практике которых нам известно хотя бы из Демосфена [10]. Кроме того, едва ли купец привез свой товар непосредственно на поселение в Широкой балке. Скорее, он доставил его в один из портов Боспорского царства, возможно, в Бату, а оттуда уже сухим путем вино привезли в эту местность. В таком случае мы могли бы распространить наши выводы не только на данный локальный пункт, но и на весь Боспор.

Итак, надпись на амфоре из Широкой балки вносит новые штрихи в наши знания об экономических сношениях Боспора с античным миром римской эпохи.

---

[5] Основные материалы сведены в работах: В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967; он же. Клады римских монет на территории СССР. САИ, Г 4—4. М., 1961; он же. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.). САИ, Д 1—27. М., 1970.

[6] IOSPE, I², №№ 40, 41, 357, 359, 362, 544, 545; Надписи Ольвии. Л., 1968, № 51; IOSPE, II, №№ 44, 46; Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965, №№ 59, 58.

[7] Б. Н. Граков. Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Труды ГИМ, вып. I. М., 1926, стр. 190.

[8] E. Bujor. Depozitul de amfore de la Islam Geaferca. SCIV, 1961, n° 1, p. 85—92; idem. The Amphore Deposit of Islam Geaferca. «Dacia», NS, Bucarest, 1962, t. VI, p. 475 sq.

[9] И. Б. Брашинский. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. НЭ, т. V. М., 1965, стр. 19 и сл.

[10] Dem. In Lacr., 926.

Д. Б. ШЕЛОВ

НЕФТЬ В ТАНАИСЕ

В 1968 г. при раскопках юго-западного угла Недвиговского городища (раскоп IV) [1] Нижне-Донской экспедицией обнаружено большое число светлоглиняных амфор III в. н. э. и их обломков с единообразной надписью — NÁΦA. Надписи на амфорах этого времени — явление в Танаисе не только обычное, но и почти обязательное. Они насчитываются здесь уже тысячами и очень разнятся и по форме и по содержанию. То это отдельные буквы и значки, то целые слова или даже тексты. Они содержат личные имена владельцев, цифровые обозначения, указание на содержимое сосудов [2]. Мы рассмотрим только одну группу надписей, а именно надписи NÁΦA (рис. 1).

Они нанесены красной краской на горла или плечики амфор одного строго определенного типа. Это небольшие узкогорлые сосуды: ряд устойчивых признаков выделяет их из всех светлоглиняных амфор первых веков н. э. — яйцевидное довольно короткое реберчатое тулово, заканчивающееся очень маленькой кольцеобразной ножкой, относительно высокое горлышко, очень узкое вверху и понемногу расширяющееся к плечикам, небрежно профилированные ручки и массивный венчик; высота амфор — 0,40—0,42 *м*, наибольший диаметр тулова — 0,20 *м*, объем — около 2,5—3 *л* [3]. Сосуды эти отнесены И. С. Каменецким к типу C_2 его классификации светлоглиняных амфор [4]. Иногда данному типу амфор присваивается название танаисского [5]. Такое название амфоры этого типа получили потому, что в Танаисе они имеют самое широкое распространение, что было отмечено еще Т. Н. Кипович [6]. Действительно, даже число целых и подбирающихся из обломков сосудов этого типа, найденных в Танаисе, составляет несколько сотен,

[1] Раскопками руководила Т. М. Арсеньева. См. Т. М. Арсеньева. Раскопки в Танаисе. АО 1968 г. М., 1969, стр. 116—118.

[2] Д. Б. Шелов. Экономическая жизнь Танаиса. В кн.: «Античный город». М., 1963, стр. 122, 124, рис. 6.

[3] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83. М., 1960, стр. 117—118, табл. XXXVII, 91 *а*, *б*.

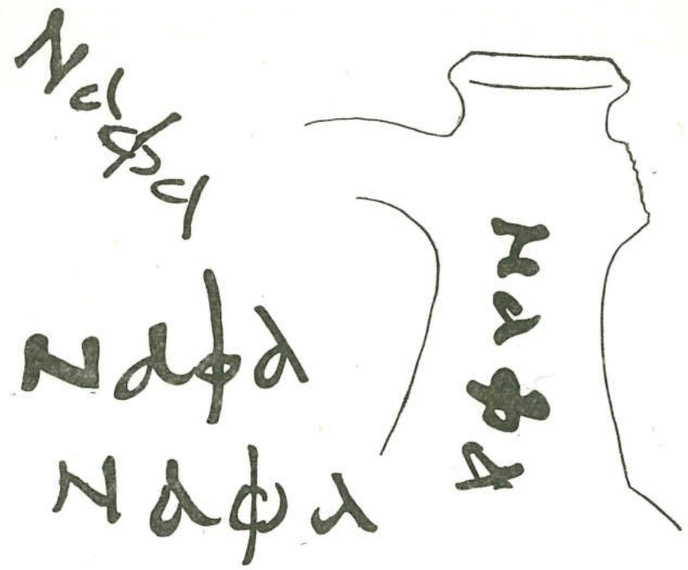


Рис. 1. Варианты расположения надписи NÁΦA на танаисских амфорах

не говоря уже о сотнях тысяч фрагментов их на всех участках раскопок. Именно такие амфоры заполняли в огромном количестве подвалы города, погибшего в середине III в. н. э. [7]. Иногда на их горлах встречаются рельефные или энглифические клейма [8]. Но ни на одной из амфор с надписью NÁΦA такие клейма не обнаружены.

[4] И. С. Каменецкий. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. КСИА, вып. 94. М., 1963, стр. 31—33, рис. 6—С; Л. М. Казакова, И. С. Каменецкий. Курганы Танаиса. КСИА, вып. 124. М., 1970, стр. 82, прим. 12.

[5] М. Б. Щукин. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. СА, 1968, № 2, стр. 42, рис. 1—*а*.

[6] Т. Н. Кипович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 72—74, рис. 28, *А*, *а*—*в*.

[7] См. статьи: Т. М. Арсеньева, Д. Б. Шелов. Раскопки центральной части Танаиса (1955—1957 гг.), стр. 12, рис. 6. А. К. Коровина, Д. Б. Шелов. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956—1957 гг.), стр. 47, 48, рис. 24. Д. Б. Шелов. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955—1957 гг.), стр. 65 и сл., рис. 9, 10. М. А. Наливкина. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960—1961 гг.), стр. 143, рис. 14. В кн.: «Древности Нижнего Дона». М., 1965. (МИА, № 127); И. С. Каменецкий. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса. В кн.: «Античные древности Подонья—Приазовья». М., 1969, стр. 147 и сл.

[8] Д. Б. Шелов. Ук. соч. МИА, № 127, стр. 67—68, рис. 10; В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967, стр. 61—65; он же. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.). САИ, Д 1—27. М., 1970, стр. 11—13.

Надпись НА́ФА, сохранившаяся полностью или частично, засвидетельствована на 92 светлоглиняных амфорах или их фрагментах. В подавляющем большинстве случаев надпись нанесена на плечики амфоры горизонтально, изредка она располагается на плечике радиально: в таких случаях конец надписи переходит на горло сосуда снизу вверх. На 11 амфорах надпись размещена на горлах сверху вниз. Размещение надписи на амфоре определялось, по-видимому, положением, в котором находился сосуд в хранилище в тот момент, когда на него наносили надпись. Сравнительное единообразие почерка всех надписей свидетельствует о том, что надписи сделаны одной рукой и единовременно. Можно полагать, что амфоры с содержимым стояли вертикально на полу хранилища, и автор надписей, наклоняясь над ними, кисточкой наносил надпись на плечико каждого сосуда. В тех случаях, когда амфора лежала на боку, удобнее оказывалось писать на горле.

Каково значение слова НА́ФА? В греческом языке нет такого слова, нет и имен, начинающихся с этих слогов, если не считать редкого иудейского имени Νάφαισος[9], упомянутого Иосифом Флавием, и в Северном Причерноморье ни разу не засвидетельствованного. Правда, в одной из керченских надписей первых веков н. э. предположительно восстанавливается имя, начинающееся с НАФ, но по обломку этой надписи ни содержание ее, ни достоверность этого восстановления не могут быть определены[10]. Тем не менее значение слова НА́ФА легко устанавливается. Это, очевидно, фонетически искаженное греческое νάφθα — нефть. Утрата в написании буквы θ, видимо, объясняется местными особенностями произношения этого слова и связана с теми модификациями, которые претерпел греческий язык на Боспоре и особенно в Танаисе и которые достаточно ярко отразились в боспорской лапидарной эпиграфике[11]. Если выпадение отдельных букв или замена одних букв другими во многих греческих словах (наряду с другими фонетическими, морфологическими и синтаксическими явлениями, отражающими особенности местного произношения) встречается достаточно часто в монументальных надписях даже общественно-правового характера, то тем более можно ожидать искажений в рукописных надписях на амфорах, в граффити и тому подобных памятниках керамической эпиграфики, оставленных частными лицами — торговцами, владельцами сосудов и пр.

Предложенное нами понимание слова НА́ФА как «нефть» могло обозначать только одно, что в амфорах с этой надписью хранилась нефть. На внутренних стенках и донышках амфор сохранились остатки смолистого черно-коричневого вещества, которые были подвергнуты анализам для определения содержимого амфор. Анализы подтвердили наши предположения. Предварительное химическое исследование осадка, выполненное А. Н. Гусевой и И. Е. Лейбманом в лаборатории химии горючих ископаемых геологического факультета Московского университета, привело их к выводу, что осадок в танаисских амфорах «представляет собой окисленную нефть нафтено-ароматического характера, претерпевшую за время пребывания в амфоре процессы физического выветривания и окисления и превратившуюся в значительной степени в асфальтены...»[12]. Одновременно с этим исследованием и независимо от него осадок танаисских амфор был передан К. В. Кострину для химического анализа в битумной лаборатории Башкирского научно-исследовательского института нефтепереработки. К. В. Кострин пришел к тому же заключению, что осадок в танаисских амфорах — сильно окисленная выветрившаяся нефть нафтено-ароматического типа. Результаты анализа позволили предположить, что танаисская нефть происходит из Чонгелекских месторождений на Керченском полуострове, известных уже в древности[13]. Этот вывод очень важен. Он позволяет установить центр добычи нефти на Боспоре в античное время и пути ее перевозки в Танаис.

Керченский полуостров относительно богат поверхностными месторождениями нефти, из которых этот продукт можно извлекать (правда, в очень ограниченном количестве) весьма примитивными способами — из ям и колодцев. Здесь насчитывается более 20 таких месторождений, среди которых, видимо, наиболее значительное Чонгелекское[14]. Эти месторождения усиленно эксплуатировались уже в древности, о чем свидетельствует ряд находок. Закупоренная остродонная амфора с нефтью IV—V вв. н. э. была найдена В. Ф. Гайдукевичем при раскопках в юго-восточной части Тиритаки в 1939 г.[15]. Исследование нефти из этой амфоры, произведенное параллельно в двух лабораториях — в Ленинграде и Баку, привело к выводу о ее чонгелекском происхождении[16].

К более позднему времени, к IX—X вв., относятся 3 амфоры с нефтью, найденные в 1950 г. на Таманском полуострове около ст. Сенной[17]. Содержимое этих амфор оказалось тоже очень близко нефтям Керченского полуострова; по-видимому, в раннесредневековое время нефть, добываемую в восточном Крыму, перевозили и на Таманский полуостров[18]. Не менее интересны результаты анализа нефти из средневековых амфор, найденных в конце прошлого века в окрестностях ст. Великокняжеской (ныне Пролетарская) на Маныче. Амфоры IX—X вв.[19] содержали, согласно определению К. В. Кострина, нефть из тех же керченских, скорее всего чонгелекских, месторождений[20]. Таким образом, можно констатировать длительное использование керчен-

[9] W. Pape. Wörterbuch der griechischen Eigennamen, Bd. II_3. Braunschweig, 1870, s. v.

[10] Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965, № 839.

[11] К. М. Колобова. К вопросу о сарматском языке. ИГАИМК, вып. 100. М. — Л., 1933, стр. 416 и сл.; она же. Еще о сарматском языке (ответ Е. Г. Кагарову). ПИДО, 1935, № 1—2, стр. 192 и сл.; Т. Н. Книпович. Танаис. М. — Л., 1949, стр. 118—119. Ср. А. И. Доватур. Краткий очерк грамматики боспорских надписей. В кн.: «Корпус боспорских надписей», стр. 797 и сл.

[12] Т. М. Арсеньева. Ук. соч. АО 1968 г., стр. 117.

[13] К. В. Кострин. Исследование смолистого осадка из древних амфор, найденных при раскопках Танаиса. СА, 1971, № 3, стр. 264—265.

[14] В. А. Обручев. Месторождения нефти и газов Керченского полуострова. «Нефтяное и сланцевое хозяйство», 1921, № 5—8, стр. 200—204.

[15] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 312—313, рис. 10; он же. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25. М.—Л., 1952, стр. 61—63, рис. 70.

[16] С. Н. Попов. Исследование нефти из амфоры, найденной при раскопках близ Керчи. ИАзерб. ФАН СССР, 1941, № 1, стр. 84—86; В. А. Успенский. Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке. МИА, № 25, стр. 415—421.

[17] Н. В. Анфимов. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова. КСИИМК, вып. XLIX. М., 1953, стр. 151 и сл.

[18] П. И. Цыганок и Т. А. Зернышко. Нефть, хранимая с VI века нашей эры. «Нефтяное хозяйство», 1951, № 8, стр. 60—61.

[19] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131. М.—Л., 1935, стр. 71 и сл.; А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. (Опыт хронологической классификации). СА, т. XV. М.—Л., 1951, стр. 331, рис. 4, *20*.

[20] К. В. Кострин. Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ станицы Пролетарской. СА, 1965, № 1, стр. 291—293.

ской нефти и вывоз ее в различные районы Северо-Восточного Причерноморья, в том числе и в придонские степи.

Танаисская нефть — самое раннее звено в цепи этих находок и потому представляет значительный интерес, свидетельствуя об использовании нефти в Северном Причерноморье уже в первой половине III в. н. э.

Свойства нефти и нефтепродуктов и возможности их использования были довольно хорошо известны древним[21]. Уже у Геродота имеются сведения о нефтяных источниках в Сузиане, добыче нефтяной смолы на Закинфе и использовании асфальта как связующего раствора в строительном деле в Вавилонии[22]. Аналогичные сведения встречаются и у других античных авторов[23]. Собственно нефть (νάφθα, naphtha, bitumen liquidum) упоминается впервые у писателей I в. до н. э. и I в. н. э. — Страбона, Плиния, Диоскорида, Плутарха и др.[24]. Особенно подробно о битумах и нефти пишет Плиний Старший в «Естественной истории»[25].

Античные авторы сообщают и о различных способах использования нефти и нефтепродуктов. Чаще всего упоминается о применении асфальта как строительного связующего раствора в кирпичных кладках в Месопотамии[26]. Археологические исследования не только подтвердили такое применение асфальта в античное время, но и убедительно доказали широкое использование асфальта в строительном деле Месопотамии гораздо более ранних эпох. Он употреблялся и как связующее вещество, и как водоизолирующее средство, и как основа для разных аппликаций и мозаичных работ и т. д.[27].

Использование асфальта и нефтяных смол на Ближнем Востоке как водоотталкивающих или водоизолирующих веществ для смоления кораблей, обмазки плетеных корзин засвидетельствовано библией и некоторыми античными писателями[28]. Эти продукты могли играть роль и предохраняющих средств. Страбон говорит о покрытии ими деревянных дверей[29], а Плиний рассказывает, что битумы употреблялись римлянами для обмазывания металлических изделий: бронзовых статуй, железных головок гвоздей[30], по-видимому, для защиты от коррозии.

Битумные смолы и асфальт достаточно широко применялись в сельском хозяйстве античности. В смеси с оливковым маслом или с серой они использовались для обмазывания или окуривания культурных растений. Это защищало деревья, кусты, виноградные лозы от гусениц, муравьев и других вредных насекомых, а также способствовало заживлению ран и порезов древесины. Сведения о таком употребле-

[21] R. J. Forbes. Studies in ancient technology, v. I. Leiden, 1955. Первая часть этого труда, посвященная битумам в древности, — перепечатка ранее вышедшей книги того же автора. См. R. J. Forbes. Bitumen and petroleum in antiquity. Leiden, 1936.
[22] Herod., II, 179; IV, 195; VI, 119.
[23] Nies. Asphalt. RE, v. II. 1896, стб. 1726—1729.
[24] Strabo, XVI, 1, 15; Plinii NH, II, 109; Dioscor. De materia medica; Plut. Alex., 35.
[25] См. подробнее F. M. Feldhaus. Beiträge zur Geschichte des Erdöles. VI. Das Erdöl im griechischen und römischen Altertum. «Petroleum», 1910, Nr. 20, S. 1241.
[26] Herod., I, 179; Xenoph. Anab., II, 4, 12; Diod. Syc., II, 7, 12; Vitruv. De archit., II, 5, 8; Strabo, XVI, 1, 5; Plinii NH, XXXV, 15.
[27] R. J. Forbes. Studies in ancient technology, v. II, pp. 67—83; idem. Untersuchungen betreffend die ältesten Anwendungen von Bitumen in Mesopotamien. «Bitumen», 1935, Nr. 1.
[28] Bibl., Exod., 2, 3; Strabo, XVI, 1, 9; XVI, 1, 15; Ios. Flav. De bello Iud., IV, 8, 4.
[29] Strabo, XVI, 1, 5.
[30] Plinii NH, XXXIV, 1, 5; XXXV, 15.

нии битумов сохранили нам Посидоний (у Страбона), Плиний и позднейшая средневековая сводка земледельческих рецептов античности — «Геопоника»[31]. Нефтяные смолы применялись также в медицине и ветеринарии в составе различных фармацевтических средств[32]. Из более специальных областей применения этих веществ укажем на использование асфальта из Мертвого моря для мумификации трупов в Египте[33] и на включение его в состав смеси, которой римляне запечатывали восковые таблетки для записи[34].

Наконец, следует отметить применение нефтепродуктов для освещения. Согласно Диоскориду и Плинию, жидкий битум, добываемый в окрестностях Акраганта в Сицилии и называемый иногда сицилийским маслом, употребляли в светильниках вместо оливкового масла[35]. По свидетельству Посидония, переданному Страбоном, в Вавилонии для этой же цели применяли жидкий асфальт[36].

Как видно из изложенного, древние достаточно хорошо были знакомы со многими свойствами битуминозных веществ и умели извлекать из них разнообразную пользу. Но подавляющее большинство этих сведений относится к твердым или смолообразным битумам — асфальту, горной смоле, мальте, а не к жидкой нефти, которую в античном мире знали хуже и употребляли меньше. Плиний прямо говорит, что нефть, хотя она и относится к роду смол, не находит применения из-за очень большой горючести[37]. Способность нефти легко загораться привлекала пристальное внимание и греков и римлян, вызывая их удивление. Это явно сквозит и в толковании мифа о Медее и Креусе, и в рассказах о знакомстве с нефтью Александра Великого[38]. Но именно это свойство нефти и легло в основу ее применения в светильниках и, в эпизодическом, правда, использовании, в оборонительных целях. Об одном таком случае рассказывает сам Плиний: жители города Самосаты, осажденные Лукуллом (в 74 г. до н. э.), отбили приступы римлян с помощью горящей мальты[39]. Применение жидкой нефти в Сицилии, на Закинфе, в странах Ближнего Востока хотя и было не очень частым явлением, но все же не таким уж исключительным, как это представлялось Плинию и следующим за ним некоторым современным исследователям[40].

Для каких целей могли употреблять нефть, завезенную в Танаис? Уже само значительное количество нефти, хранившейся в помещениях города, говорит о том, что она предназначалась не для медицинских или каких-нибудь иных специальных целей. Вряд ли она могла широко употребляться и в сельском хозяйстве танаисцев, у которых не было виноградников и вряд ли могло быть развитое садоводство. Видимо, нефть привозили в этот город для использования ее в осветительных приборах. Анализ нагара из некоторых танаисских светильников первых веков н. э. показал, что в этих светильниках применялись в качестве горючего какие-то нефтепродукты[41]. Можно думать, что нефть

[31] Strabo, VII, 5, 8; Plinii NH, XVII, 264; Geopon., XII, 8, 1; XIII, 10, 7.
[32] Plinii NH, XXXV, 15; Ios. Flav. De bello Iud., IV, 84; Dioscor., 1, 85; Vergil. Geogr., III, 451; Geopon., XVII, 16, 1.
[33] Diod. Syc., XIX, 6; Strabo, XVI, 2, 45.
[34] Lucian. Alex., 22.
[35] Dioscor., 1, 83; Plinii NH, XXXV, 15.
[36] Strabo, XVI, 1, 15.
[37] Plinii NH, XXXV, 15.
[38] Plut. Alex., 35; Plinii NH, II, 109.
[39] Plinii NH, II, 108.
[40] RE, v. II, 1896, стб. 1729.
[41] К. В. Кострин. Ук. соч. СА, 1971, № 3.

из восточнокрымских месторождений обходилась значительно дешевле, чем привозное из-за моря оливковое масло, и поэтому должна была использоваться для освещения достаточно широко. Все же обилие амфор из-под нефти на IV раскопе и самые условия их находки наводят на мысль, что использование этой жидкости не ограничивалось заправкой обычных домашних светильников.

Подавляющее большинство амфор с надписью NÁΦA было найдено в помещении С, примыкавшем изнутри к оборонительной стене в юго-западной части крепости первых веков н. э. Некоторое количество амфор с нефтью находилось и в соседних помещениях У и Т, из которых последнее было угловым, примыкавшим одновременно и к западной и к южной оборонительной стенам крепости. Вероятно, из этого помещения был проход в юго-западную угловую башню Танаиса, ныне полностью разрушенную. Все три помещения погибли при разгроме города в 40-х годах III в., и запас амфор с нефтью, хранившихся здесь, существовал в момент гибели города. Только в помещении Т, судя по подсчетам амфорных ножек, хранилось более 300 амфор описанного выше типа. Вероятно, не все они были наполнены нефтью, некоторые могли иметь другое содержимое или просто оставаться пустыми, но во всяком случае число амфор с нефтью должно было значительно превышать сотню [42].

Расположение этого склада нефти в помещениях, примыкавших к юго-западной оборонительной башне, наталкивает на предположение, что эта нефть могла использоваться в качестве горючего для маяка. Другая возможность — применение нефти в оборонительных целях — представляется менее вероятной, так как такое использование засвидетельствовано в древности лишь в исключительных случаях, вроде обороны Самосаты, да и там была применена не нефть, а горная смола — мальта. Существование именно в юго-западном углу крепости в Танаисе маяка и применение в нем нефти весьма вероятно.

Вход в устье Дона, затерявшийся среди протоков и ериков донской дельты, вероятно, не так просто было найти с моря, и создание в этом месте маяка, на который могли бы ориентироваться моряки, плывущие с Боспора, было просто необходимо. Известны такие маяки, стоявшие в устьях рек в древности, например в устье Родана (Рона) [43], в устье Бэтиса (Гвадалквивир) [44]. Античные авторы, а также сами развалины древних маяков дают сведения только об очень небольшом числе таких навигационных сооружений. Но совершенно несомненно, что в первые века н. э. число их было значительно больше, чем 30 известных нам маячных башен [45]. В частности, должны были быть маяки и на побережьях Черного и Азовского морей, хотя источники о них ничего не сообщают. И вход в р. Танаис со стороны Меотийского озера был одним из тех мест, которые нуждались в обозначении маячными огнями. Поскольку Танаис лежал в древности у самого впадения судоходного протока Дона в Азовское море [46], самым рациональным было поместить маяк в городе и именно в его юго-западном углу, выходившем к побережью. В качестве маячной башни могла быть использована юго-западная угловая башня крепости, возвышающаяся над крутым откосом и прекрасно видимая как с моря, так и с реки. В помещениях, расположенных около развалин этой башни, и обнаружены амфоры с нефтью.

Использование нефти как горючего в маяках античной эпохи не может вызывать сомнения. Анализ изображений александрийского, остийского, апамейского и других известных маяков на античных монетах и рельефах приводит к убеждению, что на всех этих маячных башнях в открытом большом сосуде горела какая-то жидкость [47]. Такой жидкостью могла быть только нефть, может быть, в смеси с другими битуминозными продуктами. Предположения об использовании в древних маяках в качестве горючего дерева, пропитанного смолами или другими легковоспламеняющимися веществами [48], представляются недостаточно обоснованными. Но даже если бы дерево и сжигалось в античных маяках, то нефть все равно должна была бы использоваться как наиболее подходящее средство для пропитки его. Все эти соображения позволяют нам выдвинуть гипотезу о применении танаисской нефти для поддержания маячного огня при входе из Меотиды в р. Танаис.

---

[42] Т. М. Арсеньева. Ук. соч. АО 1968 г., стр. 117—118.
[43] Strabo, V, 1, 8.
[44] Strabo, III, 1, 9.
[45] M. Buchwald. Leuchtfeuer im Altertum. «Weltverkehr und Weltwirtschaft», 1912/13, Nr. 2, S. 78.
[46] О положении города Танаиса при входе из моря в реку см. Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, стр. 82 и сл.

[47] F. Adler. Der Pharos von Alexandria. «Zeitschrift für Bauwesen», Jahrg. 51, 1901, SS. 184—185, 191, см. прим. 74; ср. H. Thiersch. Pharos. Antike Islam und Occident. Berlin, Leipzig, 1909, S. 8.
[48] M. Buchwald. Op. cit., SS. 79, 83; idem. Geschichtliches über die Leuchtapparate der Küstenbefeuerung. «Prometheus», Jahrg. XXI, 1909—1910, SS. 177—178.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

САКСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ С ИССЫК-КУЛЯ

Во время поездки по северному берегу озера Иссык-Куль от пос. Рыбачьего до пос. Орта-Урюкты и обратно мной в июле 1954 г. была собрана у местных жителей коллекция случайно найденных древних медных и бронзовых предметов. Поездка совершена по заданию Киргизской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР [1]. Все вещи из коллекции выявлены путем опроса местного населения.

В с. Каменка рыбак Павел Арефьев подарил 8 бронзовых предметов, обнаруженных в одном месте. Находка совершена на дне озера в 30—40 *м* от берега на глубине около 3 *м*. По рассказу находчика, спущенные с лодки сети за что-то зацепились, а при нырянии рыбаки обнаружили глубоко погруженный в ил предмет, похожий на круглый «металлический щит».

По нашему предположению, это был сакский котел, горловина которого едва возвышалась над уровнем дна озера (вероятно, именно этот котел был впоследствии поднят со дна озера у с. Каменка) [2]. Извлечь котел рыбакам не удалось, но из заполняющего его ила были добыты 8 предметов: 4 поношенных двусоставных удил (рис. 1), двуперовое втульчатое копье с двумя отверстиями, втульчатый долотовидный инструмент с ушком и слегка оббитым лезвием, дисковое зеркало с загнутым в одну сторону краем, крестовый кинжал с бабочковидным

[1] Упоминание об этих сборах см. в статье «Археологическое изучение котловины Иссык-Куля». ТИИ АН КиргССР, вып. III. Фрунзе, 1957, стр. 111.

[2] Д. Ф. Винник. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. ИАН КиргССР, серия общ. наук, т. III, вып. 3. Фрунзе, 1961, рис. 4.

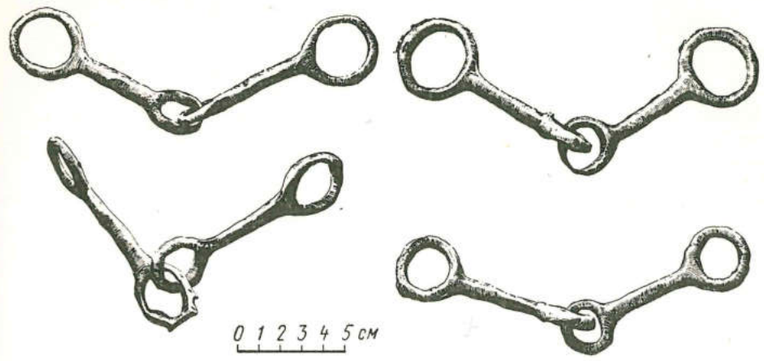


Рис. 1. Бронзовые удила, найденные у с. Каменка, Иссык-Кульского района, Иссык-Кульской области

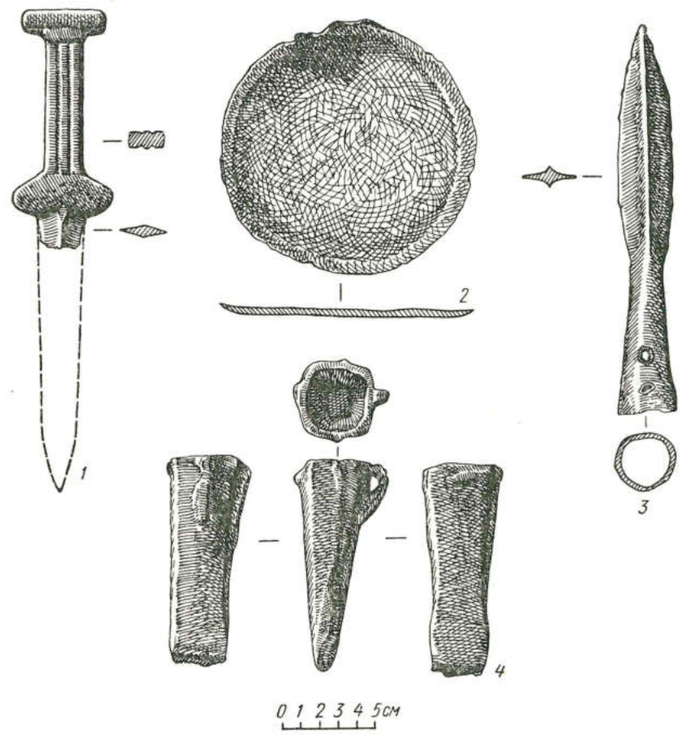


Рис. 2. Бронзовые изделия, найденные у с. Каменка

перекрестием и обломанным клинком (рис. 2) [3]. Совместное нахождение предметов позволяет считать их своеобразным «кладом».

«Клад», несомненно, относится к скифскому времени, когда в восточной части Средней Азии расселялись сакские племена. В то время как у европейских скифов основные орудия труда и предметы вооружения изготовлялись из железа, сакские мастера еще продолжали отливать их из бронзы, но по широко распространенным тогда образцам.

Сравнение показывает, что копье из Каменского «клада» соответствует «лавролистным» скифским копьям (с узким высоким ребром посредине, не переходящим во втулку) [4], хорошо известным по комплексам V и IV вв. до н. э. [5].

Инструмент с квадратной втулкой, асимметричным профилем, с петелькой на широкой задней плоскости и характерным долотовидным расширением лезвия (рис. 2, *4*) является уникальным. Наибольшую близость к нему имеют поздние четырехгранные кельты-тесла с петелькой, изготовлявшиеся в V—IV вв. до н. э. Такие тесла были найдены в Хакасско-Минусинской котловине, на Верхней Оби, в Туве [6] и единично в Средней Азии [7].

Дисковые бронзовые зеркала с приподнятым бортиком, сменившие ранние зеркала VII—VI вв. до н. э. с прямым бортиком, известны по находкам в савроматских могилах V в. до н. э. [8].

Кольчатые бронзовые удила, пришедшие на смену более ранним «стремячковидным» удилам VII—VI вв. до н. э., в V — IV вв. до н. э. были широко распространены в степной зоне Евразии [9].

Крестовые железные мечи употреблялись савроматами в VII—V вв. до н. э. [10]. Сходные бронзовые кинжалы единично встречены в Северо-

[3] Эти вещи хранятся в музее кафедры археологии Московского университета. О затопленных озером древних памятниках см. П. П. Иванов. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. ТИИ АН КиргССР, вып. III, стр. 65—107; Материалы к библиографии русской литературы по археологии Иссык-Кульской котловины. ТИИ АН КиргССР, вып. III, стр. 117—125; А. В. Мишина. О времени и причинах колебаний уровня озера Иссык-Куль в антропогене. «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», № 30. М., 1965.

[4] Этим копье из Каменки отличается от более ранних бронзовых копий VII—VI вв. до н. э. Ср., например, М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48. М.—Л., 1956, табл. XVIII, *1—2*.

[5] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д 1—4. М., 1964, табл. 12, рис. 13.

[6] М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. Труды ОИПК ГЭ, т. I. Л., 1941, кельт, № 14; табл. VIII, рис. 8—9; он же. Ук. соч. МИА, № 48, табл. XVI, рис. 9; М. Х. Маннай-оол. Тува в скифское время. (Уюкская культура.) М., 1970, рис. 9 (1); В. В. Радлов. Сибирские древности, т. II, вып. I. МАР, № 27. СПб., 1902, табл. III.

[7] Б. Я. Ставиский. Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже. КСИИМК, вып. 60. М., 1955, рис. 54; Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, В 4—9. М., 1966, стр. 23 и табл. IV, рис. 5—6. Дата, предложенная Б. Я. Стависким («не ранее середины I тысячелетия до н. э.»), с нашей точки зрения, более правильна.

[8] К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ, Д 1—9. М., 1963, табл. 29, рис. 8—10 и ср. рис. 1, 2, 11. Ср. также М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII. М.—Л., 1947, рис. 4.

[9] М. П. Грязнов. Ук. соч. КСИИМК, вып. XVIII; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, т. XVIII. М., 1953; Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. ВМУ, ист.-филол. серия, 1958, № 4, табл. II, рис. 38 и 78; А. Г. Максимова. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана. ТИИАЭ, т. I. Алма-Ата, 1956, табл. IV, *9*.

[10] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101. М., 1961, стр. 12 и рис. 1 (5).

Западном Казахстане и Семиречье [11]. Однако крестовые бронзовые кинжалы этого типа не характерны для Средней Азии. Среди сакских кинжалов господствовали совершенно иные формы. Изготовляли их преимущественно из железа [12].

Зато совершенно сходные типы бронзовых крестовых кинжалов с рубчатыми ручками в большом количестве обнаружены случайно и в погребениях второй стадии (V—IV вв. до н. э.) тагарской культуры на территории Хакасско-Минусинской котловины [13] и в синхронных курганах второго этапа уюкской культуры в Туве [14].

Очевидно, для районов Семиречья и озера Иссык-Куль имели значение связи с бассейном верхнего течения Енисея, откуда могли поступать в небольшом числе бронзовые крестовые кинжалы. Таким образом, предметы тех типов, которые обнаружены в озере близ с. Каменка, существовали единовременно в период V—IV вв. до н. э. Сам «клад» по сочетанию описанных предметов, скорее всего, относится к V в. до н. э.

Следует остановиться на одном удивительном факте. Позднее наших сборов, в 1958 г., на северном склоне Заилийского Алатау близ пос. Иссык (на прямую через горы — около 60 *км* на северо-северо-запад от с. Каменка и от северного берега озера Иссык-Куль) был найден второй «клад» совершенно аналогичных бронзовых предметов: котел на коническом поддоне, втульчатый наконечник копья (с двумя отверстиями на втулке), 2 экземпляра кольчатых поношенных удил, крестовый кинжал с бабочковидным перекрестием, клинок которого был таким же образом обломан [15]. Не хватает только зеркала и втульчатого долота, но эти вещи могли остаться в земле. Иссыкский «клад» найден рабочими при строительстве дороги, и место находки не было обследовано археологами.

Поражает полное совпадение сочетания предметов обеих находок. Можно уверенно заключить, что такое совпадение состава предметов ни в коей мере не является случайным. Очевидно, не случайно, что оба крестовых кинжала имеют обломанные клинки, а поношенные удила положены не в одном экземпляре.

Совершенно ясно, что это не клады и не собрание бронзовых предметов, предназначенных для переплавки и зарытых в землю до поры до времени. Скорее всего, это сакские жертвенно-поминальные комплексы, которые, к сожалению, не были зафиксированы и исследованы археологами. Вероятно, при раскопках на месте можно было бы

[11] М. К. Кадырбаев. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. В кн.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, рис. 1 (14, 15); А. К. Кибиров. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане (1953—1955 гг.). ТКАЭЭ, т. II. М., 1959, рис. 17; К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, рис. 85.

[12] А. Г. Максимова. Ук. соч. ТИИАЭ, т. I, табл. II; М. К. Кадырбаев. Ук. соч. В кн.: «Новое в археологии Казахстана», рис. 1; Б. А. Литвинский. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. В кн.: «Материальная культура Таджикистана», вып. 1. Душанбе, 1968.

[13] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 193—200, табл. XXV, рис. 5. В Минусинском музее нами осмотрено 20 кинжалов этого типа (№№ 851, 852, 855, 858, 859, 873, 874, 884, 886, 887, 889, 892—895, 11 976, 12 102, 12 090) и 2 кинжала без номеров. Такие же тагарские кинжалы хранятся в Эрмитаже (в том числе железный с бронзовыми навершием и перекрестьем: № 5531—335), МАЭ, ГИМ (№№ 68 142, 39 152), в музеях Красноярска, Абакана, Томска, Иркутска, Хельсинки (колл. Товостина, №№ 7267—102, 106) и других городов.

[14] Л. Р. Кызласов. Ук. соч. ВМУ, ист.-филол. серия, 1958, № 4, табл. II, рис. 68; М. Х. Маннай-оол. Ук. соч., рис. 6 (1).

[15] К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Ук. соч., стр. 109, рис. 85 и 86 (правый).

обнаружить оставшиеся от поминок кострища или жертвенные ямы с костями животных, с обломками глиняной посуды из-под питья и пищи. В Казахстане, например, известны специальные жертвенно-поминальные курганы с «усами»; под их насыпями на горизонте находятся лишь обломки сосудов, кости лошадей или остатки костров. Это «малые», или «восточные», курганы, к которым относятся гряды-

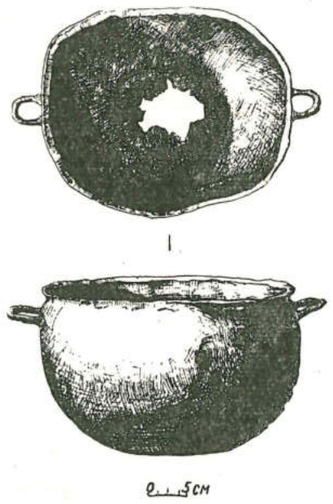


Рис. 3. Медный котел из пос. Бостери (куплен у Караджакова Омралы из колхоза им. Жданова, Иссык-Кульского района, Иссык-Кульской области)

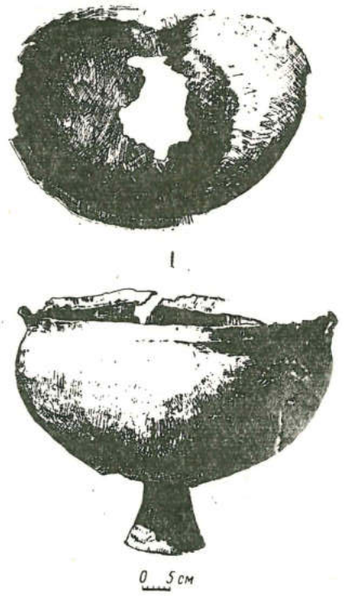


Рис. 4. Медный котел, найденный близ с. Ананьево, Иссык-Кульского района, Иссык-Кульской области

«усы». Они сооружались возле погребальных курганов, но позднее их (иногда даже поверх их насыпей), вероятно, во время последних поминок по усопшему. Назначение этих насыпей и их связь с сооружениями типа «усов» не были, к сожалению, поняты их исследователями[16]. Жертвенно-поминальными являются и сакские «менгирные сооружения» Бес-Шатыра[17] и «выкладки» на усуньских могильниках[18]. Жертвенно-поминальные курганы, относящиеся к шурмакской культуре (II в. до н. э. — V в. н. э.), известны в Туве[19]. Древнетюркские оградки VI—VIII вв. тоже поминальные[20].

[16] М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, вып. 61. М., 1956; М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. ТИИАЭ, т. 7. Алма-Ата, 1959; он же. Могильник Сангуыр II. ТИИАЭ, т. 12. Алма-Ата, 1961.

[17] К. А. Акишев. Саки Семиречья. ТИИАЭ, т. 7, стр. 205.

[18] К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Ук. соч., стр. 245—247.

[19] Л. Р. Кызласов. Ук. соч. ВМУ, ист.-филол. серия, 1958, № 4, стр. 89, 94, 95.

[20] Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 23—35.

Наконец, следует сообщить о медных котлах, приобретенных нами во время той же поездки на Иссык-Куль. Один из котлов был найден при прорытии огородного арыка в поселке Бостери. Это большая чаша с отогнутым краем и двумя ручками (диаметр горловины 42×35 *см* и высота 27 *см*). Поддон утрачен, и потому в днище имеется рваное отверстие (рис. 3).

Второй котел был выкопан в горах близ с. Ананьево при строительстве кошары и сдан находчиками в утиль[21]. Это произошло незадолго перед нашим приездом в Ананьево, находку уже отправили в пос. Рыбачий. Погоня увенчалась успехом. Котел удалось обнаружить среди лома цветных металлов на Рыбачинской перевалочной базе Иссык-Кульского облпотребсоюза и выкупить.

Этот котел (диаметр 61×42 *см*, высота с поддоном 46 *см*) относится к тому же типу, что и первый. Он имел две ручки и сохранившийся, но отломанный полый конический поддон (рис. 4)[22]. Найденные нами котлы были сданы на хранение в Музей института истории Академии наук КиргССР в г. Фрунзе.

Всю эту коллекцию древних изделий, относящихся к культуре среднеазиатских саков, удалось собрать при маршрутной поездке по северному берегу озера Иссык-Куль в течение одного дня. Опыт этих сборов подтверждает важность использования метода опроса местного населения для археологической науки.

[21] Сдача медных котлов в утиль в Семиречье практикуется издавна, а работа по их спасению для науки ведется слабо. См. Е. Ю. Спасская. Находки медных котлов ранних кочевников в Казахстане и Киргизии. УЗКП, т. XV, вып. 2. Алма-Ата, 1958, стр. 181—182.

[22] Об аналогичных котлах из Киргизии см. Е. Ю. Спасская. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии. УЗКП, т. XI. Алма-Ата, 1956, табл. I, рис. 1 и 10.

С. А. ПЛЕТНЕВА

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ХАЗАРСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Верховья Северного Донца в VIII—IX вв. были заняты аланами, пришедшими на гористые меловые отроги донецкого правобережья с Северного Кавказа в первой половине VIII в. Вдоль обоих берегов Донца и его притоков тянутся аланские поселения, группирующиеся, как правило, вокруг городищ с остатками мощных белых, сложенных из известняка, стен[1]. Еще в XVII в. эти стены возвышались над поверхностью городищ. Благодаря этому большинство из них на Донце было зафиксировано московскими землепроходцами и попало в знаменитую «Книгу Большому Чертежу» (от городища Архангельского напротив устья Нежеголи до «городища Каменного» на Сухой Гомольше)[2]. Долгое время считалось, что Архангельское городище — крайний северный пункт «земли белокаменных замков» — окраины Хазарского каганата. Однако в 1948 г. И. И. Ляпушкин обнаружил на р. Короче (правом притоке Нежеголи) еще один аналогичный памятник у с. Дмитровка, Шебекинского района, Белгородской области[3]. Как показали последующие разведки, здесь действительно было последнее северо-западное поселение алан в бассейне Северного Донца. Для археологов этот памятник интересен не только из-за расположения на границе Хазарского каганата, но и потому, что около городища сразу удалось обнаружить прилегающие к нему селище и обширный катакомбный могильник, как в Верхнем Салтове. Городище, селище и могильник располагаются на высоких (до 50 *м*) меловых горах правого берега

[1] С. А. Плетнева. От кочевий к городам. МИА, № 142. М., 1967, стр. 19—35.
[2] Книга Большому Чертежу. М.—Л., 1950, стр. 70—74.
[3] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62. М.—Л., 1958, стр. 92—93.

р. Корочи (рис. 1). Исследование их началось в 1957 г. Частичные результаты этого исследования опубликованы[4].

Полевые работы 1966, 1967 и 1970 гг. на этом памятнике[5] дали совершенно неожиданный и крайне интересный материал, которому в основном и посвящена настоящая публикация.

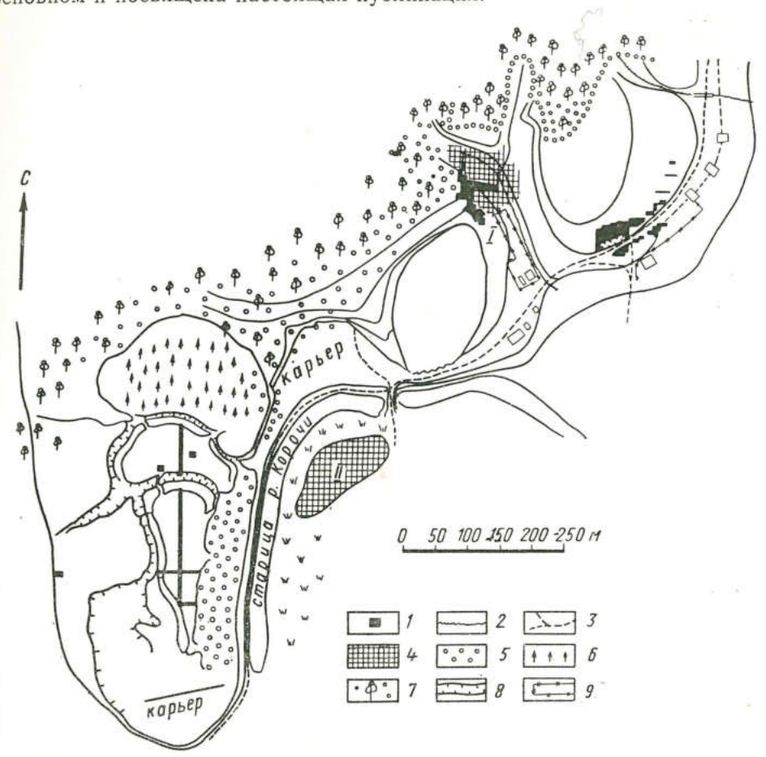


Рис. 1. План расположения городища, селищ и могильника: *1* — раскопы, *2* — ручей, *3* — дорога, *4* — селища (*I*, *II*), *5* — кустарник, *6* — лесопосадки, *7* — лиственный лес, *8* — рвы и обрывы, *9* — усадьба

Могильник размещается на склоне мелового холма (наклон склона от 5° внизу до 30° на вершине) в той части, где материк представляет собой плотную бело-желтую глину или глину, смешанную с прослойками меловой крошки. Таким образом, захватывая подножие холма, могильник поднимается примерно до середины его высоты, то есть не больше чем на 20 *м* над уровнем поймы. Западная граница распространения могил, вдоль которой крошащийся меловой материк начинался прямо с поверхности, и северная (верхняя) стали определяться с первых лет работ на могильнике. Южная граница, проходящая по подножию холма, наметилась недавно.

[4] С. А. Плетнева. Ук. соч. МИА, № 142, стр. 73—91.
[5] С. А. Плетнева. Отчеты Северо-Донецкого отряда 1966, 1967, 1970 гг. Архив ИА АН СССР.

В монографии, где отчасти рассматриваются материалы этого могильника[6], я говорила о том, что на его периферии помещались «чужеродные» могилы. В отличие от катакомб, состоящих из более или менее длинных дромосов и овальных камер для покойников, эти могилы были простые — ямные. Всего в настоящее время на могильнике обнаружено 6 ямных захоронений (табл. 1).

Исследование этих захоронений показывает, что они располагались у границ могильника. Его южная граница пока не выявлена, но то, что здесь, на южном краю раскопа, попалась одна ямная могила (№ 113), очевидно, может быть свидетельством близости этой границы. Могилы очень неглубокие (только № 127 глубже 1 *м*, но это потому, что она врезалась в дромос). Положение скелетов — скорченное, преимущественно на правом боку или вытянутое на спине, иногда с поджатыми ногами. Ориентировка головой на запад (с сезонными, в основном летними, отклонениями) и одно погребение ориентировано головой на юг. Находок у погребенных в ямах немного — как правило, это различные сосуды: кувшины, кружки, горшки и даже миски — почти полный ассортимент салтовской керамики.

Керамика эта в настоящее время достаточно известна, а сосуды из ям ничем не отличаются от сосудов из катакомб и вообще от типичных сосудов северо-аланского варианта салтово-маяцкой культуры[7].

Из-за малой глубины могил, то есть из-за близости скелетов к современной поверхности, сохранность их очень плохая. Поэтому мы не всегда можем дать хотя бы приблизительную антропологическую характеристику погребенного.

Во всех 6 случаях мы смогли определить только возраст покойников, так как для этого достаточно увидеть зубы и кости конечностей, как правило, сохраняющиеся в могиле. Значительно реже и условнее определены пол и этническая принадлежность. Тем не менее удалось установить, что пол погребенных, как и в катакомбах, соответствует положению скелетов: вытянутые — мужские, скорченные — женские. Исключения, конечно, возможны. Даже в катакомбах иногда попадались женские скелеты, похороненные вытянуто на спине, а мужские — скорчено. Этническая принадлежность, судя по сохранившимся черепам, различна: 2 из 4 определенных черепа принадлежат долихокранному, то есть аланскому населению; 2 черепа брахикранны, аналогии им известны в болгарских могильниках и ясно, что относятся они к чуждой для алан этнической группе населения. Чуждое этнически это брахикранное население явно не было враждебно аланам. Об этом говорит их захоронение на аланском могильнике. Антропологическое изучение скелетов, обнаруженных в катакомбах, по свидетельству Т. С. Кондукторовой, дает большое количество мезокранных (смешанных) черепов, а изредка там попадаются и брахикранные покойники. Среди них были женщины, уложенные по своему обряду,— вытянуто на спине (хотя и в катакомбе).

Совершенно очевидно, что брахикраны, погребенные в катакомбах — семейных усыпальницах, были членами этих аланских семей. Чужих в семейные склепы не помещали и в более позднее время (вплоть до XX в.).

Что касается погребенных в ямах, то эти умершие, видимо, не были связаны тесными родственными узами с аланскими семьями раскопанных нами катакомб. Не принадлежали к этим семьям даже и долихо-

[6] С. А. Плетнева. Ук. соч. МИА, № 142, стр. 73—91.
[7] Там же, стр. 103—135.

Таблица 1

Ямные захоронения Дмитровского могильника

№ погребения	Глубина могилы, *м*		Форма могилы	Площадь, $м^2$	Положение скелета	Ориентировка покойного	Этническая принадлежность	Пол покойного	Возраст	Вещи	Расположение могилы на могильнике, край
	от поверхности	в материке									
50	0,6	0,2—0,4	прямоугольник	2×0,7	скорчено на правом боку	северо-запад	долихокраны	женский	старческий	лощеный кувшин, серьги, бусина	северо-западный
58	0,6	0,1—0,3	прямоугольник	1,9×0,6	скорчено на левом боку	северо-запад	долихокраны	?	юный	лощеная кружечка	северо-западный
113	0,8	0,2	овал	1,72×0,4—0,6	вытянуто на спине	северо-запад	?	?	юный	кухонный горшок	южный
116	0,4	—	?	около 1,6×0,6	скорчено на правом боку	юг	брахикраны	женский	старческий	серьги, ожерелье, фибула, подвески на поясе и копоушка, перстни, бубенчики, миска и кружечка	юго-восточный
127	1,1—1,5	0,7—1	овал	1,6×0,55	вытянуто на спине, ноги согнуты коленями вверх	северо-запад-запад	брахикраны	мужской	старческий	—	юго-восточный
133	0,9	0,6	овал	1,4×0,5	вытянуто на спине, ноги согнуты коленями вверх	северо-запад	?	?	старческий	нож, лепной кувшинчик	северный

краны (аланы), обнаруженные в могилах № 50 и 58. Однако эти «чужаки» все же имели какое-то отношение к тому роду, на участке которого были похоронены. Люди, погребенные на окраине родовых участков, не были полноправными членами общества. Об этом же говорит и бедность покойников вещами. Правда, старуха из могилы № 116 имела довольно разнообразный набор украшений, однако при ней не было ни одного предмета вооружения, ни одного знака достоинства (хотя бы части пояса), так часто сопровождающих богатые женские погребения в катакомбах.

Видимо, все эти погребения можно считать погребениями слуг или даже домашних рабов. В эту категорию нередко попадали и разорившиеся единоплеменники (долихокраны-аланы) и по какой-то причине ушедшие из своих родов «изгои» — болгары. Мы знаем, что у равноправных, живших бок о бок с аланами болгар в Верхнем Салтове было собственное отдельное кладбище, на котором они хоронили по своему обряду (в ямах, головами на запад, вытянуто на спине или с перемешанными костями и пр.) [8]. Наоборот, болгарские «изгои» заимствовали даже погребальный обряд: женщин хоронили по-аланski — скорченно. Близкие социально к болгарским «изгоям» «изгои» и рабы-аланы тоже погребались с нарушением обычая — не в катакомбах, а в ямах.

Итак, рассмотрев ямные погребения на Дмитровском могильнике, мы приходим к выводам: а) в ямах были похоронены неполноправные члены родов — скорее всего слуги или рабы; б) распределяются они на могильнике, как правило, по краям родовых участков, в) все принятые в семьи иноплеменники, в частности, болгары (мужчины, женщины и дети от смешанных браков), погребались в семейных катакомбах, обычно с соблюдением всех типичных аланских обрядов.

Таким образом, и ямный обряд погребения подвергся значительным изменениям в результате соседства с катакомбами. Вещи, в том числе и сосуды из ямных погребений, абсолютно идентичны вещам из катакомб. Очевидно, ямные погребения синхронны катакомбам. Правда, вещей в них так мало, что мы, разумеется, не можем решить, к какому периоду существования могильника они относятся [9], и датируем их суммарно — второй половиной VIII—IX вв.

Вторым типом чужеродных захоронений на Дмитровском могильнике являются трупосожжения. Пока нам удалось обнаружить 7 таких захоронений. Они располагаются на южной и юго-западной окраине могильника, почти у подошвы холма, на котором находится основная масса катакомб; причем погребения № 1—2 и 3—5 (рис. 2) объединены в две группы, а погребения № 6 и 7 отделены друг от друга и от остальных трупосожжений несколькими десятками метров. Все эти погребения представляют необычайный интерес, и поэтому на характеристике их остановимся по возможности подробно.

Трупосожжение № 1 обнаружено в древнем культурном слое могильника (в кв. Н-9). Ямка для погребения вырыта до материка, глубина ее от современной поверхности 0,5 *м*, от древней 0,35 *м*. В погребении стояло два сосуда: один типично салтовский лощеный пифос-корчага с двумя ручками, другой (служивший урной) большой лепной с широким горлом без венчика, узким донцем и ребром посредине высоты. В нем найдены пепел, мелкие обгоревшие обломки костей, астрагал барана и биконическое лепное пряслице.

[8] Д. Т. Березовец. Раскопки в Верхнем Салтове 1959—1960 гг. КСИА, вып. 12. Киев, 1962, стр. 22.

[9] С. А. Плетнева. Ук. соч. МИА, № 142, гл. V, стр. 135—144.

Трупосожжение № 2 обнаружено сразу после снятия дернового слоя в древнем культурном слое могильника (в кв. М-9). Ямка вырыта до материка, глубина ее в слое не превышала 0,25 *м*. Сосуд-урна — лепной с узким дном и широким венчиком горшок характерного славянского облика. Сверху горшок был прикрыт круглой крышкой (диаметр

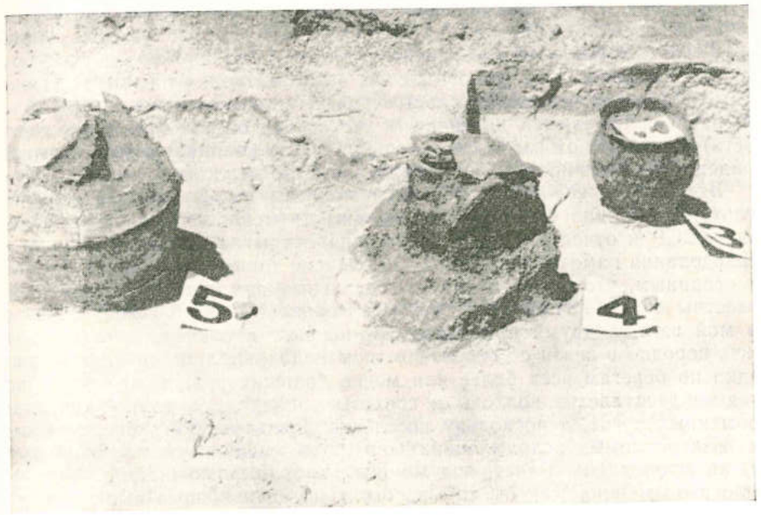


Рис. 2. Группа из трех трупосожжений (погребения № 3—5)

0,2 *м*), вырезанной из стенки лепного, очевидно тоже славянского, горшка.

Трупосожжение № 3 обнаружено на глубине 0,3 *м* в древнем культурном слое могильника (в кв. О-9). Ямка для погребения вырыта до материка, глубина ее от древней дневной поверхности не больше 0,2 *м*. Сосуд-урна — лепной с узким дном, развернутым, слабо выделенным венчиком, характерный славянский горшок. В нем находились зола, угольки и очень маленькие кальцинированные обломки косточек.

Трупосожжение № 4 находилось в 0,4 *м* на юго-запад от трупосожжения № 3, в культурном слое на глубине 0,3 *м* от современной поверхности и в 0,15 *м* выше материка. Погребение состоит из урны-горшочка, аналогичного урне из трупосожжения № 3, и из обломков еще двух горшков, служивших, очевидно, крышками. Формы этих обломков неясны, но можно сказать, что они сильно отличаются от горшка-урны.

Трупосожжение № 5 расположено в 0,5 *м* на запад от трупосожжения № 4. Ямка вырыта в культурном слое до материка. Глубина ее от современной поверхности 0,5 *м*. Погребение состоит из двух сосудов. Один из них — высокий, яйцевидный с узким горлом и венчиком, украшенным вмятинами, был урной. В ней найдены угольки, зола и кальцинированные косточки. По определению Т. С. Кондукторовой, некоторые из обломков принадлежали костям овцы или козы. Может быть, вместе с человеком было сожжено и жертвенное животное. Дру-

гой сосуд — биконический, очень большой, служил крышкой (был надет на первый вверх дном).

Трупосожжение № 6 обнаружено в культурном слое на глубине 0,35 *м* от современной поверхности (в кв. И-17). Ямка вырыта до материка, глубина ее от поверхности — 0,6 *м*. Урна — обычный горшочек характерной славянской формы, она раздавлена. Обломок (половина) другого горшка шаровидной формы с резко выделенными донцем и венчиком служил крышкой.

Трупосожжение № 7 обнаружено (в кв. Г-24) в 0,25 *м* от современной поверхности, в дерновом слое, выше материка на 0,10 *м* (донце урны — в предматериковом слое). Урна — горшочек славянского облика, раздавлена землей и венчик у нее стерт (он выходил на поверхность). В урне помимо золы, угольков и кальцинированных косточек найден один молочный зуб — погребение было детским.

Все 7 трупосожжений — типичнейшие захоронения пеньковской культуры, недавно открытой украинскими археологами в лесостепной зоне УССР и отчасти МССР [10]. История открытия и предварительного исследования памятников этой культуры еще только начинается. Кажется странным, что новая культура, отдельные памятники которой были известны еще в начале века, открыта только сейчас. Объясняется это, на мой взгляд, двумя причинами. Во-первых, в последние годы начались, нередко в связи со строительством водохранилищ, тотальные разведки по берегам всех более или менее больших рек; во-вторых, в последнее десятилетие колхозы и совхозы распахали огромные массивы пойменных лугов, а поскольку поселения «пеньковцев» располагались на незатопляемых всхолмлениях поймы, то именно эта массовая распашка вскрыла их. Ранее, под мощным травяным покровом, найти их было невозможно. Как бы там ни было, но «пеньковцы» выступили на археологическую арену только в середине 50-х годов [11]. Как всякая новая культура, культура «пеньковцев» вызвала живой отклик у специалистов и ряд дискуссий [12]. Тем больший интерес представляет новый, не известный ранее комплекс пеньковской культуры, обнаруженный нами у с. Дмитровка. К тому же это самый северо-восточный из всех известных пеньковских памятников, обнаруженный в непосредственном соседстве с салтовским комплексом (городищем, селищем и могильником). Я не случайно назвала комплексным памятником несколько погребений Дмитровского могильника. Дело в том, что колхоз «Россия», на территории которого находится с. Дмитровка с окрестностями, тоже в последние годы распахал всю широкую пойму Корочи. Археологическое обследование этой распаханной поймы привело к тому, что мы обнаружили на ней расположенные на небольших всхолмлениях два средневековых селища. В перевернутом распашкой культурном слое одного из них были обнаружены наряду с типичной салтовской посудой обломки лепных горшков славянского — «пеньковского» — облика (рис. 1). Поселение это находится на левом берегу старицы Корочи, напротив городища-замка. Размеры его 200—250×100 *м*.

[10] Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, № 108. М., 1963, карта, рис. 22, стр. 191.

[11] Д. Т. Березовец. Ук. соч. МИА, № 108, стр. 194, прим. 27—28, стр. 200, прим. 50—51.

[12] Укажу две работы с совершенно противоположными гипотезами, высказанными по поводу пеньковской культуры: М. И. Артамонов. Болгарская культура северного и западного Причерноморья. Сб.: «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР». Л., 1970 (см. библиографию на стр. 33—37); П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. Л., 1970 (см. библиографию на стр. 82—109).

Таким образом, рядом с основным населением — аланским, или даже алано-болгарским, на Короче жили «пеньковцы». Судя по разведке, у них было собственное поселение, отделенное от остальных речкой, но могилы свои они почему-то располагали на южной окраине (у подножия) аланского могильника. Правда, могил еще очень мало, возможно, здесь погребены урны только аланских рабов или слуг, а основной могильник «пеньковцев» расположен был, как и селище, в стороне. Однако чрезвычайно важен сам факт теснейшего симбиоза алано-болгар с «пеньковцами», неожиданно открывшийся при исследовании Дмитровского комплекса.

Количество открытого на Дмитровском могильнике «пеньковского» материала, разумеется, не дает нам право выдвигать какую бы то ни было гипотезу о «пеньковцах» в целом. Мы можем только обратить внимание читателей на некоторые детали, представляющие известный интерес для «пеньковской проблемы». Всего в трупосожжениях Дмитровского могильника обнаружено 9 целых сосудов и 4 в обломках — невосстановимые (табл. 2).

Таблица 2

Распределение различных типов сосудов в трупосожжениях

№ трупосожжения	Урны			Крышки			Сопровождающие сосуды
	лепные «с ребром»	лепные славяноидные	лепные кочевнические	лепные «с ребром»	лепные славяноидные	лепные кочевнические	салтовская корчага-пифос
1	1	—	—	—	—	—	1
2	—	1	—	—	1?	—	—
3	—	1	—	—	—	—	—
4	—	1	—	—	1?	1?	—
5	—	—	1	1	—	—	—
6	—	1	—	—	—	1	—
7	—	1	—	—	—	—	—

Отнюдь не претендуя на полноту классификации керамики, мы хотим показать несколько характерных для «пеньковских» погребений особенностей. Прежде всего, очевидно, что урнами в подавляющем большинстве случаев служили славяноидные горшки (рис. 3). Во-вторых, сосуды с пищей, как правило, при погребениях не ставились. Исключение — результат чуждого (салтовского) влияния. Известно, что салтовцы помещали сосуды с пищей и питьем в большом количестве и в могилы и в поминальные тризны [13]. Недаром и сосуд (пифос) при урне был поставлен салтовский (рис. 4). В-третьих, наряду с характерными, сейчас уже хорошо известными «пеньковскими» сосудами в погребениях попадались лепные горшки, имеющие сходство с кочевническими (рис. 5).

На Дмитровских памятниках, как, впрочем, и во всем аланском варианте салтово-маяцкой культуры, таких сосудов нет. Аналоги им я попыталась найти в лепной кочевнической керамике Саркела. Идентичных сосудов там, конечно, тоже нет, но если вспомнить, что хазарский слой Саркела датируется второй половиной IX — серединой X в., то станет понятна причина этого отсутствия. Ведь пеньковскую куль-

[13] С. А. Плетнева. Ук. соч. МИА, № 142, стр. 85—87, 122—125.

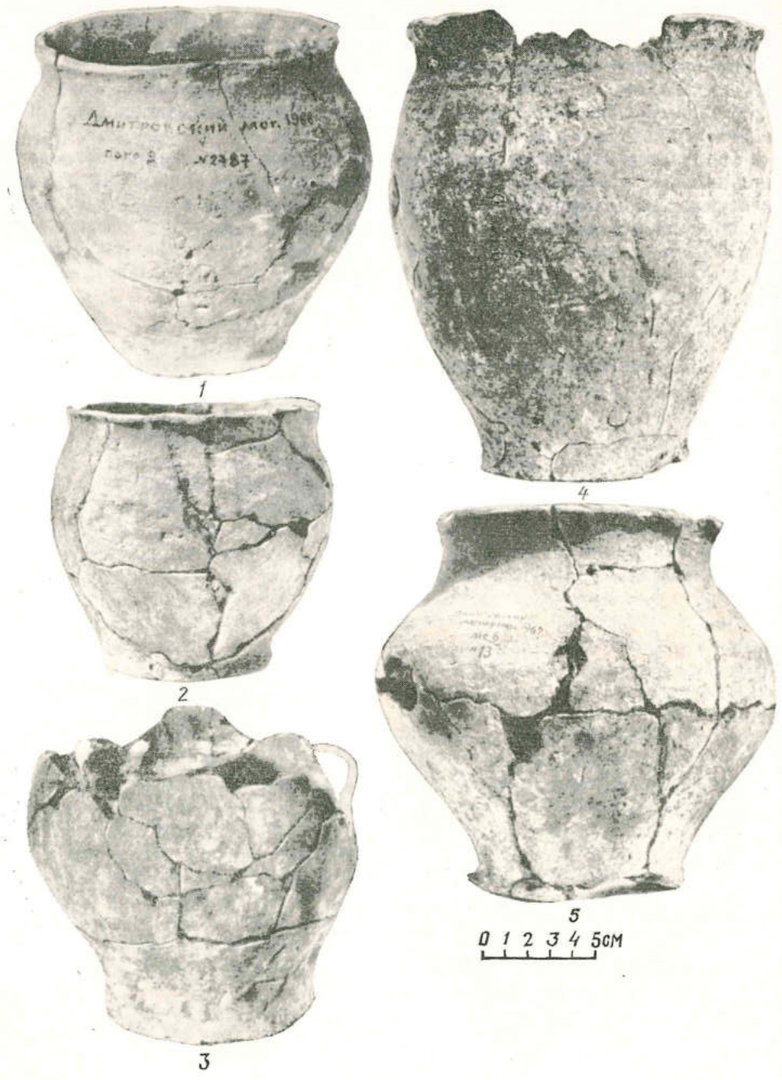


Рис. 3. Славянские горшки из трупосожжений Дмитровского могильника: *1* — из погребения № 2, *2* — из погребения № 3, *3* — из погребения № 6, *4* — из погребения № 4, *5* — из погребения № 7

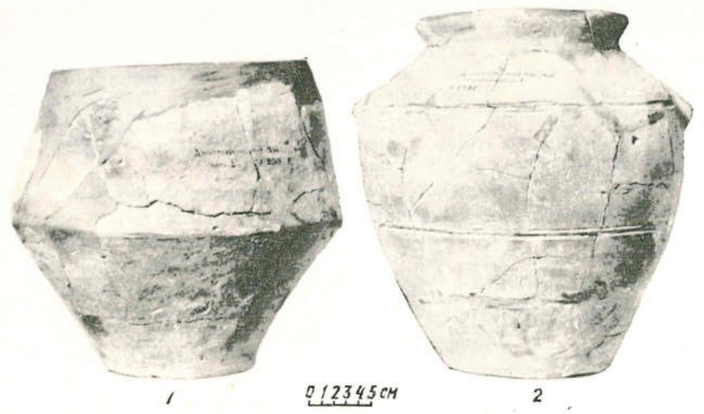


Рис. 4. Сосуды из трупосожжения № 1: *1* — биконический горшок и *2* — пифос

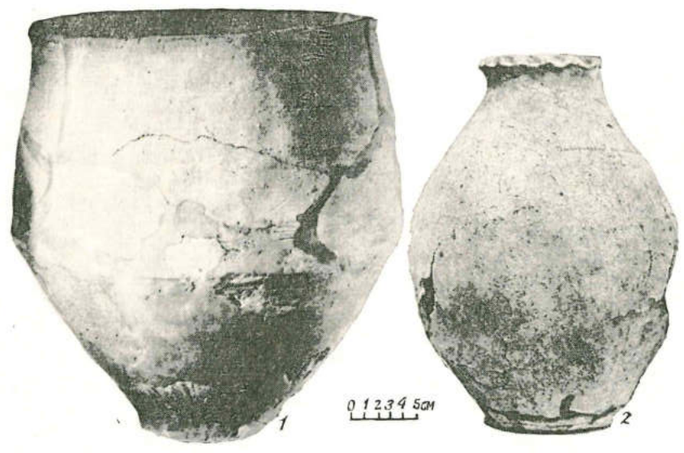


Рис. 5. Сосуды из трупосожжения № 5: *1* — биконический и *2* — кочевнический горшки

туру наиболее знающие ее и осторожные археологи, и в частности открыватель этой культуры Д. Т. Березовец, относят к концу VII—VIII в. Таким образом, сосуд из трупосожжения № 5 я считаю возможным сравнивать с некоторыми горшками из раннего слоя Саркела, отличающимися яйцевидной формой тулова, несколько суженным горлом и иногда вмятинами по венчику[14], а сосуд-крышку из погребения № 6 — с шаровидными горшочками, довольно часто попадающимися в Саркеле[15]. Еще один неясный обломок из погребения № 4 можно только предположительно относить к кочевническим — по тесту с примесью рубленой травы: признак, не характерный для «пеньковских» сосудов и постоянный для кочевнических.

Присутствие кочевнической керамики, не встречающейся в то же время в аланских (салтовских) памятниках, расположенных рядом, говорит, очевидно, о том, что керамика эта — особенность пеньковской культуры. До сих пор ее, как нам кажется, и не пытались выделить из массы «пеньковской» посуды. Однако даже в изданном материале нередко встречаются обломки сосудов, имеющие прямые или косвенные аналогии с кочевническими и не имеющие ничего общего со славянскими горшками. В частности, это относится к керамике «с валиками». Аналогичные обломки горшков встречаются на приазовских кочевьях; несколько находок известно из слоя конца VII в. Таманского городища[16].

Итак, находки «пеньковских» погребений на Дмитровском могильнике отнюдь не прояснили вопросов о ее происхождении, датировке, этнической принадлежности. Все эти проблемы — пока только программа исследований.

Тем не менее для нашей частной темы находка их представляет громадный интерес. Она свидетельствует о значительно большей этнической неоднородности хазарского пограничья, чем это казалось нам раньше. Помимо болгар и тюрков, о которых мне уже приходилось писать[17], в пограничных землях селились целыми группами создатели пеньковской культуры. Не определяя пока их этнической принадлежности, можно все же со значительной долей вероятности говорить, что в число ее создателей входило какое-то славянское племя. Выходцы из него пришли на Корочу под власть окраинного хазарского владетеля. Они пришли со своими обычаями, со своими производственными навыками и поселились в отдельном поселке.

Дальнейшие исследования и находки покажут, были ли все эти поселенцы подчинены аланам и потому обязаны были ставить свои погребальные урны на границах аланских родовых кладбищ, или же несколько обнаруженных нами погребений принадлежат обедневшим выходцам из «пеньковских» родов, пришедших (вольно или невольно) на службу к аланам.

[14] С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75. М.—Л., 1962, стр. 233, рис. 18/*8*, стр. 237, рис. 23/*2*.
[15] С. А. Плетнева. Ук. соч. МИА, № 75, стр. 233, рис. 18/*3*, стр. 237, рис. 22.
[16] С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. В кн.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 19—20, рис. 10.
[17] С. А. Плетнева. Ук. соч. МИА, № 142, стр. 91—102.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

СЕЛИЩЕ В ЛАВРИКОВОМ ЛЕСУ

Более 10 лет прошло с тех пор, когда автор этих строк приступил к ликвидации «белого пятна» в археологии Подесенья — к поискам и изучению почти не известных здесь ранее древностей второй и третьей четвертей I тыс. н. э. В настоящее время эти работы подходят к завершению. Древности указанного периода — места поселений и могильники — известны сейчас на берегах Десны повсюду и в значительном числе. Определены их характерные особенности. Оказалось, что здесь в основных чертах наблюдались те же явления в истории культуры, что и в южной части Верхнего Поднепровья — на Гомельщине и Могилевщине. И там и здесь культура указанного периода складывалась на основе предшествовавшей ей зарубинецкой культуры. И там и здесь к исходу третьей четверти I тыс. н. э. на местной основе образовалась культура раннего русского средневековья. Таким образом, мысль о глубокой древности славян в бассейне Днепра получает в деснинских материалах новое дополнительное обоснование.

Верхнее и Среднее Подесенье составляло северо-восточную окраину древнего славянского мира. Сюда почти не доходило влияние римских провинций; этих мест не коснулись бурные события начавшегося «великого переселения народов». Поэтому культура отличалась здесь особенной консервативностью; долгое время сохранялись древние социальные формы и вместе с ними — отчетливые зарубинецкие традиции. Большее затруднение вызывает вопрос: где, в каком веке в поречье Десны проходила хронологическая граница, отделявшая зарубинецкую культуру от раннесредневековой славянской? Примером такого неопределенного «полузарубинецкого» археологического памятника может служить древнее поселение в Лавриковом лесу близ с. Дехтеревка в

20 *км* южнее Новгорода-Северского, исследованное в 1969 и 1970 гг. По найденной в одной из землянок подвязной железной фибуле поселение датируется временем не раньше IV в. н. э. Однако по всем основным признакам оно почти не отличается от позднезарубинецких поселений почепского типа первых двух веков нашей эры.

По правому берегу Десны и берегам маленькой речки Малотечки кроме поселения в Лавриковом лесу имеются и другие древние селища, главным образом того же времени и характера. Здесь оказались и остатки бескурганного могильника с трупосожжениями. Такая группировка, как бы «гнездование», древних поселений очень характерна для Верхнего и Среднего Подесенья второй и третьей четвертей I тыс. н. э. Как и позднезарубинецкие (почепские), эти поселения были здесь совсем небольшими. Каждая группа состояла из 3—5 или 7 поселений, расположенных одно от другого на расстоянии от 0,5—1 до 1,5 *км*, имевших нередко зрительную связь. Все они образовывали, очевидно, одно «село». Лишь позднее, к исходу третьей четверти I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье распространились большие компактные селения, появившиеся ранее в других местах славянского мира и свидетельствующие, по-видимому, о завершении процесса оформления сельских территориальных общин.

Как и деснинские зарубинецкие поселения, селище в Лавриковом лесу расположено низко у воды на краю надпойменной террасы. При раскопках на селище открыты остатки четырех землянок и значительное число хозяйственных ям. Селище раскопано не целиком, и можно предполагать, что остались неисследованными еще 3—4 жилища-землянки. Они располагались вместе, одно возле другого. Все раскопанные жилища были одинаково ориентированы по странам света. В другой части поселения находились хозяйственные ямы и иные постройки. Такая планировка, похожая на зарубинецкие поселения, была свойственна и другим деснинским селищам, причем не только второй, но и третьей четверти I тыс. н. э. Она отличалась от планировки более поздних поселений, например роменско-боршевских городищ, где хозяйственные постройки не располагались обособленно, а всегда сопутствовали отдельным жилищам. Исследователи этих городищ справедливо указывали, что их раскопками раскрыта картина поселков, состоящих из малых, хозяйственно обособленных семей[1]. Картина поселения, выявленная в Лавриковом лесу и в других местах Верхнего и Среднего Подесенья, говорит как будто бы о том, что в этом маленьком поселке были еще сильны древние общинные связи и каждый поселок, по-видимому, имел неразделенное хозяйство.

По своей «архитектуре» постройки Лаврикова леса во всех деталях повторяли позднезарубинецкие, известные по раскопкам на Почепском и Синьковском селищах и в других пунктах[2]. Землянки были квадратными в плане, со сторонами 3,5—4 *м*, углубленными на 0,5—0,8 *м* ниже дневной поверхности. В центре каждой землянки находилась глубокая яма от вертикального столба, очевидно, поддерживавшего вершину четырехскатной кровли. Печей в землянках не было; на полу, вблизи от центрального столба располагался открытый очаг. Известно, что на Гомельщине и Могилевщине во второй и третьей четвертях I тыс. н. э. также были распространены землянки без печей, с

[1] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74. М.—Л., 1958, стр. 224; А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, стр. 163.

[2] Ф. М. Заверняев. Почепское селище. МИА, № 160. Л., 1969, стр. 93; А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э. СА, 1964, № 1, стр. 60, рис. 4, *2, 3*.

открытыми очагами[3]. В некоторых землянках Лаврикова леса были прослежены места входов в виде пологих спусков, находившихся в одном из углов (рис. 1). Такая форма жилища господствовала в Верхнем и Среднем Подесенье вплоть до третьей четверти I тыс. н. э., когда рядом с такими жилищами, бок о бок с ними, на одних и тех же поселениях, появляются квадратные землянки с глинобитными печами в углу.

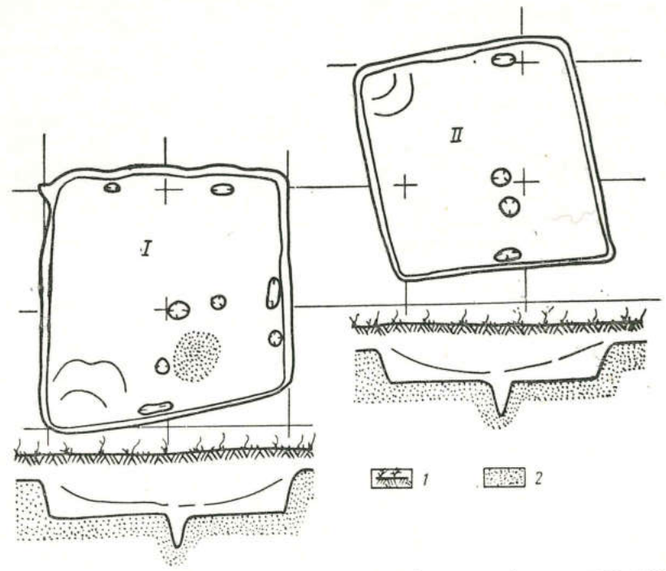


Рис. 1. Землянки № *I* и *II* (*1* — материк, *2* — песок), вскрытые при раскопках на селище в Лавриковом лесу

Трудно сказать, встречались ли в поречье Десны жилища с центральным столбом в древнерусское время? Археологических данных, свидетельствующих об их переживании в средневековье, не имеется. Но, по-видимому, кое-где эта форма жилищ (теперь уже с печью) переживала долгое время, так как есть основания думать, что с древним центральным столбом связывается «печной столб», известный по этнографическим данным XIX в. в Белоруссии и некоторых прилегающих местностях РСФСР[4].

Хозяйственные постройки Лаврикова леса также не отличались от зарубинецких. Это были многочисленные хозяйственные ямы колоколовидной формы с горизонтальным дном диаметром 0,8—1 *м* и такой же глубины. Некоторые из них имели ступеньки, чтобы спускаться вниз. Кроме ям на поселении были легкие наземные постройки. Интересна маленькая землянка (2×2,5 *м*) с центральным столбом, расположенная в окружении хозяйственных ям.

[3] Л. Д. Поболь. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья. В кн.: «Древности Белоруссии». Минск, 1969, стр. 104—108; Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108. М., 1963, стр. 118.

[4] Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. «Труды Института этнографии», новая серия, т. XXXI. М., 1956, стр. 221, 227.

Число находок, сделанных на поселении в Лавриковом лесу, очень невелико. Обильно представлены лишь обломки керамики. Как и в зарубинецкое время, глиняная посуда распадалась на две группы: «кухонную» и «столовую», имевшую нередко вылощенную поверхность. В целом керамика была значительно грубее зарубинецкой, вся она лепилась от руки; «кухонная» посуда имела неровную поверхность. В гли-

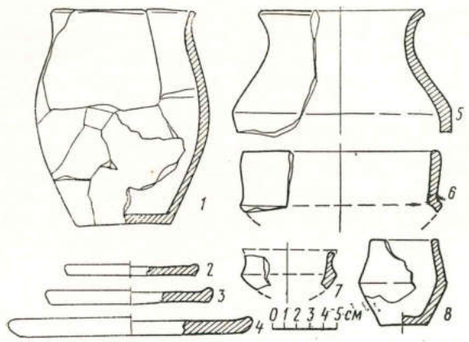


Рис. 2. Керамика (*1* — горшок, *2—4* — диски-крышки, *5—7* — миски, *8* — кувшинчик) из раскопок селища в Лавриковом лесу

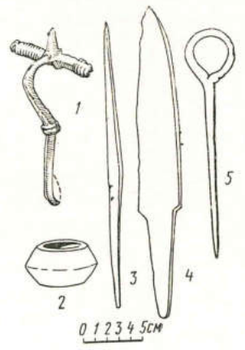


Рис. 3. Железные изделия (*1* — фибула, *3* — шило, *4* — нож, *5* — булавка) и глиняное пряслице (*2*) из раскопок селища в Лавриковом лесу

ну примешивался шамот. Горшки были выпуклобокими, иногда — биконическими с максимальным диаметром на половине высоты и слабо профилированным венчиком (рис. 2, *1*). Такую же форму имели и огромные сосуды-зерновики, диаметр которых достигал 0,4 *м*, а высота, вероятно, 0,5 *м*. Обломки зерновиков составляют подавляющее количество керамического материала. Они происходят из землянок и хозяйственных ям. Вместе с отпечатками зерен (их определение еще не закончено) на стенках и днищах глиняных сосудов они свидетельствуют о том, что земледелие было одним из главных занятий обитателей поселка.

Интересную эволюцию совершили зарубинецкие глиняные диски, являвшиеся крышками зерновиков. В Лавриковом лесу, как и на всех других синхронных деснинских поселениях, диски-крышки имели небольшие, иногда еле заметные бортики (рис. 2, *2—4*). Крышка с бортиками, обращенными книзу, более плотно закрывала сосуд-зерновик. В дальнейшем, как известно, крышки с закраинами превратились в самостоятельную форму посуды — в «тарелки» или «сковородки» с бортами высотой 3—4 *см*.

Немногочисленная лощеная посуда из построек, найденных в Лавриковом лесу, представлена двумя формами — мисками цилиндро-конического и реберчатого профиля и кувшинами. Эта посуда сохраняет зарубинецкий облик (рис. 2, *5—7*).

Как и на зарубинецких поселениях, в Лавриковом лесу имеются маленькие сосудики различных форм. Это не тигли. Обычно по фактуре они примыкают к грубой «кухонной» посуде (рис. 2, *8*).

Из других находок первое место по численности занимают глиняные биконические пряслица. Они найдены во всех землянках по нескольку штук. Одно пряслице оказалось сделанным из шифера. Оно украшено по ребру насечками. И опять-таки хочется указать, что все эти пряслица по своим формам и размерам не отличаются от зарубинецких.

В Лавриковом лесу найдено лишь несколько изделий из железа. Это шилья, ножи, булавка, фибула (рис. 3).

В одной из землянок, находящейся ближе к подножию коренной террасы, сложенной из меловой толщи, благодаря присутствию мела сохранились изделия из кости — два острия (или иглы с отломанными ушками). Здесь же найдены и кости животных, все без исключения принадлежащие домашнему скоту — корове, свинье, овце и лошади. В других местах костные остатки в супесчаном культурном слое не сохранились, за исключением зубов тех же домашних животных. При раскопках в небольшом количестве обнаружены железные шлаки — свидетельство выплавки и обработки железа. Как мы видели, из железа изготовлялись не только орудия труда, но и предметы убора. Изделий из цветного металла — бронзы — в Лавриковом лесу не найдено, за исключением одного небольшого проволочного колечка.

Селище в Лавриковом лесу может рассматриваться как эталон древностей Верхнего и Среднего Подесенья второй четверти и середины I тыс. н. э. Такие же селища были исследованы и в других местах по правому берегу Десны и по берегам ее притоков Судости, Убеди и др. Имеются они и по левую сторону Десны.

В Лавриковом лесу могильник не обнаружен. Но в других местах около поселений известны могильники с трупосожжениями в основных чертах такие же, как и в Гомельском и Могилевском Поднепровье: погребения находились в небольших округлых или овальных ямках, куда были ссыпаны остатки пережженных костей. Иногда кости помещали в могилу в глиняном сосуде; очень редко с ними находились побывавшие в огне вещи: пряжка, трапециевидная подвеска, обломок браслета. Известен случай (с. Киреевка на р. Убеди), когда наряду с погребениями кальцинированных костей в небольших ямках встречена могильная яма величиной в рост человека. Сожженные кости были ссыпаны в ее южном конце. Сочетание в пределах могильника малых ям и ям в рост человека — это, как известно, характерная зарубинецкая черта. Такая же картина наблюдается в Могилевском Поднепровье. Она характерна для могильников новобыховского типа середины и третьей четверти I тыс. н. э.

Е. И. КРУПНОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИНГУШСКИХ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ

В известной работе А. В. Арциховского «Курганы вятичей» старая теория В. И. Сизова об арабском происхождении самой формы вятичских семилопастных металлических височных колец[1] была признана очень плодотворной, хотя прямыми доказательствами эта интересная мысль тогда из-за слабой изученности бытовых древностей арабского халифата и не подкреплялась. Вместе с тем А. В. Арциховский совершенно справедливо признавал местное дальнейшее развитие всех типов этих височных украшений у славянских племен[2].

Позднее, занимаясь изучением позднесредневековых древностей ингушских племен, составляющих весьма значимую часть самого крупного этнического массива Северного Кавказа (так называемого вайнахского, то есть чеченцев и ингушей), и прослеживая генезис височных колец, некогда бытовавших у ингушских женщин и морфологически сходных с вятичскими, мне пришлось вспомнить эту восточную теорию и убедиться в прозорливости ее авторов и справедливости их основного тезиса применительно и к ингушским украшениям[3].

В последние годы, готовя к печати свою старую монографию «Средневековая Ингушетия», я вновь вынужден был заняться уточнением генезиса ингушских металлических височных колец и признать, что арабское происхождение прототипа и этих украшений мне представляется сейчас наиболее вероятным.

[1] В. И. Сизов. О происхождении и характере курганных височных колец преимущественно т. н. московского типа. «Археологические известия и заметки», 1895, № 6.

[2] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 48.

[3] Е. И. Крупнов. К истории Ингушии. ВДИ, 1940, № 3—4.

Но прежде всего необходимо хотя бы кратко сказать несколько слов об условиях и местах их нахождения. В горных районах Ингушетии, в верховьях рек Ассы и Армхи, почти у каждого селения находится группа надземных каменных сооружений. Это фамильные, или родовые усыпальницы; одни из них имеют двускатные крыши, а большинство пирамидальных, ступенчатых крыш заканчивается замковым камнем; склепы имеют 3—4 и даже 5 ярусов, обычно отмечаемые четырехугольными входами — «лазами», расположенными по разным сторонам склепов. Ярусы представляют собой перекрытия из тонких бревен, на которых лежат десятки покойников, последовательно уложенных штабелями, в одежде, с оружием, бытовыми предметами и украшениями. Так как эти склепы (по-ингушски «каши») находятся в высокогорной зоне Кавказа (на высоте около 1500—2000 *м*), где воздух не содержит никаких миазмов, то внутри хорошо проветривающихся склепов происходит не разложение трупов, а естественная мумификация, или высыхание.

Могильный инвентарь, сопровождающий десятки покойников, которые принадлежат к одному роду — «тейпе», или фамилии, отражает последовательность их захоронения, начиная с XV в. и кончая XVII—XVIII вв. Он свидетельствует о длительном использовании этих склепов — «кашей» в качестве родовых или фамильных усыпальниц. Это обстоятельство несколько осложняет вопрос об установлении точного времени сооружения ингушских надземных склепов и определения датировки основного инвентаря, в том числе и височных украшений. С другой стороны, эта задача облегчается тем, что квадратные пирамидальные склепы имеют сходство с верхним зданием самого совершенного типа ингушских боевых башен, относимых к XVI—XVII вв.[4].

Из хорошо датированных вещей, найденных в надземных склепах, следует указать на находки иранских шелковых тканей. Два таких прекрасных образца (кусок ткани и мешочек) были обнаружены мной во время работы экспедиции Исторического музея 1938 г. при обследовании надземного двускатного склепа близ с. Хамхи в верховьях Ассинского ущелья. По определению Л. И. Якуниной, эти ткани иранского происхождения и относятся к XV и XVI вв. Действительно, подобные шелковые ткани производились в Иране в XV—XVI вв.[5]. Этими веками и могут датироваться ингушские надземные склепы с двускатной крышей.

Некоторые предметы, встречаемые в ингушских «кашах», являются типичными только для ингушской территории и с достаточным основанием позволяют считать их племенными признаками ближайших предков ингушского народа. Это — оригинальный женский головной убор «кур-харс» и женские серебряные и бронзовые височные кольца. Обычно «кур-харсы» находятся только в пирамидальных склепах, квадратных в основании и со ступенчатой крышей. В предшествующих им по времени возникновения двускатных склепах XIV—XVI вв. «кур-харсы» до сих пор не зафиксированы.

Если учесть, что квадратные надземные склепы со ступенчатым перекрытием по существу представляют верхнюю часть самого позднего типа ингушских боевых башен XVI—XVII вв., то время появления наиболее совершенного типа кавказских надземных могильных сооружений — пирамидального склепа — тоже следует отнести к XVI —

[4] Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии 1925—1932 гг. Грозный, 1963, стр. 64.

[5] Ф. Аккерман. Шелковая шпалера XVI века. Сб. «Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. 3-й. Ленинград, 1935». Доклады. М.—Л., 1939, стр. 10, табл. VII, VIII.

XVII вв.[6]. Ими как бы завершается высокое строительное мастерство кавказских народов позднего средневековья. Этими веками и может определяться время бытования у ингушских женщин «кур-харсов». Эта дата находит блестящее подтверждение в свидетельствах русских послов, направляющихся через ингушские земли к грузинскому царю Теймуразу в первой половине XVII в. Проходя «кабаки горских владельцев», русские послы отметили, что «дворы у них в горах каменные, а ходят мужчины по-черкески, жонки носят на головах что роги вверх в поларшина»[7]. Подобные женские головные уборы не известны в соседних районах и, очевидно, носились в недалеком прошлом только ингушскими женщинами. Любопытно, что позднее и Клапрот отметил, что эти оригинальные женские головные уборы составляют характерную черту кистинских, то есть ингушских, женщин[8]. Таким образом, строительство надземных ингушских склепов, в которых были находимы металлические височные украшения, сходные с вятичскими, практиковалось местными племенами в XV—XVII вв., а использовались склепы вплоть до XVIII в. включительно.

Что же представляют собой средневековые ингушские височные украшения или «кольца», входящие в могильный инвентарь погребенных как в пирамидальных, так и в двускатных склепах? Височные кольца бывают бронзовые, серебряные и из сплава (биллоновые); они обычно штампованные, иногда литые в виде пластинчатой или проволочной дуги для прикрепления к головному убору или к волосам и широкой пластины, составляющей одно целое с дугой; один конец дуги не смыкается с пластинкой. Некоторые из них вдевались и в мочку уха. Обычно внешняя сторона нижней половины кольца завершалась 8 выступами или лопастями. Наружная поверхность пластины покрыта разнообразным насечным орнаментом: геометрическим, близким растительному и даже крестами (рис. 1, *1—3*).

Если заняться поисками первичной исходной формы этих украшений, то вполне резонно предположить, что прототипом этого типа колец были иранские бронзовые рельефные височные кольца из Решта в виде проволочной дуги и расплющенной месяцевидной пластины. Одно такое серебряное украшение из Ингушетии хранится в Грозненском музее краеведения (рис. 1, *4*). Датируются они XII в. Рельефные кольца из Решта (Северный Иран) орнаментированы растительным и животным орнаментами[9]. Дальнейшее развитие формы этого простейшего типа височных колец (без выступов), очевидно, шло по пути усложнения нижней части кольца в виде пластины: ее внутренний край сравнительно слабо изменяется, но внешний обычно украшен округлыми выступами, иногда настолько значительными, что их с полным правом (по аналогии со славянскими) можно назвать лопастями (рис. 1, *5*, *6*). Обычно их 8, очень редко 7 или 6. Полагаю, что не нужны большие ухищрения для того, чтобы допустить возможность длительного сосуществования обоих типов украшений — простейшей формы и сложной — восьмилопастной, с явным преобладанием последней. Коллекция подобных височных колец, собранная прошлыми экспедициями под руководством Л. П. Семенова, хранящаяся в Грозненском музее, состоит из 19 экземпляров восьмилопастных колец и по 1 экземпляру — семилопастных

[6] Л. П. Семенов. Ук. соч., стр. 107.

[7] М. Полиевктов. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615—1640. Тбилиси, 1937, стр. 251.

[8] I. Klaproth. Voyage au mont Caucase et Georgie, v. II. Paris, 1813, p. 47.

[9] Подобные кольца были экспонированы в 1938 г. в музее Грузии на выставке, посвященной юбилею Шота Руставели.

и шестилопастных. Они имеют по два отверстия или два глубоких выреза. Длина всех этих украшений в среднем от 4 до 9 *см*. Несколько экземпляров собрал в Ингушетии в 1966 г. В. И. Марковин. Общая коллекция ингушских височных украшений значительно пополнилась при обследовании склепов в Ассинском ущелье, произведенном в 1969—1970 гг. М. Г. Мужухоевым. Им собрано более 30 экземпляров, в основном повторяющих уже известные типы.

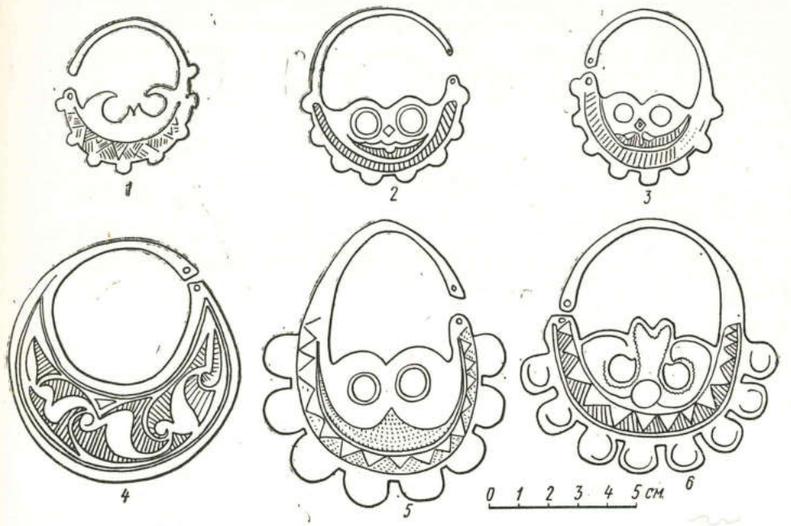


Рис. 1. Эволюция височных колец из горной Ингушетии

Таким образом, у вайнахских женщин бытовали пластинчатые восьмилопастные (в XVI—XVII вв.), редко семилопастные височные кольца. Конечно, кольца с выступающими лопастями представляют уже наиболее сложный тип ингушских височных колец; это наиболее распространенный тип и наиболее излюбленная форма женских украшений во всех горных районах Ингушетии. Из других районов Кавказа сходные женские украшения известны в небольшом числе только на территории Чечни и Дагестана[10].

Мы пока не имеем оснований приписывать происхождение самого типа этих украшений местной среде. Для этого у нас нет прямых данных. Предположительно ближайшей родиной ингушских височных украшений, очевидно, следует считать Дагестан, издавно славящийся своей художественной кустарной промышленностью. Туда прототипы их в ранний период могли быть занесены и из более южных районов Кавказа и Ирана вместе с другими элементами арабской культуры (вспомним простейшие височные украшения из Решта). Любопытно, что ни в Закавказье, ни в Осетии, ни в Кабардино-Балкарии, ни западнее такие украшения не известны. Но само производство их, по-видимому, было уже освоено ингушскими средневековыми мастерами.

[10] Подобные украшения из горных районов Чечни и Дагестана (например из с. Дегва) хранятся в Государственном Эрмитаже.

Эту форму украшений женского головного убора (по аналогии со славянской) можно считать этническим признаком и приписывать населению определенного района, в частности горной Ингушетии. Возможно, позднее, при углубленном изучении еще более массовых находок этих височных колец, удастся выделить и варианты их и даже связать с отдельными ингушскими племенами. Составляя вместе с «кур-харсами» комплекс наиболее отличительных признаков материальной культуры ингушей XV—XVIII вв., височные кольца дают некоторое право судить о племенных границах отдельных ингушских обществ. И хотя известны они во всех основных районах Ингушетии, но далеко неравномерно. Гораздо больше их содержится в надземных склепах у сел Эрзи, Мецхал, Фалхан, Харпе, то есть по бассейну р. Армхи, как выяснилось в ходе нашего с Л. П. Семеновым обследования этого района в 1929—1930 гг. и подтверждено обследованием В. И. Марковина 1966 г. Известны они и в верховьях Ассы, но в меньшем числе. Возможно, эти украшения составляли этнографическую особенность женщин только кистинских и галгаевских племенных групп и не были известны, скажем, у цоринцев и карабулаков. К сожалению, окончательно решить этот важный вопрос затруднительно из-за нашей слабой осведомленности о женских украшениях и их особенностях из других районов Чечено-Ингушетии.

Как выше было отмечено, ингушские височные украшения морфологически очень сходны с известными славянскими семилопастными височными кольцами XII—XIII вв., в особенности с украшениями женщин племени вятичей [11]. В литературе известны два мнения по вопросу о происхождении исходной формы славянских семилопастных височных колец. Первое мнение высказано Н. П. Кондаковым, усмотревшим в оформлении женских славянских украшений византийское влияние. Основано оно на мнимом сходстве этих колец с византийскими колтами [12].

Второе мнение принадлежит В. И. Сизову [13]; оно основано на тщательном изучении техники изготовления и особенно орнамента на этих украшениях и сопоставлении его с арабскими орнаментами. А. В. Арциховский, подробно разобрав обе гипотезы [14], отдал предпочтение мнению В. И. Сизова. В подтверждение арабского происхождения этих колец А. В. Арциховский сослался на свидетельство Б. А. Куфтина [15] о сходстве славянских семилопастных колец с подобными же подвесками, до сих пор изготовляемыми ювелирами среднеазиатских городов. Действительно, в бытность свою в Средней Азии в 1931 г. мне также приходилось видеть в продаже на местных рынках и на женщинах-узбечках из кишлаков Ташкентского района серебряные серьги и височные подвески, по форме весьма близкие семилопастным славянским и ингушским украшениям.

Члены делегации Института археологии АН СССР (Г. Ф. Соловьева, А. П. Смирнов, Д. Б. Шелов и я) — участники международной конференции по Кушанской проблеме, состоявшейся в октябре 1968 г. в Душанбе, были поражены удивительным сходством хранящихся в республиканском музее позднесредневековых и современных серебряных украшений таджикских женщин со славянскими семилучевыми височными кольцами. Очевидно, на Востоке эта форма оказалась очень устойчивой и пережила века. Как она могла попасть к славянам? Учитывая существование торгового пути с Хазарией по Волге, это не должно нас удивлять. Но наличие подобных женских височных украшений в Средней Азии и на Кавказе, то есть в районах с мусульманским населением, где влияние культуры арабов издавна проявляется в разных формах, вряд ли случайно. Особенно, если учесть бытование в XII в. простейшей формы этих украшений в Иране и дальнейшее развитие и устойчивость основного типа височных колец в Средней Азии и на Кавказе.

Именно поэтому теорию об арабском происхождении основной формы этих украшений можно считать достаточно обоснованной и наиболее убедительной не только для украшений древних славянских племен, но и народов Средней Азии и Кавказа, в частности прямых предков ингушей.

---

[11] В. П. Левашева. Височные кольца. В кн.: «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. 43. М., 1967, стр. 30, 39.
[12] Н. П. Кондаков. Русские клады. СПб., 1896, стр. 118.
[13] В. И. Сизов. Ук. соч. «Археологические известия и заметки», 1895, № 6, стр. 179—187.
[14] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 47—48.
[15] Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры. М., 1926, стр. 92.

С. А. ИЗЮМОВА

ГОНЧАРНЫЙ ГОРН НА ГОРОДИЩЕ У с. СУПРУТЫ

Городище у с. Супруты, Щекинского района, Тульской области, находится на высоком мысу правого берега Упы в 0,8 *км* к юго-западу от села. Культурный слой поселения (толщиной до 2,5 *м* в южной части площадки) содержал остатки жилых сооружений столбовой конструкции с очажными развалами из известняка, хозяйственных ям, производственных комплексов (гончарный горн), многочисленный бытовой и хозяйственный инвентарь (жернова, сошники, серпы, косы), предметы украшения, оружие и монеты (арабские дирхемы).

Насыщенность слоя Супрутского городища многочисленными и разнообразными находками, среди которых немало уникальных, позволяет говорить об исключительном значении этого сельского поселения для изучения материальной культуры племен Верхней Оки в I тыс. н. э. Мы рассмотрим остатки сооружения, раскопанного на Супрутском городище, связанного с производством керамики.

В 1967 г. в одном из обнажений карьера на площадке городища было обнаружено скопление кусков обожженной глины, занимавшее площадь 120×90 *см*. Под завалом оказались остатки горна для обжига посуды (рис. 1).

Гончарный горн, имевший в плане округлые очертания, состоял из двух ярусов: нижнего — топочного и верхнего — обжигательного. Топочное отделение с докрасна обожженными стенками на толщину 10—11 *см* и слабой ошлаковкой помещалось в округлой яме, вырытой в материке. В центре ямы сохранился опорный столб — «козел» — овальной формы (58×24×25 *см*), разделяющий нижний ярус на две части — восточную шириной в 25 *см* и западную шириной в 28 *см* (рис. 1, *в*, 2, 3).

Устье топки, находившееся с северной стороны, было разрушено. Оно, вероятно, как и в античных горнах, выступало за пределы корпуса [1]. У западной стенки топки лежали крупные куски известняка и песчаника, назначение которых осталось неясным. Однако вполне возможно, что они служили дополнительной опорой для более массивной

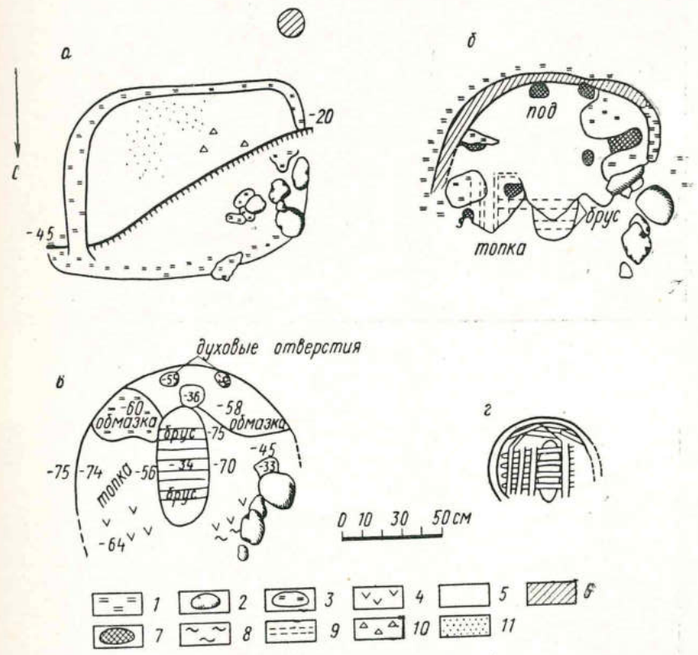


Рис. 1. План гончарного горна, вскрытого на городище у с. Супруты: *а* — вид до расчистки, *б* — вид после снятия развала купола, *в* — вид нижней части горна, *г* — схема настила для пода; *1* — прокаленный слой, *2* — камни, *3* — куски обожженной глины, *4* — уголь, *5* — под сушильной камеры, *6* — основание горна, *7* — отверстие в поде камеры, *8* — зола, *9* — каналы от выгоревших брусьев, *10* — керамика, *11* — светло-желтый прокаленный песок

западной части пода (рис. 4). Судя по находившимся на дне горна остаткам древесного угля, супрутские гончары использовали в качестве топлива дрова, употребление которых улучшало качество обжига. Слабая ошлаковка стенок топки свидетельствует о кратковременности использования супрутского горна.

Разделяющий ярусы под-черень толщиной 9—12 *см*, изготовленный из плохо промешанной, слоившейся глины, был положен на деревянный каркас из брусьев и досочек. Отпечатки деревянной основы видны на нижней стороне пода и верхней поверхности опорного столба.

[1] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи, открытые в Керчи и Фанагории в 1929—31 гг. ИГАИМК, вып. 80. М.—Л., 1934, стр. 37.

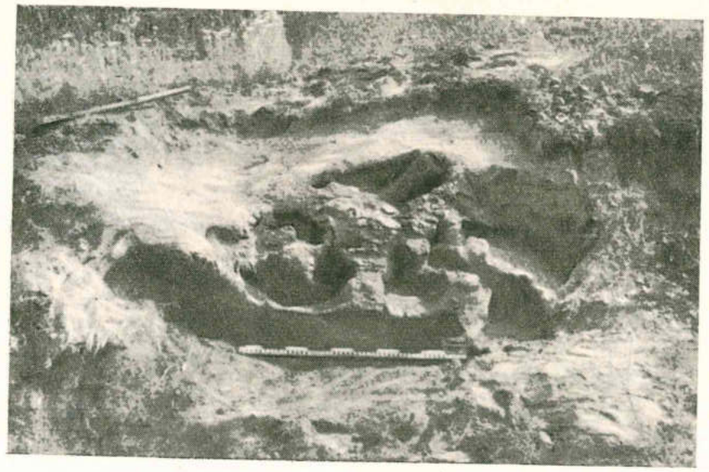


Рис. 2. Горн после снятия дернового слоя

Рис. 3. Горн после расчистки

На сохранившейся части череня (102×85 *см*) имелось 6 округлых в плане и расширяющихся книзу отверстий — продухов (прогаров) диаметром 6—14 *см*, расположенных по краю и в центре. Кроме того, в западной половине пода было еще одно большое отверстие подпрямоугольной формы (10×20 *см*) с приподнятыми округлыми краями, предназначенное, видимо, для увеличения доступа жара в верхнюю часть обжигательной камеры. Под неоднократно чинили; в нескольких местах на нем положены «заплаты» из кусков глины. От верхней обжигательной камеры сохранилась лишь нижняя часть южной стенки на

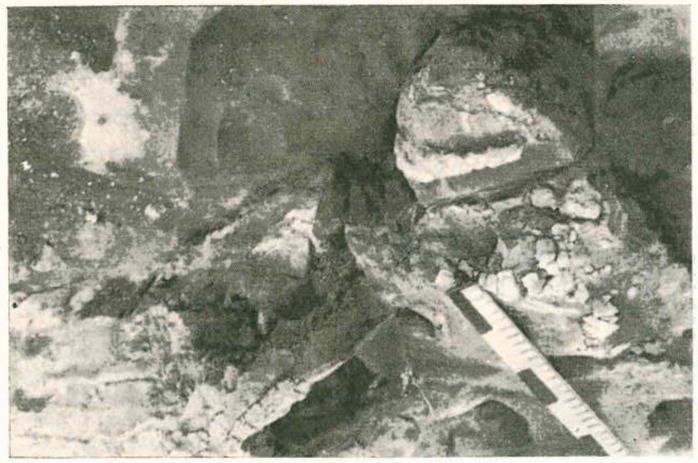


Рис. 4. Западная часть череня после расчистки

высоту 10—15 *см*. С внутренней стороны она была покрыта глиняной обмазкой, заглаженной во влажном состоянии тканью (на ее поверхности сохранились отпечатки ткани).

По форме и конструкции супрутский горн следует отнести к простейшим типам двухъярусных глинобитных горнов, аналогичных древнерусским горнам Донецкого I типа, которые Б. А. Рыбаков датирует XII—XIII вв.[2].

В развале обжигательного отделения найдены сильно расслоившиеся куски стенок красноглиняного гончарного сосуда, не дающие возможности определить его форму и судить о времени его изготовления, а следовательно, и о времени функционирования горна. Однако исходя из того, что гончарная посуда в Верхнеокском бассейне появляется не ранее X в., этот горн можно отнести к последнему периоду существования Супрутского городища, то есть к концу X в.

Гончарный горн, открытый на Супрутском городище, служит подтверждением имеющейся в литературе точки зрения о том, что в X в. в Древней Руси горновой обжиг посуды производили не только городские, но и деревенские гончары[3].

---

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 351.

[3] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 97; В. А. Мальм. Производство глиняных изделий. В кн.: «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. 33. М., 1959, стр. 136—137; М. В. Фехнер. Раскопки селища близ Грехова ручья. «Археологический сборник к 100-летию со дня рождения В. А. Городцова (1860—1960 гг.)». «Труды ГИМ», вып. 37. М., 1960, стр. 161.

А. В. УСПЕНСКАЯ

ЖЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С КОНЕМ X в. ИЗ БЕРЕЗОВЕЦКОГО МОГИЛЬНИКА

При раскопках Березовецкого курганного могильника в Осташковском районе Калининской области в одном из курганов было обнаружено женское погребение с конем. Этот курганный могильник находится на высоком западном берегу озера Селигер в 0,5 *км* от пристани Залучье; он занимает 3 *га* и насчитывает около 100 насыпей.

Все курганы имеют полусферическую форму, большинство насыпей поросло крупными деревьями.

За 3 раскопочных сезона (1969—1971 гг.) нами вскрыто 45 курганов. В процессе раскопок выяснено, что курганное кладбище существовало в течение длительного времени. Более древние погребения по обряду трупосожжения сосредоточены исключительно в южной части курганной группы, где насыпи расположены на довольно значительном расстоянии друг от друга.

В центральной и северной частях могильника курганы вплотную примыкали друг к другу и содержали трупоположения на материке и в неглубоких подкурганных ямах. В основаниях такие курганы, как правило, имели кольцевые обкладки из крупных камней-валунов.

В 1969 г. был раскопан курган № 3, содержащий остатки женского трупосожжения с целым скелетом коня. Курган находился на юго-западной окраине могильника и внешне ничем не отличался от окружающих; высота насыпи 1,1 *м*, диаметр 6,8 *м*. С южной и восточной сторон прослеживался ровик, наполовину заплывший. Насыпь сильно задернована, с западной стороны росли большие деревья.

В южной половине кургана на глубине 40 *см* от вершины обнаружены остатки женского трупосожжения на стороне. Обожженные кости

и угли лежали компактной кучкой под бровкой кургана. Здесь же были черепки битых глиняных сосудов, два больших камня и необожженные женские украшения: мелкий бисер из голубого стекла, половинка глазчатой бусины, проволочное височное кольцо из бронзы, а также серебряные пластинки — обоймицы — и бронзовые спиральки, составляющие женский головной убор — венчик.

К северу от захороненных сожженных костей на этом же уровне в насыпи открыт полный скелет погребенного коня. Конь лежал на левом боку с подогнутыми конечностями, головой на юг. Костяк прекрасно сохранился, зубы, совершенно несточенные, полностью заполняли обе челюсти. Длина скелета — 1,5 *м*, черепа — 0,45 *м*, ребер — 0,5 *м*. По определению местных ветеринаров, коню было 7—8 лет, но судя по размерам костей, он несколько мельче современных пород лошадей.

При более подробном изучении остатков кремации определены кости другой лошади, которая была сожжена вместе с трупом умершей [1].

Рис. 1. Лепной сосуд из погребения кургана № 3 (ум. 3/5)

В других курганах Березовецкого могильника пережженные кости лошади встречены неоднократно, но каждый раз они сопровождали мужские трупосожжения. Находки кальцинированных костей лошади известны и в более ранних смоленских курганах VIII—IX вв., где они обнаружены только в мужских погребениях по обряду кремации [2]. В Гнездовском могильнике в трех курганах лесной группы, датирующихся X в., обнаружены целые скелеты коней с украшениями сбруи, но тоже при мужских трупосожжениях [3]. В Вышневолоцких курганах Калининской области жженые кости лошадей обнаружены в 19 курганах. В некоторых насыпях захоронены кости двух особей.

Особый интерес представляет курган № 6 Шихинской курганной группы, где полный скелет несожженного коня найден при женском погребении IX — начала X в. [4]. Лошадь была захоронена в специально вырытой яме под кострищем, на котором кремировали труп девочки-подростка.

Как известно, конские захоронения в могильниках наиболее харак-

---

[1] Весь костный материал из курганов Березовецкого могильника исследован старшим научным сотрудником Зоологического музея Московского университета Е. Г. Андреевой.

[2] Е. А. Шмидт. О смоленских длинных курганах. В кн.: «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 226.

[3] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, вып. I. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28. СПб., 1902, стр. 11—12.

[4] В. А. Мальм и М. В. Фехнер. Этнический состав населения Верхнего Поволжья во второй половине I тысячелетия н. э. В кн.: «Экспедиции Государственного исторического музея». М., 1969, стр. 178.

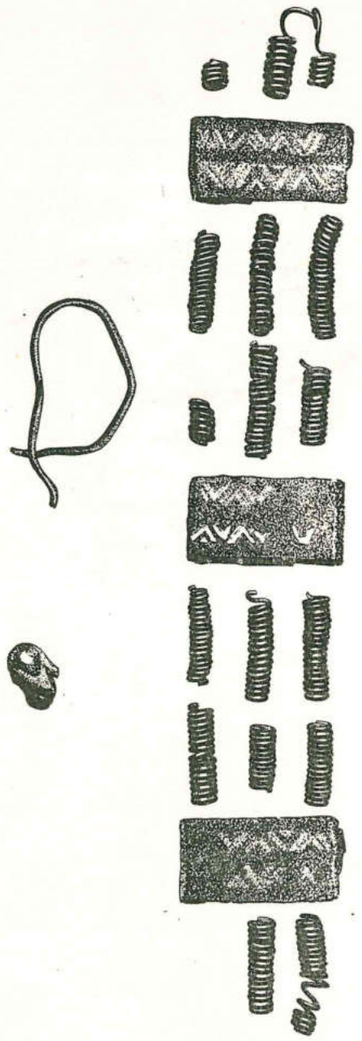


Рис. 2. Украшения из погребения кургана № 3 (ум. $^2/_3$)

терны для балтских и угро-финских племен второй половины I и начала II тыс. н. э.[5].

В Восточной Литве в это время трупосожжения умерших иногда сопровождались захоронениями несожженного коня, но чаще всего конь сжигался вместе со своим хозяином.

Конские захоронения в рядовых славянских курганах чрезвычайно редки. В лесной полосе Восточной Европы они, как правило, встречаются только в тех районах, где славяне территориально смешались с местным прибалтийско-финским населением, поэтому в славянской погребальной обрядности прослеживаются балтские и финские элементы.

В Березовецком могильнике к таким элементам можно отнести: погребение несожженного коня, находки кальцинированных костей лошади в остатках трупосожжений, а также наличие камней-валунов в насыпях почти всех раскопанных курганов. При трупосожжениях обычно клали несколько крупных камней, а в курганах с трупоположениями почти всегда сооружали каменную кольцевую обкладку.

Обломки нескольких битых лепных сосудов, собранные в разных местах насыпи, женского погребения среди кальцинированных костей и вблизи захоронения коня, составили почти целый горшок (рис. 1), который по форме и орнаменту приближается к раннегончарной керамике Гнездовских курганов X в.[6].

Проволочное височное кольцо из бронзы разомкнуто, слегка деформировано, нехарактерной формы (рис. 2). Глазчатые бусы из разноцветного глухого стекла, подобные обнаруженному здесь, бытовали в X — начале XI в.[7]. Головной убор латгальского типа — венчик — состоял из бронзовых спиралек-пронизок, в несколько рядов нанизанных на лыко, и серебряных пластинок-обоймиц с накладным геометрическим орнаментом из тонкой серебряной пластинки (рис. 2).

Подобные головные уборы имели широкое распространение как территориально, так и хронологически. Они известны в смоленских и псковских курганах с трупосожжениями IX—X вв.[8], в курганах с трупоположениями XI—XII вв.[9], а также в памятниках Литвы и Латвии VIII—XII вв. В Березовецком могильнике такие головные венчики обнаружены в 6 женских трупосожжениях вместе с пережженными лимонными и бело-ромбическими стеклянными бусами, сердоликовыми призматическими бусами и лепными горшками-урнами конца IX—X в.

Таким образом, по обряду погребения, керамике и украшениям женское погребение с конем из Березовецкого могильника можно датировать X в. Что касается этнической принадлежности погребенной, то этот вопрос может быть решен только после окончания исследования всего курганного могильника.

[5] Р. К. Кунискаускене. Погребение с конями у древних литовцев. СА, т. XVII. М., 1953, стр. 211—222; А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы. В кн.: «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». М., 1959, стр. 137; В. А. Городцов. Отчет о раскопках 1910 г. «Древности», т. 24. М., 1914, стр. 65—66; А. П. Мачинский. Конское погребение Кельгининского могильника. В сб.: «Исследование по археологии и этнографии Мордовской АССР», вып. 39. Саранск, 1970, стр. 202.

[6] В. И. Сизов. Ук. соч. МАР, № 28, стр. 102.

[7] А. А. Спицын. Гнездовские курганы. ИАК, вып. 15. СПб., 1905, стр. 55, рис. 12—17.

[8] В. В. Седов. Казихинские курганы на р. Великой. КСИА, вып. 120. М., 1969, стр. 94.

[9] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, № 163. М., 1970, стр. 121.

В. В. СЕДОВ

БРАСЛЕТООБРАЗНЫЕ ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Проволочные височные кольца большого диаметра, называемые браслетообразными, получили широкое распространение среди населения лесной полосы Древней Руси. А. А. Спицын и Ю. В. Готье считали их наряду с ромбощитковыми характерными для двух восточнославянских племен — кривичей и словен новгородских[1]. А. В. Арциховский пришел к заключению, что браслетообразные височные кольца типичны для кривичей, в то время как новгородские словене носили ромбощитковые украшения[2]. Браслетообразные кольца были разделены им на несколько типов — завязанные, сомкнутые, загнутоконечные, эскоконечные.

Дальнейшее изучение этих украшений показало, что этнически определяющими для кривичей являются только браслетообразные кольца с завязанными концами. Они в огромном числе сосредоточены преимущественно в бассейнах верхних течений Днепра, Западной Двины и Волги, то есть в летописной области кривичей. Псковская группа кривичей не знала этих украшений. Вне ареала смоленских кривичей и полочан браслетообразные завязанные височные кольца встречены только в тех древнерусских областях, которые были колонизованы смоленскими кривичами и полочанами (рис. 1).

За пределами этих областей браслетообразные завязанные височные кольца единичны и, нужно полагать, оставлены кривичскими пере-

[1] А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, кн. VIII, стр. 327, 328; Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М. — Л., 1930, стр. 208—212.

[2] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 58—61.

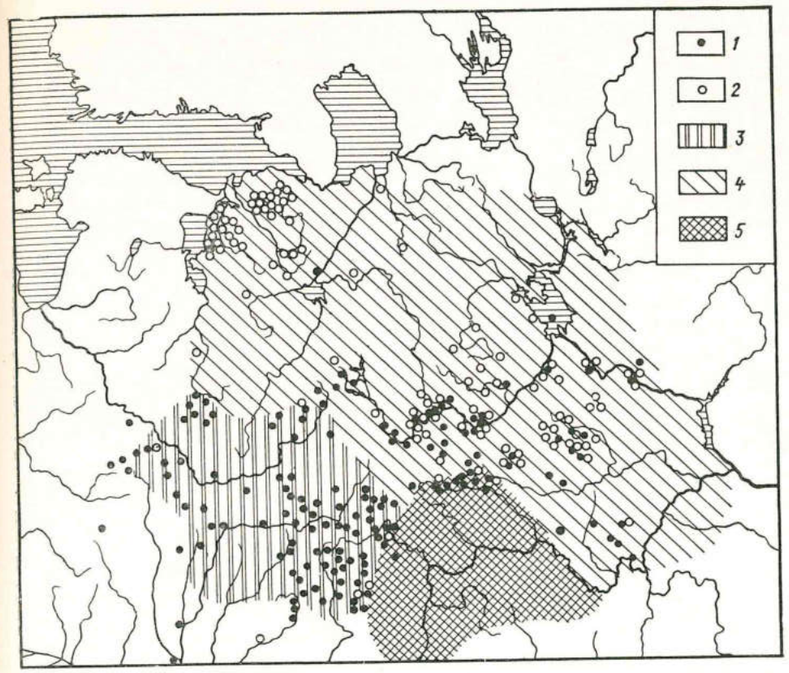


Рис. 1. Распространение браслетообразных височных колец с завязанными и сомкнутыми концами: *1* — места находок браслетообразных завязанных колец, *2* — места находок браслетообразных сомкнутых колец, *3* — ареал днепро-двинской культуры, *4* — ареал древних финно-угорских племен на древнерусской территории; *5* — область расселения вятичей

селенцами. 3 таких кольца найдены в Новгороде[3]; 1 витое кольцо обнаружено в кургане при дер. Верхоляны близ восточного берега Чудского озера[4]; известны такие находки и в дреговичском курганном могильнике при дер. Горивода[5] и в средневековых слоях Херсонеса[6].

Браслетообразные кольца носили по нескольку штук в волосах у висков. Обычно при умершей находится 6 колец, по 3 с каждой стороны, но часто встречаются только 2-3-4 экземпляра. Массовое распространение их приходится на XI—XIII вв., когда у кривичей господствуют курганные захоронения по обряду трупоположения. Но появляются браслетообразные завязанные кольца еще раньше, в период кремации умерших. Как правило, славянские захоронения по обряду трупосожжения, относящиеся ко второй половине I тыс. н. э., лишены

[3] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65. М., 1959, стр. 224, рис. 1, *3*, *4*.

[4] А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29. СПб., 1903, стр. 20, 108, 109 и табл. XX, *13*.

[5] В. З. Завитневич. О курганах Минской губернии. «Календарь Северо-Западного края на 1890 г.». М., 1890, стр. 13.

[6] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 60.

вещевого материала. Может быть, поэтому браслетообразные завязанные височные кольца встречены пока только в двух смоленских курганах с сожжением — при дер. Копнево (Поклонная гора) и Березовка[7].

В смоленских длинных курганах попадаются височные кольца иных типов — проволочные с заходящими пластинчатыми концами и пластинчатые с расширенной нижней частью с отверстиями для подвешивания трапециевидных привесок. Но эти украшения — балтские, и погребения с ними принадлежат славянизированным балтам. Собственно славянские захоронения в длинных курганах, как правило, безынвентарные. Только в исключительных случаях среди кальцинированных костей славянских захоронений попадаются вещи, и среди них есть обломки проволочных колец. В одном из Казихинских длинных курганов (Себежский район Псковской области) найдено целое височное кольцо, по диаметру близкое к браслетообразным. Концы его были завязаны петлями[8]. Эта находка дает основание предполагать, что браслетообразные височные украшения начали распространяться у смоленско-полоцких кривичей еще в эпоху длинных курганов.

Вообще распространение височных колец в лесной зоне Восточной Европы относится к середине I тыс. н. э. Так, в Восточной Литве височные кольца из проволоки круглого или ромбического сечения со спиральным завитком на конце известны в курганах с трупоположениями IV — начала VI в.[9].

Судя по новейшим раскопкам, проволочные височные кольца были в употреблении и среди балтского населения Верхнего Поднепровья. Это серебряные, бронзовые и железные круглопроволочные кольца разных диаметров со слегка утолщенными концами, встречаемые в памятниках типа Тушемли — Банцеровщины[10]. Смоленско-полоцкие кривичи, в среде которых распространились браслетообразные завязанные височные украшения, — та часть славян, которая расселилась в ареале днепро-двинской культуры — одной из древних племенных групп балтов и впитала в себя аборигенов—носителей этой культуры[11]. В этой связи не исключено, что проволочные височные кольца днепродвинских балтов стали прототипом кривичских височных украшений.

Совсем иной ареал имеют браслетообразные сомкнутые височные кольца (рис. 1). Они в большом числе известны на обширной территории от восточного побережья Чудского озера до верхневолжского бассейна. Наиболее часто встречаются такие кольца в курганах Калининского и Ярославского Поволжья, в Ростово-Суздальской земле и в северо-западных районах Новгородчины. В Волго-Клязьминском междуречье браслетообразные сомкнутые височные кольца территориально соприкасаются с браслетообразными завязанными украшениями. Курганы с браслетообразными сомкнутыми кольцами здесь или образуют самостоятельные могильники, или расположены совместно с насыпями, в которых найдены завязанные кольца. Совместное нахождение височных колец обоих типов в одном захоронении зафиксировано лишь в

[7] Е. Н. Клетнова. Археологические разведки Вяземского уезда. М., 1915, стр. 25, 26; Архив ЛОИА АН СССР, д. АК, № 1892/94.

[8] В. В. Седов. Казихинские курганы на р. Великой. КСИА, вып. 120. М., 1969, стр. 95, рис. 41, 2.

[9] А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы. В кн.: «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». М., 1959, стр. 131, рис. 1.

[10] Е. А. Шмидт. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины. В кн.: «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 68.

[11] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, № 168. М., 1970, стр. 91—124.

единичных случаях. Интересно, что в Калининском Поволжье и соседних районах Ярославского Поволжья сосуществование браслетообразных сомкнутых и завязанных колец привело к появлению своеобразного варианта последних. Многие браслетообразные кольца здесь имеют завязку, аналогичную кривичским украшениям Смоленщины, но один из концов их после завязки остается свободным, подобно концам сомкнутых колец.

Носили браслетообразные сомкнутые кольца так же, как и завязанные. Концы их иногда перевязывались нитью.

Племенная принадлежность браслетообразных сомкнутых височных колец до сих пор не определена. Иногда их приписывают новгородским словенам[12]. Однако они имели свой особый тип височных украшений — ромбощитковые кольца, ареал которых соответствует коренным областям новгородских словен (Приильменье и верховья бассейна Луги). Немало ромбощитковых височных колец найдено и в курганах, расположенных на Ижорском плато. Однако и здесь их словенская атрибуция бесспорна[13].

В верхневолжском бассейне курганы с ромбощитковыми украшениями отражают места и направления новгородской колонизации[14].

Но, может быть, и ромбощитковые и браслетообразные сомкнутые кольца одновременно были характерны для одного и того же восточнославянского племени — словен ильменских? По ряду соображений догадка оказывается неприемлемой. Во-первых, ареалы этих височных украшений в значительной степени различны. Пожалуй, только в северо-западной части Новгородской земли, там, где население было этнически смешанным (словено-водским), на одной территории встречаются и ромбощитковые и браслетообразные сомкнутые височные кольца. При этом можно отметить, что первые тяготеют к центру Новгородчины, вторые чаще встречаются в окраинных районах, где преобладал финский этнический элемент. Во-вторых, как известно, для новгородских словен весьма типичны курганы с каменной обкладкой в основаниях и жальничные погребения. Но если ромбощитковые височные кольца распространены главным образом в пределах территории курганов с каменными венцами и жальников, то браслетообразные сомкнутые кольца найдены преимущественно вне этого ареала. Так, в Калининском Поволжье районы новгородской колонизации выявляются как по курганам с каменными венцами, так и по распространению типично новгородского термина «сопки» для наименования курганных насыпей. Однако браслетообразные сомкнутые височные кольца встречаются здесь вне какой-либо зависимости от этих признаков новгородской колонизации. Очевидно, распространение этих височных украшений не связано с областью словен новгородских.

Некоторые наблюдения позволяют отнести браслетообразные височные кольца с сомкнутыми концами славянизированному местному (финноязычному) населению северных областей Древней Руси.

[12] Т. Н. Никольская. Этнические группы Верхнего Поволжья XI—XIII вв. КСИИМК, вып. XXIV. М.—Л., 1949, стр. 78—83; В. П. Левашева. Височные кольца. В кн.: «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. 43. М., 1967, стр. 38.

[13] В. В. Седов. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода. СА, т. XVIII. М., 1953, стр. 190—229.

[14] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94. М., 1961, стр. 183—248. Ромбощитковые височные кольца, встречаемые в относительно небольшом числе в курганах Смоленщины (здесь они под воздействием кривичских колец завязывались), по-видимому, также отражают словенское проникновение в кривичскую среду.

Распространение этих украшений в значительной степени совпадает с ареалом финно-угорской топогидродинамики на древнерусской территории [15]. Здесь, как отчетливо свидетельствуют данные различных наук, произошло смешение пришлых славян с финно-угорскими аборигенами и ассимиляция последних. Финский субстрат оказал воздействие на диалектно-языковое членение восточного славянства. Следы финно-угорского субстрата весьма ощутимы в современных севернорусских наречиях [16]. В этой связи заслуживает внимания значительное совпадение ареала браслетообразных сомкнутых височных колец с территорией северно-великорусских говоров (по данным Московской диалектологической комиссии) [17].

Наиболее характерными финно-угорскими элементами в древнерусских курганах являются меридиональная ориентировка погребенных и присутствие среди нагрудных и поясных украшений шумящих привесок различных типов [18]. В курганах с северно-южными трупоположениями ни браслетообразных, ни ромбощитковых височных украшений не встречено. Зато показательно другое — в могильниках, где имеются курганы с такими захоронениями, сравнительно часто попадаются браслетообразные сомкнутые височные кольца и почти полностью отсутствуют собственно кривичские (браслетообразные завязанные) и словенские (ромбощитковые) украшения. Так, браслетообразные сомкнутые височные кольца найдены в курганных могильниках, в которых есть меридиональные трупоположения, при населенных пунктах Бустрыгино, Верхоляны, Кошево, Евчаково, Воронцово и других [19]. В районе раскопок А. С. Уварова на Владимирщине, судя по тем случаям, когда удается установить тип височных украшений, в могильниках с наличием северной ориентировки погребенных встречены исключительно браслетообразные сомкнутые кольца (Буково, Вепрь, Городище), в то время как такие же кольца с завязанными концами присутствуют только в курганных группах с трупоположениями, имеющими западную ориентировку (Кабанское, Матвейщикова, Исакова и др.) [20].

В большинстве случаев шумящие привески находятся в подкурганных захоронениях, лишенных височных колец. Совместные находки этих украшений в одном погребальном комплексе сравнительно редки, но довольно показательны. С браслетообразными завязанными височными кольцами шумящие привески встречены трижды, с ромбощитковыми дважды, а с браслетообразными сомкнутыми не менее 18 раз.

[15] M. Vasmer. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas: 2. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse». Berlin, 1934, H. XVIII, SS. 351—440; idem. Beiträge zür historischen Völkerkunde Osteuropas. 3. Meria und Tscheremissen. Ibidem, 1935, H. XXII, SS. 507—594. Из финно-угорского ареала выпадают лишь находки браслетообразных сомкнутых колец в 4 курганах во Влазовичах (Б. А. Рыбакоў. Радзімічы. «Працы сэкцыі археолегіі Беларускай Акадэміі навук», т. III. Менск, 1932, стр. 88).

[16] G. Décsy. Is there a Finnic Substratum in Russian? «Orbis», 1967, No. 1, pp. 105—120; V. Veenker. Die Frage des finnougrischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington, 1967.

[17] Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915; Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949; Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. М., 1969.

[18] В. В. Седов. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах. В кн.: «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 246—251.

[19] С.-Петербургские ведомости, 1844, № 226; А. И. Кельсиев. Отчет о раскопках, произведенных в Ярославской и Тверской губерниях. ИОЛЕАЭ, т. XXXI. М., 1878—1879, стр. 303—305; Архив ЛОИА АН СССР, дд. 1924/149, 1929/223.

[20] А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Труды I АС, т. I. М., 1871, стр. 633—847.

Финская атрибуция погребенных в ярусных курганах северной полосы Восточной Европы обоснована мной в специальной статье [21]. Сейчас стоит заметить, что при трупоположениях в таких курганах встречены только многобусинные височные украшения, которые типичны для одного из финно-угорских племен — води, и браслетообразные сомкнутые височные кольца (Хотил) [22].

Федовский грунтовый могильник XI—XIII вв., расположенный на р. Мсте в Вышневолоцком районе, дал трупоположения с различной ориентировкой и древнерусским вещевым материалом [23]. Характерными височными украшениями погребенных были браслетообразные кольца с сомкнутыми (или заходящими) концами.

А. А. Спицын считал Федовский могильник русским, хотя подчеркивал, что его место среди восточнославянских древностей, в частности его отношение к курганам той же территории, пока не ясны [24]. Неславянский характер многих погребенных в Федовском могильнике отчетливо проявляется в ориентировке умерших. Из 44 скелетов, положение которых определено при раскопках, только 9 (или 20,5%) имели славянскую ориентировку (6 головой на запад и 3 — на юго-запад). Северная ориентировка зафиксирована в 11 погребениях. Если к ним добавить 16 трупоположений, направленных к северо-востоку, то очевидно распространение здесь характерных для финно-угров меридиональных захоронений (61,6%). Из остальных 8 захоронений 5 были направлены головами к востоку и 3 к юго-востоку. На финское происхождение основной части погребенных в Федовском могильнике, по-видимому, указывает также ритуал разрушения трупов, который зафиксирован в 35 случаях. Об этом же, по-видимому, свидетельствует присутствие у погребенных в могильнике большого числа браслетообразных сомкнутых колец.

Распространение среди ославяненных финнов на древнерусской территории браслетообразных височных колец не следует считать неожиданным. Еще в VI—VII вв. среди женских украшений финских племен Волго-Окского междуречья появляются большие проволочные (браслетообразные) височные кольца, расплющенные, с отверстием на одном конце и загнутые крючкообразно на другом. Они найдены в погребениях рязанских и муромских могильников, а также на поселениях мери — Сарском и Мало-Давыдовском городищах [25].

В VI—VII вв. распространяются также браслетообразные втульчатые височные кольца. Они известны исключительно на мерянской территории и являются этноопределяющими для мери [26]. Время бытования втульчатых колец определяется VI—X вв.

В XI в. и втульчатые и щитковые браслетообразные кольца выходят из употребления, что обычно объясняется славянизацией финского населения междуречья Волги и Оки. В этой связи нужно пола-

[21] В. В. Седов. Курганы с ярусными погребениями. КСИИМК, вып. 71. М., 1958, стр. 3—11.

[22] А. А. Спицын. Ук. соч. МАР, № 29, стр. 80.

[23] А. А. Ширинский-Шахматов. Федовский могильник. В кн.: «Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 г.». Тверь, 1906, стр. 53—62.

[24] А. А. Спицын. Старейшие русские могильники в Новгородской области. ИАК, вып. 15. СПб., 1905, стр. 1—5.

[25] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25. СПб., 1901, стр. 45, табл. XXIV, *5*; П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. 3, вып. 1. Л., 1926, стр. 76; Д. Эдинг. Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928, стр. 28, табл. II, *3*.

[26] Е. И. Горюнова. Ук. соч. МИА, № 94, стр. 96, рис. 41.

гать, что на смену этим украшениям пришли браслетообразные сомкнутые височные кольца. В XI—XIII вв. височные украшения последнего типа носило уже не финское население лесной части Древней Руси, а его славянизированные потомки. Поэтому вполне закономерно, что браслетообразные сомкнутые кольца в основном находятся в славянских курганах и часто сопровождаются древнерусскими украшениями.

Браслетообразные эсоконечные и загнутоконечные (один конец завернут в колечко) височные кольца на восточнославянской территории не имеют собственных ареалов. Эсоконечные височные кольца вообще характерны для западных славян и лишь в единичных экземплярах встречены на древнерусской территории — во Владимирских курганах, в курганах верховьев Клязьмы, Москвы, Волги, а также в Федовском могильнике[27]. Браслетообразные загнутоконечные височные кольца также спорадически попадаются на обширной территории от Верхнего Понеманья на западе до Волго-Окского междуречья на востоке. В северо-западных районах Новгородской земли иногда к ним, впрочем, как и к проволочным кольцам других типов, подвешивались различные привески[28]. Наиболее южными находками являются браслетообразные загнутоконечные кольца из Влазовичских курганов[29]. По-видимому, браслетообразные кольца этого типа не могут быть этноопределяющими.

Единичными экземплярами представлены в древнерусских древностях браслетообразные кольца со спиральным завитком на конце. Пока они встречены только в курганах у дер. Эсмоны в бассейне Березины и дер. Бретянка близ Новогрудка, а также на окольном городе Новогрудка[30]. В отличие от аналогичных колец, встречаемых в восточнолитовских древностях I тыс. н. э., спиральный завиток древнерусских находок обращен во внешнюю сторону. Тем не менее эти украшения, видимо, генетически связаны между собой.

[27] Например, А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, рис. 119а; М. В. Городцов. Вятичские курганные погребения близ д. Мякинино. ТСА РАНИОН, т. IV. М., 1928, рис. 9; Е. И. Горюнова. Ук. соч. МИА, № 94, рис. 91, *3*.

[28] А. А. Спицын. Ук. соч. МАР, № 29, стр. 19, табл. XX, *4*, *10*.

[29] А. А. Спицын. Вещи из раскопок П. М. Еременка в курганах Новозыбковского и Суражского уездов. ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2. СПб., 1896, табл. II, *2*.

[30] К. В. Павлова. Об одном типе височных колец древнего Новогрудка. КСИА, вып. 120. М., 1969, стр. 120, 121.

Е. А. ШМИДТ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ XI—XIII вв. В ЗЕМЛЕ КРИВИЧЕЙ

Союз племен — кривичи занимали, согласно указаниям древнерусской летописи, обширные пространства в верхних течениях рек Днепра, Западной Двины и Волги[1]. Сведения летописи о расселении восточнославянских племен подтверждены археологами на основании исследований курганных погребений XI—XIII вв. Еще в прошлом веке было установлено, что помимо других вещей основным отличительным признаком отдельных восточнославянских племен являются височные кольца. Это позволило А. А. Спицыну выделить территории, которые совпали с областями, очерченными летописями для отдельных восточнославянских племен[2]. Так, по характерным круглопроволочным браслетообразным завязанным височным кольцам он определил территорию кривичей[3]. Последующие более детальные археологические исследования курганных древностей не разрушили общих выводов А. А. Спицына, а, наоборот, еще больше укрепили их, хотя в его построения и были внесены некоторые коррективы и определены более точно комплексы признаков, характерные для каждой территории[4].

А. А. Спицын отметил, что летописные сведения отличаются некоторой статичностью, во многих случаях не дают исторической перспективы и слишком скупы в вопросах этнографических, а также, что во

[1] Повесть временных лет, т. I. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 13.

[2] А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, кн. VIII, стр. 301—340.

[3] А. А. Спицын. Ук. соч. ЖМНП, 1899, кн. VIII, стр. 327.

[4] См., например, А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930; Б. А. Рыбаков. Радзімічы. «Працы сэкцыі археолегіі Беларускай Акадэміі навук», т. III. Менск, 1932, стр. 81—151; В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, № 1, стр. 47—62 и др.

времена летописца, видимо, еще не было особого интереса к местным племенным особенностям[5]. Такой характер письменных источников придает особую ценность археологическим материалам при решении многих вопросов, связанных с древнейшими судьбами восточного славянства, а особенно с этногенезом отдельных древнерусских племен, в том числе и кривичей.

Конец I тыс. н. э., как и начало II тыс. н. э. отличались особым динамизмом. Большие социально-экономические изменения в славянской среде происходили одновременно с этногенетическими процессами и освоением обширных пространств Восточной Европы. Так, например, одним из важных событий в истории восточных славян было заселение Верхнего Поволжья кривичами, словенами и другими группами, происходившее именно в это время. Более или менее объективную картину этих событий удалось получить главным образом в результате исследований археологов[6]. Но среди исследователей нет единого обоснованного мнения ни о времени, ни о путях заселения кривичами их основной территории — Верхнего Поднепровья и Подвинья[7]. Также еще во многом не ясен и этногенез кривичей. В свете этого особенно ценным становится археологический материал, полученный из достоверных славянских памятников XI—XIII вв., оставленных потомками кривичей в местах наиболее раннего их расселения. Изучение особенностей этого материала и сопоставление его как с более древними материалами, так и с синхронными на соседних территориях может помочь в решении трудных и запутанных вопросов.

Общепринятое мнение о том, что кривичи на всей территории своего расселения не были едины, очень четко подтверждается и археологическими материалами. Выделяется обычно несколько групп: смоленская, полоцкая, псковская, верхневолжская. В настоящей статье будут рассмотрены некоторые особенности курганных погребений XI—XIII вв. в землях смоленских и полоцких кривичей, то есть, как уже было сказано, в местах их наиболее раннего расселения. Псковская группа стоит несколько особняком, происхождение ее, как и связь в раннее время с основным массивом кривичей, еще не совсем ясны, а древности предшествующей поры на Псковщине пока изучены слабо, что значительно затрудняет анализ материалов XI—XIII вв. Верхневолжские кривичи в основной своей массе — более позднее образование, получившееся в результате расселения смоленско-полоцких кривичей на территории поволжских финнов. Это привнесло в их погребальные обряды некоторые новые элементы, не свойственные населению исходной территории, что затрудняет выделение первоначальных особенностей, восходящих к времени формирования кривичей в Поднепровье и Подвинье.

К настоящему времени установлено, что для курганов с трупоположениями XI—XIII вв. в смоленско-полоцком районе в общем характерны следующие доминирующие особенности. В начале XI в. было обязательным на месте сооружения кургана разводить большой костер, а затем уже на кострище совершать погребение. В XII в. разведение костра стало не обязательным, а затем и вообще прекратилось. В это время начинают выкапывать прямоугольные подкурганные ямы, кото-

[5] А. А. Спицын. Ук. соч. ЖМНП, 1899, кн. VIII, стр. 305 и сл.

[6] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94. М., 1961, стр. 183 и сл.; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 285 и сл. и др.

[7] В. В. Седов. Ук. соч. СА, 1960, № 1, стр. 54 и сл.; П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 281 и сл.; И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. МИА, № 152. М., 1968, стр. 177 и сл.

рые вначале неглубоки и прорезают поверхность материка со следами костра, а к концу XII в. ямы становятся значительными по глубине, их выкапывают на чистом месте, не обработанном огнем. Обычно умерших клали на спину головой на запад. Некоторые отклонения на север или на юг наблюдаются сравнительно часто, хотя они и не объяснены исследователями.

Набор украшений у погребенных кривичских женщин сравнительно многообразен. У большинства есть круглопроволочные браслетообразные завязанные височные кольца, прикреплявшиеся при помощи кожаных ремешков к головному убору типа русской кички с твердой основой. Шейные ожерелья включают разнообразные бусы, среди которых доминируют стеклянные позолоченные и сердоликовые. Иногда в ожерелье из бус включались металлические привески (лунницы, коньки, монетообразные) или оно дополнялось металлической гривной. На руках большей части погребенных были браслеты и перстни. Кроме того, часть женских погребений содержит ножи, положенные чаще всего у плеча, и сосуд, ставившийся преимущественно у ног.

Сопровождающий инвентарь в мужских погребениях беднее. Чаще всего в мужских погребениях встречаются поясные пряжки и иногда поясные кольца и крючки. Довольно часто бывают топоры, ножи, глиняные сосуды и некоторые другие предметы. Реже умершему клали оружие.

Обычно курганы насыпались грунтом, взятым здесь же вокруг места возведения насыпи, поэтому вокруг кургана образовывались ровики различной ширины и глубины.

Все описанные выше характерные черты в погребальном обряде и инвентаре выделяют смоленско-полоцких кривичей из среды других восточнославянских племен. Однако это не следует понимать в том смысле, что в погребальном обряде, как и в инвентаре, нет элементов, являющихся исключением или отступлением от общего правила, хотя такие отступления (аномалии) встречаются спорадически. Эти аномалии не всегда находят объяснение или аналогии в одновременных восточнославянских памятниках других групп населения. Очень часто они становятся понятными только при рассмотрении предшествующего развития культуры племен в Верхнем Поднепровье и Подвинье с учетом этногенеза кривичей, происходившего до XI—XIII вв. Рассмотрим некоторые такие отклонения от общего правила.

Курганы кривичей XI—XIII вв. с трупоположениями принято считать индивидуальными погребальными сооружениями в отличие от длинных курганов — коллективных усыпальниц, содержащих несколько погребений. Однако эти общепринятые понятия требуют уточнения. Нами было показано на материалах целиком раскопанной курганной группы XI—XIII вв. у дер. Харлапово, что только половина курганов содержала по 1 захоронению (51%), тогда как 6% курганов содержали по 3 захоронения, 41% — по 2 захоронения и 2% — без захоронений[8]. А если учесть, что в некоторых курганах, где было по 1 захоронению, прослеживались следы траншей и колодцев от более ранних раскопок исследователей и кладоискателей, то становится ясным, что количество курганов с 2—3 погребениями будет более значительным и превысит половину от общего числа. Есть полное основание предполагать, что в курганной насыпи совершены дополнительные захоронения ближайших родственников. Здесь наблюдаются самые разные сочетания: мужчина

[8] Е. А. Шмидт. Курганы XI—XIII веков у дер. Харлапово в Смоленском Поднепровье. МИСО, вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 194 и сл.

и две женщины, двое мужчин и одна женщина, двое мужчин, две женщины, мужчина и женщина, женщина и ребенок, двое детей. Анализ стратиграфии курганных насыпей показывает, что только незначительная часть двойных захоронений совершена одновременно. Основная масса вторых погребений — либо впускные, либо добавочные. Впускные погребения совершены в яме, вырытой в поле кургана и затем засыпанной, без дальнейшего общего увеличения курганной насыпи. Добавочные захоронения совершались на выровненной площадке на поверхности полы уже готового кургана, а затем курган сверху значительно подсыпался, благодаря чему он увеличивался как в высоту, так и в поперечнике. Весьма любопытно, что добавочные захоронения совершались преимущественно в XI—XII вв., тогда как впускные — в XII—XIII вв. Характерна еще одна особенность добавочных и впускных захоронений. Они, как правило, не совершались на вершине кургана прямо над первым основным захоронением. При добавочных захоронениях площадку выравнивали южнее или севернее центра кургана приблизительно на середине его высоты, а затем покойника клали головой на запад примерно параллельно основному захоронению. Такое же расположение соблюдалось и при впускных захоронениях в Харлаповских курганах.

Наличие в курганах XI—XIII вв. впускных захоронений не является специфической особенностью только смоленско-полоцких кривичей[9]. Однако добавочные захоронения, совершенные на выровненной площадке полы кургана с последующим увеличением курганной насыпи, видимо, представляют специфическую особенность кривичей. Причем истоки такого обряда берут начало в курганах с трупосожжениями VIII—X вв. на этой же территории, то есть в погребальных памятниках культуры длинных курганов. В этом отношении характерно не только само выравнивание участка на поле кургана, но и расположение этого участка относительно первоначального захоронения, что и определяло местоположение дополнительного захоронения. Так, в курганах VIII—X вв. с несколькими захоронениями остатков трупосожжений все последующие погребения располагались по одной линии относительно первого, большей частью южнее или реже севернее его. Такая картина преобладала в курганных группах у дер. Слобода-Глушицы, у дер. Заозерье и в других местах[10].

Таким образом, совершение дополнительных погребений (добавочных и вводных) в уже готовом кургане XI—XIII вв. представляет собой пережитки широко распространенной традиции эпохи возведения длинных курганов.

Поскольку дополнительные погребения располагались в кургане не на одном уровне с основным (первым), то такого рода курганы можно условно относить к курганам с ярусным расположением умерших в насыпи. В археологической литературе специально рассматривался вопрос о ярусных погребениях в курганах лесной зоны европейской части СССР[11]. Хотя В. В. Седовым определено само понятие «ярусные погребения» и выделены признаки, характеризующие такие погребальные

[9] См., например, А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 107.

[10] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 180 и сл.; Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. МИСО, вып. 5. Смоленск, 1963, стр. 96 и сл.; см., например, А. Н. Ляўданскі. Археолегічныя досьледы у вадазборах р.р. Сажа, Дняпра і Касплі у Смаленскай губэрні. «Працы археолегічнай камісіі», т. 2. Менск, 1930, стр. 311 и сл.

[11] В. В. Седов. Курганы с ярусными погребениями. КСИИМК, вып. 71. М., 1958, стр. 3—11.

сооружения (северная ориентировка, отсутствие височных колец), но в перечень памятников им внесены курганы с погребениями, имеющими западную ориентировку и височные кольца. Курганы с ярусными погребениями здесь включают и впускные захоронения, совершенные в специальных ямах, выкопанных в насыпях кургана. Впускные захоронения встречаются на больших пространствах, принадлежавших различным славянским и неславянским племенам. В. В. Седов приходит к выводу, что ярусные погребения указывают на финскую этническую принадлежность[12]. Если брать за основу отнесения к ярусным погребениям только признак размещения умерших на разных горизонтах в курганной насыпи, а не целый комплекс признаков, то и смоленские курганы с впускными и добавочными погребениями должны попасть в эту же категорию и рассматриваться как пережитки, связанные с финской этнической группой. Но как уже было показано, размещение умерших на разных уровнях в курганной насыпи присуще курганным погребениям в земле смоленско-полоцких кривичей с эпохи возведения длинных курганов, а археологически на основной территории этого района не засвидетельствовано присутствие финского населения в течение второй половины I и начала II тыс. н. э. Поэтому рассмотрение некоторых курганов с 2—3 погребениями, расположенными на разных уровнях при отсутствии комплекса других традиционных признаков финской этнической группы, особенно в Верхнем Поволжье и на Псковщине, вряд ли всегда правомерно. Для погребального обряда некоторых восточнославянских племен не свойственно помещать вместе с покойником орудия труда и особенно оружие. Так, например, А. В. Арциховский пишет, что «вятичи никогда не клали с покойниками оружия» и только на периферии вятичских земель оно иногда встречается. То же самое относится и к находкам топоров, отмеченных преимущественно в смешанных кривичско-вятичских памятниках с преобладанием кривичей[13]. Орудия труда и оружие не были обязательными элементами погребального обряда у смоленско-полоцких кривичей, но все-таки они у них встречаются сравнительно часто. Так, в Харлаповском курганном могильнике из 42 мужских погребений 30 содержали орудия труда и оружие, в том числе ножи были в 29 погребениях, топоры — в 13, наконечники копий — в 4, меч — в одном. Другими словами, только 28,5% мужских захоронений не содержали орудий труда и оружия. Рассмотренный нами пример — Харлаповские курганы — кладбище сельского населения, поэтому они несопоставимы с Гнездовскими дружинными курганами; но их вполне можно сопоставлять с погребениями культуры длинных курганов на этой же территории, которые также оставлены сельским населением. В мужских погребениях культуры длинных курганов орудия труда и оружие не были обязательным элементом погребального ритуала, однако в некоторых погребениях они встречаются. Причем набор этих предметов совпадает с перечисленным выше инвентарем из курганов XI—XIII вв. Чаще всего здесь находятся ножи, несколько реже — топоры и еще реже — наконечники копий.

Таким образом, и эта особенность — класть умершему орудия труда и оружие — в кривичских погребениях XI—XIII вв. восходит к более раннему периоду в пределах этой же территории и является как бы продолжением традиции, возникшей в эпоху насыпания длинных курганов.

В погребениях кривичей XI—XIII вв. довольно часто встречаются глиняные сосуды. Так, в Харлаповских курганах 19 погребений из 83

[12] В. В. Седов. Ук. соч. КСИИМК, вып. 71, стр. 10.

[13] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 96 и сл.

сопровождались глиняными сосудами. В мужских погребениях найдено 9 сосудов (на 42 вскрытых захоронения), а в женских — на 37 погребений приходилось 9 с глиняными сосудами. Постановка глиняного сосуда не всегда обязательна, причины этого пока не установлены. Глиняные сосуды, встреченные в курганах XI—XIII вв., как правило, изготовлены на гончарном кругу. Форма их своеобразна, хотя в целом они и относятся к типам славянской керамики. Это своеобразие заключается в том, что доминируют низкие приземистые сосуды, у которых максимальный диаметр на уровне плечиков значительно превышает общую высоту сосуда, а его нижняя часть всегда представляет собой ярко выраженный усеченный конус, повернутый более широкой частью вверх, переходящий в округлое плечико, которое является наиболее широкой частью сосуда. Наличие локальных особенностей в деревенской керамике разных районов Руси отмечалось в археологической литературе; при этом указывалось, в частности, что местные традиции в гончарном производстве были устойчивыми и передавались из поколения в поколение [14].

Казалось бы, эти особенности керамики кривичского смоленско-полоцкого района XI—XIII вв. должны иметь исходными прототипами гончарную глиняную посуду X в., изготовленную на этой же территории и по традиции закрепленную. Однако в действительности этого не наблюдается. Многочисленные находки точно датированной керамики X в. происходят из погребений Гнездова. Но в Гнездове преобладают гончарные сосуды сравнительно стройные, у которых общая высота либо равна максимальной ширине, либо значительно превосходит ее [15]. Правда, в Гнездове обнаружено некоторое количество лепных и гончарных сосудов более приземистых форм [16], но, как уже нами показано, эта посуда была пережитком более ранней эпохи и показателем неоднородности населения [17]. Такая же картина прослежена и в курганах с трупосожжением конца IX—начала X в. у пос. Новоселки, где значительное количество сосудов имеет превышение размера высоты над максимальным диаметром [18].

Глиняные сосуды из погребений XI—XIII в. по своим пропорциям ближе всего стоят к керамике, найденной в захоронениях культуры длинных курганов [19], где встречаются исключительно сосуды приземистые со значительным превышением диаметра над высотой. Видимо, традиция изготовлять преимущественно низкие, приземистые горшки и использовать часть из них в погребальном обряде, сложившаяся в сельской среде в период сооружения длинных курганов, оказалась сильнее, чем введенные ремесленным славянским населением в отдельных центрах X в. новые высокие формы гончарных сосудов. Это повело к тому, что в дальнейшем в гончарном производстве района распространения длинных курганов вообще утвердился как основная форма керамики сравнительно широкий приземистый горшок.

Проявлением консервативной местной традиции может служить наличие наряду с обычными широко распространенными формами курганных сосудов на левобережье Днепра в районе Дорогобужа весьма своеобразной посуды с высоким горлом и слабо отогнутым венчиком [20]. На своеобразие этой керамики обратил внимание Б. А. Рыбаков [21]. Наличие таких форм сосудов связано с традициями местного населения, сложившимися еще в середине и третьей четверти I тыс. н. э. В пределах современного Дорогобужского района, в бассейне Угры, в междуречье Угры и Днепра и по Днепру на участке до устья Ужи, на тех пространствах, где не была распространена культура длинных курганов, обнаружены укрепленные поселения — городища — и отдельные селища, относящиеся к культуре мощинского типа [22]. Здесь найдена лепная керамика, аналогичная посуде из Мощинского городища и курганов у дер. Шаньково и Почепок [23], которая типологически очень близка керамике из курганов XI—XIII вв. Еще не совсем ясно, как происходило развитие мощинской керамики в конце I тыс. н. э. и какие промежуточные формы могли возникнуть до появления гончарного круга в древнерусской деревне; но одно несомненно — преемственность между древнерусской посудой и керамикой середины и третьей четверти I тыс. н. э. По-видимому, отдельные островки населения сохранили очень древние традиционные формы сосудов и использовали их в погребальном обряде вплоть до XI—XIII вв.

---

[14] В. А. Мальм. Производство глиняных изделий. В кн.: «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. 33. М., 1959, стр. 138.
[15] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, вып. I. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28. СПб., 1902, стр. 101 и сл., рис. 73—75, 77, 79.
[16] В. И. Сизов. Ук. соч. МАР, № 28, рис. 4, 73.
[17] Е. А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнездова. СА, 1970, № 3, стр. 107.
[18] Е. А. Шмидт. Ук. соч. МИСО, вып. 5, стр. 119, рис. 14.
[19] Там же, стр. 109, рис. 8.
[20] Н. І. Савін. Раскопкі курганоў у Дарагабускім і Ельнінскім паветах Смаленскай губ. «Працы археолегічнай камісіі», т. 2, стр. 238 и сл., табл. VI, рис. 1, 2.
[21] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 173.
[22] Е. А. Шмидт. Исследования в Смоленском Поднепровье. АО 1967 г. М., 1968, стр. 42, 43.
[23] Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 6, табл. III, рис. 1, табл. IV, рис. 1, 3; Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72. М., 1959, стр. 46, рис. 18, *3*.

А. А. КОНОВАЛОВ

ХАРАКТЕРИСТИКА МЕДНЫХ СПЛАВОВ УКРАШЕНИЙ ИЗ КРИВИЧСКИХ КУРГАНОВ У ДЕР. КАБЛУКОВО

В курганной группе, расположенной по течению р. Вори, левого притока Клязьмы, у дер. Каблуково, Щелковского района, Московской области, насчитывалось 50 насыпей[1]. Здесь раскопаны 32 кургана. Эту группу можно датировать концом XI—XII в. по находкам браслетообразных височных колец, завязанных обеими концами[2], грушевидных крестопрорезных бубенчиков, низ которых орнаментирован косой нарезкой, и шаровидных бубенчиков с щелевидной прорезью, украшенных пояском из концентрических линий[3], сердоликовых бипирамидальных и шарообразных бус из горного хрусталя, серебреных и золоченых стеклянных бус[4], а также привески-конька, украшенного кружковым орнаментом[5]. Не противоречат такой датировке многочисленные фрагменты и целые формы гончарной керамической посуды.

О принадлежности Каблуковских курганов именно кривичам свидетельствуют браслетообразные, завязанные обоими концами височные кольца, за которыми в литературе после работ А. В. Арциховского прочно утвердилось название кривичских[6]. Связи населения этой территории со смоленскими кривичами подтверждаются и находкой привески-амулета в виде плоского конька. Основная масса подобных привесок, как отмечает В. В. Седов, найдена «в области расселения смоленско-полоцкой группы кривичей»[7]. По-видимому, они были изготовлены в Смоленске или поблизости от него[8].

Итак, раскопанная нами курганная группа у дер. Каблуково оставлена потомками смоленских кривичей в конце XI—XII в. В это время она находилась в непосредственной близости от вятичских земель. Граница между землями смоленских кривичей и вятичей проходила по

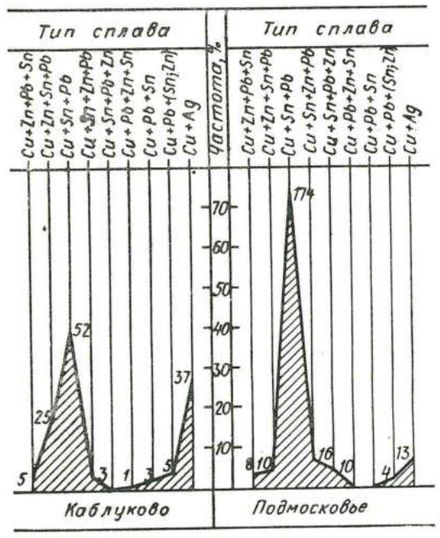


Рис. 1. Характеристика медных сплавов украшений из курганов у дер. Каблуково и Подмосковья

р. Клязьме[9]. Эта близость существенно влияла и на инвентарь Каблуковских курганов. Здесь наряду с кривичскими обнаружены типично вятичские женские украшения: шарообразные хрустальные бусы и решетчатые перстни, которые, по словам А. В. Арциховского, характерны для вятичей «не менее, если не более, чем семилопастные» височные кольца[10]. Более полную картину проникновения вятичских украшений в инвентарь пограничных кривичских курганов мы получили при спектроаналитическом исследовании этих украшений. Для анализа была отобрана 131 проба с различных украшений; исследования произведены в лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР[11].

[1] Л. Р. Кызласов, А. А. Коновалов. Работа славянской экспедиции. АО 1967 г. М., 1968, стр. 50—51.

[2] Е. А. Шмидт. Курганы XI—XIII вв. у дер. Харлапово в Смоленском Поднепровье. МИСО, вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 206.

[3] В. А. Мальм, М. В. Фехнер. Привески-бубенчики. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. 43. М., 1967, стр. 136—137.

[4] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55. М., 1956, стр. 171—172.

[5] А. В. Успенская. Нагрудные и поясные привески. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. 43, стр. 89—92.

[6] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 59—60.

[7] В. В. Седов. Амулеты-коньки из древнерусских курганов. В кн.: «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 154.

[8] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 458.

[9] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 118—120; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94. М., 1961, стр. 214.

[10] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 39, 110—113, 73.

[11] Анализы произведены совместно с Е. Н. Черных и Т. Б. Барцевой. Приношу им глубокую благодарность за помощь, оказанную при исследовании этого материала.

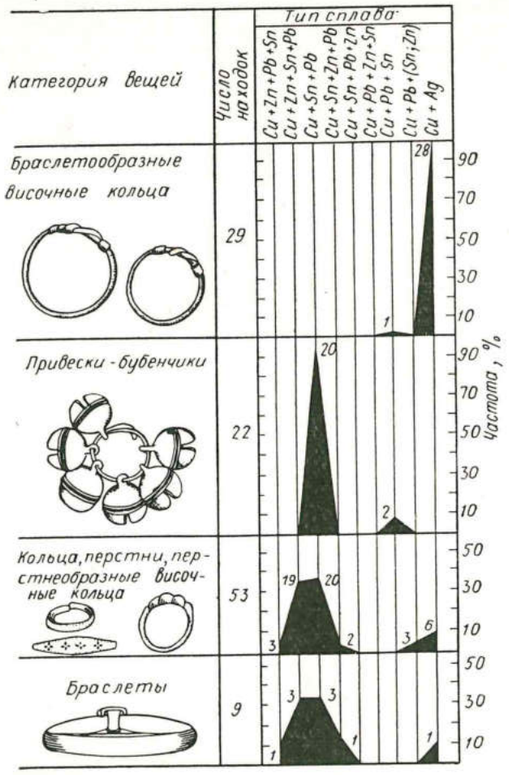


Рис. 2. Характеристика металла украшений из курганов у дер. Каблуково

Основная масса проанализированных украшений из Каблуковских курганов (86,2%) представлена перстнями, кольцами, перстнеобразными височными кольцами (40,4%), браслетообразными височными кольцами (22,1%), привесками-бубенчиками (16,8%) и браслетами (6,9%). Все металлические украшения из Каблуковских курганов содержат искусственно введенные компоненты: свинец, цинк, олово и серебро, которые образуют довольно устойчивые сплавы с преобладанием того или иного компонента. Учитывая ранее проанализированные украшения из вятичских курганов[12], мы можем выделить 9 типов сплавов, характерных для всего Подмосковья[13] (табл. 1).

[12] А. А. Коновалов. Медные сплавы Подмосковных курганов. ВМУ, серия истории, 1969, № 2, стр. 62—64.

[13] Для обработки древнего металла (XI—XIV вв.) мы пользовались выделенными Е. Н. Черных и Т. Б. Барцевой (Е. Н. Черных, Т. Б. Барцева. О спектроаналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры. СА, 1968, № 2, стр. 98—99; Е. Н. Черных, Д. Б. Хоферте, Т. Б. Барцева. Металлургические группы цветного металла I тысячелетия н. э. из Прибалтики. КСИА, вып. 119. М., 1969, стр. 109—110) 5 типами сплавов, дополнив их еще одним (А. А. Коновалов. Изучение химического состава медных сплавов из Новгорода. СА, 1969, № 3, стр. 205—216).

Рис. 3. Характеристика металла колец, перстней и перстнеобразных височных колец (звенья цепочки не учитываются) из курганов у дер. Каблуково

В двух типах сплавов ведущий компонент—цинк (I и II), в трех—олово (III—V) и свинец (VI—VIII) и в одном — серебро (IX).

На долю оловянисто-свинцовистых бронз (39,7%), биллона (28,4%) и многокомпонентных сплавов II типа (19,1%) приходится 87,7% всех украшений. Уже простая группировка украшений из Каблуковских курганов по типам сплавов показывает их отличие от территориально близкого им металла Подмосковья (рис. 1).

Среди украшений из Каблуковских курганов вещей, изготовленных из многокомпонентных сплавов II типа, значительно больше (19,1%), чем в украшениях из Подмосковных курганов (4,3%). Довольно интересная особенность выявлена при сравнении перстней, колец и перстнеобразных височных колец из этих курганных групп. Для изготовления различных типов перстней в Подмосковье применяли одинаковые наборы сплавов, а различные по форме перстни из Каблуковских курганов сделаны из разных сплавов (рис. 2).

Так, больше половины каблуковских перстней, выплавленных из оловянисто-свинцовистых бронз, составляют перстни рубчатые. Для изготовления каблуковских перстней гладких, пластинчатых и колец в основном использованы многокомпонентные сплавы II типа (рис. 3).

С другой стороны, перстни решетчатые (однозигзаговые и двузигзаговые) — характерные вятичские украшения — сделаны из оловянисто-свинцовистых бронз с высокой концентрацией олова — излюбленного сплава вятичских мастеров Подмосковья[14]. По такому же рецепту изго-

[14] А. А. Коновалов. Ук. соч. ВМУ, серия истории, 1969, № 2, стр. 64—66.

Таблица 1

Характеристика металла украшений из Каблуковских курганов

Тип сплава	Число вещей по категориям: браслетообразное височное кольцо	лопастное височное кольцо	перстневидное височное кольцо	кольца и звенья цепочки	перстни	перстнеобразные височные кольца	бляшки	гривны	проволочное височное кольцо	нашивная пластина	нашивной наконечник	бляшка от пояса	пронизь	бусина	трехбусинное височное кольцо	проволока	гривна	перстнеобразное височное кольцо (?)	Общее число анализов	Содержание сплава
I Cu + Zn + Pb + Sn	—	—	—	2	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	Zn > 1%; Pb > 0,3%; Sn > 1%
II Cu + Zn + Sn + Pb	—	—	—	10	8	1	3	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	25	Zn > 1%; Pb > Sn
III Cu + Sn + Pb	—	—	20	4	16	—	3	—	—	2	—	—	—	1	—	1	—	1	52	Zn > 1%; Sn > Pb
IV Cu + Sn + Zn + Pb	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	Sn > 1%; Zn > 1%; Pb > 0,3%
V Cu + Sn + Pb + Zn	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Sn > 1%; Pb > 0,3%; Zn > 1%
VI Cu + Pb + Zn + Sn	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	Sn > Pb > Zn
VII Cu + Pb + Sn	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	Pb > 0,3%; Zn > 1%; Sn > 1%
VIII Cu + Pb + (Sn; Zn)	—	—	1	1	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	5	Pb > 0,3%; Sn > 1%; Pb > Sn
IX Cu + Ag	28	—	2	2	1	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	37	Pb > Zn < 1%; Pb > Sn < 1%
Итого	29	22	27	20	27	6	9	1	1	2	1	1	2	1	4	4	1	1	131	Ag ≥ Cu

Таблица 2

Средние концентрации олова, свинца и цинка в металлических украшениях из Каблуковских и Подмосковных курганов

Категория вещей	Местоположение курганной группы	Число находок	Средние концентрации металла, %		
			Sn	Pb	Zn
Браслетообразные височные кольца	Подмосковье	1	1,0	1,5	0,4
	Каблуково	10	8,6	1,5	1,6
Лопастные височные кольца	Подмосковье	—	—	—	—
	Каблуково	88	12,8	1,6	0,2
Кольца, перстни, перстнеобразные височные кольца	Подмосковье	53	5,0	1,4	3,9
	Каблуково	69	7,4	1,1	1,6
кольца	Подмосковье	16	3,5	1,4	6,2
	Каблуково	12	6,3	0,7	1,4
перстни пластинчатые	Подмосковье	7	4,1	1,5	5,1
	Каблуково	19	6,1	1,2	2,8
перстни решетчатые	Подмосковье	4	6,0	1,6	0,01
	Каблуково	8	10,2	1,5	0,7
перстни гладкие	Подмосковье	4	6,7	1,0	6,5
	Каблуково	—	—	—	—
перстни рубчатые	Подмосковье	12	9,4	1,6	0,8
	Каблуково	29	9,5	1,1	0,9
перстнеобразные височные кольца	Подмосковье	6	1,6	1,0	2,8
	Каблуково	4	1,3	0,7	3,7
Браслеты	Подмосковье	9	3,0	1,1	3,1
	Каблуково	40	7,2	1,2	1,9
браслеты пластинчатые	Подмосковье	4	3,2	1,0	6,1
	Каблуково	12	4,9	1,3	3,4
браслеты витые	Подмосковье	—	—	—	—
	Каблуково	22	7,7	1,0	0,3
Привески-бубенчики	Подмосковье	22	3,5	2,3	0,01
	Каблуково	1	7,0	2,0	0,25
Бусина	Подмосковье	4	13,2	0,9	0,02
	Каблуково	7	16,8	1,9	0,04

товлены и рубчатые перстни. В отличие от них привески-бубенчики из оловянисто-свинцовистых бронз имеют пониженные концентрации олова. Из 22 проб лишь в 4 концентрации олова достигают 5%, в двух — 2,6%, а в одной — 10%. В остальных пробах средняя концентрация олова равна 2,3% [15].

Значительное отличие можно проследить и в материале, из которого изготовлены этнически определяющие категории вещей: браслетообразные и лопастные височные кольца из Подмосковных и Каблуковских курганов. Если из 88 лопастных височных колец из Подмосковных курганов только 7 из биллона [16], то из 29 каблуковских браслетообразных височных колец лишь одно из свинцовисто-оловянистой бронзы (рис. 2). Интересно, что в лопастных височных кольцах, изготовленных из оловянисто-свинцовистых бронз, нет ни одного с концентрацией олова ниже 6%, а в единственном браслетообразном височном кольце содержится лишь 1% олова (табл. 2).

---

[15] Результаты анализов хранятся на кафедре археологии исторического факультета Московского университета.

[16] А. А. Коновалов. Ук. соч. ВМУ, серия истории, 1969, № 2, стр. 65, рис. 4, стр. 71—77.

Таким образом, спектроаналитические исследования показывают, что в инвентаре кривичских курганов у дер. Каблуково, находившихся в непосредственной близости от вятичской земли, наряду с находками собственно вятичских украшений встречаются украшения, имевшие широкое хождение у всех славянских племен, но изготовленные вятичскими мастерами. Этим, на наш взгляд, и объясняется преобладание в металле украшений из Каблуковских курганов оловянисто-свинцовистых бронз, из которых в основном (63,6%) изготовлялись рубчатые и решетчатые перстни и привески-бубенчики. Для изготовления собственно кривичских украшений, по-видимому, характерно преобладание многокомпонентных сплавов II типа. Однако это пока лишь наше предположение, которое должно быть подкреплено анализами металлических вещей из центральных кривичских территорий.

Д. А. АВДУСИН

ГНЕЗДОВО И ДНЕПРОВСКИЙ ПУТЬ

Недалеко от Смоленска, вниз от него по Днепру, находится дер. Гнездово, давшая свое имя огромному археологическому комплексу, состоящему из курганов, селищ и городищ. Мало кто из историков Древней Руси обошел молчанием вопрос о соотношении Смоленска, днепровского пути и Гнездова, не черпал материал по истории раннего феодализма из этого обильного источника, и уж никто из изучавших в последние 60 лет норманнскую проблему не мог не упомянуть о Гнездовских курганах. К настоящему времени накопился новый материал, позволяющий отойти от традиционных решений, касающихся соотношения Гнездова и днепровского пути.

Описывая путь «из варяг в греки», автор «Повести временных лет» указал два его направления — с Днепра на Ловать и с Днепра в Западную Двину. Попутно он отметил, что этот путь может быть использован и для путешествия на Волгу «в Болгары и в Хвалисы». При анализе этого места летописи уже давно заметили, что при переходе из Днепра нужно было сначала попасть в Двину, а затем уже системой мелких речек можно достичь и Ловати. При рассмотрении данной темы путь на Волгу не должен нас интересовать; следует считать доказанным, что он старше днепровского пути.

В вопросе об абсолютной дате функционирования пути по Днепру преобладает стремление вести его существование с возможно более древних времен. Так, М. Н. Тихомиров указывал, что от Киева «легко спуститься по Днепру до Черного моря. Значит, свое новое значение — торгового центра — Киев получил по крайней мере в первой половине IX в., а возможно, и ранее» [1].

[1] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 19.

Однако для такого решения о функционировании даже столь короткого участка днепровского пути мы не располагаем ни письменными сообщениями, ни археологическими данными. Можно лишь с известной долей вероятности предполагать, что вооруженные отряды русов, о которых мы знаем по сообщению Георгия Амастридского (вторая четверть IX в.) [2], проникли в Черное море по днепровскому пути. Русы, прибывшие ко двору византийского императора, а оттуда к Людовику I, первую часть пути, то есть до Византии, шли «среди варваров весьма бесчеловечных и диких племен» [3]. Здесь ни слова нет о путешествии по рекам, а если они совершали свое путешествие по степи, то можно думать, что эти русы пришли из Хазарии, чему более соответствует и титул их правителя, называвшегося хаканом.

Первое свидетельство об использовании днепровского пути — сообщение «Повести временных лет» о путешествии «в Царьград» Аскольда и Дира. Вряд ли можно сомневаться в том, что Аскольд и Дир шли по редко посещаемым местам. Устюжский летописный свод дополняет эту статью летописи сообщением, что Аскольд и Дир не решились подойти к Смоленску, потому что «град велик и мног людьми» [4]. Видимо, до этого о многолюдности Смоленска они не знали. Они же, подойдя к Киеву, опять проявляют неосведомленность и спрашивают: «Чей это городок?» [5]. Все это вряд ли было возможно на хорошо известной дороге. Весьма примечательно также, что, идя в Царьград, Аскольд и Дир надолго останавливались в Киеве. Видимо, спуститься по Днепру до Черного моря было не так уж легко. Только 4 года спустя они отправились войной на греков, и сообщение об этом походе сопоставляют с известием о вражеских кораблях под Царьградом, о которых повествует константинопольский патриарх Фотий (860 г.) [6].

В 882 г. по днепровскому пути проходит многочисленное войско Олега, но и оно не дошло до моря и также остановилось в Киеве. Вряд ли прав М. Н. Тихомиров, делая вывод из сообщения об убийстве Аскольда и Дира, что посещение Киева купцами было в те времена явлением обычным [7]. Видимо, тогда путь «из варяг в греки» не был еще ни постоянно действующим, ни торговым. На нумизматическом материале В. Л. Янин пришел к выводу, что становление этого пути происходит не в IX в., а несколько позднее [8]. К середине X в. днепровский путь уже, несомненно, действует, о чем говорит его описание Константином Багрянородным. Византийский император описывает его как диковину. Видимо, в Византии днепровский путь почти или даже совсем не был известен, а это значит, что в обратном направлении им пользовались случайно. С таким предположением согласуются и археологические данные: византийские вещи на Днепре редки и встречаются гораздо реже предметов, привезенных, например, с Востока или из Скандинавии.

Днепровская дорога начала функционировать не раньше открытия пути по мелким речкам и волокам из Двины в Днепр. О важности Днепра как артерии, соединяющей север с югом, можно говорить

[2] ПИКГ. Составитель Г. Е. Кочин. Л., 1936, стр. 24—25.
[3] ПИКГ, стр. 23—24.
[4] Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, стр. 20.
[5] Повесть временных лет, т. I. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 18.
[6] ПИКГ, стр. 26—29.
[7] М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 19.
[8] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 105.

лишь с того момента, когда путь между этими реками становится обычным. Редкое использование путей с Двины на Днепр не могло привести к их стабильности, к созданию системы их обслуживания, необходимой для торгового волока, которому были нужны люди для перетаскивания судов, плотники для их ремонта, ремесленники для ремонта и изготовления сбруи, одежды, обуви и разного инвентаря, а также торговцы или земледельцы, снабжавшие путешественников хлебом и другим продовольствием. По мнению А. Я. Брюсова, волок обязательно должен быть отмечен селищами с обоих его концов. Но это становится возможным лишь с того времени, когда на смену военным отрядам на водный путь приходят купцы. Лишь с налаживанием торговых связей, с учащением использования системы малых речек выбирается наиболее легкий и удобный путь между верховьями двух крупных рек. Лишь со стабилизацией этой системы около нее селится обслуживающее ее население.

П. В. Голубовский предложил конкретный вариант пути из Днепра в Двину. Он считал его началом р. Катынь (ниже Гнездова), далее волоком в р. Крапивну, озеро Купринское, по речке Выдре в р. Касплю, которая и приводила в Двину. При этом П. В. Голубовский ссылался на письменные источники, подтверждающие существование пути через Касплю и в более позднее время [9].

Исправляя неточности, этот путь следует представлять так: Днепр — р. Катынь (или Катынка) — озеро Купринское — р. Крапивна — волок — р. Удра (или Выдра) — озеро Каспля — р. Каспля — Западная Двина.

А. Н. Лявданский, соглашаясь с направлением пути через р. Касплю, полагает, что он шел не через р. Катынь, а через р. Ольшу (правильнее Ольшанку). Таким образом, А. Н. Лявданский впервые связал начало пути из Днепра в Двину с Гнездовом, по западной границе которого течет р. Ольшанка [10].

В литературе часто встречается общая датировка Гнездовских курганов IX — началом XI в., предложенная еще одним из первых их исследователей В. И. Сизовым и поддержанная А. А. Спицыным [11]. Правда, из аргументации Спицына ясно, что IX в. он признавал в Гнездове, лишь считая его местом, где якобы побывал Олег в 882 г., так как Спицын отождествлял Гнездово с местом раннего Смоленска. В общем Спицын склонялся к датировке этих курганов X в. Этим столетием датировал их и Ю. В. Готье [12].

Видимо, курганов IX в. в Гнездове нет вовсе и лишь небольшая часть могильных насыпей была возведена там в первой половине X в. Основная масса Гнездовских курганов относится ко второй половине X в. и некоторая часть — к первым двум десятилетиям XI в. [13]. Наиболее ранние гнездовские насыпи — курганы № 35 и 38 из раскопок 1949 г. и курган № 15 из раскопок 1874 г. Курган № 35 содержит меч

[9] П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895, стр. 9.
[10] А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. «Труды Смоленских государственных музеев», вып. 1. Смоленск, 1924, стр. 128.
[11] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28. СПб., 1902, стр. 125; А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15. СПб., 1905, стр. 7.
[12] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 209—210.
[13] Д. А. Авдусин. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии. В кн.: «Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. (Материалы юбилейной научной конференции)». Смоленск, 1967, стр. 75, 77.

типа H, то есть X в.[14], фибулу (застежку) второй половины IX в.[15], аббасидский дирхем и другие вещи. Сосуд — урна из этого кургана лепной и сильно суженный книзу, что является ранним признаком. Здесь же находился еще один лепной сосуд. Таким образом, датирующая вещь — меч, и погребение следует отнести к началу X в., судя по ранним формам других вещей.

Курган № 38 четырехугольный в плане; это архаическая черта, которая роднит его с длинными курганами. В погребальном инвентаре были лепной сосуд, дирхем 842—843 гг. и дирхем начала IX — начала X в. (точнее неопределим). Датирующих признаков мало, но, судя по тому, что длинные курганы возводились и в X в., а также по форме сосуда, сходной с формой сосудов X в., вряд ли возможно отнести дату кургана ко времени более раннему, чем начало X в.

Курган № 15 из раскопок М. Ф. Кусцинского я датирую началом X в.[16]. А. Н. Кирпичников называет вещи из этого кургана древнейшим комплексом Гнездова, так как в нем встречены меч и копье, датирующиеся около 900 г.[17]. Но следует вспомнить наблюдение В. И. Сизова, что железные гривны с молоточковидными привесками в Гнездове находили надетыми на горло горшков, изготовленных уже на гончарном кругу[18]. Это означает, что указанный обычай в Гнездове существовал в середине X в., так как гончарный круг появляется там не раньше этого времени. Гривна из кургана № 15 найдена надетой на горло сосуда. Хотя сосуд не сохранился, мы вправе предположить, что он был гончарный, а потому не можем отнести курган к IX в., а, может быть, и к первой половине X в.

Курганов второй половины X в. в Гнездове много. Основанием для их датировки служат женские украшения скандинавских типов, хронология которых детально разработана Я. Петерсеном[19]. Сводку таких находок в Гнездове с их датировкой дает В. С. Дедюхина[20].

В раскопках 1949—1969 гг. открыто 12 курганов, содержащих трупоположения, а всего их в Гнездове 17 на 850 раскопанных курганов. Любопытной деталью курганов с ингумацией является наличие кострища, лежащего на горизонте и прорезанного могильной ямой. Характер вещей в этих курганах, несомненно, более поздний, чем в кремациях, однако точную их дату в большинстве определить трудно. Из точно датируемых курганов этого типа можно указать курган № Ц-61 раскопок 1961 г., содержавший зерненые серебряные вещи, аналогичные заключавшимся в гнездовском кладе 1868 г., зарытом в третьей четверти X в. В кургане № 105 раскопок 1963 г. были топор и нож, которые можно отнести к XI в. Начало XI в. для Смоленской земли стало временем принятия христианства. По мнению некоторых историков, ее крещение произошло в 1013 г. Около этой даты, вероятно, прекращается возведение курганов в Гнездове.

Другие хронологические различия в гнездовском погребальном обряде и вещах вряд ли можно указать. Все кострища (кроме единичных) лежат на горизонте. Курганы, где сожжение произведено или

[14] А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, вып. 1. Мечи и сабли IX—XIII вв. САИ, Е 1—36. М.—Л., 1966, стр. 76, № 17.

[15] В. С. Дедюхина. Фибулы скандинавского типа. В кн.: «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. 43. М., 1967, стр. 202, № 11.

[16] Д. А. Авдусин. О датировке гнездовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского. В кн.: «Культура и искусство древней Руси». Л., 1967, стр. 21—25.

[17] А. Н. Кирпичников. Ук. соч., стр. 31.

[18] В. И. Сизов. Ук. соч. МАР, № 28, стр. 106.

[19] J. Petersen. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.

[20] В. С. Дедюхина. Ук. соч. «Труды ГИМ», вып. 43.

на месте возведения насыпи, или на стороне, одинаково часты и среди ранних и среди поздних могил[21]. Курганы с урнами и без урн одновременны. Некоторые другие различия следует считать не хронологическими, а этническими: помещение урны на кострище вверх дном, наличие на кострище глиняной подстилки, каменные конструкции вокруг урны и т. д.

Таким образом, в Гнездове обряд погребения однообразен, и нет погребений, датируемых IX в., а тем более VIII в. Поэтому нет оснований считать, что среди погребений, не поддающихся датировке, есть погребения VIII—IX вв., как это думал И. И. Ляпушкин[22]. Его довод — аргументация ex silentio, всегда очень рискованная.

В большинстве случаев для Гнездовских курганов мы не можем указать более узкую дату, чем X в. в целом. Но среди погребений, которые все же можно датировать более узким периодом, много больше курганов конца X в., чем его начала.

Сторонникам ранней датировки не может помочь и наличие в Гнездове кенотафов («пустых» могил), которые представляют собой как бы модель настоящей могилы в натуральную величину, но без всяких следов погребения. Хотя А. А. Спицын и писал, что не понимает эти насыпи, хотя Я. В. Станкевич и объясняла их «пустоту» малоопытностью исследователей, хотя И. И. Ляпушкин разделял скепсис этих исследователей, тем не менее эти «пустые» курганы реально существуют. В. И. Сизов считал, что они насыпаны в память погибших на чужбине.

Я не могу подробно описывать ритуальные особенности «пустых» курганов. Это увело бы нас в сторону от главной темы. Замечу лишь, во-первых, что мысль В. И. Сизова о кенотафах никем не опорочена, а, во-вторых, эти насыпи, судя по обряду, копирующему курганы с остатками погребения и с вещами, а также по изредка встречающимся в них отдельным черепкам, синхронны остальным Гнездовским курганам.

Прекращение возведения курганов в начале XI в. не означало прекращения жизни в Гнездове.

О занятиях людей, захороненных в курганах, говорят погребальные инвентари. Еще В. И. Сизов обратил внимание на значительное количество оружия, встречаемого в Гнездовских курганах. Погребений с оружием примерно 10—12%, но этой цифре нельзя придавать большого значения по нескольким причинам. Она не отражает содержания значительного количества курганов из раскопок В. И. Сизова, вещи из которых не имеют паспортов. Следует по-разному расценивать курганы, содержащие богатое оружие или его набор, и курганы, например, с одной-двумя стрелами. Ведь вооружены были не только профессиональные воины, составлявшие аристократию, но и бедная часть свободного населения, которое входило в войско эпизодически. Таким образом, единичные недорогие предметы вооружения, находимые в погребениях, не говорят о том, что их хозяин был воином. Совершенно неизвестно постоянное занятие людей, в память которых воздвигнуты кенотафы. Если идею мемориального значения этих насыпей считать доказанной, то, вероятнее всего, они насыпаны в честь людей, погибших во время военных походов. Но невозможно сказать,

[21] М. В. Фехнер считает различие между сожжениями на месте и на стороне явлением сезонным: зимой насыпать курганы трудно.

[22] И. И. Ляпушкин. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII—IX вв.). В кн.: «Культура Древней Руси». М., 1966.

были ли это профессиональные дружинники или случайные ополченцы. Надо иметь в виду, что оружие имели и купцы, так как их занятие требовало владения оружием. О погребениях купцов в Гнездове говорят находки «карманных» складных весов для взвешивания серебра, монет целых и разрезанных, а также привозных вещей. Видимо, купеческим является гнездовский клад 1868 г., содержавший большое количество серебряных привесок со скандинавским орнаментом, серебряные гривны, серебряные бусы. Многие из них ни разу не были найдены в погребениях Гнездова. В этом же кладе обнаружены зерненые лунницы, дирхемы, скандинавские фибулы, капторга, меч, а также кусок воска [23].

Другую и, видимо, более многочисленную группу погребений составляют захоронения простых людей. Среди них можно заметить курганы ремесленников; они определяются находками орудий обработки металла: напильниками, кернами, молоточками, а также резцов и долот, служивших для обработки дерева. Есть и еще некоторые аргументы в пользу существования в Гнездове ремесленников.

Для жителей Гнездова имело значение и занятие сельским хозяйством; об этом свидетельствуют находки серпа [24] и кос.

В. И. Сизову были известны два Гнездовских городища, соседящих с курганами, поэтому он считал, что Гнездовские курганы оставлены населением этих городищ. Объясняя связь Смоленска и Гнездова, В. И. Сизов отводил последнему роль погоста Смоленска. Он полагал, что в X—XI вз. Смоленск был маленьким острожком, где жил муж княжой, собиравший дань; а Гнездово зависело от княжеского «острожка», но его роль была важнее роли Смоленска, так как там, в Гнездове, «развивалась торгово-промышленная жизнь». В. И. Сизов указывал также на большое значение Смоленска и Гнездова на пути «из варяг в греки», но не расшифровывал, в чем это значение состояло [25]: он не мог объяснить, почему Гнездово не упоминается в летописи, если его значение так важно.

А. А. Спицын был загипнотизирован близостью Смоленска и Гнездова и попытался связать их воедино. Он выдвинул гипотезу о том, что Смоленск первоначально располагался будто бы на окраинном Гнездовском городище, откуда Олег перенес его на городище, имеющееся в центре расположения курганов, и только Ярослав поместил, наконец, город туда, где он находится ныне [26]. Именно помещение Смоленска в Гнездово и заставило Спицына счесть возможным существование там курганов IX в., которых в гнездовском материале он не видел.

Решение вопроса о Гнездовских городищах намечено раскопками 1952—1953 гг. Их укрепления появились в XVII в. [27]. Но еще в 1924 г. А. Н. Лявданский открыл в Гнездове обширное селище и отметил его одновременность курганам. Он считал, что курганы воздвигнуты людьми, жившими на селище; в Гнездове оно существовало независимо от Смоленска; жители древнего Смоленска не хоронили своих покойников в Гнездове [28]. А. Н. Лявданский впервые указал на связь Гнездова с путем по мелким речкам из Двины в Днепр. Однако свою гипотезу А. Н. Лявданский не аргументировал. И в настоящее время Гнездово связывают прежде всего со Смоленском, но это искажает исторические представления и о Смоленске, и о Гнездове.

В 1960 г. экспедиция Московского университета под моим руководством производила раскопки Гнездовского селища у южной окраины дер. Гнездово. На селище было открыто несколько столбовых жилищ и вещи, из которых одни одновременны Гнездовским курганам, а другие моложе их, например перстни, столь редкие в гнездовских погребениях. Крестьянка М. И. Иванова передала нам горсть стеклянных браслетов XII—XIV вв., собранных ею на огороде, расположенном на территории селища.

В 1967—1968 гг. на краю Гнездовского селища работала экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством И. И. Ляпушкина; здесь были найдены шлаки, тигли, литейные формы и незаконченные вещи. Это вполне согласуется с прежним выводом о существовании в Гнездове ремесленников.

В 1970 г. экспедиция Московского университета вернулась к раскопкам селища. На территории, примыкающей к раскопу экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, был вскрыт культурный слой, перемешанный до материка. По найденным в материковых ямах вещам и керамике несомненно, что селище одновременно курганам, то есть возникло не ранее начала X в., но продолжало существовать в XI и XII вв. В той части неукрепленного поселения, которая расположена на восточном берегу р. Свинца, в это время уже жили люди.

Выше было показано, что днепровский путь начал функционировать на всем его протяжении не ранее начала X в., и именно тогда в Гнездове появляются очень редкие, единичные курганы. Во второй половине X в. их число неожиданно бурно растет, и это совпадает с временем максимального значения днепровского пути. Трудный путь по Двине и мелким речкам преодолевали купцы и воины. Нередко в этом путешествии они погибали; недаром поездка на Восток считалась у скандинавов подвигом, который даже в более позднее время отмечали надписями на каменных стеллах. Причины гибели были различными: болезнь, вражеский меч, несчастный случай.

Конечно, в Гнездовских курганах погребены не только пришельцы-путешественники. Очень много курганов принадлежит местному населению, в том числе населению Гнездова. Инструменты ремесленников принадлежали именно им, но еще больше погребений, где вещей нет вообще: основное население Гнездова и его округи состояло не из аристократов и воинов.

Вряд ли будет ошибкой считать, что в Гнездове имелось святилище. Ведь именно там кончался трудный путь по мелким речкам, по волокам и начиналось сравнительно легкое плавание вниз по течению Днепра. Надо было возблагодарить богов. Так, Гнездово могло стать почитаемым местом; оно привлекало население окрестных земель, которое стремилось похоронить в Гнездове своих умерших.

Население Гнездовских селищ не только обслуживало, но и контролировало путь по мелким речкам и волокам. Воины, погребенные в Гнездовских курганах, составляли военную силу, осуществлявшую

---

[23] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.—Л., 1936, стр. 53—57, табл. I—IV; Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, стр. 87.

[24] Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 г. МИСО, вып. 1. Смоленск, 1952, стр. 350. В исправление сказанного ранее замечу, что это настоящий рабочий серп.

[25] В. И. Сизов. Ук. соч. МАР, № 28, стр. 115.

[26] А. А. Спицын. Ук. соч. ИАК, вып. 15, стр. 7.

[27] Д. А. Авдусин. Раскопки Гнездовских городищ в 1953 г. ВМУ, 1953, № 11, серия общ. наук, вып. 4.

[28] А. Н. Лявданский. Ук. соч. «Труды Смоленских государственных музеев», вып. 1, стр. 139.

этот контроль. Это были представители господствующей верхушки населения. Такая роль Гнездова объясняет его населенность и после того, как перестали возводить курганы. Вскоре значение этого волока упало, что, видимо, вызвано развитием более удобного пути через р. Вопь, кажется, существовавшего и ранее, но почему-то мало использовавшегося. Зато в XII в. г. Вержавляне Великие, расположенный на этом пути, платил смоленскому князю огромную дань — 800 гривен, много больше, чем любой другой город Смоленского княжества. Вероятно, какую-то дань в годы расцвета платило Смоленску и Гнездово.

Вопрос об этносе гнездовского населения является одним из важнейших. Еще В. И. Сизов — первый исследователь курганной керамики, обратил внимание на генетическое сходство лепной керамики, часто встречающейся в Гнездове, с керамикой из длинных курганов. Именно поэтому он был склонен относить «самое начало гнездовского могильника» ко времени более раннему, чем даже IX в., так как, следуя тогдашней датировке, считал, что между временем длинных и датой Гнездовских курганов имеется большой разрыв.

Теперь доказано, что длинные курганы возводились и в X в.[29]; таким образом, нет ничего удивительного, что в Гнездове встречается лепная керамика типа сосудов из длинных курганов. Совпадения прослеживаются не только в керамике, но и в отдельных чертах погребального обряда; Е. А. Шмидт видит в этом следы влияния культуры длинных курганов, по его мнению, балтской[30].

В Гнездове очень мало курганов, где встречается только лепная керамика, хотя она доживает до конца X в., но уже в середине этого столетия появляются гончарные сосуды местного производства. Так, например, в кургане № 13 из раскопок 1949 г. найдено 4 лепных горшка и, кроме того, 2 гончарных, но привозных, а не местных, сосуда, в том числе корчага с древнейшей русской надписью. Курган датируется серединой X в. В более позднее время лепная керамика встречается еще реже. Так, она встречена в сочетании с гончарными сосудами в курганах № 4 и 33 из раскопок 1949 г. Эти курганы датируются второй половиной X в.

Гончарные сосуды обнаруживают сходство с сосудами балтийских и западных славян как по профилю, так и иногда по специфическому орнаменту, на который обращал внимание еще В. И. Сизов[31]. Полные аналогии некоторым гнездовским горшкам можно указать, например, в Чехии[32]. Нет полной уверенности, что эти формы сосудов пережили полную эволюцию в Гнездове и продолжают линию развития лепной гнездовской керамики, а это, возможно, указывает на приток в Гнездово славянского населения, уже знавшего гончарный круг (и, следовательно, достигшего соответствующего социального развития), тем более, что на Западе такая керамика возникла раньше, чем на Руси.

В. И. Сизов предположил, что население в Гнездове было разноэтнично, но в нем преобладали кривичи. Не стану останавливаться на дискуссионном вопросе, кто такие кривичи — В. И. Сизов имел в виду славян. Однако о славянах, как абсолютно преобладающем населении, оставившем Гнездовские курганы, он говорит не очень

[29] Е. А. Шмидт. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов. МИСО, вып. 7. Смоленск, 1970, стр. 220 и сл.

[30] Е. А. Шмидт. Об этническом составе населения Гнездова. СА, 1970, № 3. О значительности балтского элемента в Гнездове см. Е. Н. Клетнова. Великий Гнездовский могильник. В кн.: «Niederlův sbornik». Praha, 1925.

[31] В. И. Сизов. Ук. соч. МАР, № 28, стр. 108.

[32] M. Solle. Stará Kouřim. Praha, 1966, tabl. LIII, *1*; LIV, *2*, *4*.

уверенно и без особых аргументов. Действительно, для мотивировки такого предположения нужно иметь соседние или более древние славянские памятники в этом районе, но их там нет. Работами П. Н. Третьякова, Е. А. Шмидта, В. В. Седова установлено, что Смоленская земля до рубежа I и II тыс. н. э. сохраняла балтское население.

Главным критерием для выявления славянского населения в Гнездове является встречающаяся там в большом числе славянская керамика. Даже если такие сосуды находятся в иноплеменных комплексах, они говорят о местном славянском населении, изготовлявшем их, так как массовый импорт глиняных горшков едва ли вероятен. Для определения этнической принадлежности погребенного при наличии других вещей в погребении эти вещи не менее важны, чем даже несомненно славянский сосуд. Но и в этом случае не будет ошибкой утверждать, что число славянских погребений в Гнездове весьма значительно, если не сказать больше.

Наконец, третья этническая группа представлена курганами, в которых прослеживаются черты скандинавского погребального обряда в сочетании со значительным числом вещей скандинавского стиля. Скандинавским обычаем следует считать погребение в ладье, которое не могло возникнуть у континентального народа, даже применительно к умершему в пути, как об этом думал А. Котляревский[33]. Пережитки и прямые свидетельства погребений в ладье неоднократны в Гнездове. Видимо, также скандинавской чертой следует считать обкладывание погребальной урны камнями. Необычны для Руси и мелкие радиальные ровики у кургана № Оль-I (он же курган № 23 раскопок 1905 г.), полная аналогия которым имеется у курганов Борре в Норвегии.

Число достоверно варяжских погребений в Гнездове невелико, хотя среди них есть большие и богатые курганы. Большинство скандинавских вещей в Гнездове представлено женскими украшениями, которые составляли часть скандинавского национального костюма. Т. А. Пушкина показала, что эти украшения не могли носить в той же выдержанной строгости представительницы других этнических групп — славянки и женщины балтского происхождения[34].

В Гнездовских курганах неоднократно встречены вещи-гибриды, орнамент которых выполнен в скандинавском стиле, но этот тип орнамента на его родине предназначался для иных категорий вещей. Примером может быть меч из Гнездова, рукоять которого украшена орнаментом, обычным для черепаховидных фибул — принадлежности женского костюма. К вещам-гибридам следует также отнести изделия, отражающие местное непонимание чистого скандинавского стиля, на что обратил внимание еще В. И. Сизов[35]. Он указал, что в Гнездове нет классических норманнов «века викингов», что те варяги, которые там похоронены, уже подверглись славянизации[36].

В вопросе о роли варягов в Гнездове также существенно свидетельство топонимики в районах Гнездова и пути по мелким рекам из Двины в Днепр. Скандинавские названия там отсутствуют, а это

[33] А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868, стр. 71; Д. Н. Анучин отмечал роль ладьи в погребальном обряде и для угро-финнов. Однако случаи погребения в ладье в Восточной Европе единичны, а в северных и западных странах часты, например, в Англии и Франции. Ладья особенно часта в средневековых погребениях Скандинавии, где она играет немалую роль и в эпосе.

[34] Т. А. Пушкина. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси. ВМУ, серия истории, 1972, № 1. стр. 93.

[35] В. И. Сизов. Ук. соч. МАР, № 28, стр. 36.

[36] Там же, стр. 117—118.

говорит против существования скандинавских колоний, на которых настаивают А. А. Спицын, Т. Арне, Э. Кивикоски, В. И. Равдоникас и др.[37]. Видный норвежский археолог Ш. Блиндхейм пишет, что в этом случае можно говорить лишь об инфильтрации норманнов на Русь.

Ю. В. Готье предполагал, что варяги в Гнездове были прохожим торгово-авантюристическим элементом[38], что в общем соответствует нашим представлениям. Однако нельзя не считаться с находками скандинавских украшений (хотя и единичными) на Гнездовском селище. Видимо, варяги имелись и в числе жителей Гнездова.

Решительно не могу согласиться ни с тем, что Гнездово было военным лагерем варягов, поставленным рядом со Смоленском, ни с отнесением этого «лагеря» к IX в.[39], даже к самой малой части этого столетия. Для обоих положений нет никаких доказательств, а против них, как мы видим, свидетельствует многое. В Гнездове жили, видимо, славяне, балты и варяги. Поскольку это поселение находилось на земле балтов, можно с осторожностью предположить, что среди первых поселенцев в Гнездове их было больше, чем представителей иных этнических групп, но очень скоро там возобладали славяне.

Летописи не знают Гнездова, вероятно, по той же причине, почему им мало знакома и вся Смоленская земля во главе со Смоленском. Смоленск не упоминается в летописи с 882 по 1015 г. Именно в этот период был открыт путь по мелким рекам, у конца которого возникло значительное поселение. К концу этого срока, вероятно, начался упадок гнездовского поселения, и, может быть, уже тогда получила значение дорога по р. Вопь.

Что касается истории Смоленска в этот период, то обычно ссылаются на единственное свидетельство летописи об оставлении Олегом в Смоленске «мужей». Отсюда делают малообоснованный вывод о присоединении Смоленска к Киеву. Есть ряд оснований думать, и я об этом писал, что, вероятнее всего, Смоленск очень скоро вернул себе самостоятельность и на него долгое время не распространялась власть ни Киева, ни Новгорода. Это был вечевой город[40] и роль ранних смоленских князей, впервые упоминаемых в летописи в середине XI в., еще не ясна.

Предлагаемое решение проблемы Гнездова может быть применимо и к другим аналогичным курганным группам — Ярославским и Черниговским, но их историю не следует объединять, нужно каждую проблему рассматривать отдельно; в этом направлении начал работать коллектив археологического отдела Исторического музея[41].

Положение Чернигова и Черниговских курганов аналогично Гнездову — они замыкают выход на Днепр из обходного пути по Десне. О ключевой позиции Чернигова писал, например, Ю. В. Готье[42].

В свете изложенной гипотезы меняется роль гнездовского материала в решении пресловутого норманнского вопроса. Варяжские погребения в Гнездове уже не могут связываться с легендой о призвании варягов, так как между ними лежит промежуток почти в 100 лет. Уточнение датировки Гнездова и других комплексов, где имеются скандинавские древности, существенно обеспокоило сторонников норманнской теории основания Древнерусского государства не только за рубежом. Они тщетно хватаются за любую соломинку, чтобы доказать, что у нас есть скандинавские древности IX в. или, на худой конец, рубежа IX и X вв. Норманисты равнодушны к факту, что днепровский путь функционировал в конце X в., они могут даже согласиться, что в это время главные торговые пути шли через другие страны, как это утверждал Х. Арбман. Но ранняя датировка древностей на днепровском пути им существенно нужна. Впрочем, излюбленный прием норманистов — утверждение без аргументации[43].

Если считать гнездовское кладбище дружинным, оно выпадает из всей системы смоленских древностей, становится исключительным, почти не имеет равных себе. Недаром к нему почти не обращались при решении общих вопросов этногенеза, хозяйства, быта. Предлагаемая гипотеза выводит Гнездово из искусственной изоляции, соединяет его с другими памятниками. Она придает ему новое значение источника по истории важнейшего участка пути «из варяг в греки».

---

[37] А. А. Спицын. Ук. соч. ИАК, вып. 15; T. Arne. La Suède et l'Orient. Upsala, 1914; W. I. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, S. 131; E. Kivikoski. Studien zu Birkas Handel im ostlichen Ostseegebiet. «Acta archaeologica», Kobenhavn, 1937, v. VIII, h. 3.

[38] Ю. В. Готье. Ук. соч., стр. 254.

[39] Б. А. Рыбаков. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века. ВИ, 1962, № 4, стр. 37.

[40] Д. А. Авдусин. Ук. соч. В кн.: «Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи».

[41] Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.». Под ред. А. П. Смирнова. М., 1963.

[42] Ю. В. Готье. Ук. соч., стр. 236.

[43] J. Brøndsted. The vikings. London, 1965; D. Wilson. The vikings and their origins. London, 1970.

М. Г. РАБИНОВИЧ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЗНАМЕНА (X—XV вв.) ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ НА МИНИАТЮРАХ

Старинным русским знаменам посвящено в нашей исторической литературе всего несколько работ[1], основанных на изучении сохранившихся в музеях флагов XVI—XVII вв. Более ранние знамена в реалиях до нас не дошли и потому остаются вне поля зрения исследователей. Но исторические источники сохранили множество упоминаний и изображений, позволяющих составить представление о значении и применении знамен в Древней Руси, их конструкции и внешнем виде.

Среди этих источников, пожалуй, наиболее важны древнерусские миниатюры; введением их в широкий научный оборот мы обязаны А. В. Арциховскому[2]. Достаточно сказать, что из 617 миниатюр Радзивилловской летописи на 168 имеются 213 изображений знамен; в одном только Шумиловском томе лицевого летописного свода XVI в. 369 изображений знамен. Всего нами учтено более 3500 изображений.

Ценность миниатюр различных лицевых рукописей для нашей темы не одинакова. Первое место принадлежит миниатюрам Радзивилловской летописи, на которых знамена изображены с большой точностью. Заметно стремление художников изобразить конкретное знамя. Это обстоятельство в соединении с использованием для многих иллюстраций летописи, созданной в конце XV в., может быть,

[1] Л. Яковлев. Русские старинные знамена. М., 1865; Ю. В. Арсентьев. О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах. М., 1910; В. К. Трутовский. К вопросу о государственных цветах и о типе государственного знамени в России. М., 1911.

[2] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

даже в начале XVI в., более древних рисунков, восходящих по крайней мере к первой трети XIII или к концу XII в.[3], придает изображениям еще большую достоверность. Точность передачи форм древних предметов иллюстраторами Радзивилловской летописи многократно установлена А. В. Арциховским. Это позволяет отнестись с большим доверием и к изображениям знамен.

Так же реалистичны изображения знамен и на иллюстрациях Лицевого жития Бориса и Глеба. К сожалению, нельзя сказать того же о миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в. Знамена здесь изображались по одному, раз принятому для всего свода канону, чрезвычайно условному и, судя по сохранившимся знаменам XVI в., далекому от действительности. Миниатюры Лицевого свода могут быть использованы не столько для реконструкции самих знамен, сколько благодаря обилию рисунков для изучения способов применения знамени.

Известно, что знамена во все времена и у всех народов играли большую роль как в военном, так и в мирном общественном быте, символизируя единство (а иногда и общее происхождение) определенной группы людей, их честь и славу. Но во всех известных нам лицевых рукописях миниатюры с изображениями знамен иллюстрируют почти исключительно рассказы о походах, сражениях, осадах. Перед исследователем выступает поэтому прежде всего роль знамен в военном деле.

Знамя, или, как его в древности называли, стяг, имело огромное значение на всех этапах военных действий. Эту роль стяга подчеркивает и русская народная пословица: «Язык—стяг, дружину водит»[4].

Место сбора войск для похода обозначалось водружением стяга. Путивль, сборный пункт войск Игоря Святославича, так охарактеризован автором «Слова о полку Игореве»: «Комони ржуть за Сулою, звенить слава в Кыеве, трубы трубят в Новеграде — стоят стязи в Путивле: Игорь ждет мила брата Всеволода»[5].

В походе стяг находился в головной части отряда. Условная манера изображения Радзивилловской летописи требовала помещения во главе войска обязательно князя-военачальника. Одна из миниатюр даже изображает князя Владимира Святославича, отправляющегося в поход на Полоцк со знаменем в руках (рис. 1). За ним следует дружина с особым стягом[6]. Но стяг обычно поручался одному из дружинников, которого летописцы называют «стяговником»[7]. Судя по позднейшим известиям, стяговник, или рында, со знаменем либо следовал за воеводой, либо ехал перед ним.

Перед боем стяги, поставленные на высоком, господствующем над окрестностью, месте, обозначали пункт, где войска строились в боевой порядок. Именно в этом значении летописи употребляют термины «возволочити», или «поставити стяг». О противнике, захваченном врасплох и не успевшем построиться, говорили, что он «не мог стяга поставити»[8].

[3] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 5, 18; О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965, стр. 10.

[4] В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957, стр. 407.

[5] Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950, стр. 11.

[6] Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись. Библиотека АН СССР (Ленинград). Отдел рукописей, 34.5.30, л. 42, об. н.

[7] ПСРЛ, т. II, стб. 558; Л. Яковлев. Ук. соч., стр. 32—40.

[8] Повесть временных лет, т. I. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 144, 151, 186.

Рис. 1. Поход Владимира на Полоцк. Миниатюра Радзивилловской летописи

В бою развернутые стяги показывали местонахождение отрядов, их движение, даже намерения. По движению стягов обычно наблюдали за всем ходом боя. Нередко этим обстоятельством даже пользовались для военных хитростей. Например, Владимир Мономах не участвовал в 1096 г. в битве при Колокше, но послал своему сыну Мстиславу, ожидавшему нападения Олега Святославича, свой стяг. Мстислав дал этот стяг воеводе, командовавшему правым флангом и имевшему задачу окружить противника. В решительный момент стяг был поднят: «И напя стяг Володимирь и оузри Олег стяг Володимирь и вбояся и оужась нападе на нь и на вои его... и видив Олег яко поиде стяг Володимерь и нача заходити в тыл его и вбояся побеже Олег и одоле Мьстислав»[9]. С самого начала сражения войско противника было деморализовано появлением стяга Мономаха (что могло означать прибытие самого этого князя со значительным подкреплением), а потом движение стяга в тыл подчеркнуло опасность окружения.

Почти через 300 лет после этого на поле Куликовом Дмитрий Донской создал с помощью знамени ложный командный пункт. Он передал все личные знаки князя-военачальника ближнему боярину Михаилу Андреевичу Бренку и велел возить за ним великокняжеское знамя. «И под тем знаменем (Бренко. — *М. Р.*) убиен бысть за великого князя»[10].

Победа знаменовалась высоко поднятым стягом, поражение — «пониженным» (склоненным) или даже поверженным. Это тоже стало символическим выражением. «Бишася день, бишася другий, третьяго дни к полудню падоша стязи Игоревы»[11]. Миниатюра Радзивилловской летописи так изображает сцену поражения Игоря: князь на

[9] ПСРЛ, т. II, стб. 229—230.

[10] Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция. В кн.: «Повести о Куликовской битве». М., 1959, стр. 99; см. также ПСРЛ, т. XI, стр. 59.

[11] Слово о полку Игореве, стр. 16.

Рис. 2. Поражение Игоря Северского. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рис. 3. Поражение Всеслава Полоцкого. Миниатюра Радзивилловской летописи

земле, его шапка лежит рядом, дружина сдается в плен, стяг поник. Половцы отбирают у русских оружие, их стяг победно поднят (рис. 2)[12]. Поражение Всеслава Полоцкого (1067 г.) подчеркнуто на миниатюре лежащим на земле стягом, хотя убегающая дружина Всеслава уносит еще какие-то стяги (рис. 3)[13].

[12] Радзивилловская летопись, л. 28 об.

[13] Там же, л. 97 л. н.

Об отряде, изменившем союзникам и покинувшем поле боя, говорилось, что он «поринул стяг»[14]: «хощем поринути стяг, побегнути с полком своим в Кыев»; хотя как раз в таких случаях стяг, вероятно, уносили с собой.

Но и реальное падение, исчезновение стяга должны были иметь в бою большое значение не только чисто практическое, но и моральное. Поэтому в рукопашной схватке стремились «подсечь» стяг врага, вывести из строя стяговника[15]. Никоновская летопись описывает подвиг дружинника Александра Невского Саввы, который подсек столб шатра шведского полководца: «полцы же великого князя Александра Ярославича видевши падение шатра и возрадовашася»[16]. Иллюстратор Лицевого свода не забыл нарисовать на шатре Биргера золотой стяг (рис. 4, *1*): в его представлении подвиг Саввы заключался прежде всего в подсечении вражеского стяга, что сильно поднято дух воинов Александра[17].

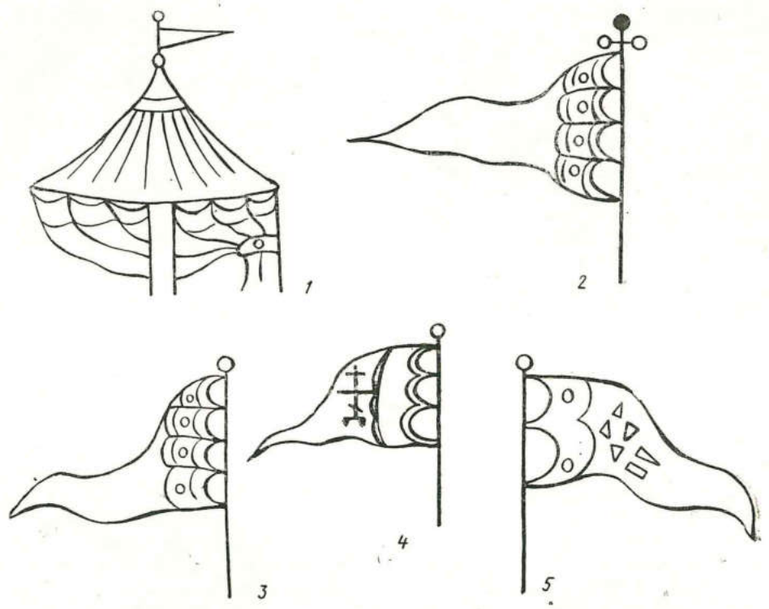


Рис. 4. Изображения стягов на миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в.: *1* — стяг шведов *на* шатре Биргера (Лаптевский том, л. 912 об.), *2* — стяг Андрея Боголюбского (Лаптевский том, л. 35 л.), *3* — стяг Владимира Галицкого (Лаптевский том, л. 13 об.), *4* — знамя Дмитрия Донского (II Остермановский том, л. 170), *5* — стяг с неясным изображением (Шумиловский том, л. 814 л.)

[14] ПСРЛ, т. II (под 1146 г.), стб. 325.
[15] ПСРЛ, т. II, стб. 298.
[16] ПСРЛ, т. X, стр. 122.
[17] Лицевой свод. Лаптевский том. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей, F IV, 233, л. 912 об.

Нужно думать, что в Древней Руси стяг обозначал и определенную войсковую единицу. Во всяком случае количество стягов характеризовало численность войска. Новгородский летописец сообщает, что побежденное новгородцами при Липице в 1216 г. войско имело 30 стягов: у князя Юрия Всеволодовича было 17, у его брата Ярослава Всеволодовича — 13 стягов[18]. Название «владычен стяг» носил отряд новгородского архиепископа («владыки»). О численности таких отрядов крупных феодальных сеньоров под особыми стягами у нас очень мало сведений. В 1099 г. князь Давид Игоревич вел под своим стягом против венгров 100 человек, к которым половецкий хан Боняк прибавил еще 200, так что всего под стягом Давида Игоревича стало 300 воинов[19].

Право на собственный стяг строго регламентировалось. Междукняжеские договоры XIV в. определяли, что вассал («младший брат»), участвуя в походе своего сюзерена («старшего брата»), имел свой стяг: «А коли ти будеть всести со мною на конь, а кто будеть твоих бояр и слуг... тем быти под твоим стягом»[20]. Однако отряд митрополита шел, хоть и под командой митрополичьего воеводы, но под стягом великого князя[21]. Видимо, и в более ранние времена отряды феодалов-бояр и полки городов имели свои стяги, объединявшиеся в походах под флагами князей. «Хроника Ливонии» упоминает и стяг «короля новгородского» и стяги других русских «королей»[22].

Мы говорили о случаях, когда возможно установить изображение на миниатюре конкретного стяга (Владимира Святославича, Всеслава). Другие определения не столь бесспорны. Так, большой интерес представляет чтение Б. А. Рыбаковым крестного имени Мстислава Ростиславича — «Ѳеодор» — на рисунке стяга, приписываемого этому князю[23]. Однако миниатюра, о которой идет речь[24], иллюстрирует рассказ о поражении, которое нанес Мстиславу князь Всеволод Юрьевич. Упомянутый стяг нарисован высоко поднятым в руках победителей, то есть исходя из описанной нами манеры изображения он должен принадлежать не Мстиславу, а Всеволоду.

Личные стяги крупных феодалов гораздо лучше различаются на миниатюрах западных средневековых хроник, где художники очень точно изображали феодальные гербы[25]. Западноевропейская регламентация знамен известна лучше, чем древнерусская. Право на собственное знамя имел сеньор, являвшийся на войну не менее чем с 20 воинами. Во Франции под рыцарским знаменем обычно шли 50 вассалов; право на удлиненное по вертикали четырехугольное знамя с гербом имел сеньор, выставлявший не менее 200 человек, что соответствует примерно русскому княжескому отряду[26].

Таким образом, если в X—XV вв. не было еще знамен войсковых частей — полков, какие появились в XV—XVI вв., то все же каждая тактическая единица (отряд крупного феодала) имела свой стяг.

[18] ПСРЛ, т. IV. Новгородская IV летопись, вып. 1, изд. 2-е, стр. 193.
[19] ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 101.
[20] Докончание великого князя Дмитрия Ивановича с князем Серпуховским и Боровским Владимиром Андреевичем. Около 1367 г. ДДГ, № 5, стр. 21.
[21] Уставная грамота митрополита Киприана. ААЭ, т. I. СПб., 1836, стр. 5.
[22] Хроника Ливонии Генриха Латвийского. М., 1938, стр. 178—179.
[23] Б. А. Рыбаков. Окна в исчезнувший мир. ДСИФ МГУ, вып. IV. М., 1946, стр. 42.
[24] Радзивилловская летопись, л. 225 об.
[25] См., например, Г. А. Чернова. Миниатюры Больших французских хроник. М., 1960, №№ 28, 37, 62 и др.
[26] A. Démmin. Die Kriegswaffen in ihre geschichtlichen Entwikelungen. Leipzig, 1891, SS. 680, 683.

Попытаемся теперь восстановить конструкцию и внешний вид древнерусского стяга. Как уже сказано, для этого можно использовать в основном изображения, в меньшей степени — упоминания и лишь единичные находки.

Самое название «стяг» связано с понятием о длинном прямом шесте[27]. Так называлось и знамя в целом, и его древко. Наверху знамени укреплялось навершие, ниже — «чолка стяговая»[28] (так называли бунчук), еще ниже — самое полотнище; низ древка имел специальное острие, или «вток», чтобы легче было водрузить стяг прямо на земле. Однако все эти части стяг имел только в полном своем составе. Практически любая из них, кроме древка, могла отсутствовать. «Чрьлен стяг бела хорюговь чрьлена чолка сребрено стружие храброму Святославичу»[29]. Нам представляется, что здесь говорится о двух трофейных знаменах половцев, доставшихся Игорю Святославичу: белое полотнище на красном древке («чрьлен стяг бела хорюговь») и красный бунчук на белом древке или копье («чрьлена чолка сребрено стружие»). У первого не было бунчука, а у второго — полотнища. Бунчук без полотнища широко применялся на Востоке, а у древнерусских стягов чаще отсутствовала как раз чолка. Не всегда имелось и навершие, хотя оно несло очень важные функции.

Древко, или собственно стяг, на миниатюрах обычно изображается тонкой прямой темной линией, но есть и стяги с красным древком[30]. Сохранившиеся до нашего времени в музеях знамена XVI—XVII вв. имеют деревянные (чаще липовые) круглые древки, оклеенные холстом. По холсту они загрунтованы левкасом, иногда сплошь вызолочены, а по золоту расписаны цветными красками. Втоки серебряные золоченые[31]. Вероятно, и в древности древки стягов могли быть простыми или обтянутыми и окрашенными подобным же образом. Древком стяга могло служить и обыкновенное копье — «стружие», как это изображено на печати новгородского посадника Якова Хотова, привешенной к новгородскому Наказу послам 1372 г.[32]. Навершием в таком случае был наконечник копья. Позднейшие навершия знамен в виде прорезного копейца являются развитием этой формы.

Навершие стяга играло очень большую роль в определении принадлежности отряда. Оно делалось довольно крупным, четким по очертаниям, хорошо различимым издали. Единственное дошедшее до нас навершие стяга, найденное в районе Нальчика, выковано из железа в форме родового знака Рюриковичей. Б. А. Рыбаков считает его знаком Мстислава Владимировича[33]. Острый стержень навершия

[27] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1955, стр. 360.

[28] «И потяша стяговника нашего и челку стяговую сторгоша стяга». ПСРЛ, т. II (под 1172 г.), стб. 558.

[29] Слово о полку Игореве, стр. 13.

[30] Сказание о Борисе и Глебе. Уваровский список. ГИМ. Отдел рукописей, Ув. 628, лл. 23 об., 28 об.

[31] Л. Яковлев. Ук. соч., стр. 33. Опись Московской оружейной палаты, ч. III, кн. 1. М., 1884, №№ 4060—4181.

[32] В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 2. М., 1970, стр. 88, № 582, стр. 278, 335. Изображение в этом месте, очевидно, плохо оттиснулось; можно заключить, что полотнище было, но форма его, воспроизведенная в «Собрании Государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел» (т. I. М., 1813, № 13), не читается ни на фотографии, ни на прориси.

[33] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, т. VI. М.—Л., 1940, стр. 242—243.

вбивался в древко стяга, который получал таким образом завершение в виде определенного варианта «трезубца»[34].

Эти навершия в виде родового знака феодального сеньора, по-видимому, были в древности наиболее распространены. Б. А. Рыбаков видит «трезубцы» или «двузубцы» Рюриковичей в навершиях стягов Святослава, осаждающего Доростол (рукопись Константина Манассии XIV в.), стягов Бориса и Глеба, отправляющихся в поход (Житие Бориса и Глеба) и стягов суздальцев, осаждающих Новгород (икона «Знаменье Богоматери»). Видимо, к тому времени, когда перерисовывались миниатюры Радзивилловской летописи, это значение навершия в виде трезубца как родового знака русских князей было уже несколько забыто. Иначе трудно объяснить изображение такого знамени у половцев (рис. 5)[35]. Впрочем, значительно чаще рисовали у половцев знамена с навершием в виде своеобразного двузубца или полумесяца, обращенного «рогами» кверху (символа, характерного, скорее, для магометанских, позднее для золотоордынских знамен)[36].

Христианский символ — крест в качестве навершия стягов должен был появиться тоже довольно рано, но все же позже родовых знаков. На миниатюрах он встречается нередко. Характерно, что зачастую русский стяг с навершием в виде креста художники противопоставляли стягам врагов Руси с другими навершиями. Например, стяг Владимира Святославича увенчан крестом, а стяг его противников печенегов — только чолкой (рис. 6)[37]. И на иконе «Знаменье» мастер увенчал крестом стяги новгородцев, которые в данном случае одерживают победу. Судя по единственной находке, навершия стягов делались из металла, а то, что их иногда рисовали красными[38], позволяет предположить, что не только из железа, но и из меди или бронзы. Навершия знамен XVI—XVII вв. — «гротики» или «копейца» — по большей части золоченые.

На миниатюрах Лицевого свода навершия стягов изображены всегда одинаково: в виде желтого кружочка или шарика. Исключение — стяг Андрея Боголюбского (1151 г.) с навершием в виде крестообразной фигуры с такими же шариками на трех концах креста (рис. 4, *2*)[39].

Нужно заметить, что существовали предания о передаче навершия с одного знамени на другое. Например, знаменитое «Знамя всемилостивейшего Спаса», в 1552 г. бывшее под Казанью, якобы увенчано тем самым крестом, который служил навершием знамени Дмитрия Донского на поле Куликовом. Однако на знамени, хранившемся в Оружейной палате, навершие отсутствовало еще в прошлом столетии[40].

Бунчук, или чолка стяговая, помещался непосредственно под навершием стяга и представлял собой по сути дела крупную кисть, окружавшую древко со всех сторон. Делалась чолка чаще всего из конского хвоста. На миниатюрах она иногда окрашена в багряный цвет, что вполне могло соответствовать действительности. Всадники с развевающимися стягами, под крестовидными навершиями которых

[34] ОАК за 1897 год. СПб., 1900, стр. 44, рис. 123.

[35] Радзивилловская летопись, л. 232 об.

[36] Там же, лл. 233 об. в., 233 об. н. Ср. История Татарии в документах и материалах. М., 1937, стр. 58, рис. 18.

[37] Радзивилловская летопись, л. 68 л.

[38] Сказание о Борисе и Глебе. Уваровский список, л. 23 об.

[39] Лицевой свод. Лаптевский том, л. 35 л.

[40] Опись Московской Оружейной палаты, ч. III, кн. 1, № 4060, стр. 1—2.

Рис. 5. Битва русских с половцами. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рис. 6. Русские и печенеги перед боем. Миниатюра Радзивилловской летописи

пышные чолки, дважды изображены на заглавных буквах московского четвероевангелия (XIV в.)[41]. На миниатюрах Лицевого свода чолки отсутствуют, как и на сохранившихся знаменах XVI—XVII вв. Видимо, в этот период они перестали применяться, хотя в качестве самостоятельных войсковых знаков были, например, в войсках украинских казаков.

[41] В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887, табл. XCVII, №№ 8, 12.

Ниже навершия и чолки на древке стяга в большинстве случаев имелось матерчатое полотнище. Судя по изображениям на миниатюрах, полотнища древнерусских стягов вплоть до XVI в. имели очень устойчивую форму — треугольника с большой высотой и малым основанием; по линии основания полотнище прикреплялось к древку. Способ прикрепления очень точно изображен на миниатюрах Лицевого свода. Здесь показано, что полотнище соединяется со стягом лишь в 3—5 местах, а не по всей линии (рис. 4, *2—5*); изображения Радзивилловской летописи в этом отношении более схематичны. На сохранившихся знаменах XVI—XVII вв. полотнища прикреплены к древку с помощью нескольких (обычно трех) кусков красного сукна («мешечков»), каждый из которых прибит к древку золоченым гвоздем с фигурной шляпкой[42]. Можно думать, что в древности полотнища иногда надевались на стяги перед самым боем (об этом говорит выражение «наволочити стяги»). На миниатюрах Радзивилловской летописи, житий и Лицевого свода все стяги, за редким исключениями[43], нарисованы с полотнищами треугольной формы, что отражает, по-видимому, особенность русских знамен. На Западе и на Востоке в те времена такие полотнища встречались значительно реже, преобладали полотнища четырехугольные, иногда — с одним, двумя или тремя «хвостами»[44], на русских миниатюрах так изображались лишь церковные хоругви, а боевые знамена — всего в двух случаях, причем нельзя с уверенностью сказать, что эти два стяга русские[45]. В XVI—XVII вв. русские знамена имели полотнища квадратные или прямоугольные в основе, с «откосом» (пришитым треугольником) или без него; размер полотнища был регламентирован — у крупных подразделений больше, чем у меньших[46]. По миниатюрам такого различия в величине полотнищ не наблюдается.

Цвет полотнищ стягов на миниатюрах чаще всего — красный различных оттенков. На 147 миниатюрах Радзивилловской летописи (из 168) стяги красные; остальные — синие, зеленые, коричневые или вовсе не окрашенные (возможно, белые). В этой летописи и в житиях полотнища стягов, как правило, одного цвета (двухцветный стяг нарисован только один раз). В Лицевом своде есть и двухцветные полотнища: прилегающая к древку часть желтая, а вершина треугольника — красная, реже — зеленая.

Важно отметить, что художник мог изобразить на одной и той же миниатюре или на соседних у двух враждебных отрядов стяги с полотнищами одного цвета. Например, Невская битва в Лицевом своде иллюстрирована 9 миниатюрами. На них изображены 19 стягов: у русских красных — 3, коричневых — 5, зеленых — 4, фиолетовый — 1, у шведов красных — 4, коричневый — 1, зеленый — 1[47]. Куликовской битве посвящено 54 миниатюры, на них 117 знамен. У русских знамена красные — 64, зеленые — 15, коричневые — 7, синее — 1; у татар красные — 16, зеленые — 9, коричневые — 2, у литовцев зеленые — 3[48]. Это обстоятельство не представляется случайным, поскольку навершия стягов в тех рукописях, где они вообще различались, художник подобным образом не путал. Видимо, для него

[42] Л. Яковлев. Ук. соч., стр. 33.
[43] Например, Радзивилловская летопись, лл. 9 об. н., 10 л. н.
[44] Г. А. Чернова. Ук. соч.
[45] Радзивилловская летопись, л. 132 л; Лицевой свод. Лаптевский том, л. 38 л.
[46] Л. Яковлев. Ук. соч., стр. 32—40, 45—62.
[47] Лицевой свод. Лаптевский том, лл. 909 об., 915 л.
[48] Древний летописец. II Остермановский том. Библиотека АН СССР. Отдел рукописей, 30.7.30, лл. 214—217.

главным отличительным признаком знамени был не цвет, а форма навершия. Возможно, что так и было в действительности. Стяги различались по навершиям и изображениям на полотнищах, а цвет их должен был быть достаточно ярким, чтобы различать его издали. И в XVII в. царские знамена бывали разных цветов: алого, малинового, лазоревого, зеленого с желтым откосом, черного с алым откосом и т. п. Понятие о присущих феодальному государству определенных цветах, столь характерное для Западной Европы, в России было воспринято лишь в конце XVII в.[49].

Все же излюбленным цветом полотнища стяга, по-видимому, был красный. Исследователи справедливо подвергают сомнению точность текста летописи о «черном» знамени Дмитрия Донского на поле Куликовом. Знамя его, вероятно, было «чермным», то есть красным, каким и изобразил его, кстати, иллюстратор Лицевого свода[50].

Изображения и надписи на полотнищах стягов на миниатюрах редки и не всегда достоверны. Иногда они отражают представления художников, заведомо не современные событиям. Так, повествование летописи о войне болгар с венграми в 902 г. иллюстратор Радзивилловской летописи снабдил рисунком, на котором полотнище стяга болгар — с полумесяцем и звездой — османским символом, хорошо известным в XV—XVI вв., но вряд ли распространенным у болгар в X в. На полотнище стяга Олега, осаждающего Царьград, художник нарисовал два креста, хотя Олег, как мы знаем, не был христианином и вряд ли поместил бы этот символ на своем знамени. Знамя Дмитрия Донского на поле Куликовом, судя по письменным источникам, имело на полотнище изображение Спаса, а на миниатюре нарисован крест со степенью (рис. 4, *4*)[51]. О надписи «Ѳеодор» мы уже говорили. В ряде случаев на миниатюрах Лицевого свода есть какое-то схематическое изображение или орнамент полотнища стяга (рис. 4, *5*).

Несмотря на такой дефект нашего источника, следует предположить, что изображения на полотнищах древнерусских стягов не были столь редки. Древнейшие из них могли представлять какие-то варианты родовых знаков (подобно навершиям); не исключена и вероятность надписей с именем князя. С введением христианства должна была постепенно распространиться и христианская символика. Так, еще под 1169 г. летописец сообщал об одном из походов Андрея Боголюбского: «Стоящи же пешци на полчищи под стягом со святою Богородицею»[52]. Изображение Богоматери помещалось, вероятно, на полотнище стяга. Высшей ступени своего развития христианская символика на полотнищах знамен достигла лишь в XVI—XVII вв.

В 1525 г. московский посол в Риме Дмитрий Герасимов рассказывал епископу Новокомскому Павлу Иовию: «Василий обычно может выставить для войны больше ста пятидесяти тысяч конницы, разделенной по знаменам на отряды, каждый из которых следует за своими вождями. На знамени царского полка начертано изображение еврея Иисуса, того самого, который, как повествует священная история, благочестивыми молитвами выпросил у всемогущего бога самый долгий день, замедлив течение солнца»[53]. На знамени великокняжеского полка был, следовательно, изображен библейский полководец Иисус Навин.

Русские знамена XVI—XVII вв. имели на полотнищах сложные композиции с изображениями целых сцен, молитвословия и т. п. Были и специальные гербовые знамена с изображениями государственного и областных гербов.

---

[49] Впервые трехцветный бело-, сине-, красный флаг был поднят на корабле «Орел». См. Ю. В. Арсентьев. Ук. соч., стр. 24—27.

[50] ПСРЛ, т. XI, стр. 59; Древний летописец. II Остермановский том, л. 170. См. также В. К. Трутовский. Ук. соч., стр. 9—10. Однако нельзя согласиться с утверждением этого автора, что красный цвет присущ великорусам, белый — белорусам, синий — украинцам, что таким образом трехцветное знамя символизировало единство этих народов.

[51] Радзивилловская летопись, лл. 14 л. н., 10 л. н.; Древний летописец. II Остермановский том, л. 170; Повести о Куликовской битве, стр. 141.

[52] ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 123.

[53] Павла Иовия Новокомского книга о посольстве Василия, великого князя Московского к папе Клименту VII. СПб., 1908, стр. 274.

А. А. БОБРИНСКИЙ

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ТРАССОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОНЧАРНЫХ КЛЕЙМ

Пожалуй, ни один другой вопрос, связанный с историей древнерусского гончарного ремесла, не привлекал такого внимания и не вызывал столь длительной дискуссии, как вопрос о назначении средневековых гончарных клейм. Интерес к нему возник более 100 лет назад, когда К. П. Тышкевич и А. А. Котляревский выступили с первыми объяснениями назначения клейм[1]. Позднее клеймами интересовались многие исследователи. Высказано несколько предположений о назначении клейм[2]. Однако ни одно из них не получило всеобщего признания.

Неудовлетворительное состояние этого вопроса объясняется, как мне кажется, не только сложностью его изучения по археологическим источникам, но и недостаточным вниманием к анализу самих гончарных клейм. В частности, не обращалось внимания на исследование технологических особенностей выполнения клейм. Среди археологов распространено мнение, что древнерусские клейма, как и клейма гончаров начала XX в., только вырезались на деревянной плоскости

[1] К. П. Тышкевич. О курганах в Литве и Западной Руси. М., 1865; он же. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина. «Древности», т. I. М., 1865, стр. 115—116; А. Котляревский. Заметки к статье гр. К. П. Тышкевича: «О свинцовых оттисках, найденных в реке Буге у Дрогичина». «Древности», т. I, стр. 242—248.

[2] Наиболее полные обзоры литературы о клеймах см.: Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948; М. Комша. О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи. «Dacia», NS, Bucarest, 1961, t. V; B. Lepówna. Garncarstwo Gdańskie w X—XIII wieky. Gdańsk, 1968.

круга или подставки[3]. Но наблюдения за трассологическими особенностями днищ с клеймами, проведенные мной при изучении керамики Новгорода, Пскова, Старой Ладоги, Смоленска, Киева, Саркела и некоторых других памятников древнерусского времени, выявили ошибочность этого представления. Оказалось, что среди знаков, рассматриваемых в качестве гончарных клейм, имеются оттиски, полученные с матриц, изготовленных из различного материала и разными способами. По особенностям матриц все клейма могут быть разделены на технологические группы.

К настоящему времени на средневековой керамике Восточной Европы удалось выделить четыре группы знаков.

Группа первая — знаки, полученные с матриц, вырезанных или процарапанных на деревянной плоскости. *Группа вторая* — знаки, полученные с матриц, прочерченных в глине (рис. 1, *3*). *Группа третья* — знаки, полученные с матриц, изготовленных оттискиванием в глине реальных предметов (рис. 1, *4*). *Группа четвертая* — знаки, полученные с матриц, в качестве которых использованы сами реальные предметы (рис. 1, *1, 2*).

По особенностям связи с гончарным кругом знаки первой группы могут рассматриваться условно как постоянные, а знаки остальных технологических групп — как временные. Детальное исследование тех и других знаков позволит, как мне кажется, составить более определенное суждение об их назначении. Однако в связи с выделением различных технологических групп первоочередное значение приобретают вопросы методики различения знаков, входящих в ту или иную группу.

В этой статье дано краткое описание признаков, какими характеризуются знаки первой группы, не засоренные или мало засоренные подсыпкой дресвы, песка или золы.

На днищах древнерусской керамики знаки первой группы представлены только выпуклыми оттисками, полученными с углубленных матриц трех типов: контурных, объемно-контурных и объемных. Судя по следам изготовления, матрицы первых двух типов вырезались или процарапывались. Матрицы третьего типа делались путем вырезания и скалывания слоя древесины между контурными линиями знака для получения объемного изображения. Иные способы изготовления деревянных матриц не зафиксированы.

Отпечатки с деревянных матриц характеризуются сочетанием двух групп признаков: использования древесины для изготовления матриц и признаков небольшого уплотнения частиц глины, образующих поверхность отпечатков.

Наиболее четкие различия в уплотненности глиняных частиц установлены пока для двух случаев: когда отпечаток выполнен по металлической матрице, не засоренной подсыпкой, и когда он выполнен по деревянной или глиняной матрице. В первом случае глиняные частицы на поверхности отпечатка обычно бывают сильно уплотненными, образуя иногда матовую поверхность. Во втором случае такого уплотнения не происходит, и поверхность отпечатка сохраняет шероховатость.

Малая уплотненность глиняных частиц на поверхности отпечатка — общий признак знаков первой группы. Однако самостоятельно-

[3] См., например, А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49. М., 1955, стр. 120; Н. В. Тухтина. Средневековые славянские гончарные клейма. «Археологический сборник. К 100-летию со дня рождения В. А. Городцова (1860—1960 гг.)». «Труды ГИМ», вып. 37. М., 1960, стр. 154.

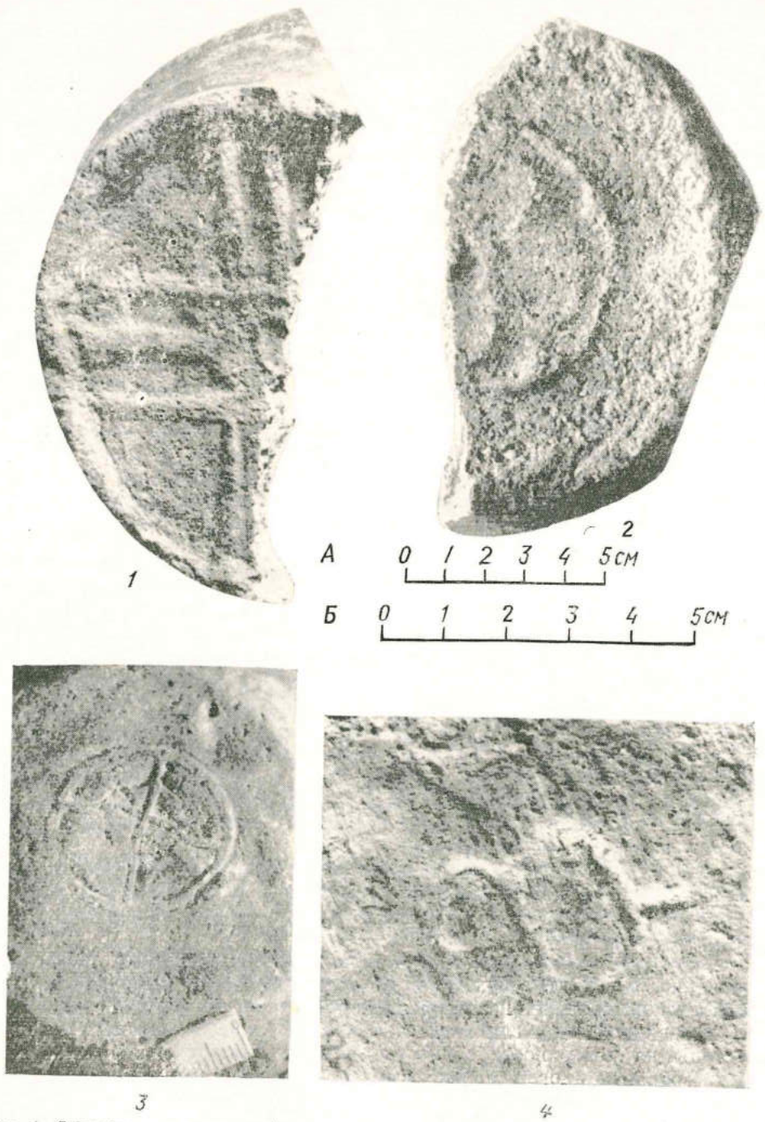


Рис. 1. Образцы гончарных клейм, входящих во вторую, третью и четвертую технологические группы: *1* — днище с отпечатком металлического предмета (оборотной стороны зеркала?). Новгород, 1957 г., раскоп XIX, пласт 34; *2* — днище с отпечатком металлического украшения (?). Новгород, 1953 г., раскоп I, пласт 32; *3* — днище с отпечатком изображения, прочерченного в слое сырой глины. Аланский могильник «Мокрая Балка», близ Кисловодска, катакомба № 19, раскопки 1969 г.; *4* — днище с отпечатком металлической пряжки (?), полученным по оттиску этой пряжки в слое сырой глины. Новгород, 1956 г., пласт 17—18, № по описи 1245. Масштаб *А* — для рис. *2*, масштаб *Б* — для рис. *1, 4*

го значения он не имеет, так как свойствен и отпечаткам второй и третьей групп. При идентификации знаков первой группы важно учитывать сочетание этого признака с признаками использования древесины, служившей материалом для изготовления матрицы.

Случаи применения этого материала на днищах средневековой керамики фиксируются в основном по следам частичного разрушения деревянной плоскости, возникающего при изготовлении матрицы или в процессе старения древесины.

Целесообразно различать две группы признаков: общие и частные. Общие признаки представлены следами контакта донной части сосуда с деревянной плоскостью, частные — следами древесины, сохраняющимися на самих отпечатках. По особенностям внешнего вида общие признаки разделяются на три разновидности.

I. *Следы древесных волокон.* Образуются, как правило, при повреждении деревянной плоскости. На днищах они прослеживаются в виде выпуклых нитевидных линий, обычно очень мелких, расположенных компактными группами. Каждая такая линия имеет небольшую протяженность и расположена параллельно другим (рис. 2, *1*—I; *2*—I). Обычно обнаружение таких следов позволяет выявить некоторые другие признаки использования деревянной матрицы. Сохранение их часто связано с применением наиболее мелкой подсыпки в виде древесной золы.

II. *Следы растрескивания древесины между годичными уплотнениями.* Возникают чаще всего в результате старения деревянной плоскости. По внешнему виду они близки следам первой разновидности, но отличаются от них главным образом более крупными размерами. На днищах они нередко располагаются небольшими группами (по 2—3) и в виде выпуклых линий протяженностью более 1 *см*. Концы их обычно заострены, а сами линии параллельны друг другу (рис. 2, *3*—II).

III. *Следы трещин на деревянной плоскости.* Образуются в результате старения деревянной плоскости. В отличие от первых двух разновидностей воспроизводятся на днищах в виде крупных одиночных выпуклых линий. Нередко имеют форму очень узкого клина и часто по длине оказываются «изображенными» на днище только частично (рис. 2, *1*, I—III, *4*—III). Отпечатки крупных трещин сохраняются на днищах и в случае применения грубой подсыпки. В сочетании с другими признаками это помогает фиксировать использование деревянных матриц.

Помимо этих наиболее часто встречающихся разновидностей следов контакта донной части сосуда с деревянной плоскостью, на днищах древнерусской керамики иногда можно заметить и некоторые другие следы. Например, следы от зазора между досками, из которых была составлена деревянная плоскость, следы от годичных уплотнений слоев древесины и некоторые другие. Но встречаются они очень редко. Поэтому вряд ли целесообразно выделять их в качестве особых разновидностей.

Обнаружение на днище с выпуклым знаком хотя бы одного из трех общих признаков в сочетании с признаками малой уплотненности поверхности самого знака может служить достаточным основанием для предположения, что исследуемый отпечаток получен с деревянной матрицы. Более строгие заключения возможны только в случае, если при осмотре знака выявлены частные признаки использования древесины. Наиболее часто на днищах можно заметить 6 разновидностей таких признаков.

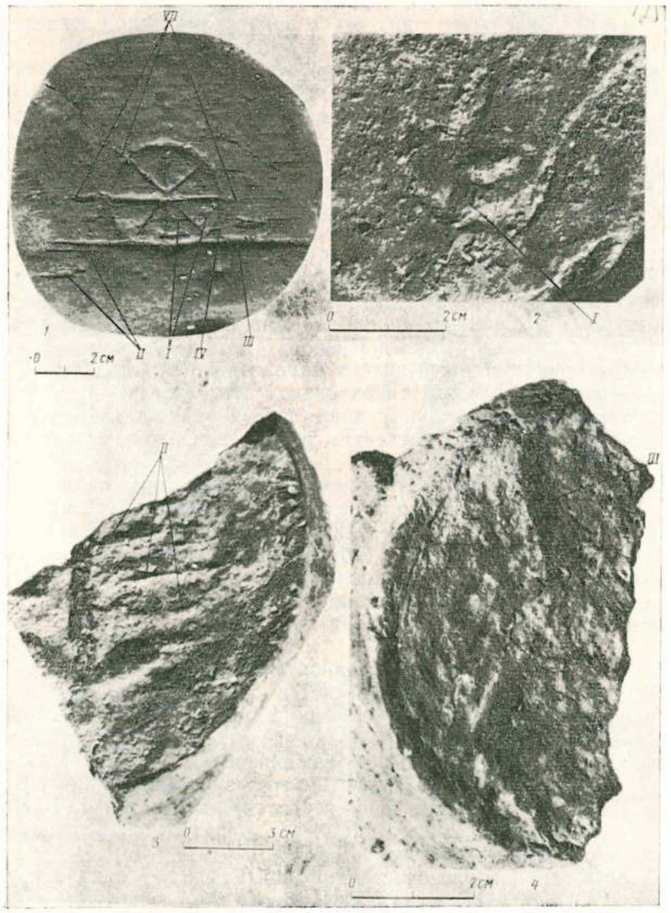
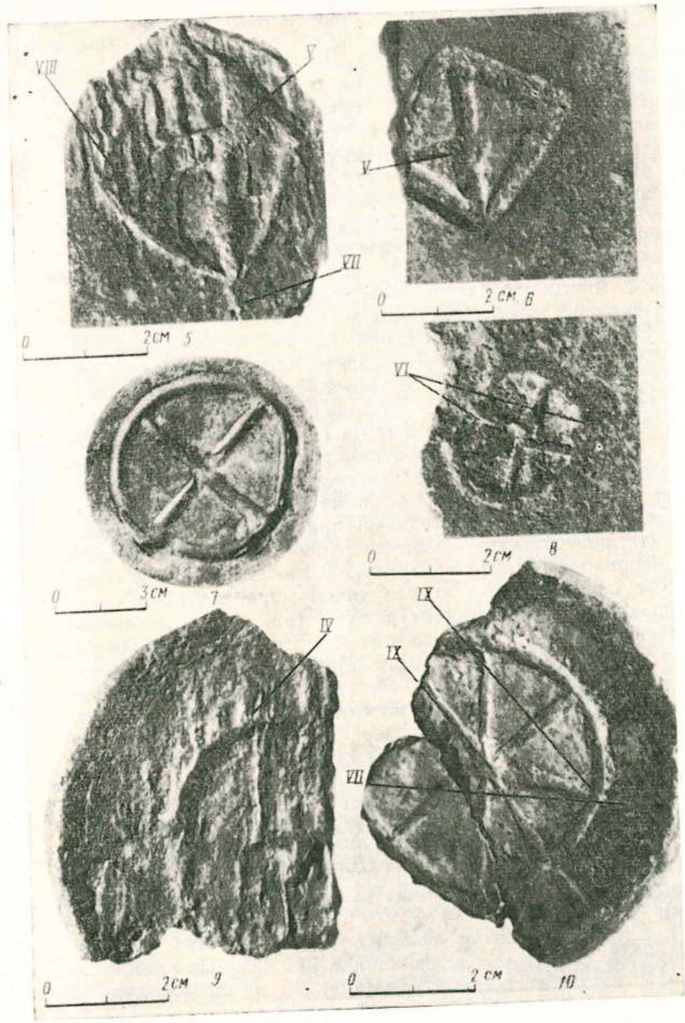


Рис. 2. Образцы гончарных клейм с общими (*1—4*) и частными (*5—6*, *8—10*) признаками использования деревянных знаков-матриц и отпечаток знака с глиняной матрицы (*7*): *1* — этнографический образец отпечатка клейма. Дер. Глазачево, Дмитровского района, Московской области (материалы Комплексного отряда по изучению гончарства, 1969 г.); *2*—Новгород, 1953 г., пласт 25, кв. 256, № 22 909; *3* — Новгород, 1954 г., пласт 23, кв. 487, б/н; *4* — Новгород, 1954 г., пласт 28, кв. 472, № 31; *5* — Новгород, 1956 г., пласт 14, кв. 1228; *6* — Мстиславль, 1959 г., б/н; *7*—экспериментальный образец знака, полученный с глиняной матрицы; *8* — Новгород, 1952 г., пласт 23, кв. 363, б/н; *9* — Новгород, 1953 г., пласт 24, кв. 239, № 22 897; *10* — Новгород, 1953 г., раскоп II, пласт 28, б/кв. и б/н. *I* — следы древесных волокон, *II* — следы трещин между годичными уплотнениями древесины, *III* — следы от крупной трещины на деревянной плоскости, *IV* — следы местного разрушения древесины, *V* — следы скалывания поверхности древесины, *VI* — следы искажения дуговидных линий знака, *VII* — следы искажения прямых линий знака, *VIII* — следы надрезов, *IX* — следы наложения линий в местах их пересечения



IV. *Следы местного разрушения поверхности деревянной плоскости вдоль линии матрицы.* Возникновение их связано с особенностями строения деревянной плоскости. Судя по следам древесины, которые выявлены на днищах древнерусской керамики, деревянные матрицы изготавливались, как правило, на плоскостях с продольным сечением древесины. Годичные слои древесины вытянуты на них в одном направлении. Когда на такой плоскости вырезают или процарапывают матрицу, то линии ее пересекают годичные слои под разными углами. И обычно на участках, где линия матрицы пересекает годичные слои под тупым углом или оказывается перпендикулярной расположению волокон, вдоль нее под давлением лезвия ножа или другого инструмента, каким изготавливается матрица, происходит скалывание верхнего слоя древесины. Так вдоль линии образуется пониженный рельеф с многобороздчатой поверхностью. На отпечатках такие следы разрушения древесины можно заметить при осмотре знаков вдоль основания выпуклых линий, где они фиксируются по некоторой приподнятости рельефа и отпечаткам сколотых слоев древесных волокон (рис. 2, I—IV; *9*—IV). Обычно они прослеживаются на одном или двух противоположных участках отпечатка, нередко сохраняясь и при частичном засорении матрицы той или иной подсыпкой.

V. *Следы скалывания поверхности древесины.* Образуются при изготовлении или в процессе старения матрицы. Они чаще прослеживаются на отпечатках объемных или объемно-контурных изображений. Скалывание — обязательный прием изготовления объемной матрицы. На поверхности основания объемных матриц обычно сохраняются неровности, характеризующие строение древесины — волокна, годичные слои, которые иногда можно проследить и на отпечатках. Скалывание на объемно-контурной матрице — один из дефектов ее выполнения. Как правило, по отпечаткам объемно-контурных знаков бывает трудно определить, когда образовалось скалывание — при изготовлении матрицы или позднее, во время ее использования. Но почти всегда следы скалывания обнаруживаются между пересекающимися линиями вблизи места их пересечения. Скалывание происходит только вдоль годичных слоев древесины. На участке с таким дефектом матрицы образуется пониженный рельеф с многобороздчатой поверхностью. Граница этого участка с ненарушенной поверхностью древесины всегда представлена в виде четкой и прямой линии. На отпечатках участки со сколотой поверхностью обычно фиксируются без труда даже в случаях засорения такой поверхности подсыпкой, именно благодаря особенностям границы между сколотой и несколотой поверхностями (рис. 2, *5*—V; *6*—V).

VI. *Следы искажения дуговидных линий знака.* Возникают из-за особенностей структуры деревянной плоскости. Их можно наблюдать, например, на отпечатке контурного знака в виде креста, вписанного в круг, полученного по деревянной матрице. На участках, где линия окружности пересекает годовые слои древесины под острым углом, режущий инструмент, каким делалась матрица, оказавшись в слое более мягкой древесины, расположенной между двумя годичными уплотнениями, какое-то время следовал по нему, образуя не дугу окружности, а прямую линию (рис. 2, *8*—VI). На процарапанных или вырезанных в дереве матрицах такие искажения — явление довольно частое. Обычно их нетрудно заметить и при осмотре отпечатка. Однако сходные искажения возникают иногда и на дуговидных линиях знака, прочерченного в глине. Поэтому на основании одного этого признака можно высказать лишь предположение об использовании

деревянной матрицы. Уточнить его можно лишь с помощью дополнительных наблюдений. Важно проследить другие частные признаки, свойственные деревянным матрицам, или, если они отсутствуют, уточнить, не является ли зафиксированное искажение дефектом прочерчивания знака в глине. Отпечатки с таким дефектом, полученные с глиняной матрицы, как правило, сохраняют вдоль основания линий узкую канавку, которая образуется из-за приподнятости рельефа вдоль линий матриц, прочерченных в глине (рис. 2, *7*). У отпечатков с деревянных матриц этот признак отсутствует.

VII. *Следы искажения прямых линий знака* возникают из-за особенностей строения деревянной плоскости. Наиболее частый случай искажения — непреднамеренное удлинение прямой линии. Различаются две ситуации: когда линия процарапывалась в мягком слое древесины, совпадая по направлению с расположением годичных слоев, и, когда во время процарапывания линии, пересекающей годичные слои древесины, возникали ошибки в распределении усилий. В первом случае под давлением режущего инструмента нередко происходило дополнительное («незапланированное») расщепление древесных волокон на конце линии, которая становилась немного длиннее (рис. 2, I—VII; *5*—VII). Во втором случае также происходит удлинение линии (рис. 2, I—VII; *10*—VII). Различать эти искажения на отпечатках нетрудно. Непреднамеренно удлиненные прямые линии, выходя за основной контур знака, характеризуются устойчивыми внешними признаками. Концы линий, удлинившихся из-за расщепления древесины, как правило, имеют форму узких клинов с низким окончанием. Линии, удлинившиеся из-за ошибок в распределении усилий, обычно не имеют признаков многократного повторения ошибок. Дело в том, что основные линии знака после первого процарапывания с теми или иными ошибками часто вторично обрабатывались режущим инструментом, а ошибочные удлинения такой обработке не подвергались. На отпечатках они выглядят мельче и тоньше, чем основные линии знака (рис. 2, I—VII; *10*—VII). В качестве самостоятельного признака деревянной матрицы следы искажения прямых линий могут быть использованы только в случае, если дополнительным осмотром установлено, что они не могли быть оставлены отпечатком с глиняной матрицы.

VIII. *Следы надрезов на линиях знака.* Их возникновение связано не с особенностями строения деревянной плоскости, а с ручным вырезанием — одним из наиболее широко применявшихся способов изображения на ней знаков-матриц. При ручном вырезании окружностей или других криволинейных фигур их редко удается выполнить на деревянной плоскости одним «росчерком». Криволинейные фигуры чаще приходилось «составлять» из коротких прямых надрезов, которые в той или иной мере искажали плавность линии. В отпечатках эти искажения прослеживаются по многогранности криволинейных фигур, воспроизведенных по матрицам, не засоренным грубой подсыпкой (рис. 2, *5*—VIII). Вероятность образования многогранности на криволинейной фигуре, прочерченной в глине, очень невелика. Однако из-за механических повреждений знака, возникающих иногда после снятия сосуда с круга, возможно образование вторичных искажений, при которых признаки многогранности сглаживаются. При осмотре их можно спутать с близкими по характеру искажениями, возникающими на криволинейных фигурах, прочерчиваемых в глине. Поэтому в целях более строгой идентификации случаев использования деревянных матриц целесообразно провести дополнительные наблюдения. Только ес-

ли установлено, что сглаженная многогранность криволинейной фигуры не является результатом использования глиняной матрицы, этот признак следует считать достаточным для вывода об использовании деревянной матрицы.

IX. *Следы наложения линий в местах их пересечения.* Пересечение линий — явление довольно обычное для контурных и объемно-контурных знаков, вырезанных или процарапанных на деревянной плоскости. Наблюдается оно и на отпечатках таких же знаков, полученных с глиняных матриц. Однако отпечатки с деревянных и глиняных матриц имеют существенные различия в местах пересечений линий. На отпечатках с глиняных матриц на участке пересечения или в ближайшей от него периферии линии (или одна из них) прерываются вовсе или становятся заметно более низкими (рис. 2, *7*). На отпечатках, полученных с деревянных матриц, не засоренных или мало засоренных подсыпкой, такого разрыва и искажения линий, как правило, не наблюдается. В местах пересечения линий деревянной матрицы часто можно заметить, что одна из них выше или ниже другой. На отпечатках эти особенности заглубления обычно хорошо прослеживаются. В месте пересечения одна линия оказывается как бы перекрытой другой без каких-либо признаков разрыва между ними (рис. 2, *10*—IX).

С помощью этих наиболее часто фиксируемых признаков, как мне кажется, на днищах древнерусской керамики возможно достаточно полно, хотя и с различной строгостью, выделять знаки, являющиеся оттисками с деревянных матриц.

Ю. Л. ЩАПОВА

ТРАКТАТ ТЕОФИЛА И ПРОИЗВОДСТВО СТЕКЛА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Diversarum artium schedula — знаменитый Трактат Теофила о разных искусствах нельзя обойти молчанием, когда речь идет об истории средневековых ремесел и особенно о металлах, красках или стекле.

Оригинал Трактата не сохранился, но текст его хорошо известен[1].

Трактат Теофила, как явствует из истории текстов, сразу получил признание современников и часто использовался позднейшими авторами. Интерес к Трактату не угас и после того, как его содержание утратило практический смысл. Примечательно, что интерес к Трактату Теофила и развитие наших знаний о средневековом ремесле оказываются в теснейшем взаимодействии. Долгое время средневековое ремесло, его техническое оснащение, владение приемами изготовления и украшения изделий, технические и художественно-эстетические нормы раскрывались из анализа этого и подобных ему сочинений. Теперь, когда накоплен огромный археологический материал и существенно изменились принципы и методы его изучения, когда с помощью надежных и достаточно точных методов датировок археологические данные превратились в объективный исторический источник, открылась новая возможность: проверить с этих позиций свидетельства письменных источников, авторитет которых долгое время представлялся незыблемым и бесспорным.

[1] Theophilus, Presbyter. Schedula diversarum artium. «Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und Renaissance», Bd. VII. A. Ilg. Wien, 1874; W. Theobald. Technik des Kunsthandwerks im zehnten Jahrhundert. Des Theophilus Presbyter Diversarum Artium Schedula. Berlin, 1933.

В этом плане небезынтересным казалось прочитать вторую книгу Трактата Теофила «О стекле» с современных позиций науки о стеклоделии средних веков.

Если сделать из вступления к Трактату купюры, относящиеся непосредственно к стеклу, то нетрудно будет выяснить, что, по мнению Теофила, более всего заслуживает внимания читателя. Трактат отдает дань восхищения французским витражам, с уважением говорит об искусстве Греции, упоминает эмали Руси.

Основная часть второй книги содержит систематическое описание изготовления стекла и начинается с описания печей. Эти главы Трактата (1—3-я) часто комментируются, и самый интересный их комментарий принадлежит М. В. Фармаковскому[2]. Он обстоятельно препарировал текст Теофила и, подкрепив свой анализ авторитетными консультациями Н. Н. Качалова, И. Е. Вайншенкера и А. Т. Федотова, блестяще доказал, что печи типа, описанного Теофилом, реально существовали в его время и дожили в кустарной практике до начала XX в., а созданы они были в лучших римских традициях[3]. Позднее много раз обращались к анализу этой части Трактата, проверяя его с новейших позиций технологии стекла, и всякий раз основные выводы М. В. Фармаковского получали дополнительные подтверждения[4].

Не меньшее внимание привлекают и две другие главы Трактата: «О стеклянных сосудах, которые греки украшают золотом и серебром» (глава 13-я) и «То же самое другим способом» (глава 14-я). Комментарии к этим главам обширны[5]. Здесь существен один не затронутый комментаторами вопрос — соответствует ли описанный Теофилом способ украшения сосудов тому, который был принят на практике и который стал известным благодаря археологии? Теперь это установить несложно, поскольку прекрасный образец этого стиля, сосуд, хранящийся в сокровищнице венецианского собора св. Марка, дополнен серией находок. Речь идет о кубках и сосудах с едва вытянутым горлом, которые Теофил называет scyphos ad potandum et fialas mediocriter extendo collo. Он пишет, что такие сосуды украшены кругами, в которых золотом изображают зверей или птиц, «затем рисуют цветочки или петли, а также разные мелкие детали, какие захотят, между кругами и петлями, и край обводят каймой»[6]. Теофил знает и другую систему украшения синих сосудов — нитями из белого стекла[7]. Обе системы украшений известны археологически, например, в Новгороде, где два сосуда найдены на усадьбе «Б» в 20-м ярусе, датированном 1116—1134 гг.[8].

[2] М. В. Фармаковский. Римские стекловаренные печи. ИИАТ, вып. I. Пб., 1922, стр. 137—165.

[3] М. В. Фармаковский. Ук. соч. ИИАТ, вып. I, стр. 150—151.

[4] W. Theobald. Op. cit., pp. 199—214; М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, стр. 71—74; S. Knapik. Szklarstwo na przełomie XI i XII wieku. «Szkło i ceramika», 1958, v. IX, № 8, ss. 215—218.

[5] J. Gerspach. L'art de la verrerie. Nouvelle édition. Paris, s. a., pp. 86, 130—137; G. Loumyer. Les traditions techniques de la peinture médiévale. Liège, 1943; J. Philippe. Le monde byzantin dans l'histoire de la verrerie. Bologna, 1970; W. Theobald. Op. cit., cap. XIII, p. 34.

[6] Эта часть текста с латинского переведена нами, сверена с переводом В. Теобальда на немецкий (см. ук. соч., стр. 35) и с переводом К. Додвелла на английский (Theophilus De Diversis Artibus. Ed. by C. R. Dodwell. London, 1960, p. 46) языки, поскольку русский перевод Трактата (Сообщения ВЦНИЛКР, вып. 7. М., 1963, стр. 106) здесь неточен.

[7] W. Theobald. Op. cit., cap. XIV, p. 35.

[8] Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия древнего Новгорода. МИА, № 117. М., 1963, стр. 117, рис. 4, *3* и 7, *1*; Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. МИА, № 117, стр. 90.

Описанию Теофила соответствуют синие кубки и бутылки, которые хорошо известны по многочисленным изданиям[9]. И в специальных исследованиях, посвященных сосудам этого стиля, анализ текста Теофила занимал одно из главных мест. А. Мигау заключил, что сосуды, расписанные «в стиле медальонов», производились в столичных мастерских высокого класса в первой половине XII в. Решая вопрос, где такие мастерские располагались, А. Мигау не без оснований выбирает Константинополь[10].

Новые и теперь уже многочисленные находки расписных стекол подобного стиля и стиля «птичьего пера» на территории Древней Руси, совпадая по дате со всеми известными аналогами, недвусмысленно свидетельствуют в пользу их византийского и, скорее всего, константинопольского происхождения[11].

Текст Теофила, казалось бы, соответствует практике византийских стеклоделов; видимо, поэтому М. В. Фармаковский и пришел к мысли, что весь этот процесс Теофил наблюдал лично в мастерской, где работали пришедшие на запад Европы греки[12]. Однако в тексте Теофила мы читаем: «берут листовое золото, вырезают из него человеческие фигуры или птиц, зверей, растения»... «Затем берут изготовленное светлое стекло... и наносят его кисточкой на золото тонким слоем»[13].

В правильности этого описания Теофила сомневались и А. Киза и Р. Шамбон[14]. В. Теобальд, однако, был склонен видеть здесь не ошибку Теофила, а ошибку текстологическую[15]. Решает спор этих крупнейших авторитетов археология: упоминаемая Теофилом защитная пленка над золотым изображением, как показали микроскопические наблюдения, отсутствует, а само изображение исполнено в той же технике, что и вся остальная роспись сосуда. Отсюда следует заключить, что, допуская знакомство Теофила с описанным им процессом, М. В. Фармаковский ошибался. Теофил не видел этого процесса, но, руководствуясь своими знаниями росписи витражей, мог его представить. Что касается росписи на греческих сосудах, то он мог наблюдать только готовые изделия, расписанные в технике, так его заинтересовавшей. Будучи человеком сведущим и смелым, он свой расчет и гипо-

[9] K. J. Lamm. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Berlin, 1928—1930, Bd. I, SS. 105, 107—109, 122, 124, 125; Bd. II, Taf. 34, *1*, Taf. 37, *9*; G. Davidson. A Mediaeval Glass-Factory at Corinth. AJA, 1940, v. XLIV, No. 3, pp. 297—324; idem. The Minor Objects. In: «Corinth», v. XII. Princenton, New Jersey, 1952, p. 115, fig. 750, 751, 755; Р. М. Джанполадян. Стеклянный сосуд из Двина. КСИА, вып. 60. М., 1955; она же. Два стеклянных сосуда из Новогрудка. ВВ, т. XIX. М., 1961; она же. Новые материалы по истории византийского стеклоделия. ВВ, т. XXVII. М., 1967; Ю. Л. Щапова. Ук. соч. МИА, № 117, стр. 125; Б. А. Шелковников. Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалями. СА, 1965, № 1, стр. 206—224; Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская. Восточное стекло в древней Руси. Л., 1968; B. A. Shelkovnikov. Russian Glass from the 11th to the 17th Century. JGS, 1966, v. VII, pp. 95—115; A. H. S. Megaw. A Twelfth Century Scent Bottle from Cyprus. JGS, 1959, v. 2, pp. 58—61; idem. More Gilt and Enameled Glass from Cyprus. JGS, 1968, v. X, pp. 88—104; J. Philippe. Op. cit., pp. 119—120.

[10] A. H. S. Megaw. Op. cit. JGS, 1968, v. X, p. 88.

[11] Ю. Л. Щапова. Ук. соч. МИА, № 117, стр. 125; Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская. Ук. соч., стр. 8—12.

[12] М. В. Фармаковский. Ук. соч. ИИАТ, вып. I, стр. 143—147.

[13] Манускрипт Теофила «Записка о разных искусствах». Сообщения ВЦНИЛКР, вып. 7, стр. 106.

[14] A. Kisa. Das Glas im Altertume. Leipzig, 1908, Bd. III, S. 844; R. Chambon. La verrerie occidentale du VIIIe au XIIIe siècle. Annales du 1er Congrès des Journées internationales du verre. Liège, 1958, p. 101.

[15] W. Theobald. Op. cit., p. 233.

тезу выдал за реальный факт, вследствие чего и возникла научная дискуссия, продолжающаяся вот уже много лет.

В Трактате есть и такие рекомендации, которые без соответствующих комментариев непонятны и даже позволяют сомневаться в компетентности его автора. Речь идет о рецептах получения цветного стекла (главы 7-я и 8-я) [16].

Чтобы получить, по Теофилу, стекло желтое, как шафран, нужно белое стекло плавить еще около трех часов с того момента, когда в горшке оно начнет принимать желтый цвет. Чтобы получить стекло пурпурное, нужно стекло желтое плавить еще около трех, а еще лучше шести часов, тогда стекло станет пурпурно-красным и безупречным.

В этой связи самый главный вопрос, каков состав исходного белого стекла. Об этом Теофил говорит в главе 4-й «О смешении песка и золы». Нужно взять две части пепла (от буковых дров) и одну часть чистого песка [17].

Чистый песок в дополнение к кремнезему содержит много вредных примесей, которые, несмотря на малые содержания, загрязняют стекло, что плохо сказывается на полезных качествах стекла, но никак не влияют на его основной состав. Химический состав буковой золы хорошо известен: среднее содержание окиси калия 25%, окиси натрия 1,6%, окиси кальция 36%, окиси магния 9%, окиси марганца до 6% и пятиокиси фосфора до 11% [18].

Так как все эти элементы должны перейти из золы в стекломассу, стекло, сваренное по рецепту Теофила, следует отнести к типу калиево-кальциево-магниево-кремнеземных стекол со значительным содержанием окиси фосфора и марганца. Такой состав характерен для стеклянных изделий Западной Европы XI—XVIII вв. [19].

Особого внимания заслуживает содержащийся в этом стекле фосфор, по которому бесспорно выделяются средневековые стекла западноевропейского происхождения [20]. Однако фосфор может и не содержаться в стекломассе, но эта деталь на определение происхождения изделий из стекла может и не влиять, и в таких случаях решающей оказывается общая связь признаков [21].

Итак, Теофил рекомендует тот рецепт приготовления стекла, который, как показали химико-технологические исследования, был известен западноевропейским стеклоделам его времени.

Среди упомянутых немецких стекол есть такие, которые строго соответствуют рецепту Теофила; есть, однако, и другие, которые от него отличаются либо заменой калия натрием, либо добавлением глинозема. Вся эта рецептура принципиально отличается от рецептуры

[16] Манускрипт Теофила... Сообщения ВЦНИЛКР, вып. 7, стр. 104.
[17] Там же, стр. 102.
[18] Е. В. Цинзерлинг. О золе растений, применявшейся в стекловарении в XI—XVI вв. ИИАТ, вып. I, стр. 177—190, 184, табл. II.
[19] B. Neumann und G. Kotyga. Antike Gläser, ihre Zusammensetzung und Färbung. «Zeitschrift für angewandte Chemie», 1925, Bd. 38, SS. 776—780, 857—876, 963—967; 1927, Bd. 40, SS. 963—967; 1928. Bd. 41, SS. 203—204; 1929, Bd. 42, SS. 835—837; W. Geilmann. Beiträge zur Kenntnis alter Gläser. III. Die chemische Zusammensetzung einiger alter Gläser insbesondere deutscher Gläser des 10. bis 18. Jahrhundert. «Glastechnische Berichte», 1955, H. 4, SS. 146—156; М. А. Безбородов. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969, стр. 216—221, табл. IX—XII.
[20] W. Geilmann und H. Jenemann. Beiträge zur Kenntnis alter Gläser. II. Der Phosphorgehalt alter Gläser und seine Bedeutung für die Geschichte der Schmelztechnik. «Glastechnische Berichte», 1953, H. 9, SS. 259—263.
[21] Ю. Л. Щапова. Ук. соч. МИА, № 117, приложение 2.

византийских стекол, которые, как известно, принадлежат к типу «античных» натриево-кальциево-кремнеземных стекол, и в их составе постоянно присутствует окись марганца, выступающая в двух качествах: преднамеренное введение окиси марганца обеспечивало получение бесцветных стекол, а также окрашенных в столь знаменитый пурпурный цвет. Еще более знаменитый синий, сапфирный, греки получали с помощью окиси кобальта [22]. Все эти приемы получения бесцветного и тем более окрашенного стекла были почти неизвестны немецким стеклоделам [23].

Теофил сообщает способы получения белого и пурпурного стекла. Однако, если следовать его указаниям и пытаться получить из белого стекла стекло цветное, надеяться на успех нельзя. Из белого стекла Теофила, если его долго варить, можно получить только совсем темное, бутылочно-зеленое стекло, а не шафранно-желтое и тем более не «безупречно пурпурное». Хотя необходимая для этого окись марганца и содержится в золе, но она выступает здесь скорее в роли загрязняющей примеси, чем в роли красителя и тем более обесцвечивателя. И несмотря ни на что впечатляющей силы и уверенного звучания у этого текста Трактата не отнять.

Можно думать, что Теофил видел, как греки варили пурпурное стекло, однако секрета составления нужной стекломассы он не знал. И Теофилу и современным ему западноевропейским стеклоделам эти рецепты остались недоступными и неизвестными [24]. Все попытки Теофила раскрыть секрет оказывались тщетными, поскольку он не знал сути дела, которое пытался распространить. А если это так, то подтверждается известное отношение греческих мастеров к менее знающим коллегам: своих потенциальных конкурентов греки ничему не учили, строго сохраняя секреты приготовления стекломассы (с использованием соды и марганца) и особенно получения окрашенных стекол.

Все кубки, бутылки, оконное стекло лишены специальной окраски и имели сероватый, зеленоватый, серо-зеленый и очень редко желтоватый оттенки, которые получались вследствие плохой очистки сырья и низкой температуры стекловаренных печей.

Практика и теория стеклоделия, изложением которой является Трактат, в это время были очень мало связаны. Столь же незначительна, а, может быть, и совсем отсутствовала связь с областями традиционного стеклоделия, наследовавшего античную технику. Своим развитием немецкое стеклоделие на ранних этапах обязано не столько внешним контактам, сколько внутренней силе, в нем самом заключенной.

Глава 31-я «О кольцах» тоже может иметь подробный археологический комментарий [25], вернее часть ее, посвященная технике изготовления колец. В этой главе, кроме того, содержится рецепт стекла для изготовления колец: стекло нужно сварить из пепла, соли, меди и свинца [26]. Расшифровав рецепт, мы получим стекло калиево-натриево-кальциево-свинцово-кремнеземное, в котором медь выступает в качестве красителя. Стекло такого состава археологически известно

[22] W. E. S. Turner. Studies of Ancient Glasses and Glassmaking Processes. Part I—VI. JSGT, 1954, v. 38, No. 183; 1956, v. 40, No. 192—194; 1959, v. 43, No. 213.
[23] F. Rademacher. Die deutschen Gläser des Mittelalters. Berlin, 1933.
[24] J. Philippe. Op. cit., p. 101.
[25] Е. Ольчак. Производство стеклянных перстней на славянской территории в средние века. СА, 1959, № 3, стр. 89—90; J. Olczak. Z badań nad wczesnośredniowiecna technika szklarską. «Szkło i ceramika», 1958, rok IX, № 8, ss. 212—213.
[26] Манускрипт Теофила... Сообщения ВЦНИЛКР, вып. 7, стр. 115.

именно в кольцах (перстнях): 11 голубых перстней найдено в Новгороде, есть они в Смоленске, Москве, Белозерске, Болгарах [27]. Заметим, что стекло в этих перстнях непрозрачно за счет окиси олова, о которой Теофил, однако, не говорит ни слова; это одно противоречие тексту. Другое — сами находки, которые позже создания Трактата на полтора столетия. И все-таки в этих находках хотелось бы видеть практическое подтверждение одного из текстов Теофила, а может быть, и практическое осуществление его изобретения.

Столь позднее археологическое подтверждение, казалось бы, должно повлиять на наши представления о времени создания Трактата, поскольку надежные, археологически подтвержденные сведения относятся к столь позднему времени, XIII—XIV вв. Однако и такая поздняя дата и датирование X в. оказываются в равной степени не доказанными. Есть иная дата: конец XI — начало XII в., которую предложил М. В. Фармаковский [28]. Он полагал, что в основу Трактата положены «французские впечатления» Теофила, относящиеся как раз к этому времени. Основываясь на хорошо известных и археологически датированных синих сосудах, расписанных в стиле медальонов [29], А. Мигау считает, что Трактат написан Теофилом между 1110 и 1140 гг. Для подтверждения этой даты можно указать не менее известные синие сосуды с росписью белыми нитями [30]. Временем после XI в., следуя за авторитетами, датирует Трактат Ж. Филипп [31]. К началу XII в. относится и самый старший пергаменный список Трактата [32].

Следовательно, хронологическое расхождение текста главы «О кольцах» и ее археологических свидетельств скорее указывает на срок, необходимый для реализации совета автора сочинения, чем на время создания Трактата.

Итак, Трактат Теофила благодаря новым археологическим данным получил не только более подробный комментарий, но дал и материалы, в свете которых можно по-новому рассматривать проблему сложения национальной стеклоделательной школы.

Понятие собственной стеклоделательной школы складывается из представлений о наборе изделий, их химическом составе, технологии изготовления, стилистических особенностях изделий в определенных географических пределах. Каждый из этих признаков, развиваясь во времени, постоянно и устойчиво связан с другими, и нарушение или изменение этих связей может стать предметом изучения. Каждый из этих признаков, изученный отдельно в широкой хронологической и исторической связи, получит соответствующее объяснение и толкование.

Немецкое средневековое стекло по набору изделий и их формам заметно отличается от современного ему стекла Италии, Ближнего Востока и Византии, а также и от стекла более раннего, известного на территориях бывших римских провинций. Эти отличия стали особенно заметны в XII—XIII вв., хотя первые признаки ощущались и ранее.

Если рассматривать технологию производства стекла в средневековой Германии, то она очень сходна с технологией изготовления

[27] Ю. Л. Щапова. Ук. соч. МИА, № 117, стр. 109, 111, табл. 3, 112; приложение 2, ан. 104: 5—9, 11—17.
[28] М. В. Фармаковский. Ук. соч. ИИАТ, вып. I, стр. 120—122, 144—145.
[29] A. H. S. Megaw. Op. cit. JGS, 1968, v. X, p. 102.
[30] Ю. Л. Щапова. Ук. соч. МИА, № 117, стр. 125.
[31] J. Philippe. Op. cit., p. 100.
[32] Манускрипт Теофила... Сообщения ВЦНИЛКР, вып. 7, стр. 67—69.

посуды (дутье в форму) и оконного стекла (цилиндр-процесс) [33], принятой в традиционных районах стеклоделия.

Если рассматривать химический состав стекла, известного Теофилу, то его отличие от «античного» очевидно, и обнаруживается оно в изделиях XI в.

К сожалению, рассмотрение ареала, равно как и стиля самих изделий, почти невозможно из-за относительно малого числа находок.

Тем не менее важно, что некоторые изменения становятся выразительными и бесспорными с XI в. Очевидно, с этого времени и нужно начинать тот раздел истории стекла, с которым связан Трактат Теофила. Немецкое средневековое производство стекла, несмотря на огромное наследство, доставшееся от античного мира, становится на путь, от этого мира независимый, что немедленно привело не только к использованию нового сырья, но и к созданию принципиально нового химического класса стекла. Другим не менее важным следствием такого решения стала изоляция от современного ему стеклоделия других стран, отчего вся немецкая стеклянная посуда XI—XIII вв. имеет архаичный и очень провинциальный облик. Исключение могут составить лишь витражи.

Может быть, ощущая это, Теофил стремится приобщить стеклоделие своей страны к достижениям в этой области за ее пределами, но его попытка, насколько можно судить по археологическим материалам, оказалась бесплодной, а производство стекла развивалось по закономерностям, изучать которые еще предстоит.

[33] D. B. Harden. New Light on Roman and Early Medieval Window Glass. «Glastechnische Berichte», 1959, Bd. 32 (K), H. VIII, SS. 9—11.

М. В. ФЕХНЕР

ТКАНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЛЬВОВ И ПТИЦ ИЗ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ГРОБНИЦЫ ВО ВЛАДИМИРЕ

В Историческом музее хранится фрагмент замечательной шелковой ткани. На красном фоне ее, заполненном геометрическим орнаментом, четко выступает темно-зеленый контур рисунка, состоящий из сгруппированных парами львов с золототканными мордами и попугаев с затканными золотом туловищами. Каждую группу зверей и птиц разделяет орнаментальный мотив в форме пальмы [1].

Этот повторяющийся рисунок из зверей, птиц и растений расположен на ткани горизонтальными рядами, расстояние между которыми не более 2 *см* (рис. 1). На рисунке ткань воспроизведена не полностью, дана лишь наиболее хорошо сохранившаяся ее часть.

Известно, что данная ткань находилась в числе других остатков шелковой одежды в одной из гробниц Успенского собора во Владимире. В 1753 г. во время переоблачения в новые одежды останков Андрея Боголюбского, его младшего сына Глеба [2] и погибшего в битве с татарами на р. Сити князя Юрия Всеволодовича древние ткани были вынуты. Их сложили в ризнице собора, но не отметили, из каких гробниц они происходят. В описи предметов, хранящихся в ризнице Успенского собора, эти ткани записаны все вместе как «остатки великокняжеских одежд из дорогих греческих тканей, на которых вытканы драконы, львы, птицы и растения. Между сими остатками сохраняется воротничек, на котором уцелела самая стежка» [3].

[1] ГИМ, инв. № 5840. Размер 19×22 *см*. Ткань поступила в Исторический музей из собрания художника Ф. Л. Соллогуба. Другой фрагмент этой же ткани находится в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

[2] Глеб умер в 20-летнем возрасте в 1174 г., на 9 дней раньше своего отца.

[3] А. И. Виноградов. История кафедрального Успенского собора во Владимире. Владимир, 1905, стр. 59, 79.

Несмотря на отсутствие точных данных, в каком из трех княжеских погребений находилась материя с изображением львов и птиц, все исследователи, изучавшие эту ткань, единодушно связывали ее с именем Андрея Боголюбского [4].

Действительно, мало вероятно, чтобы в эту роскошную материю было облачено тело Глеба, про которого в источниках сказано, что «сей блаженный князь исключительно посвятил себя на служение господу» [5]. Так же сомнительно, что она лежала в гробнице Юрия Всеволодовича, который погиб в год страшного разорения татарами Владимирской земли. Что касается Андрея Боголюбского, то на 6-й день после убийства он был торжественно захоронен в Успенском соборе, как отмечено в летописи, «спрятавше тело его с честью и песньми благохвальными» [6]. Это дает основание полагать, что дорогая шелковая материя, видимо, была частью одежды Боголюбского. Следовательно, по времени изготовления она датируется не позднее середины XII в.

Судя по орнаменту, В. А. Прохоров, В. Ф. Ржига и Н. Н. Соболев считали ткань из погребения Боголюбского произведением византийского ткацкого искусства, в то время как А. С. Гущин рассматривал ее как предмет импорта из стран мусульманского Востока.

Однако, опираясь только на стилистический разбор орнамента, трудно бывает выяснить происхождение отдельных тканей, так как рисунки византийских и восточных материй X—XIII вв. чрезвычайно близки между собой, отличаясь иногда только в деталях. Между тем различия в способе переплетения тканей и качестве пряжи могут помочь при определении центров шелкоткачества, поставлявших свою продукцию на русский рынок.

Результаты структурного анализа ткани из гробницы Андрея Боголюбского показали, что ткань выработана в одну основу (тонкая шелковая крученая пряжа красного цвета) и 4 утка — золотный уток, два красных и один зеленый из тонких шелковых некрученых нитей [7]. В связи с тем что утки работали не равномерно, плотность ткани по утку колеблется в разных местах узора от 46 до 176 нитей на 1 *см*.

Основой ткани является полотняное переплетение красной основы с одним красным утком. Узорные утки переходят с лица на изнанку по рисунку. На лице они образуют настил, а на изнанке свободно висят незакрепленными. На участках, покрытых орнаментом из ромбов, в переплетении одновременно участвуют два красных утка. В местах, где узор состоит из зверей, птиц и растений, появляется третий, зеленый уток, образующий контур рисунка, внутреннее пространство которого заполнено красными утками. Золотным утком выполнены только головы львов и туловища птиц; в этих местах орнамента в переплетении участвуют все четыре утка.

Ткань от длительного пребывания в погребении полностью изменила свой первоначальный цвет. Нити основы и двух утков, окрашенные в малостойкий красный цвет, приобрели коричневато-желтый тон. Только уток, который образует контур узора, сохранил свою интенсивно-зеленую окраску.

[4] В. А. Прохоров. Материалы по истории русских одежд. СПб., 1881, стр. 83—84; В. Ф. Ржига. О тканях домонгольской Руси. «Byzantinoslavica», Prague, 1932, t. IV, v. 2, pp. 402—403; Н. Н. Соболев. Очерки по истории украшения ткани. М.— Л., 1934, стр. 71; А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.— Л., 1936, стр. 75.

[5] А. И. Виноградов. Ук. соч., стр. 13.

[6] ПСРЛ, т. II, стр. 115.

[7] Анализ произведен старшим научным сотрудником Института художественной промышленности Н. Т. Климовой. Архив III Археологического отдела, анализ № 103.

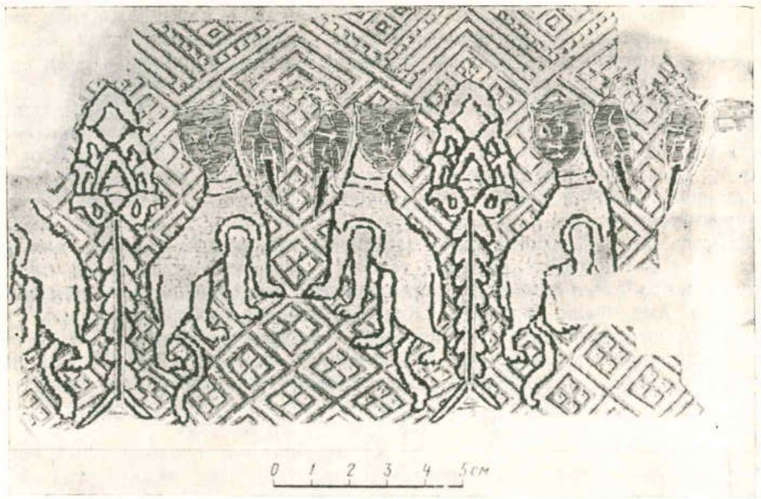


Рис. 1. Фрагмент шелковой ткани из гробницы Успенского собора во Владимире

Большой интерес представляет золотный уток, сравнительно хорошо сохранившийся. Как показал произведенный анализ, он состоит из шелковой нити, обвитой полосками серозной оболочки кишок животного, которые покрыты тончайшей золотой амальгамой.

Подобные золотные нити впервые появились на византийских тканях XI в. Они пришли на смену нитям из узких тонких лент позолоченного серебра, плотно навитых на шелковую или льняную основу. В течение XIII—XIV вв. эти нити почти полностью были вытеснены нитями из оболочки кишок животных с золотой амальгамой — более дешевыми, более гибкими, а следовательно, и более удобными для вышивания и тканья. Применение этих нитей для украшения шелковых тканей не ограничивалось одной Византией, но распространялось повсюду, где процветало шелкоткачество.

Необходимо обратить внимание на то, что характер волокна, служившего основой золотных нитей, является одним из существенных признаков для определения места изготовления золотных материй. Во всех центрах шелкоткачества применялись золотные нити на льняной основе. Только Византия и Испания представляли в этом отношении исключение; они использовали в качестве основы не льняную, а шелковую нить [8].

На основании этого факта предположение о восточном происхождении одежды Боголюбского отпадает. Среди сохранившихся фрагментов шелковых материй, импортированных на Русь из Византии и стран Востока, владимирская ткань по структуре и сложности орнамента не имеет аналогий. По характеру узора она ближе всего к испанским и сицилийским тканям [9]. Это сходство проявляется и в построении четкого и крупного рисунка узора горизонтальными рядами, и в орнаменте, состоящем из парных животных и птиц, чередующихся с изображением стилизованного дерева, и в применении сложного геометрического узора. Как и на ткани из гробницы Успенского собора, на испанских и сицилийских шелковых материях золотом вытканы только отдельные детали орнамента. Эта особенность не присуща византийским тканям.

Большой интерес представляет испанская ткань из Музея декоративного искусства в Париже с изображением львов, пожирающих ланей [10]. Она имеет ту же цветовую гамму, что и владимирская ткань, и морды зверей на обеих тканях выполнены в одинаковой манере.

Хотя между испанскими и сицилийскими ткаными изделиями трудно провести резкую грань, мы склонны отнести владимирскую ткань к продукции испанских шелкоткацких мастерских, так как, с одной стороны, при выработке ее сложного орнамента участвовала золотная нить на шелковой основе, а с другой — эта ткань, положенная в гробницу в 1174 г., должна была быть привезена на Русь не позже 60—70-х годов XII в., то есть в те годы, когда в Палермо только начало возникать шелкоткачество. В Испании эта отрасль производства достигла большого развития уже в X в. Только в одной Альмерии, древнейшем испанском шелкоткацком центре, насчитывалось около 800 ткацких станов [11]. В XII в. большую известность приобретают мастерские Малаги, Мурсии, Севильи, вырабатывавшие великолепные шелковые узорные ткани, которые находили широкий сбыт в странах Европы.

Каким образом испанская ткань проникла во Владимир, сказать трудно. Она могла попасть на рынок через Константинополь, то есть тем путем, которым главным образом осуществлялась восточноевропейская торговля шелком. Но, вероятнее всего, она была привезена волжским путем, игравшим в XII в. значительную роль в экономических сношениях с восточными и южными странами. Город Саксин в дельте Волги был крупнейшим торговым центром, через который шел поток товаров в Волжскую Болгарию и далее во Владимиро-Суздальскую Русь. О размахе производившейся здесь торговли можно судить хотя бы потому, что в XII в. между Саксином и Амолем, главной гаванью южного побережья Каспия, ежегодно плавало до 400 кораблей [12].

По свидетельству испано-арабского купца аль-Гарнати, в Саксине постоянно жили среднеазиатские и иранские купцы, торговцы из Магриба (Северная Африка) и — что является в данном случае особенно важным — купцы из Испании. Сам аль-Гарнати по прибытии со своими товарами в Булгар отправился дальше в землю славян и побывал в одном из русских городов [13].

На основании этих данных и находки испанской ткани в гробнице Андрея Боголюбского можно полагать, что в XII в. между Владимиро-Суздальским княжеством и Испанией существовали экономические контакты.

---

[8] O. Falke. Kunstgeschichte der Leidenweberei. Berlin, 1936, SS. 28—29.
[9] F. Lewis May. Silk textiles of Spain. New York, 1957, ill. 23—27; Н. Н. Соболев. Ук. соч., стр. 212, 215, 218, 219.
[10] R. P. Wilson. Islamic Art. New York, 1957, ill. 61.
[11] O. Falke. Op. cit., pp. 22—23.
[12] Ю. А. Лимонов. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества. В кн.: «Международные связи России до XVII в.». М., 1961, стр. 58.
[13] А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто. Внешняя торговля древней Руси (до середины XIII в.). «История СССР», 1967, № 3, стр. 105, 106, 108.

М. К. КАРГЕР

К ИСТОРИИ ПОЛОЦКОГО ЗОДЧЕСТВА XII в. (РУИНЫ ВНОВЬ ОТКРЫТОГО ХРАМА НА ВЕРХНЕМ ЗАМКЕ)

Осенью 1966 г. земляными работами при строительстве нового здания морга Полоцкой городской больницы им. В. И. Ленина, расположенной в северной части Верхнего замка, была обнаружена древняя кладка неизвестного ранее здания. О случайной находке стало известно в Институте истории АН БССР. Строительные работы по требованию Института были приостановлены вплоть до выяснения характера и даты обнаруженного здания. Зимой того же года по приглашению Института истории я осмотрел земляные работы на территории больницы. В результате осмотра установлено, что в котловане, вырытом для закладки фундамента морга, строители наткнулись на отрезок древней стены, сложенной из древней плинфы, и валунов на растворе извести с цемянкой. Так как земляные работы производились с помощью мощного экскаватора, лицевая поверхность стены была сильно повреждена. В строительном мусоре, выброшенном из котлована, было много расколотой древней плинфы, куски цемяночного раствора, фрагменты фресковой штукатурки. Обнаруженный в котловане отрезок древней стены, сохранившейся на значительную высоту, имел длину около 15 *м* и уходил в толщу культурного слоя в направлении на восток и на запад. Необходимость планомерных раскопок была очевидна. По предложению сектора археологии Института истории АН БССР Архитектурно-археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института истории АН СССР и Ленинградского университета под моим руководством в течение июля—августа 1967 г. произвела раскопки на территории больницы и смежной территории туберкулезного диспансера, в результате которых открыты руины ранее неизвестного древнего полоцкого храма[1]. Обнаруженная при земляных работах 1966 г. кладка была в 1967 г. раскопана полностью, на всем ее протяжении от северо-восточного до северо-западного угла (около 21 *м*). Это северная стена храма. Раскопками удалось обнаружить также бо́льшую часть прямоугольной снаружи и полуциркульной внутри северной апсиды и северо-восточный подкупольный столб храма крестчатой формы (рис. 1).

Тщательное исследование кладки здания позволило установить, что все названные части храма сложены из плинф в технике кладки «с утопленным рядом», характерной для полоцкого зодчества XII в. В середине кладка забутована крупными валунами. На наружной поверхности стены ряды валунов выступают лишь там, где облицовывающая кладка из плинф выбита экскаватором. Фундамент здания сложен из валунов, уложенных в рвы насухо, без раствора.

На северо-восточном углу храма фрагментарно сохранились лопатки с несколько уплощенными полуколоннами на них. Фрагменты такой же лопатки с полуколонной плохой сохранности расчищены в северо-западном углу. Остальные лопатки северной стены уничтожены вместе с лицевой поверхностью кладки.

Разведочные шурфы позволили установить, что весь средний неф здания находится под недавно выстроенным зданием гаража туберкулезного диспансера, а западная часть этого нефа — под соседней постройкой прачечной. Разумеется, возможность раскопок этих частей древнего здания была исключена.

Однако исследование пропорций открытых раскопками частей здания убеждало в том, что южный неф храма следует искать на соседнем незастроенном участке диспансера, южнее указанных новых построек. Благодаря содействию председателя Исполкома Полоцкого горсовета т. Клепацкой и главного врача тубдиспансера т. Кренгауз было получено разрешение на частичные раскопки на территории диспансера. Под асфальтовым покрытием на глубине 0,5—1,5 *м* раскопаны часть восточной половины южной стены храма и южная апсида (рис. 2). На южной стене отлично сохранилась еще одна лопатка с уплощенной полуколонной (рис. 3).

Но наибольший интерес представляет фрагмент южного притвора храма с полуциркульной апсидой, примыкавшего к среднему членению южного фасада храма (рис. 2, 4). К сожалению, южная половина апсиды, южная и западная стены притвора полностью уничтожены при прокладке водопроводной сети на территории тубдиспансера. Этими же работами уничтожена и вся западная половина южной стены храма. Несомненно, что аналогичный притвор, примыкавший к северному фасаду, был полностью и почти бесследно уничтожен в котловане при закладке фундамента нового здания морга.

В развалинах здания найдено большое количество фрагментов фресок, майоликовых плиток пола и обломков плинф с рельефными клеймами на торцах. Некоторые из них близки к известным «знакам Рюриковичей». Храм находился неподалеку от собора Софии, к северу от него и, по-видимому, в древности был расположен на княжом дворе.

Архитектурный облик вновь открытого храма на Верхнем замке представляет значительный интерес для истории древнего зодчества Полоцкой земли. Раскопанные руины при всей их фрагментарности позволяют полностью реконструировать первоначальный облик храма (рис. 5), который оказался прототипом известного храма Михаила в

[1] М. К. Каргер. Раскопки руин древнего храма в Верхнем замке Полоцка. АО 1967 г. М., 1968, стр. 257—258.

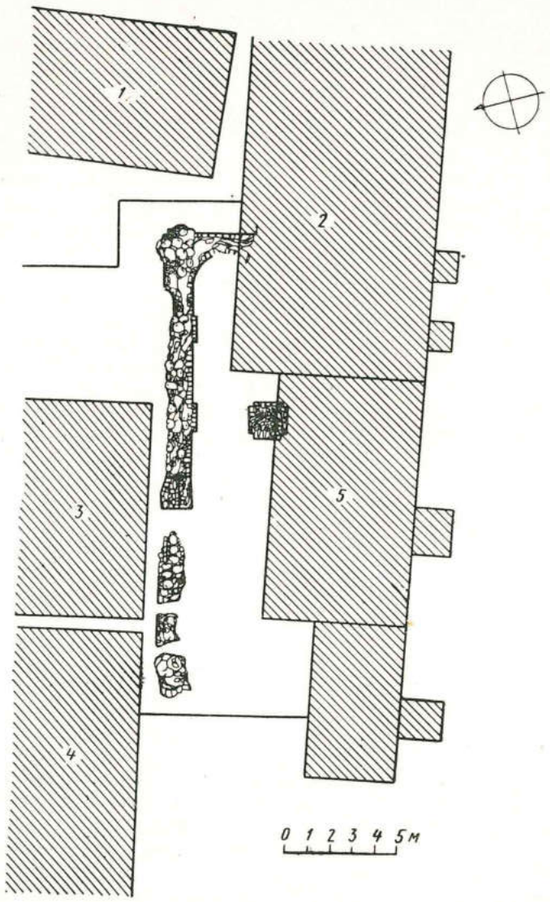


Рис. 1. План раскопок на Верхнем замке (*1* — сарай, *2* — гараж, *3* — строящееся новое здание морга, *4* — морг, *5* — прачечная)

Смоленске. Как и этот последний, полоцкий храм на Верхнем замке представлял кубический одноглавый храм с одной, полуциркульной в плане, средней апсидой и двумя апсидами по сторонам ее, полуциркульными внутри и прямоугольными снаружи.

Мне уже приходилось отмечать, что вопреки широко распространенной интерпретации смоленской церкви Михаила как шестистолпного храма, это здание является кубического типа храмом с четырехстолпной конструкцией внутри[2]. Достаточно внимательно всмотреться в план

[2] М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска (XII—XIII вв.). Л., 1964, стр. 81—82, рис. 34.

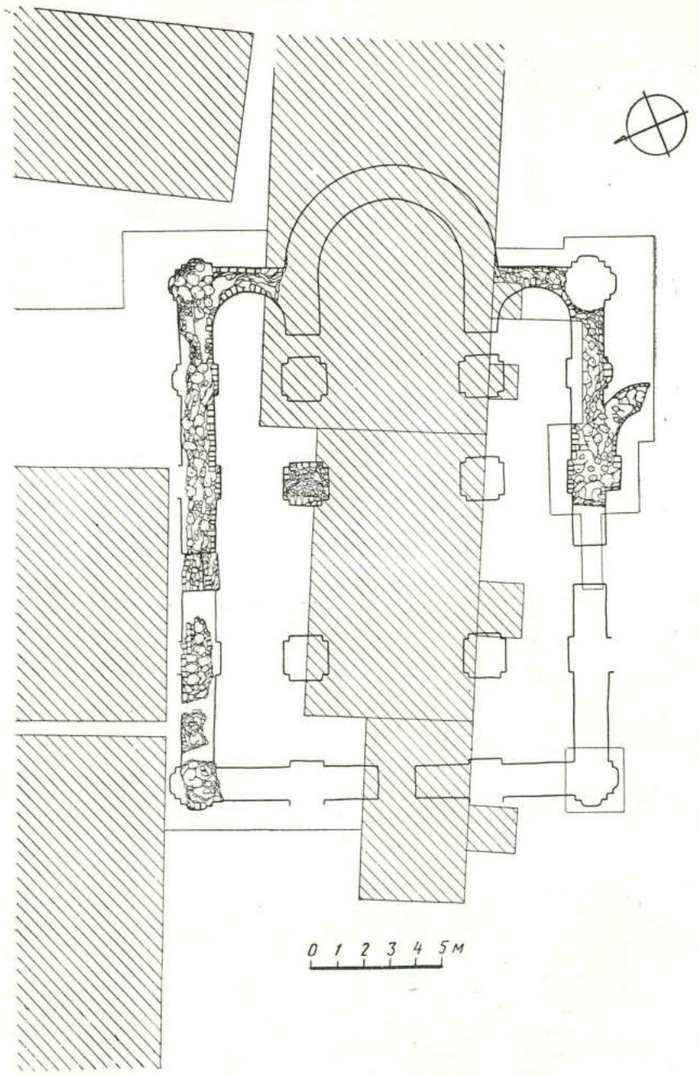


Рис. 2. План полоцкого храма на Верхнем замке (после раскопок)

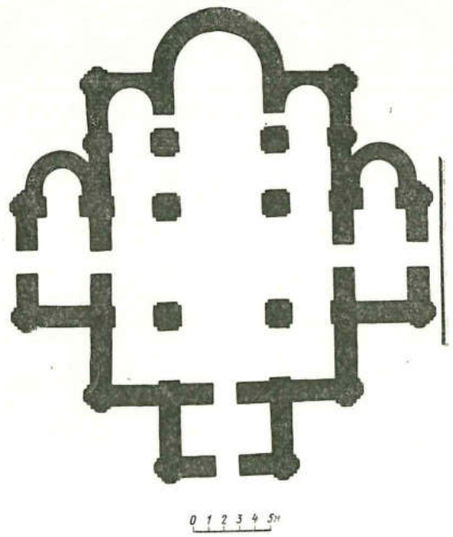


Рис. 3. План-реконструкция храма на Верхнем замке

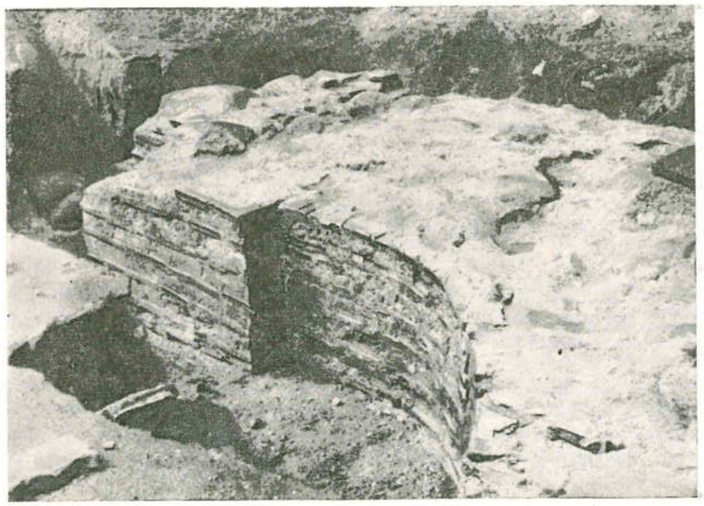


Рис. 4. Апсида у южного притвора храма на Верхнем замке

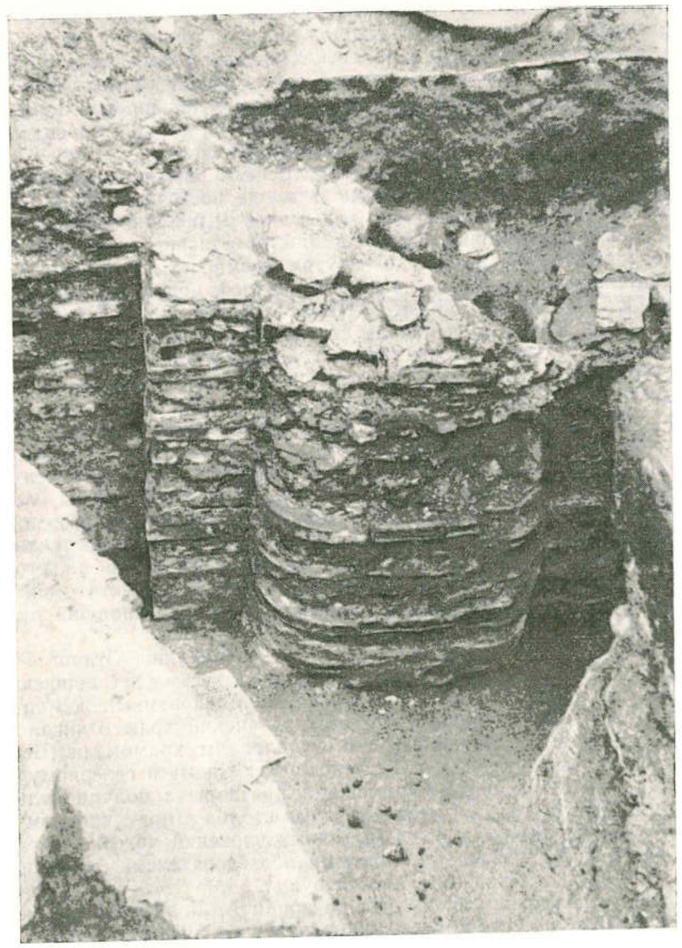


Рис. 5. Лопатка с уплощенной полуколонной на южной стене храма

церкви Михаила[3], чтобы убедиться, что «восточная пара столбов» в действительности представляет отрезки восточной стены храма, прорезанной широкими апсидными арками. К восточной стене кубического объема храма примыкают характерные для этого типа храма прямоугольные в своих наружных очертаниях и полуциркульные внутри боковые апсиды, пониженные по отношению к храму. Эти апсиды нельзя

[3] План церкви Михаила в Смоленске (по обмерам И. М. Хозерова) см. М. Шчакаціхін. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва. Менск, 1928, табл. 17.

безоговорочно сопоставлять с типом апсид, сделанных в толще восточной стены храма, и потому снаружи вообще не воспринимаемых в качестве апсид. Такие апсиды, расположенные в толще восточной стены храма, известны и в самом Смоленске (юго-восточная пристройка к церкви Иоанна Богослова) и в киево-черниговских храмах XI в. (крещальня церкви Спаса в Чернигове, крещальня церкви Спаса на Берестове, Юрьева божница в Остерском городке), а также в полоцком зодчестве XII в. (церковь Благовещения в Витебске).

В противоположность всем перечисленным памятникам с полуциркульными апсидами, размещенными в толще восточной стены храма, боковые апсиды церкви Михаила, как и апсиды полоцкого храма, представляют самостоятельные объемы в пространственной композиции здания, воспринимаемые не только изнутри храма, но и снаружи, наряду со значительно выдающейся на восток средней, полуциркульной в плане, апсидой. На плане церкви Михаила хорошо видно, что северная стенка северной апсиды и южная стенка южной апсиды даже тоньше, чем северная и южная стены храма, к которым они примыкают[4].

К средней части южного и северного фасадов полоцкого храма примыкали притворы, каждый из которых заканчивался с восточной стороны полуциркульной апсидой. На неоднократно опубликованном плане смоленской церкви Михаила этой особенности нет. Однако во время археологических разведок, проведенных Смоленской центральной реставрационной мастерской в 1961 г., были обнаружены остатки апсид у восточных стен южного и северного притворов, позволивших реконструировать эту ранее не известную особенность прославленного смоленского памятника. Кроме того, на восточной стене южного притвора после удаления поздней штукатурки удалось заметить заложенный поздним кирпичом первоначальный проход, соединявший притвор с апсидой[5].

В 1888 г. А. В. Селиванов раскопал на городище Старой Рязани еще один древний храм, который, несмотря на весьма несовершенный в графическом отношении план памятника, опубликованный исследователем, позволял все же понять, что этот рязанский храм отличался одной особенностью, сближавшей его с полоцким храмом на Верхнем замке и церковью Михаила в Смоленске. К южному и северному фасадам старорязанской церкви примыкали притворы с полуциркульными апсидами. Детали храма (четыре круглых столба в подкупольном квадрате, отсутствие каких-либо декоративных членений на фасадах храма и его притворов) остались непонятыми исследователем, по-видимому, вследствие очень плохой сохранности руин[6].

В 1968 г. памятник вновь был раскопан А. Л. Монгайтом, установившим ближайшее сходство плана рязанского храма с планом церкви Михаила в Смоленске[7].

Однако нельзя не заметить, что реконструкция плана рязанского храма, предлагаемая А. Л. Монгайтом, действительно повторяющего план церкви Михаила в Смоленске по основным формам, воспроизводит в то же время все мельчайшие особенности декора фасадов смоленского храма (пучковые лопатки с полуколонками), которые при раскопках храма в 1968 г. не были обнаружены ни в одной их части и являются перенесением на рязанский храм декора смоленской церкви.

Для уточнения датировки полоцкой и рязанской церквей, как известно, не имеющих точных дат, очень существенно, что менее усложненный декор фасадов полоцкой церкви на Верхнем замке позволяет отнести этот памятник к несколько более ранним годам XII в. по сравнению с последними десятилетиями XII в., которыми устойчиво датируется смоленская церковь Михаила Архангела.

Нет уверенности в том, что старорязанская церковь, раскопанная в 1888 г. и вновь в 1968 г., по времени постройки ближе к смоленскому, чем к полоцкому памятнику.

---

[4] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 81—82 и рис. 34.

[5] М. Х. Алешковский, С. С. Подъяпольский. Новые данные о церкви Михаила Архангела в Смоленске. СА, 1964, № 2, стр. 231—233.

[6] А. В. Селиванов. Отчет о раскопках в Старой Рязани. ТРУАК, т. III. Рязань, 1888, стр. 159—164.

[7] См. статью А. Л. Монгайта, М. Б. Чернышева «Спасский собор в Старой Рязани» в этой книге.

А. Л. МОНГАЙТ, М. Б. ЧЕРНЫШЕВ

СПАССКИЙ СОБОР В СТАРОЙ РЯЗАНИ

В письменных источниках упоминаются три храма в Старой Рязани: Борисоглебский, Успенский и Спасский. Археологическими исследованиями обнаружены фундаменты трех каменных церквей. Каждая из них получила наименование в соответствии с упоминанием в письменных источниках. Спор о распределении наименований, их связи с остатками построек возник после первых раскопок в XIX в. Д. Тихомиров, раскопавший в 1836 г. в юго-западной части Старорязанского городища остатки большой каменной церкви, приписал их Борисоглебскому собору. В 1888 г. А. В. Селиванов раскопал в северо-западной части городища остатки другой каменной церкви и оспаривал у Тихомирова право назвать ее Борисоглебской, так как полагал, что открытая им церковь была главным собором Рязани, которым считали Борисоглебский собор. Спор продолжается до сих пор[1]. В этом споре много неизвестных исходных данных. Например, не известно, все ли названные в письменных источниках церкви были каменными. В летописи только Борисоглебская названа каменной. Почти с уверенностью можно сказать, что в источниках упомянуты не все рязанские церкви. Слишком мало трех церквей для такого большого города, каким была Рязань. Вероятно, археологи найдут еще остатки церквей, и тогда споры

[1] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49. М., 1955, стр. 76—97. Мнение А. Л. Монгайта о наименовании храмов поддержал Г. К. Вагнер в статье «Архитектурные фрагменты Старой Рязани» («Архитектурное наследство», сб. 15. М., 1963, стр. 18—27). Е. В. Михайловский считает, что собор, открытый в 1836 г., назывался Успенским. См. Е. В. Михайловский, И. В. Ильенко. Рязань. Касимов. М., 1969, стр. 22, 26—37.

разгораться с новой силой. Пока мы будем придерживаться тех наименований, которые приняты в книге «Старая Рязань».

Собор, раскопанный в 1888 г., будем называть Спасским. А. В. Селиванов описывал остатки найденной им церкви, как имевшие в плане «вид четырехконечного креста, в средину которого вписан четырехугольник»[2]. На приложенном к отчету очень схематичном чертеже храм изображен с тремя притворами (рис. 1).

Основная часть имела три апсиды, и по одной апсиде было у боковых притворов. Такой план казался оригинальным и не имеющим аналогий в древнерусском зодчестве. Еще больше удивления вызывали показанные на плане четыре круглых столба. Отвечая на вопросы по докладу на VIII археологическом съезде, Селиванов сказал: «Круглыми на плане столбы сделаны потому, что круглой формы остатки бута, который сохранился в этих местах. Какой формы были самые колонны, я определить не могу, так как эти столбы и вообще щебень и бут из канав были выбраны за несколько лет да моего исследования одним крестьянином, который сказал мне, будто они были в виде креста с выгнутыми углами»[3]. Не только основания столбов, но и фундаменты храма уже до раскопок Селиванова были сильно разрушены выборкой бута местным населением, использовавшим камень для строительства. На многих участках рвы заполнены мусором. Бут и даже кирпичная кладка стен кое-где уцелели, но Селиванов деталей храма не проследил и в отчете и на чертеже не зафиксировал ничего кроме общей схемы плана. Все это побуждало провести повторные раскопки памятника, чтобы уточнить конфигурацию плана и, если удастся, выявить конструктивные особенности здания. Работу следовало провести срочно, так как растущий овраг уже коснулся северной части постройки и угрожал ей разрушением. В 1968 г. Рязанская археологическая экспедиция предприняла эти раскопки (рис. 2).

Раскопки подтвердили, что основная часть фундаментов была разобрана еще до работ Селиванова местным населением и от нее сохранились лишь рвы, засыпанные землей и щебнем. Только в апсидном полукружии южного притвора сохранились на месте три плинфы в нижней части стены. Контуры фундаментных рвов удалось определить путем зачистки материкового суглинка, который находился на глубине 20—30 *см* от современной дневной поверхности. Слой над материком состоял из перекопанного и перепаханного грунта с большим количеством обломков плинфы, керамики и различных предметов, занесенных сюда во время распашки.

В отдельных местах при зачистке приходилось углубляться в материк, так как верхние части рвов были нарушены при выборке камня. К сожалению, детали, упоминаемые в отчете А. В. Селиванова,— плитчатый пол, фигурные плинфы, кроме одного обломка — полностью утрачены. Зато обнаружена важная деталь, не упоминаемая Селивановым: в северо-восточной части раскопа найдены обломки штукатурки с фресковой росписью. Они настолько фрагментарны, что трудно судить о характере росписи. Несомненно лишь одно: здание или часть здания были украшены фресками.

Контрольные раскопки 1968 г. обнаружили, что план 1888 г. неверен (рис. 3).

[2] А. В. Селиванов. Отчет о раскопках в Старой Рязани. Дневник раскопок в Старой Рязани. ЗРАО, т. IV, вып. 2, новая серия. СПб., 1889, стр. 215—222; он же. Отчет о раскопках в Старой Рязани. ТРУАК, т. III. Рязань, 1888, стр. 159—164.

[3] Труды VIII АС, т. IV. М., 1897, стр. 93.

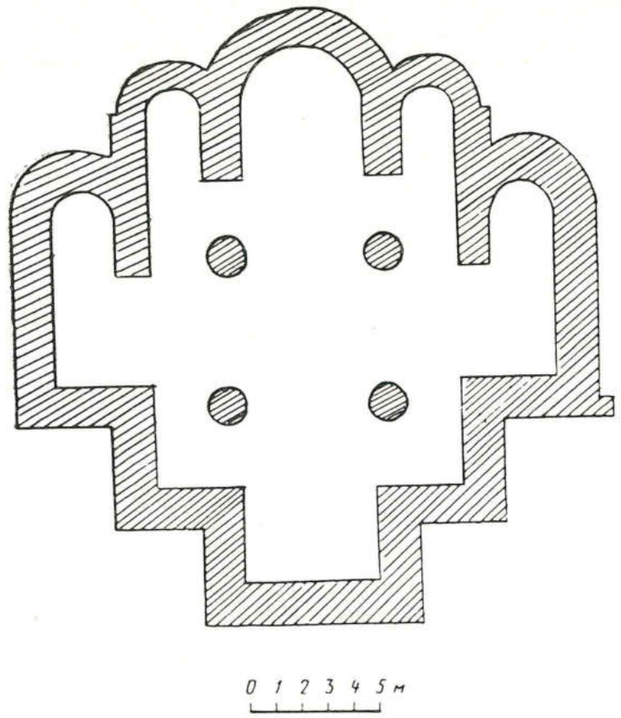


Рис. 1. План Спасского собора в Старой Рязани, опубликованный А. В. Селивановым

Рис. 2. Общий вид раскопок фундаментов Спасского собора в 1968 г.

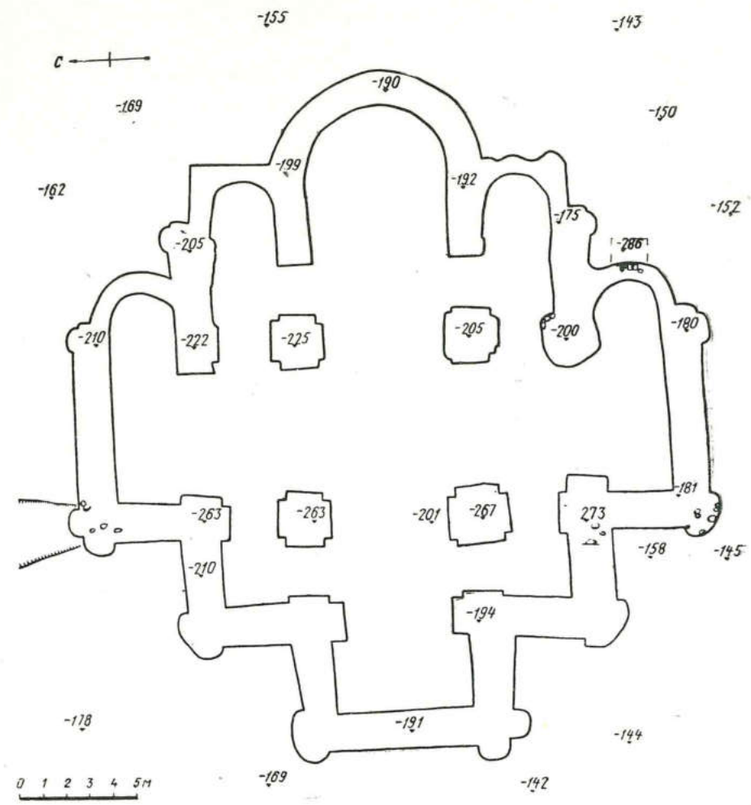


Рис. 3. План Спасского собора (по результатам раскопок 1968 г.)

В плане здание представляет четырехстолпный трехапсидный храм с тремя притворами. Боковые апсиды, полукруглые внутри, снаружи имели прямые стены. Северный и южный притворы также имели в восточных частях алтарные полукружия. Снаружи стены обработаны сложными лопатками, для которых в фундаментных рвах сделаны специальные уширения довольно четкой формы. Фундаменты внутренних столбов крестчатые. Вообще фундаментные рвы имеют много интересных деталей, позволяющих реконструировать основные формы здания. Это свидетельствует о ясном представлении древними зодчими облика возводимого храма (рис. 4).

Полная длина здания по фундаментам без выступов лопаток составляет 28,7 *м*, полная ширина — 26,9 *м*. Сторона квадрата четверика равна 18,2 *м*. Главный неф вдвое шире боковых нефов. Притворы открывались внутрь основного объема широкими проемами. В осях фундаментов заметен некоторый перекос. Ширина фундаментов основных стен в верхней части — 160—170 *см*. В нижней части фундаменты несколько уже за счет откосов. Глубина рва от поверхности материка — 106 *см* (по-видимому, половина сажени — 216 *см*). Ров на $^2/_3$ заполнен

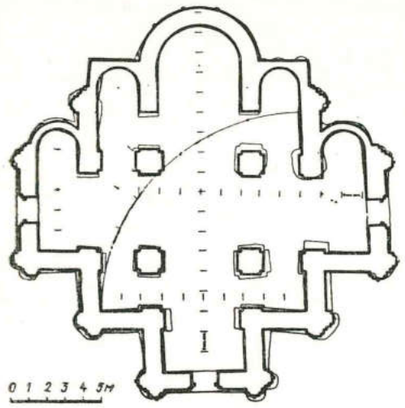


Рис. 4. Реконструкция плана Спасского собора (по М. Б. Чернышеву)

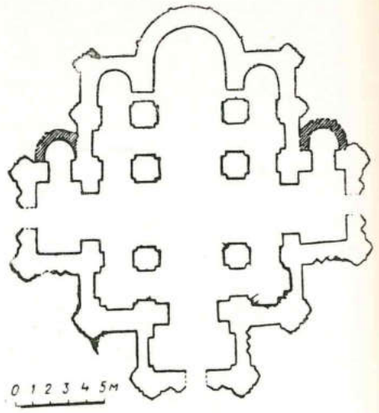


Рис. 5. План церкви Михаила Архангела в Смоленске (по М. Х. Алешковскому и С. С. Подъяпольскому)

известняковым булыжником насухо. Верхняя $^1/_3$ рва залита известковым раствором с булыжником и обломками плинфы.

Здание построено из плинфы. Размеры двух целых плинф 28,5×19,5×3,8 *см* и 28,5×19×3,5 *см*. Встречены обломки плинф ?×19,5×6,0 и ?×17×3,8 *см*. Преобладают обломки толщиной 3,5—4,0 *см*. Плинфа невысокого качества, из плохо промешанной глины, покоробленная и в трещинах. Цвет розовый и желто-розовый. Обжиг сильный. Найден фрагмент лекальной плинфы с закругленным углом — от тяги лопатки. Некоторые плинфы имеют на тычковой стороне выпуклые знаки довольно простого рисунка в виде черточек, треугольников, букв. На постелистой стороне плинфы встречено клеймо в виде звездочки. В известковом растворе, на котором сложены стены, содержатся добавки толченой плинфы, угля и небольшого количества песка. Раствор довольно прочный. Толщина шва между рядами плинфы, судя по остаткам раствора, составляла 2,5—3 *см*. Продольная ось постройки очень близка к направлению запад—восток с незначительным отклонением восточного конца к югу — около 1 градуса.

Общая конфигурация здания и совокупность строительных приемов позволяют отнести время возведения церкви к рубежу XII—XIII вв.

Наиболее близкая аналогия плану раскопанного здания — план церкви Михаила Архангела в Свирской слободе в Смоленске[4] (рис. 5). При сходной конфигурации планы зданий практически совпадают и размерами. Различия незначительны: в Спасской церкви несколько более широко расставлены столбы и отсутствуют профилированные лопатки на углах боковых апсид.

Точная дата постройки церкви Михаила Архангела неизвестна; пока можно утверждать лишь, что она относится к 1180—1197 гг.[5].

[4] М. Х. Алешковский, С. С. Подъяпольский. Новые данные о церкви Михаила Архангела в Смоленске. СА, 1964, № 2, стр. 232.

[5] М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска (XII—XIII вв.). Л., 1964, стр. 77—78.

Очевидно, в близкое к этому время построен и Спасский собор в Рязани. Г. К. Вагнер высказал предположение, что этот собор построен в ознаменование отделения Рязани от черниговской епископии, что, вероятно, произошло в 1198 г. Он ставит вопрос и о возможной причастности к постройке смоленского и рязанского соборов зодчего Петра Милонега[6]. Все это пока не больше чем предположение, хотя и интересное, но недоказуемое. Реальный факт, которым мы теперь располагаем,— удивительное сходство планов рязанской и смоленской церквей и сходство некоторых строительных деталей. Это дает основание реконструировать внешний вид Спасского собора по образцу Свирской церкви, как вертикально подчеркнутую башнеобразную композицию.

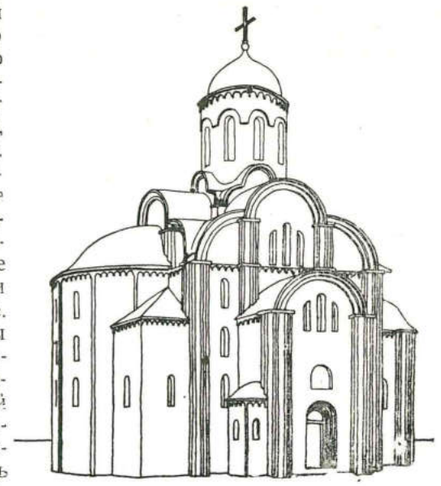


Рис. 6. Реконструкция внешнего вида Спасского собора в Старой Рязани (по М. Б. Чернышеву)

Высказанное К. Н. Афанасьевым предположение, что для церкви Михаила Архангела исходным модулем стал римский фут, равный 29,5 *см*, при реконструкции плана Спасской церкви дало хорошие результаты. Реконструкция, выполненная на основе модуля, равного 5 римским футам — 147,5 *см*, отлично легла на обмерный чертеж.

Совпадение основных размеров и большей части деталей планов позволяет считать, что церковь Михаила Архангела и Спасский собор были почти «близнецами» по внешним формам. На этом основании и реконструкция здания Спасской церкви буквально повторяет реконструкцию С. С. Подъяпольского, детально обследовавшего смоленский памятник. Изменены лишь формы боковых апсид четверика, сделанные на нашей реконструкции без угловых пучковых лопаток.

Здесь лопаток не было, так как во всех других местах очертания фундаментов очень точно отмечают наличие и характер лопаток. Чрезвычайно показательны контуры боковых восточных лопаток церкви и притворов, сделанные с учетом того, что часть тяг будет внизу закрыта стенами апсид и полный профиль лопатки образуется лишь выше сводов апсид.

Создается впечатление, что строители Спасской церкви имели перед глазами макет здания, на основании которого выполнялись мелкие детали при разбивке плана на местности. Этот макет, по-видимому, позволял судить не только о внешнем облике здания, но и о некоторых внутренних деталях его плана.

Кроме макета у строителей имелись и промеры основных габаритов здания, без которых невозможно было бы добиться такой точности в совпадении размеров Смоленской и Рязанской церквей, так как про-

[6] Г. К. Вагнер. Ук. соч. «Архитектурное наследство», сб. 15, стр. 25.

стое увеличение с макета неизбежно дало бы заметные расхождения в общих размерах зданий. (Правда, такой же точности можно добиться, пользуясь жестким модулем и имея четко разработанную программу его применения.)

Сейчас трудно сказать, была ли Смоленская церковь «образцом» для постройки Рязанской или обе они построены по одному макету или образцу. Но церковь Параскевы Пятницы в Новгороде, сохраняя ту же схему плана, во многих деталях отличается от наших двух храмов — иные пропорции притворов, отсутствие апсид у боковых притворов, удлиненность алтаря и в целом меньшие размеры.

М. К. Каргер раскопал в Полоцке близкое по плану здание, но у нас нет материалов этих исследований.

Раскопки фундаментов Спасского собора и уточнение его плана (рис. 6) показали, что это здание входит в распространенный в древнерусской архитектуре тип построек, представленный церквами в Смоленске, Новгороде, Полоцке.

В заключение следует сказать о мерах по сохранению остатков фундамента, разработанных при участии Рязанской археологической экспедиции и осуществленных Рязанской специальной научно-реставрационной мастерской. Старая кладка была укреплена нанесением сверху известково-цементного раствора и инъекцией тем же раствором гнезд, пробиваемых сверху шлямбуром на глубину 30—40 *см*. Гнезда расположены в шахматном порядке.

Для обозначения контура старого фундамента и его сохранения сверху уложен армированный бутобетон толщиной 10—12 *см*. Арматура бутобетона — сетка из 4-миллиметровой проволоки с размером клетки 150×150 *мм*. За основу вяжущих веществ взята карбонатная известь с цементом в соотношении, позволяющем дать цвет бетонной массе, аналогичный раствору в старом фундаменте. Заполнители — толченый кирпич и постелистая известковая галька.

Внутренняя поверхность грунта между фундаментами укреплена глинобитной смесью с уклоном к выпускному лотку.

Поверхностная вода из зоны памятника отводится при помощи лотка из бутового морозоустойчивого рваного камня, устроенного в северо-восточной части. Из лотка вода попадает на дно оврага. Если опыт консервации фундаментов Спасского собора окажется удачным, то тогда можно будет вскрыть, законсервировать и сделать доступными для обозрения и фундаменты других, ранее раскопанных церквей Старой Рязани.

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

РАСКОПКИ НА РЮРИКОВОМ ГОРОДИЩЕ В 1965 г.

В июле 1965 г. отряд Новгородской археологической экспедиции производил раскопки на Рюриковом Городище по правому и левому берегам Сиверсова канала, перерезающего памятник. Исследования на Рюриковом Городище проводились неоднократно на основной его части и на левом берегу канала. Копавший на мысу левого берега А. В. Арциховский (1929 г.) указал на перемешанность слоев и на отсутствие лепной керамики[1]. В результате раскопок М. К. Каргеру (1934—1935 гг.), В. И. Равдоникасу и Г. П. Гроздилову (1935 г.) удалось выявить многослойный характер памятника[2]; на Городище выделяются: слой XI—XIV вв., слой IX—X вв. с лепной керамикой, отделенный от предыдущего песчаной прослойкой мощностью 0,50 *м*, и слой неолита. В нашу задачу входили поиски участков, где сохранился бы нетронутым культурный слой. Для этого были заложены 4 шурфа на левом берегу канала и 2 шурфа — на правом. Левый берег представляет собой гряду рыжей глины, образовавшуюся при сооружении канала. Под этой глиной мы надеялись обнаружить участки культурного слоя, не испорченного поздними перекопами. Шурф № 1 (2×4 *м*), заложенный на мысу, при слиянии р. Волхова и Сиверсова канала, в юго-западной части Городища, вытянут с запада на восток. Культурный слой до 0,60 *м* толщиной — песок с темной углистой прослойкой. Слой прере-

[1] А. В. Арциховский. Раскопки 1929 г. в Новгородском округе. В кн.: «Материалы и исследования Новгородского Гос. музея», вып. I. Новгород, 1930, стр. 28.

[2] М. К. Каргер. Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода. СА, т. IX. М.—Л., 1947, стр. 145; Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 18—20; Г. П. Гроздилов. Новгородская археологическая экспедиция 1935 г. СА, т. I. М.—Л., 1936, стр. 279 и сл.

зан поздней канавой и ямой. На материке сохранились незначительные остатки деревянного сооружения. Все три пласта в этом шурфе содержали лепную и гончарную керамику (в двух верхних пластах численное соотношение их приблизительно 1 : 30, в нижнем — 1 : 15). Гончарная керамика датируется в основном XII—XIII вв., но встречаются и фрагменты посуды XV в. Кроме того, здесь были найдены 5 обломков

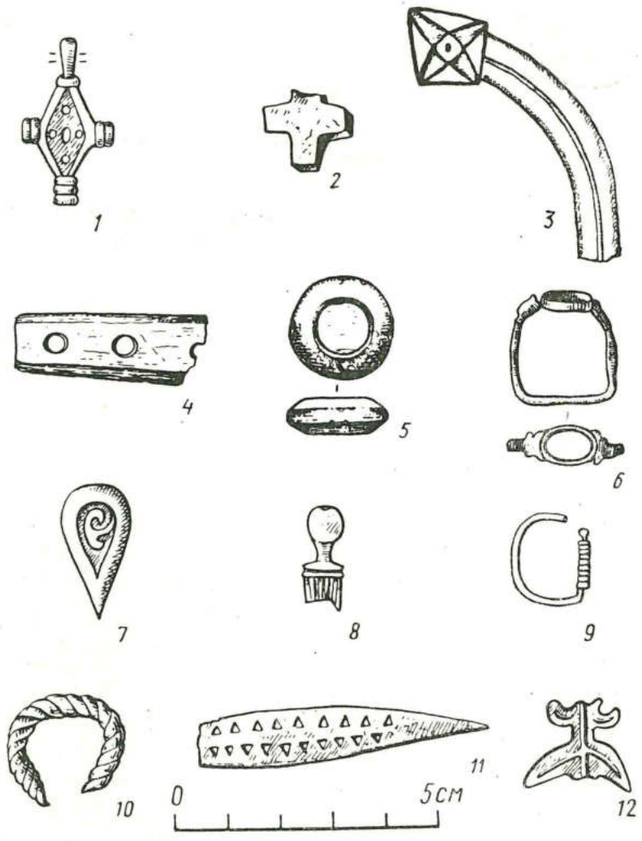


Рис. 1. Находки из шурфов (*1—6*) и подъемный материал (*7—12*)

стеклянных браслетов, обломок поливной писанки, кусочек смальты, 3 стеклянные бусины (зонная черная — подобные известны с XII в., зеленая XII—XIII вв. и лимонка позолоченная X—XI вв.), бронзовый крестик XII—XIII вв. (рис. 1, *1*), ножи, скобы, гвозди, грузики и т. д.

К востоку от шурфа № 1 в двух местах — на расстоянии 15 *м* и 45 *м* от него, был зачищен береговой обрыв на протяжении 2 *м*, что позволило установить стратиграфию на этом участке Городища (рис. 2). После этого мы на обоих участках углубились в толщу берега на

2,5 *м* (шурфы № 2 и 3). В обоих случаях расположение слоев совпало, хотя они и различаются несколько по толщине.

Под слоем желтой материковой глины, выброшенной при рытье канала (слой I, мощность его достигает 0,4 *м* в шурфе № 2 и 1,5 *м* в шурфе № 3), заметна тонкая прослойка погребенной почвы — дневной уровень строительства канала. Ниже залегает очень плотный черно-серый

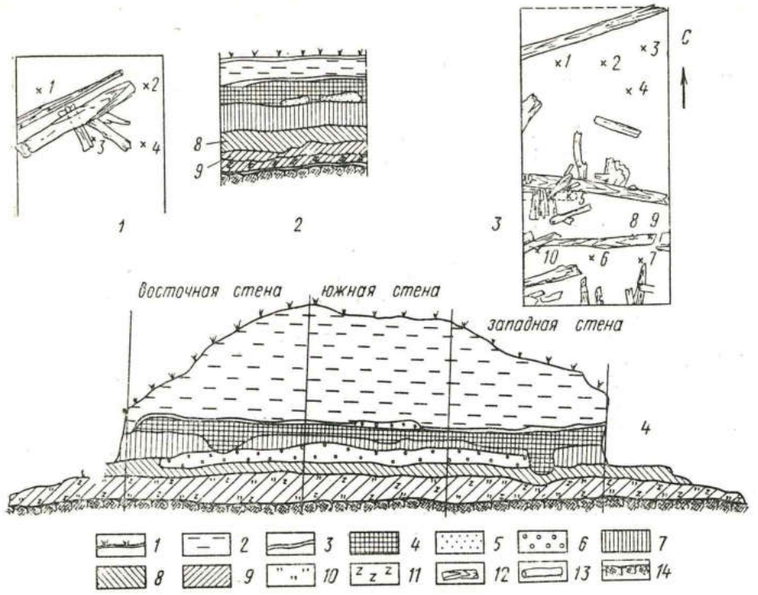


Рис. 2. Планы на уровне слоя V в шурфах № 2 (*1*) и № 3 (*3*) и профили стенок шурфов № 2 (*2*) и № 3 (*4*): *1* — дерновый слой, *2* — желтая глина, *3* — погребенная почва, *4* — темно-серый плотный слой, *5* — песок, *6* — белая глина, *7* — светло-серый слой, *8* — темно-коричневый слой, *9* — черный слой, *10* — навоз, *11* — щепа, *12* — доски, *13* — бревна, *14* — материк

слой II с обломками кирпича, угольками, камнями (0,4 *м* в шурфе № 2 и 0,25 *м* в шурфе № 3). Под ним — светло-серый плотный слой III с отдельными угольками (до 0,4 *м* в обоих шурфах); ниже — черный плотный гумированный слой IV (до 0,3 *м* — в шурфе № 2 и меньше 0,2 *м* в шурфе № 3). На материке — темно-коричневый слой с включениями навоза, со щепой, ореховой скорлупой (слой V, 0,2 *м* — в шурфе № 2 и до 0,3 *м* — в шурфе № 3).

Шурф № 2 не дал интересных результатов: оказалось, что на этом участке слой на глубину до 1,4 *м* нарушен постройкой бревенчатого укрепления военного времени; он состоял из черно-желтого пестроцвета — смесь материковой глины и культурного слоя. Здесь наряду с современными патронами были найдены обломки гончарной керамики XII—XV вв., обломок шиферного крестика (рис. 1, *2*), 2 фрагмента стеклянных браслетов.

Нижний V слой местами сохранился. На материке расчищены остатки деревянного сооружения — несколько бревен хорошей сохран-

ности, одно из которых имеет продольный паз, и широкая доска, лежащая на подкладках. Около сооружения в слое навоза и щепы найдены 2 сердоликовые многогранные бусины, стеклянная вставка перстня, следы двух разложившихся бронзовых предметов, каменное рыболовное грузило. Керамика преобладает лепная (23 фрагмента лепных сосудов и 7 гончарных).

В шурфе № 3 стратиграфия оказалась ненарушенной. Слой II — 40 фрагментов гончарной керамики XIV—XV вв., найдена монетка XV в.; слой III — 36 фрагментов гончарной керамики (рис. 3, *1*), венчики гончарной керамики из слоя III обнаруживают сходство с отдельными экземплярами из Старой Рязани из комплексов XI—XII вв. (более четкое деление автор раскопок не проводит)[3], бусины X—XI вв. («лимонка» желтая двухчастная, синяя удлиненная битрапецоидная, шиферное пряслице); слой IV—160 фрагментов гончарной керамики (отдельные венчики из слоя IV имеют аналогии в Гнездовском могильнике[4] и на Пидебском селище[5]; керамика эта датируется X в.) и 36 лепной (рис. 3, *2*, *3*), бусы X—XI вв. (посеребренная лимонка, белая двухчастная), обломок подковообразной бронзовой фибулы люцинского типа X — первой половины XI в. (рис. 1, *3*), обломок костяного наборного гребня X — начала XI в. (рис. 1, *4*), 2 костяные проколки, свинцовое грузило.

Слой V — 16 фрагментов гончарной керамики (венчики не встречены) и 18 лепной. Сердоликовая круглая бусина X в. (рис. 1, *5*), многочастная посеребренная и двухчастная позолоченная бусины X—XI вв., 2 бисерины рубленые — желтая и синяя (IX—X вв.) и синяя бусина, изготовленная в той же технике; каменное грузило, грубо обработанная костяная проколка, точильный брусок.

В этом слое и непосредственно на материке расчищены остатки деревянного сооружения, состоящие из большого бревна и нескольких мелких досок и бревнышек (рис. 2, *3*). Благодаря толстому слою балластной глины культурный слой в шурфе № 3 сохранился исключительно хорошо и не испорчен поздними кладоискательскими ямами, что часто встречалось на Городище при работе других исследователей и с чем мы столкнулись во всех наших остальных шурфах. В то же время культурный слой этого участка Городища не отражает, по-видимому, всех этапов жизни памятника в целом. В нижних горизонтах (слои IV и V по нашему описанию) наравне с гончарной керамикой ранних форм встречаются фрагменты лепных сосудов, количество которых возрастает по мере приближения к материку. Все найденные здесь вещи (в основном предметы украшения) дают дату — X в.; может быть, рубеж IX—X вв. — начало XI в.

В слое III лепной керамики не встречено, гончарная керамика — XI в., две найденные бусины относятся к X или XI в., шиферное пряслице также говорит об XI в., то есть слой III датируется, вероятно, XI в. В слое II содержалась керамика XV в. и монета «новгородка» XV в.

Таким образом, XII—XIV вв.— время, когда Рюриково Городище жило интенсивной жизнью, являясь резиденцией князя, не нашло отражения в культурном слое шурфа № 3. Между тем во всех остальных шурфах, да и просто на поверхности земли, у воды, в обвалах правого берега Сиверсова канала постоянно встречаются печати, обломки стеклянных браслетов, бусы и другие вещи XII—XIV вв.

[3] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49. М., 1955, рис. 87, *1, 2*.
[4] В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). МИА, № 92. М., 1960, рис. 3, 5, 6, 8.
[5] А. А. Бобринский. Гончары-пидьбляне. СА, 1959, № 1, рис. 4, *1, 3, 4*.

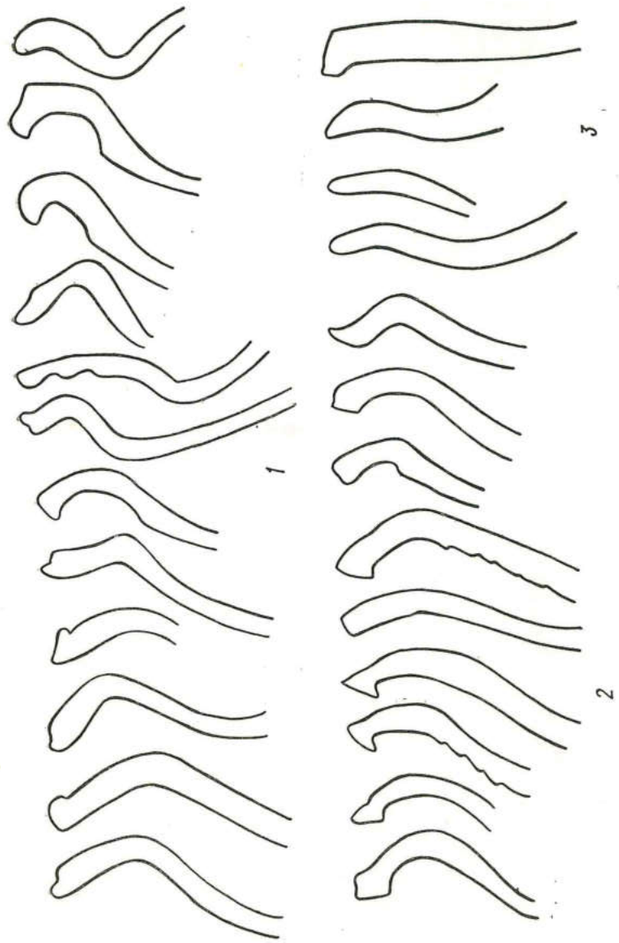


Рис. 3. Профили венчиков гончарных (*1*, *2*) и лепных (*3*) сосудов из шурфа № 3

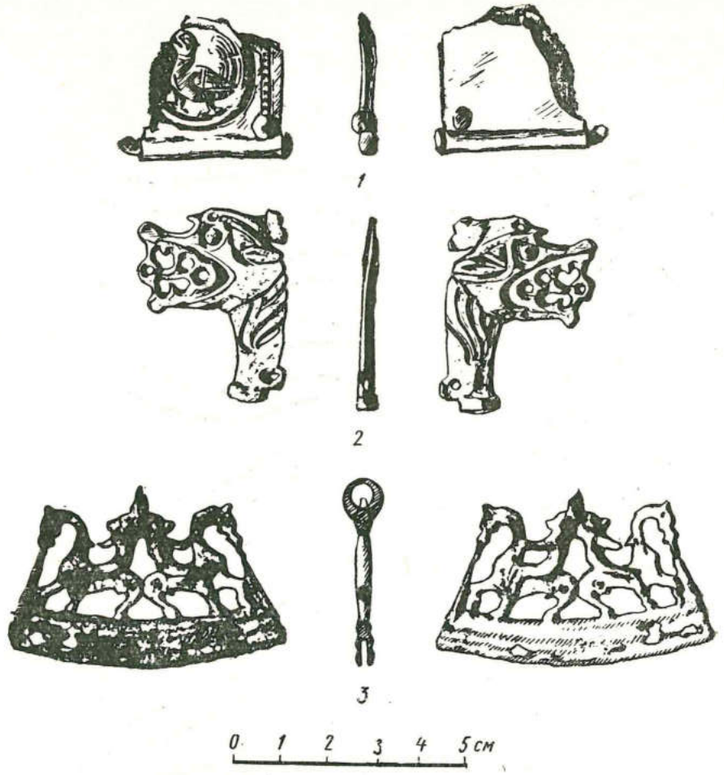


Рис. 4. Металлические изделия с Рюрикова Городища

При раскопках Н. П. Пахомова в 1969 г. в этой части Городища также не были встречены слои великокняжеского времени (II раскоп) [6]. Вероятно, по каким-то причинам этот участок южной окраины Городища пустовал в указанный период.

Шурф № 4 (2×2 *м*), заложенный к югу от глиняной гряды, на современном огороде, показал, что слой здесь перекопан до материка — на глубину 2,1 *м* от поверхности. Встречена разновременная керамика, обломки кирпича и древние вещи: стеклянная глазчатая бусина X—XI вв., мозаичная черно-желтая бусина XI—XII вв., очень маленькая зеленая кольцевидная бусинка, обломок желтоватой поливной плитки, несколько обломков стеклянных браслетов, обломок стеклянного сосуда, вероятно, сирийского происхождения, расписанного желтой, синей и золотой красками. Найдена также свинцовая вислая печать [7].

Шурфы № 5 и 6, заложенные на правом берегу Сиверсова канала (по обрыву берега площадью 2×1 *м* и в 1,5 *м* от берега площадью 2×2 *м*), дали перекопанный культурный слой, где древние находки — 2 бусины X—XI вв., 4 обломка стеклянных браслетов, бронзовый перстень (рис. 1, *6*) — перемешаны с современными вещами.

[6] Н. П. Пахомов. Раскопки Рюрикова Городища. АО 1969 г. М., 1970.
[7] В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 2. М., 1970, № 644.

Кроме раскопочных работ отрядом велись ежедневные сборы подъемного материала по обоим берегам Сиверсова канала. Найдено 14 свинцовых вислых печатей, много монет, пломб, бусы, стеклянные браслеты, крестики, различные накладки (рис. 1, *7*), рукоятка модели меча (рис. 1, *8*), серьги (рис. 1, *9*), металлические перстни (рис. 1, *10, 11*), браслеты, подвески (рис. 1, *12*).

Наибольший интерес представляет свинцовая головка дракона с открытой пастью и скрученным языком (рис. 4, *2*). Изображение плоское двустороннее с петлей у шеи и коническим углублением в основании. Назначение предмета неясно: может быть, его носили подвешенным за петлю в качестве украшения или талисмана.

Редкой находкой для славянской территории является угро-финское кресало (рис. 4, *3*) с бронзовой рукоятью, изображающей двух всадников с длинными носами и ушами (один из них бородатый). Такие кресала по типологии Л. А. Голубевой, составившей сводку находок этих вещей, относятся к первому варианту IV группы [8]. По 1 экземпляру кресал найдено в Финляндии, Норвегии, Латвии. Финская находка совершенно аналогична нашей [9]. Дата подобных кресал — вторая половина X — начало XI в. Одно кресало с фигурной бронзовой рукоятью, но другого типа, найдено в самом Новгороде.

Можно отметить еще бронзовое украшение, по-видимому, угла книжной обложки — между листами двойной пластинки металла сохранился обрывок ткани (рис. 4, *1*). Пластинки скреплены заклепкой и петлей, в которую вставлен бронзовый гвоздик в качестве шарнира. На одной из пластинок изображен чеканный узор — птица, идущая по кругу, и орнаментальная полоса вдоль края с косой насечкой. Птица, идущая по кругу,— мотив, очень распространенный в древнерусском декоративном искусстве. В данном случае — это не слишком изящное изображение: ноги у птицы короткие, похоже, что с перепонками, шея тоже довольно короткая и толстая, голова крупная. Общий облик напоминает водоплавающую птицу, если бы не пышный хвост, условно изображенный несколькими линиями и изгибающийся по окружности медальона.

Таким образом, несмотря на плохое состояние культурного слоя, Рюриково Городище все еще представляет собой интереснейший памятник и долго, вероятно, будет привлекать внимание исследователей.

[8] Л. А. Голубева. Огнива с бронзовыми рукоятями. СА, 1964, № 3, стр. 130.
[9] N. Cleve. Finlädska fornsaker. 2. «Eldstål med bronsfäste Finskt Museum», t. XXXVI, 1929, fig. 1.

Е. А. РЫБИНА

ИЗ ИСТОРИИ ВВОЗА ЯНТАРЯ В НОВГОРОД

(по материалам раскопок 1951—1970 гг.)

Одной из наиболее заметных категорий новгородского импорта, постоянно встречающейся в культурном слое Новгорода, является янтарь. Коллекция необработанного янтаря, заготовок и изделий из него, собранная при раскопках 1951—1970 гг., насчитывает сейчас более 2000 экземпляров; ежегодно она пополняется новыми находками (таблица).

Особо следует выделить Лубяницкий раскоп 1967 г., где найдено 1008 кусков и изделий из янтаря, то есть почти в 2,5 раза больше, чем на всех других раскопах, вместе взятых, несмотря на его относительно небольшую площадь. Но, даже исключив Лубяницкий раскоп из общего подсчета, остается 407 необработанных кусков янтаря. Отсюда очевидно, что янтарь в Новгород поступал в качестве сырья, а изделия из него создавали новгородские ремесленники. О местном происхождении изделий говорит и их форма.

В результате исследования части материалов Неревского раскопа установлено, что «в Новгороде янтарные изделия появляются во второй четверти XI в. и бытуют до XVI в. В XIII в. из-за отсутствия янтаря его обработка временно прекратилась. В слоях этого века встречены лишь единичные экземпляры» [1].

При изучении всей коллекции янтаря, собранной на Неревском раскопе, эта картина распределения его по векам, верная в целом, уточняется и дополняется. Всего за 12 лет работы на Неревском конце найдено 734 готовых изделия и кусков янтаря. Распределив этот материал по ярусам, каждый из которых имеет точную дату, получим полную хронологическую картину поступления янтаря в Новгород (рис. 1).

[1] Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 111.

Отдельные экземпляры янтарных изделий появляются здесь уже в X в. (28-й ярус), затем их число неуклонно растет и в середине XII в. (19-й ярус) достигает наивысшего подъема. После этого периода количество янтаря сокращается вплоть до конца XIII в. (11-й ярус); наименьшее число находок относится к 1224—1299 гг. (12—15-й ярусы), затем вновь находки янтаря становятся обильными, достигая максимума в 1369—1409 гг. (6—7-й ярусы).

На Ильинском раскопе, работы на котором продолжались с 1962 по 1967 г., собрано 156 кусков янтаря и изделий из него. К сожалению, пока еще не получены дендрохронологические данные по этому раскопу, что не позволяет построить подробную диаграмму хронологического распределения находок. Однако предварительная датировка слоя по древним вещам позволяет сгруппировать находки янтаря Ильинского раскопа все же достаточно определенно — по векам. Так же, как и на Неревском раскопе, здесь на XIII столетие приходится наименьшее число находок.

В 1970 г. на Суворовском раскопе было найдено 138 янтарных изделий и кусков янтаря. Благодаря отличной сохранности уличной мостовой в этом раскопе, со всех ярусов которой получены спилы для дендрохронологического анализа, оказалось возможным датировать не только каждый ярус мостовой, но и найденные в этих ярусах предметы. Таким образом, каждая находка янтаря имеет здесь четкую дату. Распределение янтаря Суворовского раскопа по ярусам аналогично распределению янтаря Неревского раскопа. И здесь количество янтаря достигает наибольшего подъема в середине XII в., сокращаясь затем с каждым десятилетием. В XIII в. янтарь практически отсутствует и вновь появляется в первой четверти XIV в. (рис. 2).

Таким образом, хронологическое распределение всех находок янтаря по ярусам отражает действительную картину его импорта в Новгород. Перерыв в торговле янтарем, приходящийся на XIII в. и отмеченный ранее [2], теперь убедительно подтверждается.

Таблица

Находки янтаря в Новгороде

Название раскопа	Дата находок, годы	Бусы	Кресты	Перстни	Прочие изделия	Куски
Неревский	1951—1962	370	112	44	37	171
Ильинский	1962—1967	27	8	1	4	116
Лубяницкий	1967	7	1	1	—	1008
Тихвинский	1969	17	7	1	1	11
Суворовский	1970	23	3	2	1	109
Всего		444	131	49	43	1415

[2] Б. А. Колчин. Ук. соч. СА, 1958, № 2, стр. 111; Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 60.

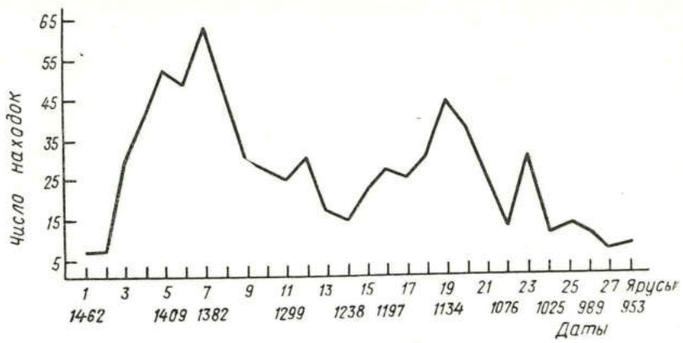


Рис. 1. Распределение находок янтаря из коллекции 1951—1962 гг. по ярусам Неревского раскопа

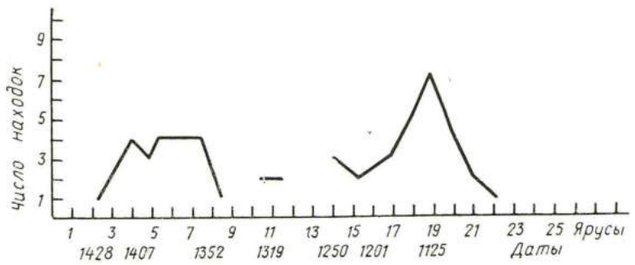


Рис. 2. Распределение находок янтаря из коллекции 1970 г. по ярусам Суворовского раскопа

Источником поступления янтаря в Новгород признается побережье Балтийского моря[3], захваченное с начала XIII в. крестоносцами. Поскольку немцы распространяли свои захватнические планы на славянские земли, между Новгородом и Орденом на протяжении всего XIII в. велась упорная борьба. С 1200 г. летописи постоянно упоминают о военных столкновениях с Литвой и немцами, отрицательно сказавшихся на западной торговле Новгорода.

[3] Возможно, что часть янтаря поступала и из других мест; известны его месторождения в Киевской и Харьковской областях. С. С. Савкевич в исследовании о янтаре выделяет Балтийско-Днепровскую янтареносную провинцию, граница которой проходит на востоке и юго-востоке по долине Днепра, и хотя в настоящее время промышленное значение имеет только Пальмникенское месторождение, расположенное на территории нынешней Калининградской области, возможно, в древности янтарь добывали и в Приднепровье (С. С. Савкевич. Янтарь. Л., 1970, стр. 52—53). В связи с этим обращает внимание резкое падение количества янтаря в 22-м ярусе, что можно было бы считать случайным, если бы оно не совпадало с таким же сокращением других категорий импорта, поступавших в Новгород днепровским путем (Е. А. Рыбина. Из истории южного импорта в Новгород. СА, 1971, № 2). Однако пока не сделаны необходимые анализы по определению месторождений новгородского янтаря, выделить инородный для Прибалтики янтарь не представляется возможным.

С 1200 по 1269 г. эти столкновения отмечены 26 раз; среди них крупнейшие битвы: на Чудском озере и Раковорская. Торговые пути, соединявшие Новгородскую землю с Прибалтикой и Западной Европой, становятся особенно опасными. Состояние войны между Тевтонским орденом и Новгородом исключало всякую возможность торговых сношений между ними. Известны случаи торговой блокады, которая использовалась как метод борьбы враждующими сторонами. Этим методом борьбы пользовались и русские княжества в войне против Новгорода[4].

Оживленная прежде торговля Новгорода с Западом в XIII в. затухает. Лишь после Раковорской битвы (1268 г.), стабилизировавшей положение на западных рубежах Новгородской земли, заключается мирный договор Новгорода с немецкими городами и Готландом, по которому восстанавливается система старых торговых путей (древнейший торговый договор между Новгородом и западными торговыми центрами был заключен еще в конце XII в.[5]), конституируется порядок торговли немцев в Новгороде, а новгородских гостей в немецких городах и на Готланде, назначаются штрафы за злоупотребления в торговых операциях.

Этот перерыв в торговле Новгорода с Прибалтикой прослеживается и по находкам янтаря. Именно в слоях XIII в. найдено наименьшее количество предметов из янтаря. В первой четверти XIV в. число находок янтаря вновь увеличивается, отражая восстановление торговых связей.

Как мы уже говорили, особое положение в коллекции янтаря занимают материалы Лубяницкого раскопа 1967 г. Среди 1008 кусков найденного здесь янтаря некоторое число мелких кусочков может быть признано отходами производства готовых изделий. Тут найдены также фигурный крестик, 2 целые и 1 фрагментированная бусины, обломок перстня и, кроме того, 4 заготовки бус с недосверленными отверстиями и неотшлифованной поверхностью. Некоторые заготовки позволяют судить о технике изготовления янтарных бус. Одна из них имеет поверхность, как бы обколотую специальным инструментом (для придания предмету формы) для последующей шлифовки. Очевидно, найденные в раскопе мелкие кусочки янтаря и были отходами такого технологического процесса.

Подавляющее большинство находок янтаря сосредоточено у северной стены раскопа. К сожалению, не поддаются определению из-за фрагментарного состояния сооружения, вскрытые на раскопе, что затрудняет общую характеристику данного участка. Однако некоторые косвенные данные и находки, обнаруженные на этой усадьбе, позволяют судить об ее владельце как о человеке, тесно связанном с торговлей, в частности, ювелирными товарами. Об этом свидетельствуют не только многочисленные находки янтаря, но и миниатюрные ювелирные весы, литейная форма, итальянская камея, содержание найденной здесь берестяной грамоты № 439[6]. Кроме того, усадьба, вскрытая на Лубяницком раскопе, находилась в ближайшем соседстве с территорией новгородского Торга.

Конечно, можно было бы предположить, что найденный на Лубяницком раскопе янтарь был предназначен для продажи. Однако незаконченные изделия и многочисленные мелкие кусочки, не имеющие товарного значения и являющиеся, несомненно, отходами производства,

[4] НПЛ, стр. 51, 52, 253.
[5] ГВНП, стр. 55—56, № 28.
[6] А. В. Арциховский. Берестяная грамота № 439. СА, 1971, № 3.

позволяют утверждать, что янтарь обрабатывался именно на этой усадьбе, в числе обитателей которой был и ювелир.

Предварительные данные датируют весь этот комплекс XIII в., что противоречит выясненной выше картине. Однако расположение скоплений янтаря вдали от мостовой делает не вполне надежной эту датировку. Не исключено также, что мастерская была обеспечена запасами янтаря давнего происхождения. Ясно, что сравнение бытового и производственного комплексов дело более сложное, чем сравнение двух бытовых комплексов, более чутко реагирующих на колебания импорта.

Из числа импортных категорий западного происхождения мы избрали янтарь, поскольку он, как правило, сырье однократной обработки. Однако причины колебания его импорта не связаны с колебаниями в его добыче. Они имеют более общий характер, отражающий состояние западной торговли Новгорода в целом. Поэтому сделанные здесь наблюдения могут и должны быть учтены при исследовании других категорий западного импорта (например, цветных металлов), менее подверженных статистической обработке.

М. В. СЕДОВА

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ НОВГОРОДА

Среди огромной коллекции изделий древних ювелиров, собранных Новгородской археологической экспедицией, особое место занимает своеобразная группа находок. Это 20 металлических предметов с массивной плоской головкой и длинным уплощенным или круглым стержнем, заканчивающимся крючком. Головка изделий обычно сложно орнаментирована с лицевой стороны и гладкая с оборотной. Стержень с крючком (гладкий, за исключением одного экземпляра не орнаментированный) припаивался к оборотной стороне головки. Изделия отливались из бронзы, серебра и оловянисто-свинцовых сплавов в каменных односторонних литейных формах. Длина изделий — от 8,5 до 10,5 *см*, причем длина головки составляет примерно $^1/_2$ часть общей длины предмета. Всю эту группу металлических предметов отличает особая хрупкость.

По стилю орнаментации головок изделия делятся на несколько типов. К первому типу относятся 11 предметов со звездчатыми головками (рис. 1, *1—4*, *6*, *7*). Основу их составляет ромбическая или восьмиконечная фигура, в центре которой помещалось круглое или квадратное гнездо для вставок. У 2 изделий вставки перламутровые (рис. 1, *2*, *4*), а у 3 изделий они изготовлены из синего и черного стекла (рис. 1, *5—7*). На концах головок расположены украшения в виде полумесяцев или шариков, лежащих пирамидкой. Несколько отличаются по форме головки 3 предметов также восьмиконечной формы, но с чередующимися круглыми и овальными концами, причем в центре круглых концов имеются гнезда для вставок (рис. 1, *1*, *3*, *5*). Центральную часть плоскости звездчатых головок занимают арки или круги с узором из ложной зерни и скани.

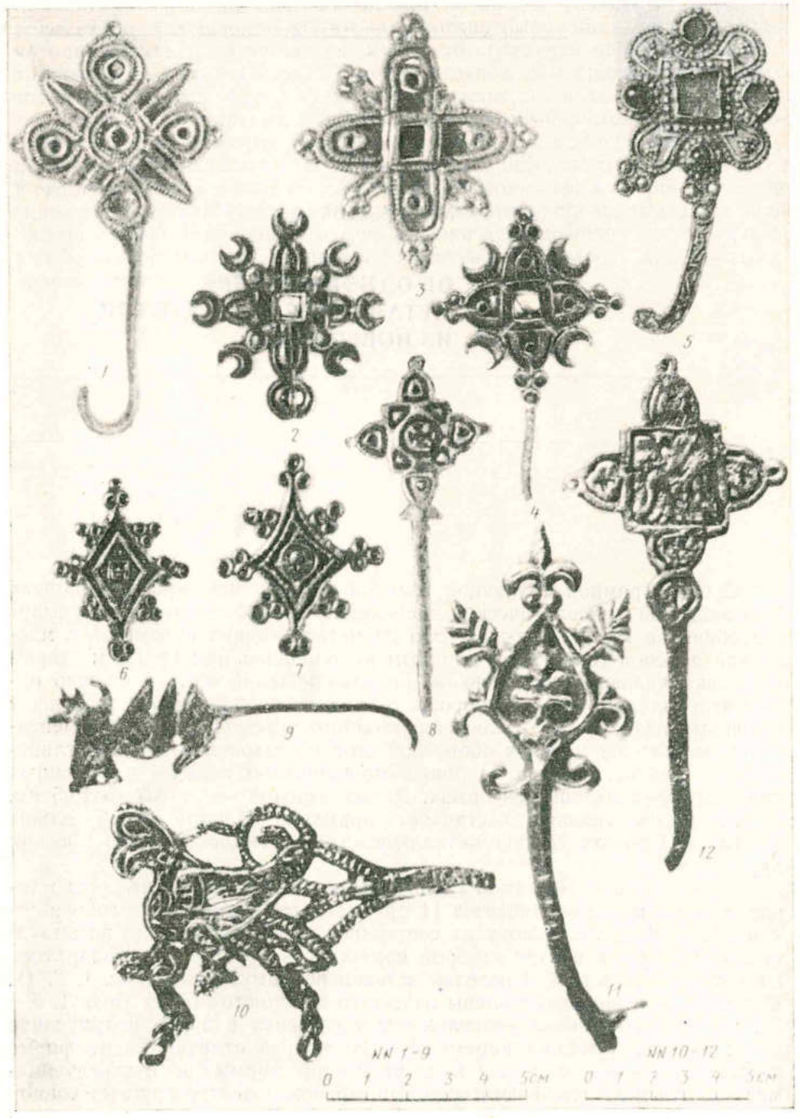


Рис. 1. Группа металлических украшений с навершиями из Новгорода

Изделия со звездчатыми головками встречены на Неревском раскопе в слоях второй половины XII — середины XIII в. (ярусы 18—12-й), на Ильинском раскопе в слое рубежа XII—XIII вв. (ярус 11-й).

Близки по форме к первому типу описываемых вещей, но составляют особую группу 2 предмета с головками квадрифолийной формы. Головка первого изделия украшена красной выемчатой эмалью, расположенной в виде арок на лопастях и круга с крестом в центре (рис. 1, *8*). В центре лицевой стороны второго изделия помещена фигура двуглавой птицы (рис. 1, *12*) с распростертыми крыльями. Находка с выемчатой эмалью обнаружена в слое середины XII в. (ярус 17-й), а с изображением двуглавой птицы — в слое начала XV в. (ярус 5-й).

Третий тип описываемых изделий представлен 4 довольно грубо и схематично исполненными вещами. Их головки имеют завершения в виде фигуры крылатого зверя (рис. 1, *9*). В нижней части туловищ зверей пробиты отверстия для несохранившихся привесок, плоскость туловищ украшена чеканным узором — косичкой. Встречены подобные вещи на Неревском раскопе в слоях первой половины XIII в. (ярусы 14-й и 15-й).

К находкам с изображением крылатых зверей примыкает предмет, завершающийся фигурой птицы (рис. 1, *10*). Птица повернута в профиль, у нее крупная голова с мощным клювом, хищные лапы. К лапам и нижней части туловища птицы прикреплены 3 цепочки. Крыло и оперение показаны рельефной линией, хвост ажурный, загнутый кольцом. Эта вещь найдена в слое конца XII в. (ярус 16-й). К четвертому типу описываемых изделий относятся 2 экземпляра с головками, на которых в различных вариантах изображены символы ростка — крины. Одна головка ажурная, а другая (рис. 1, *11*) плоская, сердцевидной формы, с изображением ростка в центральной части и криновидным завершением. Первая найдена в слое конца XII в. (ярус 16-й), вторая в слое середины XIII в. (ярус 13-й).

Все изделия с массивными головками и стержнем с крючком были изготовлены и находились в употреблении с середины XII в. до второй половины XIII в. (18—12-й ярусы, см. таблицу).

Таблица

Распространение одной группы металлических изделий с навершиями на Неревском раскопе в Новгороде

Дата, век	Звездчатые			Квадрифолийные			В виде крылатого зверя или птицы			В виде крина			Всего
	ярус	пласт	квадрат	ярус	пласт	квад-рат	ярус	пласт	квад-рат	ярус	пласт	квад-рат	
XII	18	19	934	17	22	220	16	20	1514	16	25	1391	4
XIII	15	22	629	—	—	—	15	20	1206	13	16	1838	—
XIII	15	16	1097	—	—	—	15	15	1772	—	—	—	—
XIII	14	11	1729	—	—	—	14	15	1881	—	—	—	—
XIII	14	10	669	—	—	—	14	17	1595	—	—	—	—
XIII	14	14	602	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XIII	13	12	528	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XIII	13	10	683	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
XIII	12	17	раскоп XXVII	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13
XV	—	—	—	5	12	764	—	—	—	—	—	—	1

Из 20 предметов лишь одна находка с изображением двуглавой птицы обнаружена в слое начала XV в. Видимо, она найдена во вто-

ричном залегании, так как хронологический разрыв в полтораста лет трудно объяснить длительностью употребления вещи. 5 изделий обнаружены на территории усадьбы «И»[1]. Среди них 3 находки с головкой в виде крылатого зверя, а также изделие с головкой в виде птицы (рис. 1, *9—10*). В непосредственной близости от усадьбы «И», за мостовой Великой улицы, на усадьбе «К» найден и четвертый предмет с изображением крылатого зверя. Таким образом, вся группа вещей с зооморфными изображениями, залегавшая в слое конца XII—первой трети XIII в. (ярусы 14—16-й), находилась в пределах одного землевладения, ибо уже с XII в. территория усадьбы «И» принадлежала одному роду. 4 находки со звездчатыми головками (рис. 1, *1, 6*) обнаружены к северу от усадьбы «И» за мостовой Кузьмодемьянской улицы, на территории усадьбы «Д», где они залегали в слое первой половины XIII в. (13—14-й ярусы). Остальные 9 находок Неревского раскопа равномерно распределялись на площади других усадеб. Только одна находка обнаружена на площади Ильинского раскопа. Ни одно подобное изделие не связано в Новгороде с производственным комплексом.

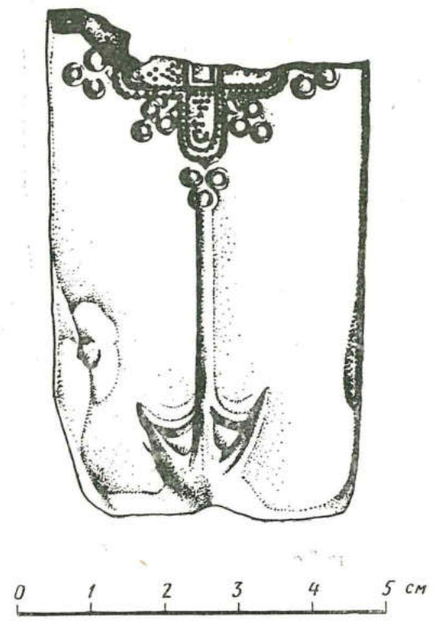


Рис. 2. Литейная форма из Серенска, в которой отливались изделия со звездчатыми головками

Кроме Новгорода вещи такого типа найдены в Старой Рязани[2], на городище Воищина на Смоленщине[3] и в Серенске. Находка из Старой Рязани не вполне достоверно может быть отнесена к предметам описываемого типа, так как, несмотря на сходство ее головки с криновидными завершениями новгородских изделий, о полном контуре ее судить трудно из-за отсутствия стержня. 2 предмета из Воищины своими очертаниями очень напоминают звездчатые и квадрифолийные новгородские находки. Наибольший интерес представляет подобное изделие из Серенска, имеющее квадрифолийное навершие, в центре которого помещена фигура птицы с распростертыми крыльями. Находка эта очень напоминает новгородскую, но отличается тем, что птица изображена с одной головой, и фигура ее расположена горизонтально по отношению к загнутому концу, который имеет не один, а два крючка. Такой же двойной крючок вырезан и на литейной форме для отливки изделий со звездчатыми головками (рис. 2), найденной в Серенске в слое начала XIII в.[4].

Головка на литейной форме по стилю орнаментации больше всего напоминает головку одной новгородской находки (рис. 1, *3*). У нее та же восьмиконечная форма, лопасти заканчиваются пирамидками из трех шариков, в центре — квадратное гнездо для вставки.

До сих пор остается неясным назначение всех этих вещей. Судя по местам их находок (Новгород, Воищина, Серенск, Старая Рязань), они были довольно широко распространены на древнерусской территории. На всех памятниках они найдены в слое XII—XIII вв. Это не могли быть женские украшения типа серег, так как крючки у них очень грубые и большей частью тупые на концах. Возможно, предметы эти употреблялись в качестве заколок для волос или головных уборов. Именно на такое их применение указывают поздние румынские аналогии XVI в.[5].

Можно предположить также, что это были застежки на одежде или книге. Но, скорее всего, это были вотивные изображения. Именно к такому выводу пришел Б. А. Рыбаков. В докладе на секторе славяно-русской археологии в 1965 г. он высказал предположение, что предметы с криновидными и зооморфными навершиями и крючками на концах являлись привесками к иконам и были «принадлежностью весенних аграрных обрядов, связанных со всходами яровых посевов (с праздником Бориса и Глеба)... Главными сюжетами праздника были стилизованное изображение ростка и грифон — семаргл, охраняющий семена и растения».

Возможно, новые находки как из Новгорода, так и из других пунктов Древней Руси помогут более определенно сказать о назначении и происхождении этих загадочных предметов.

---

[1] П. И. Засурцев. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. МИА, № 123. М., 1963, стр. 138, 143.

[2] А. Л. Монгайт. Художественные сокровища Старой Рязани. М., 1967, рис. 12, *в*.

[3] В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). МИА, № 92. М., 1960, рис. 33, *2*.

[4] Приношу благодарность Т. Н. Никольской, предоставившей в мое распоряжение материалы из ее раскопок.

[5] M. M. Popescu. Podoabe medievale in ţările Române. «Editura meridiane, 1970». Reproduceri 23 (cat. 52), 26 (cat. 48).

Н. Л. ПОДВИГИНА

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ЦЕХОВ В НОВГОРОДЕ КОНЦА XII — НАЧАЛА XIII в.

В конце XII — начале XIII в. Новгород был одним из крупнейших городов Древней Руси с многочисленным по тому времени населением. Основную массу горожан составляли ремесленники, мелкие рыночные торговцы и люди, в той или иной степени связанные с поденной работой и различными промыслами. Все они принадлежали к разряду «черных людей» и в летописи именовались просто «людьми», «чадью» или «простой чадью». Данные археологии свидетельствуют, что состав «черных людей», и в частности ремесленников, был неоднороден. Находки в Новгороде больших ремесленных мастерских и небольших срубов, жители которых занимались ювелирным ремеслом, позволяют говорить об имущественном неравенстве в среде ремесленников.

О социальном положении ремесленников в конце XII — начале XIII в. в письменных источниках нет сведений. Известно лишь, что ремесленники не могли занимать высших административных должностей в Новгородской республике, которые являлись привилегией феодалов. Представителем «черных людей» в правительстве был тысяцкий, который избирался из числа феодалов небоярского происхождения [1].

Известная неоднородность ремесленников и «черных людей» еще не проявлялась в конце XII — начале XIII в. в социальной и политической жизни Новгородского государства. Процесс социального расслоения в их среде не зашел еще в то время настолько далеко, чтобы привести к образованию особых, четко разграниченных социальных групп, выступающих на политической арене со своими требованиями. В политическом отношении «простая чадь» действовала еще как недифференцированная масса. Активно участвуя в классовой борьбе, ремесленники не выдвигали каких-либо своих требований, отличных от общих требований «черных людей».

[1] В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 329.

Говоря о ремесленниках, нельзя не затронуть проблему, которая уже более столетия является дискуссионной — проблему цехов в древнерусских городах. Вопрос об организациях ремесленников на Руси интересовал исследователей еще в середине прошлого века.

В исторической литературе распространены две точки зрения, которые бытуют и поныне: одни историки высказывались за версию о существовании ремесленных корпораций в Древней Руси (в основном в XIV—XV вв.), другие — против нее, причем обосновать свои взгляды достаточно убедительно не удалось ни тем, ни другим. И это закономерно, ибо источников, на которые могли бы опереться ученые, нет.

В связи с этим наиболее правильным следует считать путь, избранный М. Н. Тихомировым, Б. А. Рыбаковым, В. В. Стоклицкой-Терешкович и другими историками, начавшими изучение проблемы ремесленных корпораций с сопоставления условий, при которых происходило образование цехов на Западе, с условиями, сложившимися на Руси в эпоху средневековья [2]. Правомерность сравнения древнерусских городов с западноевропейскими убедительно доказана советскими учеными. Поэтому можно ставить вопрос и о том, были ли в городах Древней Руси условия, подобные тем, которые вызвали к жизни цехи на Западе. Необходимо также отчетливо представлять признаки, функции, структуру цеха, а также права и обязанности его членов. Только комплексное изучение всех этих элементов поможет решить эту сложную проблему. Наличие одного или нескольких элементов цеховой организации при отсутствии других, не менее важных элементов, не может служить бесспорным доказательством существования ремесленных объединений типа цеха.

Совершенно очевидно, что цехи, достоверно существовавшие в средние века в некоторых странах Западной Европы, не были одинаковыми и отличались по своей организации, компетенции и функциям. Но не подлежит сомнению и то, что у цеха как организации ремесленников во всех странах есть общие черты, которые и позволяют считать его именно цехом. Сравнению сходства и различий цехов в разных странах посвящена статья В. В. Стоклицкой-Терешкович, в которой, на наш взгляд, наиболее успешно изучаются все стороны этого сложного вопроса [3].

Итак, что же такое цех? Это объединение ремесленников определенной специальности в феодальном городе, осуществлявшее организацию производства и сбыта ремесленной продукции. Наиболее общие черты цеховой организации — внутренняя иерархия цеха (в частности, институт ученичества), система надзора за промышленностью и торговлей произведенными продуктами [4]. Цех был объединением не только экономического, но и политического характера. В городах Западной Европы цехи находились в центре политической борьбы городов с сеньорами.

[2] М. Н. Тихомиров. Ремесленники и ремесленные объединения в Киевской Руси. УЗМГУ, вып. 87, История СССР, 1946; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948; В. В. Стоклицкая-Терешкович. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси. «Средние века», сб. 3. М.—Л., 1951.

[3] В. В. Стоклицкая-Терешкович. Ук. соч. «Средние века», сб. 3, 1951, стр. 74—102.

[4] Там же.

Причины, породившие цехи, кроются в совокупности социальных условий, в которых складывался феодальный город. К. Маркс и Ф. Энгельс четко определили причины образования цехов: «Конкуренция постоянно прибывавших в город беглых крепостных; непрерывная война деревни против города, а следовательно, и необходимость организации городской военной силы; узы общей собственности на определенную специальность; необходимость в общих зданиях для продажи своих товаров — ремесленники были в ту пору одновременно и торговцами — и связанное с этим недопущение в эти здания посторонних; противоположность интересов отдельных ремесел между собой; необходимость охраны с таким трудом усвоенного ремесла; феодальная организация всей страны — таковы были причины объединения работников каждого отдельного ремесла в цехи» [5].

Как известно, цехи могли появиться там, где уровень развития ремесла высок, а степень дифференциации ремесел весьма значительна. Это необходимое условие в Новгороде в конце XII—начале XIII в. было.

Одна из предпосылок образования цеха — концентрация ремесленников определенных специальностей в определенных кварталах города. В Новгороде XVI в., по данным писцовых книг, локализация ремесел по районам очевидна [6]. Некоторые сведения о подобной локализации в конце XII в. можно найти в Новгородской летописи, в которой упоминаются названия районов города, связанных с ремеслами: Плотники (1197 г.), Молотково (1199 г.) [7]. Археологическими раскопками прослежено наличие в Новгороде если не поселков, то таких мест, где концентрировались мастерские ювелиров, сапожников и других ремесленников, причем часто эти мастерские существовали там на протяжении нескольких столетий, то есть в них работало не одно поколение ремесленников.

В цеховой иерархии наиболее распространены категории: ученик, подмастерье, мастер. Но иногда одно звено из этой цепочки выпадало: некоторые цехи (например, брюссельские XV в.) не требовали ученичества, а в итальянских цехах не всегда был обязателен подмастерье [8]. О существовании в Новгороде института ученичества и подмастерьев, по крайней мере в кузнечном деле, можно говорить с достаточным основанием. Как показали исследования Б. А. Колчина, технология производства многочисленных орудий труда, оружия и инструментов была очень сложной и разнообразной, что свидетельствует о высокой квалификации новгородских кузнецов. Высококвалифицированный мастер должен был обладать обширными знаниями и опытом. Разделения труда по операциям тогда еще не существовало, поэтому «каждый, кто желал стать мастером, должен был овладеть своим ремеслом во всей его полноте» [9], а это достигалось лишь в процессе длительного обучения.

Кузнечное дело требовало участия в работе, помимо мастера, еще и помощников или хотя бы одного — молотобойца. Таким человеком мог быть младший член семьи кузнеца или ученик, или специально нанятый молотобоец. Возможно, в молотобойцы шли ученики, закончив-

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр. 50—51.
[6] А. В. Арциховский. Новгородские ремесла. НИС, вып. 6. Новгород, 1939, стр. 3—5.
[7] НПЛ, стр. 43, 237; ПСРЛ, т. III, стр. 218.
[8] В. В. Стоклицкая-Терешкович. Ук. соч. «Средние века», сб. 3, 1951, стр. 75.
[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 52.

шие обучение, но не имевшие средств и возможностей стать самостоятельными мастерами [10]. Такие помощники требовались не в каждой ремесленной профессии; во многих ремеслах весь технологический процесс мог выполнять один человек.

В монографии о ремесле Б. А. Рыбаков уделил много внимания проблеме цеховых организаций в древнерусских городах, в том числе и в домонгольское время. За исходный пункт исследователь взял внешние признаки цеховой корпорации; совместные пирушки, постройку патрональной церкви, совместное проведение праздников и пытался доказать наличие этих признаков у новгородских кузнецов.

Христианскими патронами кузнецов в Древней Руси считались Кузьма и Демьян. В Новгороде известны 3 Кузьмодемьянские церкви: на Кузьмодемьянской (1146 г.) и Холопьей (1270 г.) улицах в Неревском конце и в Кузнецах на Гзени (1533 г.) [11]. Пытаясь доказать, что первая была патрональной церковью кузнецов, живших в этом районе, Б. А. Рыбаков ссылается на икону XVI в. «Видение пономаря Тарасия», где изображена кузница с наковальней и работающие кузнец и молотобоец. По ошибочному представлению автора, убедительно опровергнутому В. Л. Яниным, это изображение локализуется в конце Кузьмодемьянской улицы вблизи того места, где в нее входит Холопья [12].

Б. А. Рыбаков предположил, что здесь была кузнечная слобода, жители которой построили Кузьмодемьянскую церковь. Напомним, что эта мысль высказана в монографии, опубликованной в 1948 г., до начала раскопок на Неревском конце. Теперь, когда археологами раскопана большая площадь как раз в том районе, о котором писал Б. А. Рыбаков, можно с уверенностью сказать, что никакой кузнечной слободы в районе Кузьмодемьянской и Холопьей улиц ни в XIV—XV, ни в XII—XIII вв. не было. Здесь были вскрыты усадьбы посадничьей династии Онцифоровичей. Из ремесленников в этих местах с начала XII в. жили ювелиры, которые работали здесь в течение нескольких столетий, а в XIV—XV вв.— сапожники и кожевники (этим объясняется и более позднее название местности «Кожевники»). Кузница, изображенная на хутынской иконе, расположена далеко за пределами участка, на котором находятся обе Кузьмодемьянские церкви на Холопьей и Кузьмодемьянской улицах, почти у самого вала Окольного города. Поэтому гораздо больше оснований связывать это место с церковью Кузьмы и Демьяна в Кузнецах на Гзени, как это было сделано еще в начале века П. Л. Гусевым, а затем А. В. Арциховским и В. Л. Яниным [13]. Таким образом, первый аргумент Б. А. Рыбакова отпадает.

В рассуждениях об обычае устраивать цеховые пирушки Б. А. Рыбаков ссылается на данные письменных источников. Но в источниках говорится об общих пирах, чаще связываемых с религиозными праздниками, а это вовсе не означает, что подобные празднества были цеховыми пирушками. Доказательства Б. А. Рыбакова в этом плане представляются недостаточно убедительными.

Помимо рассмотренных выше признаков цеховой корпорации существовало еще несколько: цех должен был иметь свою администрацию

[10] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. (Домонгольский период). МИА, № 32. М., 1953, стр. 203.
[11] НПЛ, стр. 27, 277, 89, 321; ПСРЛ, т. VI, стр. 290.
[12] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 752; В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 335.
[13] П. Л. Гусев. Новгород XVI в. по изображению на хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия». ВАИ, вып. XIII. СПб., 1900, стр. 32, вклейка между стр. 20 и 21; А. В. Арциховский. Ук. соч. НИС, вып. 6, стр. 4; В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 335.

и военную организацию, а также осуществлять контроль за производством и сбытом продукции. Эта главная функция цеховой корпорации в западноевропейских городах отражена в многочисленных цеховых статутах. В них содержится множество постановлений технологического характера. На Руси ничего подобного мы не знаем, ибо ни один документ такого рода пока неизвестен.

Поскольку ремесленники жили в определенных районах Новгорода, то есть могли населять целые улицы и даже кварталы, у них должна была существовать какая-то администрация, но никакими сведениями об этом исследователи также не располагают.

Летописные сообщения о воинах-ремесленниках свидетельствуют об участии их в новгородском войске. Исследуя военную организацию древнего Новгорода, М. Г. Рабинович выяснил, что войско формировалось из ополчений улиц, сотен и концов [14]. В летописи не раз говорится о выступлениях жителей разных концов Новгорода «в брънях, акы на рать», «пълкомъ», но никаких сведений о специфически ремесленной военной организации в Новгороде в конце XII — начале XIII в. источники не содержат.

В западноевропейских городах цехи активно участвовали в политической жизни. Объединенная в цехи ремесленная масса несла главную тяжесть борьбы городов с сеньорами. В Новгороде на городское население легло бремя борьбы республики с князьями, внутрибоярской и классовой борьбы. Ремесленники в конце XII—начале XIII в. представляли активную политическую силу, но говорить о том, что эта сила была организованной, оснований нет. Лишь один факт (избрание в 1228 г. в состав правительства при владыке Микифора-щитника) может в некоторой степени свидетельствовать о какой-то организации щитников, но вряд ли ее можно считать объединением типа цеха.

Исследованиями М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, А. В. Арциховского, Б. А. Колчина и других советских историков выяснено, что некоторые из элементов, присущих цеховой организации ремесленников, были и в Новгороде. Высокий уровень развития и дифференциация ремесла подготовили весьма реальную основу, на которой могли возникнуть ремесленные корпорации.

Но наряду с этим у нас нет сведений о таких признаках цеховой организации, как существование патрональных церквей и распространения обычая устраивать цеховые пирушки. Доводы Б. А. Рыбакова применительно к концу XII — началу XIII в. не подтверждаются источниками, в частности археологическими материалами, а во многом даже опровергаются ими. О внутренней структуре ремесленных объединений также ничего не известно. При этом обычно принято ссылаться на то, что источники могли и не сохраниться. Это, конечно, верно, но то, что документы ремесленных корпораций не известны ни в одном древнерусском городе, должно насторожить исследователей. Правда, большинство русских городов было разрушено и уничтожено монголо-татарским нашествием, которое могло прервать начавшееся образование цехов. Но ведь Новгород-то не был захвачен монголо-татарами, и если бы в домонгольское время там началось образование ремесленных объединений, оно, несомненно, продолжалось бы и позже.

Б. А. Рыбаков ссылается на то, что на ранних этапах своего существования даже западные цехи не знали писаных уставов, которые появились значительно позже фактического возникновения цехов [15]. Но Новгород не знает этих уставов и в период своего расцвета в XIV—XV вв. Больше того, ни в одной из новгородских летописей нет даже намека на существование ремесленных корпораций, по крайней мере в конце XII — начале XIII в., в то время как о купеческих объединениях мы можем говорить даже на основании только летописи, то есть в том случае, если бы до наших дней не сохранился устав купеческого объединения при церкви Иоанна Предтечи на Опоках. Трудно предположить, что не нашли бы отражения в летописи хоть какие-то данные о ремесленных организациях, если бы они существовали в Новгороде. О зачатках таких объединений говорить можно, но отсутствие сведений о них в письменных источниках дает серьезные основания полагать, что развитых ремесленных корпораций Новгород не знал даже в период своего расцвета.

На наш взгляд, в домонгольское время на Руси еще не сложилась вся совокупность тех экономических и социальных условий, которые привели к возникновению цехов на Западе.

Уровень производства и степень его дифференциации были высоки, но о «конкуренции постоянно прибывавших в город беглых крепостных» [16] мы ничего не знаем. Вообще о бегстве сельского населения в города летописец ничего не сообщает. Городские ремесленники не испытывали конкуренции со стороны беглых крестьян.

Непрерывная война между городом и деревней в конце XII — начале XIII в. по источникам еще не прослеживается. Городские ремесленники в это время снабжали деревню качественными стальными орудиями труда, которые не могли выделывать деревенские ремесленники-универсалы. Металл, который обрабатывали городские мастера, добывали для них деревенские металлурги [17]. Отношения между городом и деревней в домонгольское время не отличались враждебностью и острыми столкновениями.

Никаких сведений нет и о противоположности интересов отдельных ремесел, об острой межотраслевой или внутриотраслевой конкуренции между ремесленниками в конце XII — начале XIII в. Словом, на наш взгляд, в это время еще не было экономической необходимости в создании ремесленных объединений типа цеха, охраняющих интересы определенного ремесла.

Особенности внутренней структуры Новгорода как федерации концов, которые составлялись из улиц, могут помочь объяснить причины отсутствия цехов с точки зрения политической. Если экономические условия для возникновения цехов в Новгороде в конце XII — начале XIII в. еще не вполне созрели, то в политическом отношении потребность в создании цехов, как нам кажется, при том характере, который приобрела тогдашняя политическая жизнь в Новгороде, отсутствовала. Если на Западе цехи активно участвовали в борьбе городов с сеньорами, выдвигая свои социальные требования, то в Новгороде ремесленники и вообще «черные люди» выступали против князя или посадника вместе со всем своим концом или улицей, а иногда и со всем городом. Летописец неоднократно говорит о столкновениях концов, рисуя картины внутриполитической борьбы в Новгороде. Классовая борьба здесь постоянно переплеталась с внутрифеодальной борьбой, со столкновениями различных боярских группировок. Новгородский плебс был незрел, разобщен и неорганизован. Именно то, что почти во всех го-

---

[14] М. Г. Рабинович. Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII—XV вв. КСИИМК, вып. XXX. М.—Л., 1949, стр. 54—61.

[15] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 737.

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 3.

[17] Б. А. Колчин. Ук. соч. МИА, № 32, стр. 197—201.

родских движениях боярским группировкам удавалось направить народное недовольство против своих политических противников, свидетельствует о полной неорганизованности горожан, в массе своей ремесленников. В новгородских концах и на улицах жили и бояре, и купцы, и ремесленники, и прочий черный люд. Но, как отмечает летописец, концы поддерживают своих посадников и бояр против конкурентов из других концов. Если бы в Новгороде существовали ремесленные объединения типа цеха, они, несомненно, в ходе этих политических конфликтов должны были бы выступить с позиций своих интересов, выдвинув свои социальные требования. А между тем лишь в 1207 г. восставший черный люд сумел добиться отмены произвольных поборов, но это было требование всего черного населения Новгорода, а не специальное требование ремесленников. В большинстве случаев плодами таких восстаний пользовались бояре, умело направлявшие народное недовольство в нужное им русло, стараясь сталкивать между собой простое население разных концов. Таким образом, на первый план выступала внутрибоярская борьба. Участвовавшие в ней новгородские концы представляли к концу XII — началу XIII в. вполне сложившиеся территориальные объединения с боярскими группировками во главе. Выступая вместе со своим концом, новгородские ремесленники в политическом отношении не выделялись из общей массы черного люда. Они не смогли в этот период создать собственные ремесленные организации, которые выполняли бы не только экономические, но и политические функции.

Таким образом, можно сказать, что ни экономические, ни политические предпосылки для образования ремесленных корпораций в Новгороде в конце XII — начале XIII в. еще в достаточной степени не созрели, и цехи в эту пору возникнуть не могли.

А. С. ХОРОШЕВ

УЧАСТИЕ НОВГОРОДСКОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ (1200—1230 гг.)

Последние десятилетия XII в. и первое тридцатилетие XIII в. ознаменованы в политической истории Новгорода резким обострением классовой борьбы, связанной со стремлением феодального боярства закрепить и развить республиканские привилегии, достигнутые в ходе антикняжеской борьбы в XII в. Это стремление наталкивается на сопротивление все более усиливающихся восточных соседей — владимиро-суздальских князей, стремящихся за счет включения Новгорода в свою политическую орбиту укрепить свои позиции в борьбе за киевский великокняжеский стол. Столкновение этих противоборствующих интересов приводит к острым социальным вспышкам внутри Новгорода, затрагивающим все слои общества.

Калейдоскопически быстрые изменения на новгородском княжеском столе и в посадничестве, которые летописцы едва успевают фиксировать в своих хрониках, не оставляют в стороне и столь важный в политическом отношении орган, как церковь. В этот период на новгородской святительской кафедре происходят такие быстрые смены владык, которые не характерны ни для предыдущего, ни для последующего периодов истории новгородского Дома святой Софии.

Эти изменения следует рассматривать с 1199 г., когда во время посольства во Владимир скончался новгородский владыка епископ Мартирий Рушанин, занимавший владычный стол с 1193 г.[1]. Посольство во Владимир одновременно с получением от Всеволода на новгородский княжеский стол Святослава Всеволодовича приобретает и нового владыку — Митрофана, который был выдвинут на эту степень князем пос-

[1] НПЛ, стр. 44, 40, 231; ПСРЛ, т. III, стр. 218; ПСРЛ, т. IV, стр. 18, 19.

ле обсуждения кандидатуры с новгородским посадником. «Новгород сдумав с посадником... и введе в епископию Митрофана»[2].

Поставление на новгородскую кафедру владыки князем — факт неслыханный со времени введения в Новгороде выборов святителя, установленных с 1157 г.[3], даже при том условии, что Митрофан еще в 1193 г. выдвигался на кафедру, но ему тогда предпочли Мартирия[4].

Этот акт, предпринятый Всеволодом,— свидетельство усилившейся к тому времени просуздальской группировки внутри новгородского боярства. Суздальскую ориентацию Митрофана подтверждает и присутствие Всеволодовых посланцев при поставлении владыки на архиепископию в Киеве в 1201 г.[5], на котором обычно присутствовали только новгородцы. Перипетии внутриполитической борьбы в Новгороде в последующие годы, связанные с изменением как на княжеском столе, так и в посадничестве не затронули владычную кафедру, так как при всех направлениях этой борьбы новгородский княжеский стол оставался в руках ставленников Всеволода — Святослава Всеволодовича и Ярослава Владимировича.

Расстановка политических сил резко меняется в 1210 г., когда антисуздальская боярская группировка приглашает на княжение смоленского князя Мстислава Мстиславича Удалого.

Этот поворот не мог не сказаться на судьбе ставленника Всеволода владыки Митрофана, который вскоре был удален с кафедры и отправлен в Торопец «того же лета... зависть вложи людем на архиепископа Митрофана с князем Мстиславом, и не даша ему правитися и ведоша и в Торопец»[6]. Освободившееся место было передано ставленнику Мстислава Антонию (известному в летописи под именем Добрыни Ядрейковича) — постриженику Хутынского монастыря, незадолго до того вернувшегося из Византии. Хиротонисание Антония состоялось в том же 1211 г.[7].

Пребывание на новгородском княжеском столе Мстислава и его сторонников — Святослава Ростиславича и Всеволода Мстиславича давало крепкую опору владыке. Скоротечное княжение Ярослава Всеволодовича в 1215 г., закончившееся недовольством князя на новгородские порядки и уходом в Торжок, не вызвало изменений на святительской кафедре.

В начавшейся борьбе с Ярославом, придерживавшимся в своих монархических устремлениях отцовской политики «разделяй и властвуй», на стороне Новгорода выступает вернувшийся Мстислав Мстиславич. В этой борьбе Мстислав наносит чувствительное поражение Ярославу на Липице в 1216 г., остудившее ярославовы устремления и заставившее его новгородских сторонников временно отказаться от выступлений. Однако уход в 1218 г. Мстислава, вступившего в борьбу за Галич[8], позволил вновь поднять головы сторонникам Суздаля. На новгородском горизонте снова появился опальный владыка Митрофан, который не известными для летописца судьбами попал из заточения в Торопце под крыло своих патронов во Владимире[9]. Однако силы сторонников суздальской партии в этот период были недостаточны для открытого устранения Антония, и в ожидании благовидного для захвата кафедры момента Митрофан укрывается в Благовещенском монастыре[10].

[2] НПЛ, стр. 44, 238; ПСРЛ, т. IV, стр. 18.
[3] НПЛ, стр. 29, 216; ПСРЛ, т. III, стр. 125.
[4] НПЛ, стр. 231—232.
[5] Там же, стр. 45, 239; ПСРЛ, т. IV, стр. 19.
[6] НПЛ, стр. 250.
[7] Там же.
[8] Там же, стр. 57, 251.
[9] НПЛ, стр. 57—58, 259; ПСРЛ, т. IV, стр. 26.

Предлог вскоре отыскался. В 1219 г. пользуясь отсутствием в Новгороде владыки Антония, сторонники Митрофана возводят его на святительскую кафедру, отправив Антонию, находящемуся в Торжке, послание «поиди, кде ти любо»[11]. Однако «любо» Антонию оказалось в Новгороде, куда он и не замедлил прибыть, остановившись в церкви Спаса в Нередице, рядом с Городищем — княжеской резиденцией, которую занимал его сторонник Всеволод Мстиславич. Создалось крайне оригинальное положение: с одной стороны князь и поддерживаемый им Антоний в коалиции со слабеющей антисуздальской боярской партией, с другой стороны усиливающаяся суздальская партия, поддерживающая Митрофана. До открытого столкновения дело не дошло. Оба владыки были отправлены на митрополичий суд[12].

Такое компромиссное решение конфликта не кажется нам отступлением «суздальцев». При этом ими наверняка учитывался факт более раннего хиротонисания Митрофана.

Ожидания «суздальцев» были не напрасны — Митрофан получает кафедру и возвращается в Новгород. Антоний же вынужден удалиться по предложению митрополита на перемышльскую епископскую кафедру[13].

Утверждение Митрофана в Новгороде означало значительную победу суздальской партии, и их последующие действия по укреплению своих позиций не замедлили сказаться. Компас политической борьбы в 1219—1221 гг. фиксировал все большие отклонения в сторону Владимира, куда в 1222 г. новгородцы направили свое посольство «по князи».

Посольство, возглавляемое Митрофаном, вернулось с суздальским ставленником, князем Всеволодом Юрьевичем. Направляя его на новгородский стол, Юрий Всеволодович, несомненно, рассчитывал на поддержку малолетнему сыну со стороны владыки, доказывавшему не раз свои симпатии князю. Митрофан, однако, вскоре скончался, а на его место в том же 1223 г. был посажен чернец Хутынского монастыря Арсений[14].

Характерно, что при этом не упоминался здравствующий в то время, удаленный «суздальцами» архиепископ Антоний. Суздальской партии в условиях незатухавшей внутриполитической борьбы незачем было иметь в Новгороде влиятельного противника. Эта борьба приводила к многочисленным столкновениям князя с новгородскими противниками и к новым изменениям на княжеском столе: малолетнего Всеволода Юрьевича до 1224 г. сменяет Ярослав Всеволодович; кратковременное пребывание Всеволода в Новгороде заканчивается вновь бегством в Торжок. Туда подтягивают свои силы для борьбы с Новгородом Юрий Всеволодович, Ярослав Всеволодович, Василий Константинович[15].

Княжеская коалиция, стремясь укрепить свое положение на новгородском княжеском столе, потребовала выдачи группы бояр (Якима Иванковича, Микифора Тудоровича, Иванки Тимощинича, Судилы Савинича, Вячка, Иваца, Рядка), пригрозив в случае отказа захватить Новгород. Новгородцы, не желая уступать, начинают подготовку к обороне. Кризис новгородско-княжеских взаимоотношений заканчивается

[10] НПЛ, стр. 58, 259; ПСРЛ, т. IV, стр. 26.
[11] НПЛ, стр. 60, 261; ПСРЛ, т. IV, стр. 27.
[12] НПЛ, стр. 160, 261; ПСРЛ, т. IV, стр. 27.
[13] НПЛ, стр. 60, 261.
[14] Там же, стр. 60, 262—263; ПСРЛ, т. IV, стр. 27.
[15] НПЛ, стр. 65, 268; ПСРЛ, т. IV, стр. 27—28.

на этот раз компромиссом — выплатой крупного выкупа владимирскому князю и приглашением на стол черниговского князя Михаила Всеволодовича. Несмотря на то что приглашение Михаила осуществилось по предложению самого Юрия, следует рассматривать этот шаг как уступку со стороны суздальского князя [16].

Приход Михаила в Новгород означал снятие «опалы» с архиепископа Антония, который возвращается из Перемышля в Новгород и занимает святительскую кафедру. Однако возвращению Антония предшествовали события, несшие в себе зародыш его нового близкого падения. Михаил оставался в Новгороде лишь несколько месяцев и, оказав помощь новгородцам в получении у Юрия конфискованных товаров, собрал вече на Ярославовом дворе, объявив: «Не хочю у вас княжити, иду к Чернигову, гость ко мне пускаите, а яко земля ваша, тако земля моя», ушел из Новгорода «по своей воли» [17]. «Проводив с честью Михаила», новгородцы посылают посольство в Переяслав к Ярославу Всеволодовичу.

Во вторичном утверждении Антония на новгородской кафедре сыграло свою роль помимо предполагаемого нами отсутствия виднейших представителей суздальской партии, несомненно, вошедших в посольство, и то, что Арсений не был хиротонисан. Это однако не следует рассматривать как нежелание новгородцев законно оформить нового владыку при здравствующем Антонии. Примеры поставления новгородских владык в степень позже их избрания были нередки в предыдущее время. Епископ Аркадий не был хиротонисан в течение трех лет; предшественник Арсения по кафедре Митрофан был хиротонисан через два года после назначения его Всеволодом владыкой. Кроме того, известен пример поставления владыки в архиепископы при жизни предыдущего. Тот же Антоний был поставлен на кафедру при жизни Митрофана. Политическая борьба внутри Новгорода не позволила, вероятно, Арсению удалиться из Новгорода хотя бы на короткий срок.

Приход Ярослава Всеволодовича вновь в Новгород первоначально не повлиял на положение Антония. Политическая расстановка сил в Новгороде в данный период была настолько сложной и чреватой опасностями, что, учитывая это, Ярослав, даже «не положи во гнев того», что новгородцы незадолго до его прихода не оказали ему поддержки в борьбе с Литвой. Причины этого следует искать в том, что в 20-х годах XII в. в Новгороде возникла форма ограничения княжеской власти, сыгравшая свою роль в развитии позднейшего республиканского строя. «Успехи антикняжеской борьбы приводят к резкому падению авторитета новгородского князя» [18].

В этой обстановке Ярослав пытается восстановить свой авторитет удачными походами на Литву и Емь. Некоторых успехов он, несомненно, добился, и Антоний, не ожидая нового изгнания из Софии, «поиде... на Хутино к святому Спасу по своеи воли» [19]. Его место вновь занял Арсений — несомненный сторонник суздальской партии.

Для укрепления своих позиций Ярослав, вероятно, придавал большое значение устранению своих противников в Пскове, где помимо собственных представителей антисуздальской партии, возможно, нашли приют и их новгородские сторонники [20]. В связи с этим Ярослав под предлогом похода на Ригу вызвал переяславские полки, разместившие-

[16] В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 135.
[17] НПЛ, стр. 64, 268.
[18] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 135.
[19] НПЛ, стр. 65, 270.
[20] И. Беляев. История Новгорода Великого. М., 1864, стр. 327.

ся на Городище и Славне. Присутствие многочисленного ярославова войска резко подняло цены на Торгу и усилило брожение новгородцев, недовольных притеснениями Ярослава и не желавших выступать против «своеи братьи» псковичей, о чем и было заявлено князю. Несмотря на все княжеское «нудение», новгородцы не отступились, и Ярослав вынужден был отправить полки, а вскоре ушел и сам, оставив «Новгороде 2 сына своя Федора и Александра, с Федором Даниловицем, с тиуном Якимом» [21]. Ярослав, безусловно, рассчитывал, что новгородцы одумаются и придут на поклон.

Однако возмущение против Ярослава вылилось в острое классовое столкновение. Первым, на кого обрушили свой гнев народные массы, оказался ставленник «суздальцев» владыка Арсений. Летописец подробно описывает это событие: «Тои же осени наиде дождь велик и день и ночь на Госпожкин день оли и до Никулина дни не видохом светла дни, ни сена людьм бяше лзи добыти, ни нив делати. Тогда же окаянныи диявол, испьрва не хотяи добра роду человечю и завидев ему, зане прогоняешеть его нощным стоянием, пением и молитвами, и вздвиже на Арсения, мужа кротка и смиренна, крамолу велику, простую чядь. И створше вече на Ярославли дворе, и поидоша на владыцьн двор, рекуче: «того деля стоит тепло долго, выпровадил Антония владыку на Хутино, а сам сел, дав мзду князю»; и акы злодея пхающе за ворот, выгнаша» [22]. Как видно из этого отрывка, изгнанию Арсения способствовало не столько дождливое лето, сколько то, что он сел на владычный стол, дав взятку Ярославу.

После изгнания первого явного ярославова сторонника народное возмущение обратилось на других «суздальцев», среди которых помимо бояр—тысяцкого Вячеслава и его брата Богуслава,—фигурируют и другие церковные лица: владычный стольник Андреец, Давыдка Софейский и липненский староста Душилец. Перед угрозой повешения Душилец скрылся в княжеской резиденции на Городище [23]. Князь не только защитил Душильца, но и сделал все возможное для нового возвышения Арсения. В 1231 г., во время нового пребывания в Новгороде, князь Ярослав, владыка Спиридон и «весь Новгород» «введоша с Хутина от святого Спаса Арсения игумена..., и даша игуменьство у святого Георгия, а Саву лишиша» [24]. На владычную кафедру вновь был введен Антоний, с которым в связи с его немотой были посажены «2 мужа: Якун Моисеевич и Микифор Щитник» [25].

Болезнь архиепископа послужила причиной замены его в 1228 г., когда прибывший в Новгород князь Михаил Всеволодович предложил на вече избрать нового владыку. Так, впервые с начала XIII в. в Новгороде был восстановлен обычай избрания владыки по жребию. Новым владетелем святительской кафедры был избран Спиридон [26].

При оценке событий первых трех десятилетий XIII в. в Новгороде отчетливо видно стремление князей закрепиться на новгородском столе, не только опираясь на поддержку союзных боярских группировок, но и выдвижением на высшую церковную степень своих ставленников. Новгородская церковь в самом начале борьбы города за республиканское государственное устройство оказалась в центре этих событий. Иначе и не могло быть в тот период. Для церковных деятелей характерна под-

[21] НПЛ, стр. 66—67, 272—273.
[22] Там же.
[23] Там же, стр. 67, 273.
[24] Там же, стр. 70, 278; ПСРЛ, т. III, стр. 47.
[25] НПЛ, стр. 67, 273.
[26] Там же, стр. 65, 275.

держка тех или иных представителей различных княжеских династий. Церковь не имела к этому времени той силы, которая в последующие годы позволила владыке активно вмешиваться в политические события, нередко диктуя свою волю.

В XII — начале XIII в. церковь еще играла роль статиста на политической сцене, но статиста, достаточно трезво оценивающего обстановку и умело подыгрывающего тому или иному ведущему. Именно этим объясняются столь «своевременные» появления и Митрофана и Антония во время открытых антикняжеских выступлений новгородцев. На эту приспосабливаемость церкви к политическим изменениям указывают и сговор Арсения с князем Ярославом и удаление Антония.

Нам хотелось бы отметить еще один факт, заслуживающий пристального внимания. Под 1227 г. летописец сообщает о появлении в Новгороде четырех волхвов «творяхуть с потворы деюще, а бог весть; и сжгоша их на Ярославли дворе»[27]. Появление волхвов в Новгороде в этот период неслучайно. Острая политическая борьба и колебания церкви в политической ориентации — благоприятная почва для возникновения ересей. Примерами тому служат события в Ростово-Суздальской земле и Новгороде в 1071 г.[28].

Языческая пропаганда, вероятно, сыграла свою роль и при изгнании Арсения из Софии. Недаром в результате событий 1228 г. пострадал не только Арсений, но и другие лица, связанные с церковью.

Связывая воедино эти факты, мы можем говорить о первом активном выступлении народных масс (летописец подчеркивает в этих событиях роль «простой чади») против усиливающейся новгородской церкви, предвещающем те антицерковные выступления, которые происходили в период расцвета Новгородской республики.

Классовый характер народных выступлений новгородцев в 1219 и 1228 гг. лишний раз подчеркивается направлением острия этой борьбы не только против неугодного князя и поддерживающей его боярской группировки, но и против церкви — воплощения нарождающейся боярской олигархии новгородской республиканской государственности.

Однако вызываемые классовыми причинами и направляемые против одной из боярских группировок народные выступления приводили к победе другую боярскую группировку, незамедлительно стремящуюся потушить пламя народных выступлений и использующую в своих интересах результаты восстания. Единственным достижением народных масс в ходе выступления 1228 г. было введение в Дом святой Софии вместе с боярским ставленником архиепископом Антонием и боярином Якуном Моисеевичем Никифора Щитника — представителя широких ремесленных слоев новгородского общества.

События первого тридцатилетия XIII в. в Новгороде опровергают представление буржуазных историков о внепартийности новгородской церкви и ее владык, якобы выступающих лишь в качестве духовных пастырей новгородцев[29].

[27] НПЛ, стр. 65, 270.
[28] Там же, стр. 196.
[29] В. П. Резников. Духовенство и политические партии в Новгороде. Киев, 1907, стр. 16.

В. Н. ЛАЗАРЕВ

О ДАТЕ ОДНОЙ НОВГОРОДСКОЙ ИКОНЫ

В Новгородском историко-архитектурном музее-заповеднике хранится икона Покрова (рис. 1—3). Она происходит из Зверина монастыря в Новгороде и датируется обычно XIV в. В моем исследовании «Искусство Новгорода» икона была отнесена к самому концу XIV в.[1], причем отмечалась ее близость к произведениям фресковой техники. В 1964 г. появилась статья В. К. Лауриной, посвященная двум иконам из Зверина монастыря[2]. Здесь икона Покрова связывается с церковью Покрова Зверина монастыря, якобы построенной в 1335 г. Примерно этим временем В. К. Лаурина и датирует икону. Ее аргументация показалась мне в свое время настолько убедительной, что я принял предложенную ею раннюю датировку[3]. Но вернувшись к этому вопросу еще раз, я убедился, что моя первая датировка иконы правильна и что теперь есть возможность ее уточнить.

Икона Новгородского музея, как указывают ее размеры (1,5× ×1,27 *м*), была храмовым образом и, следовательно, изображенная на ней сцена соответствовала названию того храма, в котором она находилась. К сожалению, икона почти полностью утратила первоначальный золотой фон, замененный новым левкасом. Остатки старого левкаса сохранились лишь в арке центрального нефа (до царских врат) вокруг фигур летящих ангелов и справа внизу около группы стоящих фигур. Абрисы арок боковых нефов, глав, царских врат — того же времени,

[1] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 93.
[2] В. К. Лаурина. Две иконы новгородского Зверина монастыря. (К вопросу о новгородской иконописи первой половины XIV в.). «Сообщения Гос. Русского музея», вып. VIII. Л., 1964, стр. 112—119.
[3] В. Н. Лазарев. Новгородская иконопись. М., 1969, стр. 19.

Рис. 1. Икона Покрова. Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник

что и новый грунт. Сохранность фигур, и особенно лиц, неплохая, если не считать отдельных утрат на нижних фигурах, где имеются вставки нового левкаса [4]. Несмотря на замену старого фона новым, что привело местами к незначительному искажению силуэтов, первоначальная композиция осталась неизменной. А учитывая сравнительно хорошую сохранность большинства фигур, особенно лиц, можно вполне оперировать этим памятником как подлинным произведением новгородской станковой живописи XIV в.

[4] Приношу благодарность Э. А. Гордиенко, любезно сообщившей мне все сведения о состоянии сохранности иконы. В 1946—1949 гг. икона находилась на реставрации в Государственной Центральной художественно-реставрационной мастерской. Здесь были сделаны новые шпонки и дополнительные крепления в виде «ласточкиных хвостов» и металлических скоб по торцам доски. Деталь в цвете воспроизведена в книге: S. Jamschtschikow. Novgorod Museum. Intourist, s. a.

Рис. 2. Богоматерь. Деталь иконы Покрова

Когда впервые появилась в Зверином монастыре церковь Покрова? Сведения, сообщаемые архимандритом Макарием, явно неверны [5]. Он утверждает, что в летописи, впервые упоминающей под 1148 г. Зверин монастырь, уже идет речь о церкви Покрова, сгоревшей от удара молнии. По его мнению, и в 1300, и в 1335, и в 1339 гг. летописец всегда говорит в применении к Зверину монастырю о церкви Покрова.

[5] Арх. Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. I. М., 1860, стр. 132—133.

Рис. 3. Группа апостолов. Деталь иконы Покрова

Мнение архимандрита Макария было безоговорочно принято В. К. Лауриной[6].

Разберемся в этом вопросе. Под 1148 г. новгородский летописец записывает: «...и зажьже гром церковь святая Богородиця въ Звериньци монастырь»[7]. Здесь идет речь о церкви Богородицы, а не о церкви Покрова. То же самое и в 1192 г., когда «у святъи Богородицы въ Звериньци поставиша игумению»[8]. Под 1300 г. говорится о сооружении в Зверином монастыре деревянной церкви Богородицы[9], и в 1335 г. здесь же архиепископ Василий закладывает каменную (?) церковь Богородицы (а не Покрова!), законченную в этом же году[10]. И лишь под 1399 г. мы читаем, наконец, о сооружении в Зверином монастыре каменного храма Покрова: «Того же лета постави архиепископъ новгородчкыи владыка Иоан съ своими детми, с новгородци, церковь камену святыа богородица Покровъ на Зверинци, и свяща ю сам владыка Иоан с попы и с клиросом святеи Софеи, месяца октября в 1 день, на Покровъ святыя богородица»[11]. Во всех случаях новгородские летописцы строго разграничивают церкви Богородицы и церкви Покрова. Так, под 1310 г. в летописи занесено: «...и другую камену поставиша церковь на Дубенке Покров святыя богородица, стяжаниемь раба Божия Олония

[6] В. К. Лаурина. Ук. соч. «Сообщения Гос. Русского музея», вып. VIII, стр. 119.
[7] НПЛ, стр. 28, 214.
[8] Там же, стр. 40, 231.
[9] Там же, стр. 91.
[10] Там же, стр. 346—347.
[11] Там же, стр. 394.

мниха»[12]. Под 1390 г. мы читаем: «Того же лета Григории посадникъ Якунович постави церковь камену Покровъ святыя богородица на воротех»[13].

Из сопоставления всех этих летописных известий можно сделать один твердый вывод — в Зверином монастыре храм Покрова появился лишь в 1399 г., до этого времени здесь находилась сначала деревянная, а затем каменная церковь Богородицы. Из довольно подробного рассказа о закладке и освещении храма Покрова явствует, что этому храму придавалось большое значение и что его освещение происходило в особо торжественной обстановке.

Таким образом, никакого храма Покрова в 1335 г. не существовало. Тем самым отпадает предложенная В. К. Лауриной датировка нашей иконы этим годом либо ближайшими к этой дате годами. Размер иконы, ее некогда золотой фон, обилие золотых асистов, богатые краски ясно указывают на то, что она была высоко ценимым храмовым образом, вероятно, специально написанным к торжественному дню освещения храма, то есть к 1 октября 1399 г.

Об иконографии Покрова писалось достаточно много, чтобы стоило останавливаться на этом вопросе[14]. Покров — праздник русский, установленный еще в XII в., и иконография Покрова сложилась на русской почве. Хотя дьяк Александр, посетивший в конце XIV в. Константинополь, видел здесь икону Покрова («тута есть икона св. Богородицы, южъ виде св. Андрей на воздусе за мир молящиюся»)[15], тем не менее у нас нет никаких оснований выводить этот иконографический тип из Византии. Ни в Константинополе, ни на христианском Востоке, ни в Болгарии, ни в Сербии изображений Покрова не найдено, а на Руси они имеются в большом количестве, причем здесь можно проследить постепенное сложение этого иконографического типа, начиная от пластины на западных воротах Суздальского собора и кончая фреской Снетогорского монастыря. В XIV в. тема Покрова встречается уже в двух вполне сложившихся вариантах и в дальнейшем получает широчайшее распространение в русской иконописи. Вероятно, та икона, которую видел в Царьграде дьяк Александр, была русского происхождения.

Датировка иконы Покрова около 1335 г. представляется нам слишком ранней не потому, что в это время еще не сложился данный иконографический тип в своей зрелой форме (такая возможность не исключена), но по причинам стилистического порядка. Если взять новгородские иконы первой половины XIV в., то для них особенно характерен ярко выраженный архаизм. Традиции XIII в. держались очень крепко. Это доказывают такие иконы, как «Сошествие во ад» в Новгородском историко-архитектурном музее-заповеднике[16], краснофонный «Никола» в Эрмитаже[17], «Борис и Глеб» из Зверина монастыря в Ис-

[12] НПЛ, стр. 93, 333; Н. П. Кондаков (Русская икона, т. IV, ч. 2. Прага, 1933, стр. 202) ошибается, когда утверждает, что «первая церковь Покрова в Новгороде поставлена в 1305 г. на воротех от Прусьскои улицы». На самом деле летописцы (НПЛ, стр. 92, 332) не приводят название церкви, и называют лишь имя заказчика (Семен Климович).
[13] НПЛ, стр. 388.
[14] См. литературу, приведенную на стр. 112 статьи В. К. Лауриной («Сообщения Гос. Русского музея», вып. VIII).
[15] Арх. Сергий. Полный месяцеслов Востока, т. II, вып. 2. М., 1875, стр. 312—314.
[16] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 34а.
[17] А. Косцова. Новый памятник новгородской живописи XIII века. «Сообщения Гос. Эрмитажа», вып. XXIII. Л., 1962, стр. 18—21.

торическом музее[18], житийный «Никола» из Любани[19] и житийный «Георгий» в Русском музее[20]. При всем несходстве в стиле иконы принадлежат одному направлению, коренящемуся в традициях художественной культуры XIII в. В них весьма настойчиво выступают архаические черты; от «палеологовских» новшеств нет и следа. В этом отношении особенно показательна трактовка лиц, лишенных тонкой красочной лепки. Нечто совсем иное мы находим на иконе Покрова. Здесь лица выдаются своей деликатной и тонкой отделкой: энергичные высветления охрой проложены по серовато-оливковому санкирю, на наиболее освещенных местах брошены блики в виде коротких движек, щеки оттенены легким румянцем, глаза, нос, брови, губы обведены мягкими темно-коричневыми линиями. Такая система красочной лепки была занесена в Новгород после приезда греческих мастеров во главе с Феофаном Греком и была бы невозможна в первой половине XIV в. Надо было освоить приемы греческого мастерства, чтобы так написать лица, как на иконе Покрова. Ее автор почерпнул, по-видимому, основные творческие импульсы не из византийских икон, а из византийских либо сильно византинизирующих росписей, которых в Новгороде было немало. В частности, большое сходство голова Богоматери и фигуры левой нижней группы обнаруживают с такими наиболее «грекофильскими» частями росписи церкви Рождества на Кладбище, как, например, изображения царя Соломона или св. Симеона[21].

Так как росписи церкви Рождества на Кладбище были исполнены в 80—90-х годах XIV в., то это лишнее свидетельство в пользу датировки иконы Покрова концом XIV в.

Та тонкая красочная лепка, которую мы находим на иконе, не привилась в новгородской станковой живописи. Новгородцы пошли своим путем, и на рубеже XIV—XV столетий стиль их иконописи вполне сформировался. Они выработали свои приемы моделировки лиц — более лаконичные, более резкие, более броские. Поэтому трактовка лиц на иконе Покрова стоит особняком на фоне произведений новгородской станковой живописи конца XIV в. Ее автор особенно органично впитал живые впечатления от новгородской фрески эпохи ее расцвета. И здесь он в какой-то мере остался одиночкой. Но самое примечательное, что во всем остальном он не отступил от традиций местной иконописи. На это указывают и по-новгородски разреженная и немногословная композиция, и приземистые пропорции фигур, и чисто новгородская иконография. Таким образом, в иконе Покрова прихотливо сочетаются различные веяния, что не помешало ее автору создать полноценное художественное произведение.

Тот иконографический вариант Покрова, который представлен иконой из Зверина монастыря, получил широкое распространение в Новгороде и его землях с начала XV в. (икона из собрания И. С. Остроухова и фрагмент из собрания А. И. Анисимова в Третьяковской галерее[22], икона из собрания А. В. Морозова в Третьяковской галерее[23], икона из частного собрания в Осло[24], икона в Музее изобразительных искусств в Петрозаводске[25], икона в Русском музее[26] и др.). Поскольку храм Покрова в Зверином монастыре освящался в особо торжественной обстановке и поскольку до него в Новгороде, по свидетельству летописей, было лишь две Покровских церкви, постольку не исключена возможность, что именно икона Зверина монастыря послужила основным прототипом для многочисленных позднейших изображений на эту тему.

При изучении новгородской живописи очень важно иметь твердые опорные точки, отправляясь от которых можно было бы датировать иконы. Одной из таких точек становится икона 1399 г. из Зверина монастыря. Есть еще одна новгородская икона, которая, на мой взгляд, довольно точно датируется. Это «Власий и Спиридоний» в Историческом музее. Икона происходит из церкви св. Власия в Новгороде[27]. Л. М. Глащинская связывала ее с деревянной церковью Власия, построенной в 1379 г.[28]. Но в это время иконы столь развитого «новгородского» стиля в Новгороде еще не писались. Это пришло позднее, на рубеже XIV—XV вв. Поэтому прав Г. И. Вздорнов, который считает, что икона была написана для каменной церкви Власия, возведенной в 1407 г.[29]. Икона, судя по ее размерам (1,176×0,855 *м*), была храмовым образом, и ее манера письма полностью подтверждает правильность этой более поздней даты. Типы лиц с «нависающими носиками» указывают на то, что к рубежу XIV—XV вв. сложился тот классический для новгородских икон стиль, в котором выполнено большинство лучших произведений раннего XV в., в том числе иконы с избранными святыми[30], по чистоте и силе цвета остающиеся непревзойденными образцами новгородской станковой живописи.

---

[18] В. К. Лаурина. Ук. соч. «Сообщения Гос. Русского музея», вып. VIII, стр. 105—112.

[19] Н. Перцев. Икона Николы из Любани. «Сообщения Гос. Русского музея», вып. IX. Л., 1968, стр. 84—91.

[20] В. Н. Лазарев. Новгородская иконопись, табл. 17—18. Сюда можно было бы присоединить еще «Рождество Богородицы» в Третьяковской галерее (там же, табл. 19), которую без достаточных оснований приписывают теперь тверской школе.

[21] М. К. Каргер. Новгород Великий. Л.— М., 1961, стр. 221, 223. Ср. также для трактовки лица Богоматери греческую икону конца XIV в. в Синайском монастыре (G. et M. Sotiriou. Icones du mont Sinai, v. I. Athènes, 1956, fig. 222).

[22] В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVI вв., т. I. М., 1963, стр. 101—102; В. К. Лаурина. Ук. соч. «Сообщения Гос. Русского музея», вып. VIII, стр. 118.

[23] O. Wulff und M. Alpatoff. Denkmäler der Ikonenmalerei. Hellerau — Dresden, 1925, fig. 63. S. 154.

[24] H. Kjellin. Ryska Ikoner. Stockholm, 1956, S. 101.

[25] С. Ямщиков. Живопись древней Карелии. Петрозаводск, 1966, № 1.

[26] Э. Смирнова. Живопись Обонежья XIV—XVI веков. М., 1967, рис. 24.

[27] В. Н. Лазарев. Новгородская иконопись, табл. 23.

[28] Л. М. Глащинская. Пережитки дохристианских верований в новгородском искусстве XIV в. НИС, вып. III—IV. Новгород, 1938, стр. 127—134.

[29] Г. И. Вздорнов. Живопись. В кн.: «Очерки русской культуры XIII—XV веков», ч. 2. Духовная культура. М., 1970, стр. 311.

[30] В. Н. Лазарев. Новгородская иконопись, табл. 26—30.

П. И. ЗАСУРЦЕВ

КАМЕННЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ПОСТРОЙКИ XV в. В НОВГОРОДЕ

Древние новгородцы, прославившиеся как искуснейшие плотники, уже в глубокой древности освоили и технику каменного строительства. Необходимость этого была вызвана потребностями культового и крепостного строительства. И если сооружением самых первых каменных построек руководили византийские мастера, то спустя всего лишь несколько десятилетий в Новгороде сложились прочные основы своей, самобытной школы зодчества.

В древнем Новгороде имелись все условия для широкого проникновения камня как в гражданскую, так и церковную архитектуру: теснота застройки и связанная с ней опасность опустошительных пожаров, высокий уровень стояния грунтовых вод, препятствовавший сооружению углубленных в землю хранилищ и вообще подвальных помещений, наличие вполне пригодного строительного материала — ильменского розового ракушечника, из которого вплоть до XV в. возводились в основном новгородские церкви.

Не могли не оказывать влияния на Новгород и примеры городов Западной Европы, с которыми он имел торговые сношения и где предпочтение камню было отдано на несколько столетий раньше, чем в Новгороде.

И тем не менее большинство церквей в древнем Новгороде были деревянными, а жилые кварталы до самого конца XIV в. не знали каменных построек.

В настоящее время древнейшей каменной гражданской постройкой в Новгороде, сохранившейся без существенных переделок, является Грановитая палата (1433 г.). В начале XIX в. на углу улиц Московской и Рогатицы (теперь улиц Ленина и Большевиков) существовало

каменное двухэтажное здание, ныне полуразрушенное, принадлежность которого приписывалась без должных оснований боярыне Марфе Борецкой. Вероятнее всего, дом этот следует отнести к XVI в. Судя по рисунку начала XIX в., дом имел протяженность по фасаду около 10—11 *м*. Нижний этаж, у которого на рисунке не показано ни одного окна, а только дверь, служил в XIX в., очевидно, хозяйственным подклетом. У второго (жилого) этажа пристроены деревянные сени, опиравшиеся на многочисленные столбы. К сеням вела лестница в два марша. Нижний марш, более короткий, был открытым и не имел даже перил; верхний марш был закрытым [1].

При археологических раскопках в Новгороде обнаружены остатки всего лишь четырех каменных гражданских построек, причем все они относятся к XV в. В многочисленных строительных котлованах, прорезавших древний культурный слой по всей территории города, зафиксированы, но, к сожалению, не обследованы еще несколько подобных построек XV—XVI вв.

В 1951—1962 гг. Новгородская археологическая экспедиция вскрыла довольно значительный участок в центре древнего Неревского конца. Эта территория, пересеченная мостовыми древних улиц — Великой, Холопьей и Козьмодемьянской, была тесно застроена уже с середины X в.

По берестяным грамотам установлено, что уже в начале XIV в. большинство расположенных тут усадеб принадлежали одному из крупнейших боярских родов Новгорода — Онцифоровичам-Мишиничам. По всей вероятности, представители этого рода появились здесь значительно раньше.

На одной из самых больших усадеб в конце XIV—начале XV в. жил известный деятель новгородской истории посадник Юрий Онцифорович (умер в 1417 г.). Его усадьба примыкала к западной стороне мостовой Великой улицы, а с юга и севера ограничивалась мостовыми Холопьей и Козьмодемьянской улиц. Западная граница усадьбы проходила за пределами раскопа, но никак не ближе 50 *м* от мостовой Великой, а протяженность ее с севера на юг составляла более 80 *м* (рис. 1).

На этой усадьбе и были обнаружены в 1953 г. остатки двух каменных построек, развалы которых, состоящие в основном из извести и мелких крошек известняка, выходили почти на современную поверхность. Археологи (в том числе и автор настоящей статьи) приняли обе постройки за поздние сооружения и в процессе снятия верхнего аморфного слоя убрали частично и остатки построек. Ошибка обнаружилась позднее, когда выяснилось, что одна из построек (дом Юрия Онцифоровича) сооружена в самом начале XV в., а вторая несколько позже, в 20-х или начале 30-х годов того же столетия.

На новгородских усадьбах, даже принадлежавших наиболее зажиточным владельцам, наряду с домами самих феодалов было много других построек, в которых жили различные категории населения — от близких родственников самого владельца и высокопоставленных слуг, до дворовой челяди, холопов и бедных ремесленников. С появлением каменного дома, а затем и второй постройки облик усадьбы, конечно, изменился, но большинство построек по-прежнему оставались деревянными.

При сооружении каменного дома одна постройка (Д6Б) была снесена, а остальные в продолжении какого-то времени соседствовали с

[1] А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий. Л., 1939, стр. 125—126, рис. 103. В этой книге упоминается боярский дом XV в. (стр. 124—125), аналогичный по размерам и конструкции дому на углу улиц Московской и Рогатицы. Боярский дом XV в. существовал до Великой Отечественной войны.

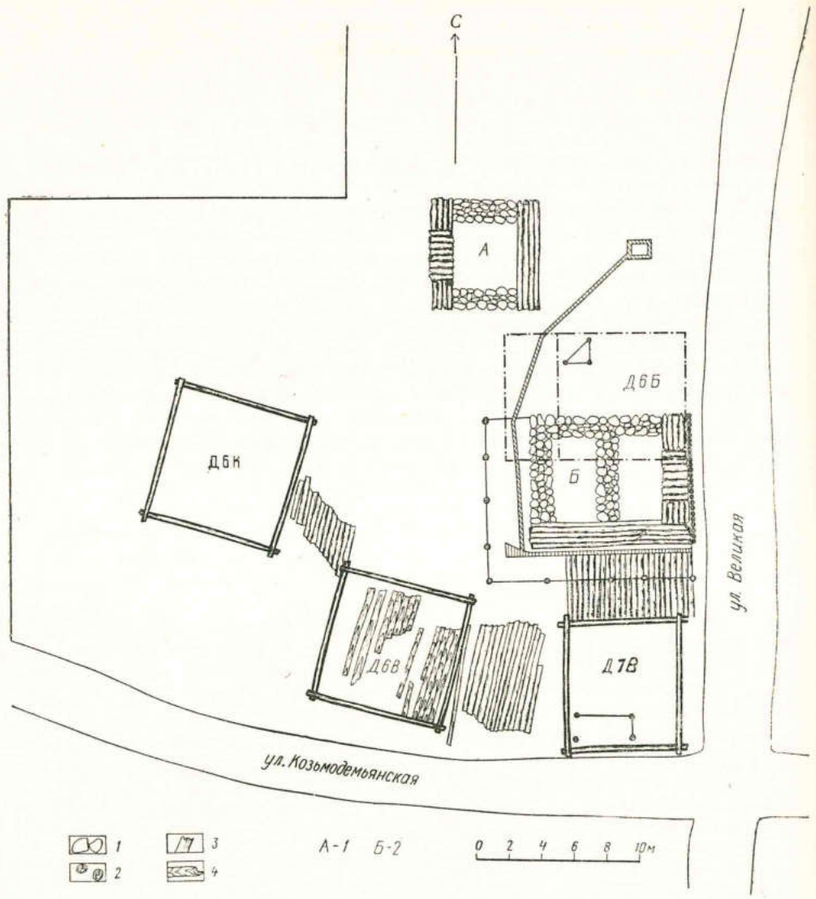


Рис. 1. Усадьба Юрия Онцифоровича (*1* — ракушечник, *2* — столбы, *3* — бревна, *4* — доски)

каменным домом, так же, как и еще несколько больших жилых и хозяйственных построек в северной стороне усадьбы.

Дом Д6Б, построенный в самом конце XIV или начале XV в., значительно отличался по конструкции от остальных построек. Во-первых, он двухкамерный. К жилой комнате (7,8×7,8 *м*) пристроены с западной стороны сени шириной 3,5 *м*. В сенях и жилой комнате настланы полы из широких добротных тесин. В жилом помещении слева от входа в углу находилась печь. Дом этот также, несомненно, был двухэтажным (сени выполняли роль лестничной клетки), с неотапливаемой горницей на втором этаже. Такие дома наиболее характерны для XII в., а в XIV в. составляли уже редкое исключение. Несомненно, что в этом доме жила семья посадника.

Мы не будем останавливаться на подробном описании остальных деревянных построек, окружавших каменный дом, отметим лишь что все расположенные здесь постройки (Д7В, Д6К, Д6В) были сооружены в конце XIV в. и имели примерно одинаковые размеры (около 60 *м*²). Все эти постройки однокамерные и двухэтажные, расположены на небольшом расстоянии друг от друга; они связаны между собой бревенчатыми вымостками, что весьма характерно для зажиточной феодальной усадьбы. Если верхние этажи всех построек, несомненно, жилые, то нижние этажи имели самое различное назначение. Так, в постройке Д7В, расположенной в самом углу усадьбы, в нижнем этаже находилось производственное помещение; в соседней постройке Д6В, судя по добротной отделке пола, нижний этаж имел парадное назначение (может быть, гридница), а о третьем доме трудно что-либо сказать.

От каменного дома сохранился полностью лишь фундамент и небольшая часть стены протяженностью около 1 *м* и высотой 0,3—0,4 *м*.

Каменный дом Юрия Онцифоровича сравнительно невелик: его наружные размеры — 9,5×7,7 *м*. При толщине стен 0,8 *м* внутренние размеры составляли около 8,5×6,6 *м* (наружные габариты стен меньше габаритов фундамента), то есть площадь этого дома, по-видимому, точно равнялась площади предшествовавшего ему деревянного дома. Поражает устройство фундамента. Его разбирали по мере углубления раскопа в течение 2 лет (1953 и 1954 гг.). Глубина залегания оказалась 3,8 *м*, то есть превосходила мощность фундамента любой новгородской церкви. Впрочем, это легко объяснимо: церкви всегда ставились на возвышенных местах, где культурный слой либо отсутствовал, либо очень невелик. Здесь же, несмотря на почти 4-метровую глубину, строители еще более чем на 1 *м* не дошли до материка. На этой глубине они остановились, но, очевидно, в порядке страховки, забили под каждым углом по 25—30 свай из расколотых начетверо нетолстых дубовых бревен, а под серединой каждой стены — по одному ряду из 6—7 свай. Эти сваи имели длину 1,3—1,2 *м* и доходили до материка. Небольшая толщина этих свай говорит о том, что они предназначались не столько для уплотнения грунта, сколько для проверки его плотности.

На дно траншей шириной 1,6—1,7 *м* были уложены сначала в поперечном направлении сплошные ряды плах из расколотых пополам толстых бревен лиственницы. Поверх этих плах положены бревна лиственницы — по 4 толстых и 1 тонкому бревну под каждую стену. Диаметр их составлял 0,35 *м*, а наибольшая длина около 7 *м*. Под длинными сторонами дома лежали бревна составные. Уже сама эта подстилка фундамента — немалая ценность, так как лиственницу привозили издалека — из бассейна Камы или с берегов Онежского озера[2].

На подстилку уложены насухо валуны по 0,3—0,4 *м* в поперечнике. Дом вплотную примыкал к мостовой Великой улицы и со стороны мостовой был защищен стенкой из вертикально поставленных сосновых жердей диаметром 13—15 *см*. Нижний этаж дома (хозяйственный подклет) разделен на две камеры. Перегородка каменная, фундамент под ней имел конструкцию, аналогичную наружным стенам, с тем лишь различием, что ширина фундамента составляла 1,2 *м*, а глубина залегания 1,7 *м*. В обеих камерах дощатые полы, но по расположению досок и конструктивным различиям настилов можно сделать вывод, что камеры эти разделялись внутренними перегородками.

---

[2] Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, Е 1—55. М., 1968, стр. 13.

Вход в подклет, несомненно, был с западной стороны и ближе к южной стене дома: в южной стороне обеих камер половицы лежали в направлении запад—восток, а в северной они ориентированы с севера на юг. Самый дальний по отношению к входу отсек — в северо-восточном углу подклета. Здесь наиболее добротный пол, настланный в два яруса, и поверх этих настилов лежали подкладки для третьего (несохранившегося) яруса. Этот отсек отделен от южной части камеры частокольной стенкой и предназначался, очевидно, для хранения наиболее ценного имущества.

Каменный дом, так же как и все другие постройки в Новгороде, страдал от сырости. Поэтому под полом подклета, особенно в его юго-восточной части, настлана в несколько слоев береста, очевидно, для гидроизоляции. Кроме того, были приняты меры для отвода атмосферных осадков. При постройке дома вдоль его западной стены проложен желоб, сбитый из соединенных под прямым углом досок, а севернее дома, в середине усадьбы, устроен водосборный колодец [3].

Все исследователи, писавшие о доме Юрия Онцифоровича, единодушны в том, что этот дом был по меньшей мере двух-, а возможно, и трехэтажным [4].

Дошедшие до нас описания каменных боярских домов XV в. характеризуют их в подавляющем большинстве случаев как двухэтажные. Заметим, что для древнерусских гражданских построек наиболее характерны пропорции, близкие к кубу. Габариты дома Юрия Онцифоровича более всего соответствуют двухэтажной постройке. В то же время исключительная сложность его фундамента представляется чрезмерной для двухэтажной постройки. Неподалеку от дома в слоях XV в. найдены куски черепицы. Весьма возможно, что дом этот был покрыт черепицей. Вдоль южной и западной стен дома, почти в 2,5 *м* от них, прослежены столбы, служившие, очевидно, опорой для галереи или сеней верхнего этажа, куда поднимались по наружной деревянной лестнице.

Вторая каменная постройка располагалась в 6 *м* к северу от каменного дома. Она сооружена всего лишь на 10 или 20 лет позже каменного дома, так как ее строительная прослойка перекрывает остатки срубов 5-го яруса (10—20-е годы XV в.). Ко времени ее сооружения в этой стороне усадьбы стояли две небольшие деревянные постройки: одна жилая (4,5×5 *м*) с печью в северо-восточном углу и вторая худшей сохранности и неопределенных размеров. В этой постройке хорошо сохранилась лишь выгребная яма со срубными стенками и дощатым полом. Конструктивно каменная постройка очень напоминает каменный дом Юрия Онцифоровича, но она однокамерная и одноэтажная. Наружные размеры постройки составляли 6,5×6,5 *м*. В раскопе сохранился ее фундамент и часть кладки западной стены протяженностью около 2 *м*, на высоту до 0,8 *м*. Фундамент постройки почти в точности повторял фундамент внутренней стены каменного дома. Глубина его залегания достигала 1,7 *м*, толщина стен 1,6—1,4 *м*. Он состоял из валунов, уложенных насухо на подстилку точно такой же конструкции, как и у каменного дома. Стены постройки имели толщину 0,8 *м* и сложены из таких же плит ракушечника, на це-

[3] А. Ф. Медведев. Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого. МИА, № 55. М., 1956, стр. 219—221.

[4] А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, стр. 31—32; П. И. Засурцев. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. МИА, № 123. М., 1963, стр. 68—70; М. Г. Рабинович. Жилище. В кн.: «Очерки русской культуры XIII—XV веков», ч. 1. Материальная культура. М., 1969, стр. 272—273.

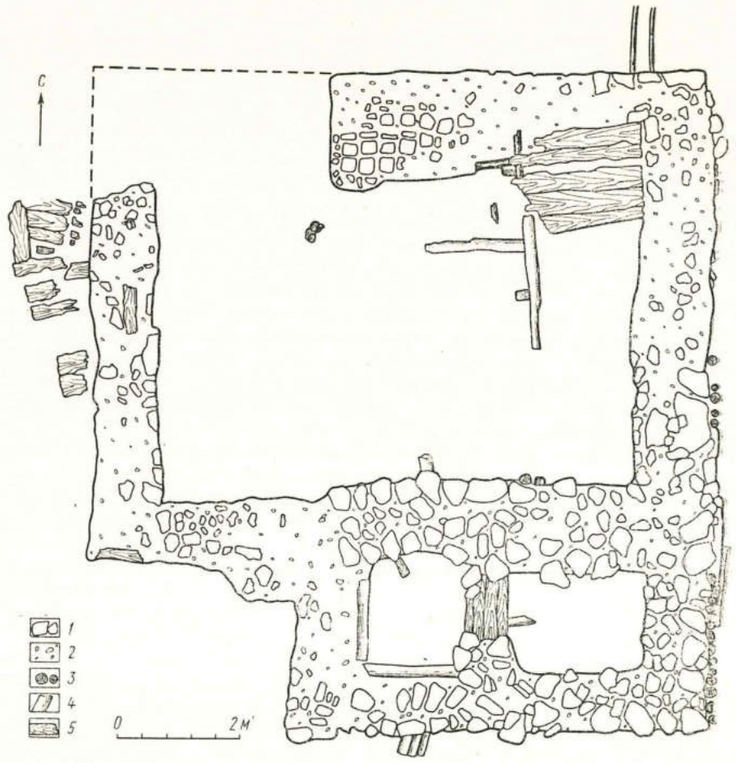


Рис. 2. Ильинский дом (*1* — ракушечник, *2* — известь, *3* — столбы, *4* — брезна, *5* — доски)

мянке, как и каменный дом. Пол отсутствовал. Полное отсутствие находок бытового назначения около этой постройки позволяет считать, что она имела исключительно складское назначение и была одноэтажной. Может быть, сопоставление фундаментов этой постройки и дома Юрия Онцифоровича и будет служить наиболее достоверным основанием, чтобы реконструировать дом посадника как двухэтажный.

Третья каменная постройка обнаружена в 1964 г. на Ильинском раскопе неподалеку от церкви Спаса на Ильине. На этой территории вскрыта часть усадьбы, принадлежавшей зажиточным феодалам. Мы знаем имя лишь одного владельца этой усадьбы, жившего здесь в первой половине XIV в. Это — Феликс. На усадьбе найдена свинцовая печать с его именем — «Филиксова печать» и несколько адресованных ему грамот (рис. 2).

Анализируя эти находки, В. Л. Янин пришел к выводу, что Феликс был наместником и ведал сбором дани с Двинской земли [5]. Его имя упоминается в договоре Новгорода с немецкими купцами, заключенном в 1338 г. В слоях первой половины XIV в. на этой усадьбе так-

[5] В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 179—181; он же. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 2. М., 1970, стр. 121—122.

же все постройки были деревянными. Появление каменного дома, нижний этаж которого, как и в доме Юрия Онцифоровича, служил складским помещением, говорит об экономическом могуществе владельца данной усадьбы. По всей вероятности, здесь жил кто-то из потомков Феликса, унаследовавший не только усадьбу, но, вполне возможно, и должность своего предка.

Ильинский дом (так мы будем называть его) построен на рубеже XIV—XV вв., то есть практически одновременно с домом Юрия Онцифоровича. Он располагался в глубине усадьбы и отстоял от мостовой Ильинской улицы на 11—12 *м*. От мостовой к дому вела мощеная дорожка, примыкавшая вплотную к его западной стене. На этой дорожке прослежено 4 яруса настилов. По размерам этот дом близок дому Юрия Онцифоровича, но конструктивно значительно от него отличается. Ильинский дом в основе своей был однокамерным, но к его южной стене примыкала пристройка в виде выступа шириной 2,8 *м*. Наружные размеры фундамента дома составляли 10,4×8,2 *м*. Вместе с выступом восточная стена дома достигала 11 *м*. Вдоль южной стены выступ тянулся на 6,5 *м*. Здесь был, очевидно, вход. Толщина фундамента составляла 1,2—1,3 *м*, а глубина залегания 1,7 *м*. Конструкция фундамента Ильинского дома такая же, как и конструкция фундамента второй каменной постройки Неревского раскопа.

Стены дома сложены из плит розового ракушечника на цемянке. Их кладка сохранилась местами на высоту до 1 *м*. Толщина стен несколько больше, чем у дома Юрия Онцифоровича (около 1 *м*). Внутренние размеры основной камеры 7,8×5,8 *м*, а внутренние размеры выступа — 1,8×4,5 *м*. Северо-западный угол фундамента срезан позднейшим перекопом. В разрезе стены на высоте 0,4 *м* от уровня фундамента прослеживалось бревно, служившее связью. В основной камере обнаружены остатки двух настилов полов, расположенные на разных уровнях. Нижний настил сооружен из довольно широких досок, уложенных на бревенчатых лагах, лежавших прямо на земле, на уровне фундамента. Доски этого настила лежали в направлении с запада на восток. Их направление не совпадает с входом. Возможно, этот нижний пол был двухъярусным, и тогда второй настил имел направление с севера на юг.

Пол из керамических плит выше деревянного на 20—25 *см*. Плиты (28×27×7 *см*) лежали на подсыпке из желтого песка толщиной 13—20 *см*.

Внутри выступа, в котором мы предполагали вход, доски лежали в направлении с севера на юг. Подклет этого дома, как и в доме Юрия Онцифоровича, несомненно, служил кладовой для хранения особо ценного имущества, о чем убедительно свидетельствует керамический пол. Дом этот, как и дом Юрия Онцифоровича, нам представляется не более как двухэтажным. Значительно меньшая глубина залегания фундамента здесь объясняется, очевидно, относительно большей плотностью грунта. Хотя этот грунт представлял здесь тот же культурный слой, он был все же менее влажным и не требовал сооружения каких-либо дренажных устройств. Только этим можно объяснить меньшую глубину заложения фундамента Ильинского дома. Выступ у южной стены, аналогичный выступу дома XV в., о котором мы упоминали выше, служил дополнительным тамбуром перед входом в подклет и опорой для сеней второго этажа. Сени, как и лестница и нижнее крыльцо, были деревянными. Между выступом дома и настилом вдоль его западной стены как раз остается место для крыльца и лестницы.

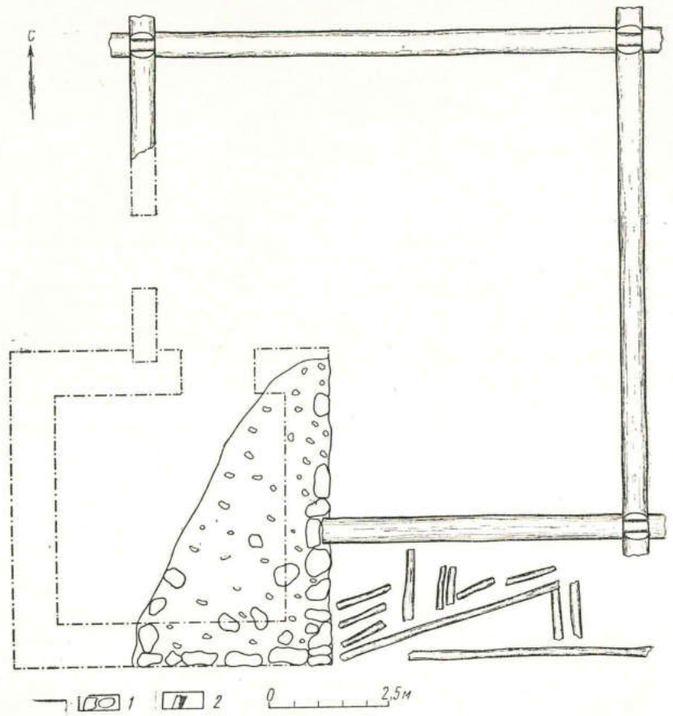


Рис. 3. Готский двор. Амбар с башней (*1* — ракушечник, *2* — бревна)

Рис. 4. Фасад стены дома XVI в. на улице Ленина

Остатки Ильинского дома законсервированы в том виде, как они обнаружены. Мы весьма сожалеем, что не были законсервированы фундамент дома Юрия Онцифоровича и остатки второй каменной постройки на этой усадьбе.

При рассмотрении новгородских каменных построек особенно поражает грандиозность фундамента дома Юрия Онцифоровича. Трудно даже представить во сколько раз стоимость одного только фундамента этого дома дороже равной по площади деревянной постройки! Эта пропорция еще больше увеличится, если учесть полную стоимость такого дома. Какие же должны были быть накоплены богатства, чтобы сооружать такое дорогостоящее хранилище?

Из летописей нам известен перечень наиболее ценимых в Новгороде товаров: это воск, меха и моржовая кость («рыбий зуб»), предметы воинского снаряжения и оружие, привозные ткани и посуда, изделия из золота и серебра, драгоценные металлы и камни. Около дома Юрия Онцифоровича найдено большое количество осколков расписной золотоордынской посуды и драгоценных стеклянных позолоченных кубков, а также стальные пластины от доспехов, костяные накладки от лука и т. д. Здесь же найдены резные костяные ложки и другие ценные предметы домашнего обихода.

Четвертая каменная постройка открыта в 1969 г. на Готском дворе. Этот двор, существовавший с XI в., находился на берегу Волхова неподалеку от Ярославова дворища (рис. 3). Раскопанная часть двора застроена лишь с середины XIV в. складскими помещениями (амбарами). Здесь обнаружены два амбара, стоявшие почти вплотную один к другому. Первый амбар имел размеры 8,5×8,5 *м*, второй —10,5×10,5 *м*. Они срублены из огромных сосновых бревен диаметром 0,5—0,6 *м*.

Обратим внимание на некоторые конструктивные особенности, отличавшие эти постройки от подобных им построек на усадьбах новгородцев. Во-первых, нам пока неизвестно ни одной новгородской постройки, которая срублена из бревен толще 0,3 *м*. Во-вторых, эти амбары, так же как и близкие им по размерам новгородские постройки, были по меньшей мере двухэтажными. Но, если в подобных новгородских постройках верхние этажи жилые, о чем убедительно свидетельствуют комплексы находок, связанные с жилищами, а также иные признаки (камни от печей, глина), то здесь можно утверждать, что никаких признаков жилья в этих амбарах не прослеживалось и их верхние этажи, так же как и нижние, были складскими помещениями. Наконец, третье отличие, представляющее в данном случае особый интерес: больший по размерам амбар не целиком деревянный; его юго-западный угол занимала каменная постройка. Амбары погибли от пожара, по всей вероятности, в середине XV в.; тогда же была разрушена и каменная постройка. Впоследствии на этом месте соорудили еще одну хозяйственную постройку, для которой при выравнивании площадки пришлось срезать до основания всю западную часть каменной постройки. От каменной постройки сохранился лишь юго-восточный угол со сторонами 4 и 6 *м*.

Несмотря на столь значительные утраты нам представляется возможным реконструировать эту постройку и определить ее назначение. Фундамент постройки состоял из одного ряда валунов, связанных известковым раствором, а стены, облицованные розовым ракушечником, заполнены бутовым камнем с известью. Кладка сохранилась в высоту до 1,1 *м*. Поскольку материк представлял здесь плотную глину, фундамент не стали заглублять, а лишь выровняли склон берега.

Конструктивные особенности всего сооружения (амбара и каменной постройки) достаточно отчетливо прослеживаются на стыке восточной стены каменной постройки и южной стены амбара. Каменная постройка выступала здесь на 2,5 *м* за пределы стены амбара, а для соединения с бревнами стены в каменной кладке сделан паз шириной 0,6 *м* и глубиной 0,25—0,3 *м*.

Можно полагать, что и соединение западной стены амбара с каменной постройкой сделано так же; поэтому западная стена каменной постройки должна была выступать на 2,5 *м* за пределы западной стены амбара. Оба амбара в плане квадратные. Вероятнее всего, квадратной была и каменная постройка. Но восточная стена каменной постройки прослежена лишь на длину 6 *м*. Северная часть этой стены сильно повреждена, а по расположению переводин и настила пола в амбаре можно допустить, что эта стена имела протяженность тоже 6,5 *м*. Облицовка внутренних стен каменной постройки полностью разрушена и определить толщину ее стен не удалось. Но, видимо, толщина этих стен не могла сколько-нибудь существенно отличаться от знакомых нам подобных построек того же времени, то есть составляла также 0,8—0,9 *м*. Несколько необычное сочетание деревянной и каменной построек позволяет предположить, что последняя имела двоякое назначение. Во-первых, она служила более надежным хранилищем, чем деревянный амбар, и в ней можно было прятать наиболее ценные товары и, во-вторых, она, несомненно, выполняла роль сторожевой башни. Выдвинутая за пределы южной и западной стен амбара она давала возможность просматривать эти стены, а так как вход в амбары устроен с западной стороны (от берега Волхова, где находились пристани, и среди них пристань Готского двора), то обзор именно этой стороны был особенно важен. К тому же и вход в амбар оказывался под защитой башни.

Внутренний вход в башню мог быть только с северной стороны, ближе к входу в амбар, а на верхний этаж поднимались, очевидно, по наружной лестнице. Несомненные признаки такой лестницы прослеживались вдоль южной стены амбара. Нам трудно судить о высоте башни, но в соответствии с ее назначением она должна была быть несколько выше амбара, то есть если амбар был по меньшей мере двухэтажным, то, вероятнее всего, и внутреннее (складское) помещение башни тоже двухэтажное, а смотровая (сторожевая) часть башни располагалась в таком случае в третьем этаже.

В начале статьи мы упоминали о каменном доме XVI в. на углу улиц Ленина и Большевиков. В 1971 г. неподалеку от этого дома в результате археологических раскопок была обнаружена еще одна каменная постройка, по конструкции и характеру кладки совершенно аналогичная предыдущей (рис. 4).

Раскопками вскрыта лишь фасадная стена постройки, в которой имеются два оконных проема с железными решетками. Стена расположена параллельно стене каменного дома XVI в. и находится от него в 27 *м*. Протяженность вскрытой части стены около 11 *м*; окна (около 0,4×0,4 *м*) выложены маломерным кирпичом и отстояли друг от друга примерно на 25 *м*. Постройка, перекрытая коробовым сводом, как и соседний с ней дом, полностью погребена в культурном слое.

И. К. ЛАБУТИНА

К ТОПОГРАФИИ ГОРОДСКИХ КОНЦОВ ПСКОВА В XV в.

Первые известия о концах в Пскове относятся к XV в. Под 1421 г. упомянут в летописи Опоцкий конец [1]. Употребление термина во множественном числе — «концы» — впервые встречается под 1449/1450 г. [2]. Псковские летописные известия XIV в. не содержат упоминаний концов, что еще не говорит о позднем их возникновении, а скорее, свидетельствует об отсутствии необходимости упоминания.

Роль городских концов в политической жизни Новгорода и Пскова, их управлении, дипломатии, военной организации и экономике ярко охарактеризована А. В. Арциховским в работе «Городские концы в древней Руси» [3]. Эта тема была продолжена в книге В. Л. Янина «Новгородские посадники» [4]. Важные наблюдения получены относительно представительства концов Пскова в республиканском управлении. Б. Б. Кафенгауз показал, что в Пскове, по-видимому, существовал порядок представительства от концов в Совете, аналогичный новгородскому, о чем говорит кратность числа посадников числу концов [5]. Вопросы социальной организации Пскова в связи с делением на концы еще далеки от разрешения. Одним из важных условий их решения является выяснение состава и топографии концов (рис. 1).

Относительно числа концов в Пскове сомнений нет. Их было 6, по мнению большинства дореволюционных и современных исследователей Пскова. Главным доказательством считаются известия 1468 г.

[1] ПЛ, вып. I, стр. 34; ПЛ, вып. II, стр. 38.
[2] ПЛ, вып. II, стр. 139.
[3] А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. ИЗ, т. 16. М., 1945.
[4] В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962.
[5] Б. Б. Кафенгауз. Древний Псков. М., 1969, стр. 60—61.

о делении пригородов по 2 на каждый конец (при числе пригородов 12 — по сообщению 1467 г.) и 1472 г. о встрече Софии Палеолог на озере в 6 насадах, причем каждое судно представляло конец [6]. Итак, в 60—70-х годах XV в. существование 6 концов определенно. Весьма вероятно, что 6 концов в Пскове оставались и в конце XV — начале XVI в., как считал и А. И. Никитский [7].

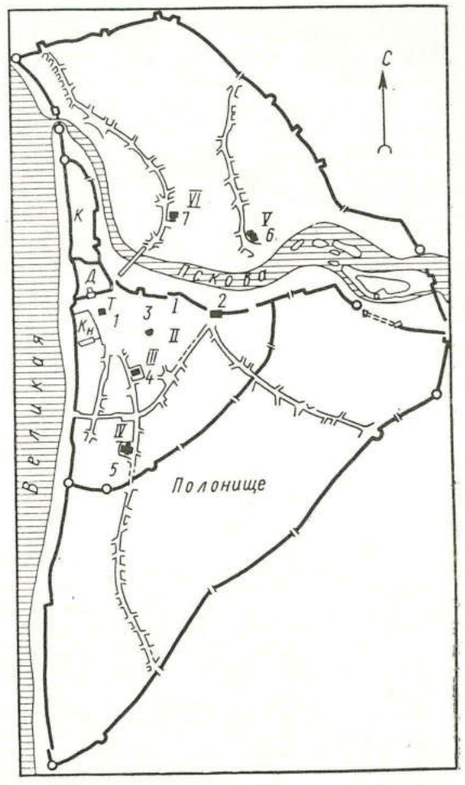


Рис. 1. Схема расположения городских концов в Пскове и древнейших церквей в них: *К* — Кром, *Д* — Домантова стена, *Т* — Торг, *Кн* — княжий двор; *I* — Боловинский конец, *II* — Остролавицкий конец, *III* — Городецкий конец, *IV* — Опоцкий конец, *V* — Богоявленский конец, *VI* — Кузьмодемьянский конец; *1* — церковь Спаса на Торгу (первоначальное место церкви Власия), *2* — церковь Петра и Павла, *3* — церковь Георгия на Болоте, *4* — церковь Михаила и Гавриила Архангелов, *5* — церковь Николы на Усохе, *6* — церковь Богоявления на Запсковье, *7* — церковь Кузьмы и Демьяна

О составе и локализации концов среди исследователей нет полного единства. Небольшое число упоминаний конкретных концов в известиях XV — начала XVI в. и изменение административного деления Пскова в XVI в. затрудняют решение вопроса.

Приведем мнения, сложившиеся о составе концов. Е. Болховитинов считал, что в Пскове было 5 концов, к которым с заселением Запсковья добавился 6-й — Запсковский, позднее разделившийся на концы Смердий, Богоявленский, Кузьмодемьянский. Более ранние 5 концов — Торговский, Боловинский, Опоцкий, Городецкий, Остролавицкий [8].

[6] А. В. Арциховский. Ук. соч. ИЗ, т. 16, стр. 10.
[7] А. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873, стр. 115.
[8] Евгений, митрополит Киевский. История княжества Псковского, ч. 1. Киев, 1831, стр. 19, 20.

И. Д. Беляев и А. И. Никитский называли 6 концов в Пскове: Богоявленский, Опоцкий, Торговский, Боловинский, Городецкий, Острой лавицы [9]. И. И. Василев считал, что в центральной части Пскова было 6 концов — Опоцкий, Острolавицкий, Боловинский, Торговский, Петровский, Городецкий и — на Запсковье — Богоявленский [10]. Н. Ф. Окулич-Казарин отмечал 6 концов: Торговский, Острolавицкий, Опоцкий, Боловинский, Городецкий и после 1309 г. — Петровский [11]. А. В. Арциховский называл те же 6 концов, что И. Д. Беляев и А. И. Никитский [12].

Наиболее точны в вопросе о составе концов в Пскове И. Д. Беляев, А. И. Никитский и А. В. Арциховский. Называемые ими концы упоминаются в псковских летописных известиях XV в. Запсковский конец, отмеченный Е. Болховитиновым, как и Петровский, названный И. И. Василевым и Н. Ф. Окуличем-Казариным, в источниках XV в. не значатся.

Тщательное рассмотрение псковского летописного материала заставляет внести уточнения в список псковских концов, особенно на Запсковье. Все названные выше авторы считали, что на Запсковье был один конец — Богоявленский; только Е. Болховитинов отмечал на Запсковье 3 конца — Смердий, Богоявленский, Кузьмодемьянский — правда, без указания времени.

Если для существования Смердьего конца невозможно найти подтверждения, то конец Кузьмодемьянский, на наш взгляд, неоспоримо существовал — во всяком случае, в 80-х годах XV в. В известии 1483/1484 г. обычно привлекала внимание та часть, где говорилось об $^1/_3$ стены, возведенной жителями Богоявленского конца. Подразумевалось само собой, что остальная часть стены должна была быть возведена силами другого или других концов. Но какого? Каких? Ответ находим в этом же известии. Цитируем его полностью: «...Прежде сего лета, за два года соуседи запсколяне, Богоявлянскыи конец, заложиша стену от Псковы рекы, *свою треть*; и сего лета свершена бысть на осень и покрыша. Тоя же весны, по велице дни, соуседи Кузмодемьянскии заложиша стену от Великои реке, *свои две части*, до Богоявленцове стене...» (курсив наш. — *И. Л.*) [13]. Все Запсковье в этом сообщении разделено на две части, одна из которых названа Богоявленским концом. Подразумевается, что существовал и другой конец, соседи которого выстроили свои $^2/_3$ стены. Соседи названы кузмодемьянскими (соседи церкви святых Кузьмы и Демьяна известны и по сообщению о закладке каменной церкви во имя этих святых в 1462 г.) [14]; вероятно, так же назывался и конец, составлявший основную, западную часть Запсковья. Церковь Кузьмы и Демьяна как центр конца предстает и в сообщении 1507 г., где говорится о том, что в приделе церкви стояли «зелья всего конца» [15]. Итак, в 80-х годах XV в. Запсковье состояло из двух концов. Восходит ли это деление к более раннему времени — установить трудно. Исходя из того, что Богоявленский конец существовал уже в 1458 г., а западная часть Запсковья, вдоль дороги на Гдов и

[9] И. Беляев. История города Пскова и Псковской земли. Рассказы из русскои истории, кн. 3. М., 1867, стр. 7; А. Никитский. Ук. соч., стр. 114—115 (Опоцкий конец А. Никитский называет Опоческим).
[10] И. И. Василев. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей. ЗРАО, т. X, вып. 1—2, новая серия. СПб., 1898, стр. 40.
[11] Н. Ф. Окулич-Казарин. Спутник по древнему Пскову. (Любителям родной старины). Псков, 1913, стр. 74.
[12] А. В. Арциховский. Ук. соч. ИЗ, т. 16, стр. 9.
[13] ПЛ, вып. II, стр. 63—64.
[14] ПЛ, вып. I, стр. 62.
[15] Там же, стр. 91.

Нарву, заселялась никак не позднее восточной, можно считать, что такое подразделение существовало и в середине XV в.

Из концов, традиционно включавшихся в перечень псковских, вызывает некоторое сомнение Торговский. Он лишь раз упомянут в летописи — в связи с пожаром 1459 г. Топография пожара позволяет утверждать, что Торговский конец известия 1459 г. равнозначен Торгу. Об этом же говорят варианты I Псковской летописи — списки Погодинский и Оболенского, где вместо обозначения границы пожара «возле Торговский, Боловиньский конець» [16] читаем «возле Торгъ и Боловиньскои (Боловинцкои) конець» [17]. Учитывая, что Торг XV в. состоял преимущественно из торговых помещений, трудно применить к нему обозначение «конец» в обычном смысле. Возможно, здесь «конец» обозначал сторону, территорию, и Торг обязан таким термином соседству Боловинского конца в тексте известия.

Итак, несомненно существование концов Опоцкого, Боловинского, Острolавицкого, Городецкого, Богоявленского, Кузьмодемьянского. Торговский конец как административная единица вызывает некоторое сомнение. Если он и был в Пскове, следует признать, что Кузьмодемьянский конец оформился лишь во второй половине 70-х — начале 80-х годов XV в. (как 7-й конец), так как на рубеже 60—70-х годов в Пскове было 6 концов.

Попытки локализации концов, предпринимавшиеся в литературе, как правило, не аргументировались, поэтому считаем необходимым привести данные по топографии концов Пскова. Следуем хронологическому принципу.

Вочький (Опочкин, Опоцкой) конец упоминается в летописях неоднократно под 1421, 1459 (1460), 1465 и 1473 гг. Его название происходит от местности «Вопока». По известиям 1421 и 1473 гг. ясно, что в Опоцком конце находились церкви Николы на Усохе и Варвары, о строительстве и благоустройстве которых сообщается под этими датами [18]. Местоположение этих церквей известно. Усоха входила в состав Опоцкого конца [19], поэтому неудивительно, что от пожара, начавшегося на Усохе в 1459/1460 г., выгорел весь конец [20]. Известно также, что в Опоцком конце находилась Ропатая лавица (1465 г.) [21], но ее место не устанавливается. Итак, единственные определенные ориентиры для Опоцкого конца — это церкви Николы и Варвары. Наиболее близок к истине, по-видимому, И. И. Василев, предполагавший, что с востока Опоцкий конец ограничивался Великой улицей. Нет, однако, веских оснований считать, что он продолжался вплоть до княжьего двора и Торга [22]. В общих чертах его территория определяется как западная часть пространства между стенами 1309 и 1374/1375 гг.

Боловин (Боловинский) конец упоминается в известиях о пожарах 1453 и 1459/1460 гг. и как место подворья для братьев великого князя в 1480 г. [23]. В Боловинском конце находились Боловина лавица и двор

[16] ПЛ, вып. I, стр. 56; ПЛ, вып. II, стр. 50, 144.
[17] ПЛ, вып. I, стр. 56, прим. 6—9.
[18] Там же, стр. 34; ПЛ, вып. II, стр. 38, 193.
[19] И. К. Голунова. К топографии Пскова XIV века. Сб. «Исторические науки». Материалы X научной конференции ПГПИ им. С. М. Кирова, вып. 2. Псков, 1968, стр. 33—34.
[20] ПЛ, вып. I, стр. 56; ПЛ, вып. II, стр. 50, 144.
[21] ПЛ, вып. II, стр. 161.
[22] И. И. Василев. Ук. соч., стр. 40.
[23] ПЛ, вып. I, стр. 51; ПЛ, вып. II, стр. 49; ПЛ, вып. I, стр. 56; ПЛ, вып. II, стр. 50, 144, 78.

владычного наместника Прокопия, от которых начался пожар в 1453 г. Граница пожара в 1453 г. проходила по стене 1309 г., что в сочетании с данными о пожаре 1459 г., когда не пострадали ни Торг, ни Боловинский конец, позволяет локализовать его внутри стены 1309 г. При пожаре 1459 г. сгорели княжий двор, Городецкий, Остролавицкий концы. Относительно Боловинского конца ясно, что находился он рядом с Торгом, но не со стороны княжьего двора, иначе необъяснимо, как он уцелел. Городецкий и Остролавицкий концы, впервые упоминаются в связи с пожаром 1459 г. Городецкий конец локализуется в районе церкви Михаила Архангела в Городце, а Остролавицкий — северо-восточнее Городца (по церкви Георгия на Болоте в Острой лавице).

Близкой Остролавицкому концу территорией, не затронутой пожаром в 1459 г., было пространство между Торгом, церковью Георгия и р. Псковой. Вероятно, здесь, на левом берегу Псковы, в пределах стены 1309 г. и находился Боловинский конец. Предложенная локализация Боловинского конца подтверждается тем, что Боловинское сто в конце XVI в. входило в Петровский конец. Возможно на этом основании предположить, что название «Петровский конец» — более позднее, обозначавшее как старую территорию Боловинского конца, так и присоединившиеся к ней в результате роста города и посада новые участки. О том, что Боловинский конец позднее стал называться Петровским, писал еще Е. Болховитинов [24]. По-видимому, прав В. А. Федоров, считавший церковь Петра и Павла центром Боловинского конца [25]. Предлагаемая локализация Боловинского конца и генетическая связь его с позднейшим Петровским концом подтверждают это предположение.

Богоявленский конец, как отмечалось выше, упоминается в летописях под 1458 и 1484 гг. Местоположение церкви Богоявления, давшей имя концу, известно: на правом высоком берегу Псковы, почти против Бродов. Судя по тому, что на долю Богоявленского конца выпало строительство восточного участка стены вокруг Запсковья, следует считать, что именно восточная часть Запсковья в пределах стены относилась к Богоявленскому концу. Его естественной границей на юге была Пскова. Чисто механический подсчет показывает, что $^1/_3$ стены от Псковы кончается где-то между Толокнянской и Глухой башнями. Может быть, здесь была северная граница конца. Западная граница конца точно не устанавливается. Возможно, ею служила улица, пересекавшая Запсковье с юга на север от церкви Богоявления. Соотношение долей участия в строительстве стены позволяет сказать, что Богоявленский конец имел меньшее население, чем другой конец Запсковья — Кузьмодемьянский, занимавший остальную часть этого района Пскова.

Интересно отметить, что оформление концов на Запсковье относится ко времени до постройки стены.

Торговский конец, если и существовал как административная единица, то по территории соответствовал Торгу, примыкавшему с юга к Домантовой стене и ограниченному на западе территорией княжьего двора [26]. С восточной стороны к Торгу подходил Боловинский конец. На юго-восток он не мог простираться дальше церкви Георгия на Болоте, относившейся к Остролавицкому концу. Древнейшей церковью

[24] Евгений, митрополит Киевский. Ук. соч., стр. 19, 20.
[25] В. А. Федоров. Роль церквей и монастырей в жизни средневекового Пскова. «Экскурсионное дело», 1922, №№ 4—6, стр. 22.
[26] И. К. Голунова. Ук. соч. Сб. «Исторические науки», стр. 26—27.

на территории Торга была церковь Власия, перенесенная на новое место в 1373 г. [27]. На старом месте в XV в. была построена церковь Спаса, также входившая в состав территории Торга [28].

Городецкий конец, как отмечалось, локализуется в районе церкви Михаила Архангела. Название происходит от Городца, дважды упоминаемого в известиях XIV в. (1335 и 1339/1340 гг.) [29]. Реальное значение Городца как укрепления было утрачено к XIV в. [30], но топоним продолжал жить в наименовании конца.

Городецкий конец упоминается летописью дважды: как пострадавший при пожаре 1459/1460 г. и в первоначальном тексте известия 1485 г. во 2-й летописи, где упоминался Перх «из Городецкого конца» [31]. Городецкий конец занимал часть территории внутри стены 1309 г., доходя на юге до самой стены, и наверно, имел продолжение и за ней. На севере он, возможно, смыкался с Торгом, на северо-востоке — с Остролавицким концом. Западной границей конца могла быть Великая улица, хотя, впрочем, нет никаких данных против того, что он распространялся и далее к р. Великой. Кроме церкви Михаила Архангела, на территории конца была еще церковь Спаса у Старого костра.

Остролавицкий конец имеет единственный надежный ориентир — церковь Георгия в Острой лавице, место которой удается отыскать благодаря офицерским описям и планам XVIII в. [32]. Судя по тому, что в известии о пожаре 1459/1460 г. церковь Георгия названа одним из крайних северных объектов пожара, в то время как Острой лавицы конец выгорел весь [33], можно думать, что бóльшая его часть находилась к востоку и юго-востоку от церкви Георгия в пределах стены 1309 г., а, возможно, и за ней. С севера Остролавицкий конец граничил с Торгом и Боловинским концом, а с запада — с Городецким.

Итак, в старой части города, в пределах стены 1309 г., между ней и Домантовой стеной находились концы Городецкий, Остролавицкий, Боловинский. Здесь же располагался Торг (Торговский конец?). Опоцкий конец локализуется в пределах линий укреплений — стены 1374/1375 г., занимая западную часть пространства между 3 и 4 линиями крепостных стен.

Вероятно, концы Боловинский, Остролавицкий и Городецкий радиальными участками отходили от Торга к периферии. Границами между концами служили улицы, на посаде переходившие в дороги. О том, что территория посада была распределена между концами и кончанская земля не ограничивалась территорией города, узнаем из свидетельства 1465 г. о погребении умерших во время мора в скудельницах, выкопанных во всех концах на посаде [34].

Оформление концов в центральной части Пскова не датируется. Оно происходило раньше, чем на Запсковье, примерно в одно время. Концы на Запсковье были более молодыми объединениями, возникшими в связи с ростом запсковского посада в XIV — первой половине XV в.

[27] ПЛ, вып. I, стр. 23; ПЛ, вып. II, стр. 28, 105.
[28] ПЛ, вып. II, стр. 38.
[29] ПЛ, вып. I, стр. 17; ПЛ, вып. II, стр. 24, 92.
[30] И. К. Лабутина. Летописные данные XIV века о крепостных сооружениях Пскова. СА, 1970, № 2, стр. 99.
[31] ПЛ, вып. II, стр. 66, прим. а, б.
[32] И. К. Голунова. Ук. соч. Сб. «Исторические науки», стр. 31—33.
[33] ПЛ, вып. I, стр. 56; ПЛ, вып. II, стр. 50, 144.
[34] ПЛ, вып. I, стр. 72; ПЛ, вып. II, стр. 162.

В консолидации концов немалую роль играли церкви. Первоначально каждый конец имел по одному храму, объединявшему в приход всех жителей конца; по мере увеличения населения число церквей увеличивалось. Концы Пскова хорошо определяются их древнейшими церквами: Власия (Торг), Петра и Павла (Боловинский конец), Георгия на Болоте (Остролавицкий конец), Михаила Архангела (Городецкий конец), Николы на Усохе (Опоцкий конец), Кузьмы и Демьяна на Запсковье (Кузьмодемьянский конец), Богоявления на Запсковье (Богоявленский конец). Между прочим, ни одна из этих церквей, несмотря на большую роль в жизни конца, не была соборной. Видимо, нельзя ставить в прямую зависимость от числа концов деление духовенства на соборы в Пскове [35], так как тогда мы вынуждены были бы признать, что к 1416 г. (время учреждения 3-го собора) в Пскове было лишь 3 конца, а к 1453 г. (учреждение 4-го собора) их стало 4 и т. д. Между тем оформление концов в старой части Пскова относится, конечно же, к более раннему времени.

Вопросы, связанные с происхождением концов и их ролью в социальной организации Пскова, еще ждут разрешения.

[35] Б. Б. Кафенгауз. Ук. соч., стр. 61.

Н. Н. ВОРОНИН

СЛЕДЫ РАННЕГО СМОЛЕНСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

До недавнего времени единственным дополнением к скудным данным летописи о смоленском зодчестве XII—XIII вв. была опубликованная Н. И. Петровым поздняя запись летописного характера в сборнике XVII в. киевского Михаило-Златоверхого монастыря [1]. Она использовалась без должного критического анализа как дореволюционными, так и современными исследователями [2]. В 1956 г. М. Н. Тихомиров опубликовал выдержку из Краткого летописца конца XV в., ближайшим образом связанную с текстом Киевского сборника [3]. К сожалению, исследователь не высказал своего мнения о взаимоотношении этих текстов и их исторической достоверности, пользуясь обоими источниками с непонятным безразличием. Поэтому нам необходимо дать оценку этим источникам, привлекая результаты исследования памятников архитектуры Смоленска XII—XIII вв. и археологических раскопок, которые позволяют критически отнестись к обоим текстам.

Приведем только запись из Краткого летописца конца XV в.:

«В лето 6623. Бысть на Смоленьсце первый князь Мьстислав Владимиров сын, а сын его Ростислав, създавый первую епископью у Смоленьску, святую Богородицю.

[1] Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. ЧОИДР, кн. 2. М., 1897, стр. 153—154.

[2] См., например: Е. Н. Клетнова. О раскопках на Смядыни. ИАК, приб. к вып. 34. СПб., 1910, стр. 164; И. И. Орловский. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. «Смоленская старина», вып. 1, ч. 1. Смоленск, 1909, стр. 226 и др.; М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска (XII—XIII вв.). Л., 1964 (на стр. 125 автор перепечатал текст записи без сверки с подлинником).

[3] Рукопись ГИМ, собрание Уварова, № 515 (Лесн. № 1788); М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 356—357 и прим.

В лето 6000 7-сотное 46. Давид Ростиславичь создав церков святаго Михаила и Бориса и Глеба, а на Смядыни принесь мощи святаго Бориса и Глеба из Вышегорода от святаго Василья. Мьстиславь Ростиславич создав церков святаго Спаса на Поль и устрои великий град Смоленск, княженья его лет 60. Мстислав(ль) на Вехре его же ставленна».

Текст сборника киевского Михаило-Златоверхого монастыря сверен Я. Н. Щаповым с подлинником и опубликован [4].

Уже первое прочтение этих записей показывает, что они связаны общим источником сведений, но во многом их искажают и противоречат друг другу. Текст Краткого летописца непонятно почему открывается датой 1115 г. О княжении Мстислава Владимировича настойчиво повторяет лишь статья Воскресенской летописи: «Начало православных государей и великих князей Русских».

Для этой статьи вообще характерно особое внимание к Смоленску: «6370. Смоленск и Киев Игорю Олег взял» ...В перечне сыновей Мономаха: «Мстислав Смоленьскый...» «6633. По Владимире седе на Киеве сын его Мстислав из Смоленска... Мстиславли дети... Ростислав Смоленьский...». Выделена особая статья «Смоленьстии князи от великого князя Владимера Манамаха», открывающаяся известием — «Посади Владимер сына своего Мстислава на Смоленьске...» [5]. Известно, что Мстислав был вызван на юг отцом из Новгорода, а не из Смоленска: «В лето 6625. Иде Мьстислав Кыеву на стол из Новагорода марта 17...» [6].

В Уставной грамоте Ростислава Смоленской епископии есть указание, что учредить ее собирался еще его отец Мстислав (умерший в 1132 г.), по «повелению» которого Ростислав и совершил (в 1136 г.) этот важный акт [7].

Фраза Краткого летописца о том, что Ростислав создал «первую епископью у Смоленьску, святую Богородицю» очень важна. Сомнения в том, достраивал ли собор, заложенный еще его отцом, Ростислав, который якобы лишь благоустраивал и украшал храм, законченный еще при Мономахе [8], отпадают. При наших археологических разведках 1965 г. около существующего собора XVIII в. были найдены плинфы двух типов: меньшее количество принадлежало строительству Мономаха и большая часть времени Ростислава [9]. Термин Краткого летописца «создавый» — построивший, утверждает значительность осуществленных при Ростиславе работ и согласуется с археологическими данными. Достройка собора была, видимо, произведена до учреждения Смоленской епископии и приезда епископа Мануила, то есть в первой половине 30-х годов XII в.

Следующий раздел записи Краткого летописца, посвященный деятельности князя Давида, открывается странной датой 6746 (1238 г.). Она не имеет никакой связи с последующим перечнем церковных построек Давида. Эта же дата повторяется в тексте Киевского сборника, в связи с чем И. И. Орловский предположил, что она искажена

[4] См. статью Я. Н. Щапова «Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г.» и приложение к ней на стр. 282 в этой книге.
[5] ПСРЛ, т. VII, стр. 231—233, 239.
[6] НПЛ, стр. 20.
[7] Памятники русского права, вып. II. М., 1953, стр. 39.
[8] А. В. Поппэ. Учредительная грамота Смоленской епископии. В кн.: «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 70, прим. 48.
[9] Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Смоленский детинец и его памятники. СА, 1967, № 3, стр. 293.

переписчиком и предложил исправление на 1188 г. [10]. Давиду справедливо усвоена постройка знаменитого храма Михаила Архангела (известно из некролога Давида) [11] и ошибочно приписано создание Борисоглебского монастырского собора на Смядыни, заложенного в действительности Ростиславом Мстиславичем в 1145 г. [12]. Сообщение о перенесении «мощей» Бориса и Глеба из Вышгорода на Смядынь не соответствует действительности. Много раз княживший в Вышгороде Давид организовал в 1191 г. вывоз из Вышгорода в Смядынский монастырь только ветхих деревянных гробов, в которых прежде до перезахоронения в каменные гробницы в 1702 г. [13] были погребены «святые братья».

Далее запись сообщает «уникальные» сведения о строительной деятельности брата Давида Мстислава Ростиславича, занимавшего смоленский стол всего два года (1175—1177 гг.) в перерыве княжения его брата Романа Мстиславича. Ему приписывается постройка церкви Спаса «на Поле»; ее, видимо, следует отождествлять с церковью Спаса в верховьях Смядыни, которую, как мы знаем, запись Киевского сборника усваивает Ростиславу. Характер и развитые формы этого здания, открытого нашими раскопками [14], свидетельствуют, что оно не может принадлежать раннему этапу смоленского зодчества времени Ростислава и что конец 70-х годов — очень близкая к истине дата, хотя памятник ближе к рубежу XII—XIII вв. Ошибкой автора записи является и усвоение Мстиславу создания «великого града Смоленска» — на это, конечно, не хватило бы двух лет его пребывания на княжеском столе Смоленска, так же как к нему никак не подходит «круглая» цифра 60 лет его княжения. Усвоение Мстиславу постройки Мстиславля на притоке Сожа — Вехре — казалось бы, согласуется с названием крепости именем основателя, но вероятнее, что она создана Ростиславом и, может быть, названа в память его отца Мстислава. В этом вопросе запись Киевского сборника снова заслуживает доверия. Она распадается на четыре части, вернее посвящена четырем темам: 1 — строительная деятельность Ростислава; 2 — освящение Успенского собора в Смоленске; 3 — строительство при Давиде Ростиславиче; 4 — взятие Смоленска Сигизмундом III в 1611 г., описанное сравнительно подробно.

Сообщение о сооружении в 1134 г. ограждения обширной территории «великого» Смоленска — единственное свидетельство об этом крупном строительном предприятии Ростислава, и у нас нет оснований сомневаться в истинности этого драгоценного известия. «Град» сохранялся и после сооружения новой смоленской крепости Федором Конем (1595—1602 гг.) и был изображен на одной гравюре начала XVII в. Далее Ростиславу усваивается постройка храма Спаса «верх Смядыни». Если, как говорилось, это тот же храм, что и Спас «на Поле» Краткого летописца [15], то его правильнее связывать с концом XII в. и

[10] И. И. Орловский. Ук. соч. «Смоленская старина», вып. 1, ч. 1, стр. 226.
[11] ПСРЛ, т. II, стб. 703.
[12] НПЛ, стр. 27.
[13] См. дискуссию по этому вопросу: С. П. Писарев. Было ли перенесение мощей Бориса и Глеба из Вышгорода в Смоленск, на Смядынь? (Смоленск, 1897) и решительные возражения ему И. И. Орловского (ук. соч. «Смоленская старина», вып. 1, ч. 1, стр. 256 и сл.).
[14] Н. Н. Воронин. К истории смоленского зодчества XII—XIII вв. В кн.: «Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. (Материалы юбилейной научной конференции)». Смоленск, 1967, стр. 103—116.
[15] Руины Спасского храма, бывшего собором Спасского монастыря, лежат теперь на большой открытой поляне на правом берегу Смядынского оврага.

вряд ли с инициативой Мстислава Ростиславича. Об основании Мстиславля уже сказано, усвоение его Ростиславу более вероятно. Срок его княжения в Смоленске проставлен неверно: он занимал смоленский стол не 60 лет, а всего 33 года (1125—1158 гг.).

Развернутое сообщение об освящении епископом Мануилом Успенского собора имеет ошибочно написанную дату: в действительности, как показал Я. Н. Щапов, здесь речь идет о вторичном освящении храма 15 августа 1150 г.[16]. Драгоценно определение собора как стоящего «внутри града»; это, конечно, не «внутри Смоленска», а «внутри детинца». Следовательно, первоначальная запись об освящении собора сделана, когда было свежо воспоминание о недавнем времени до сооружения «великого града» Смоленска в 1134 г., когда единственным «градом» были укрепления детинца.

Текст о строительной деятельности Давида Ростиславича (1180—1197 гг.) открывается, как и в Кратком летописце, случайной датой 6746 (1238 г.). Так же, как и в Кратком летописце, Давиду правильно усвоена постройка церкви Михаила Архангела, но с драгоценным добавлением, что храм был создан «на пристани»: княжеский храм и двор тяготеют к западному торговому порту Смоленска. И рядом, следом за Кратким летописцем, повторено ошибочное отнесение постройки смядынского Борисоглебского собора ко времени княжения Давида. Текст о строительной деятельности Давида завершает несколько путаная фраза, из которой, однако, ясна связь перенесения (в 1191 г.) «мощей» (гробов) Бориса и Глеба из Вышгорода с постройкой в Смядынском монастыре малой церкви Василия, получающей таким образом относительно твердую хронологическую привязку.

Единственно точной по дате и обстоятельно распространенной является четвертая часть записи о захвате Смоленска армией Сигизмунда III. Существенно, что этот текст повторяет легендарную версию о взрыве Успенского собора и гибели собравшихся в нем смольнян[17]. Его содержание позволяет думать, что запись в целом составлена значительно позднее 1611 г., когда забылась действительная картина взрыва порохового погреба в толще Соборной горы и ее место заняла трагическая история о взрыве собора. Появление подобной записи в летописном отрывке Киевского сборника, видимо, объясняется наличием в этом сборнике полемических сочинений против латинства. Летописный отрывок вторит этой тенденции: рядом с данными о благочестивом строительстве древних смоленских князей, и контрастируя с ними, рассказано о «безбожных» деяниях католика Сигизмунда III. Для определения времени составления киевского летописного отрывка существенно и указание даты захвата Смоленска Сигизмундом не «от сотворения мира», а «от Рождества Христова» (1611 г.). Как известно, окончательный переход на эту систему обозначения дат был закреплен указом Петра I 1700 г. Таким образом, запись Киевского сборника отделена двумя столетиями от времени составления Краткого летописца.

Оба источника представляют значительный интерес для исследования вопроса о начальном смоленском летописании XII в. Краткий летописец относится к концу XV в., то есть ко времени оживления летописания в Смоленске при дворе смоленского епископа Иосифа Сал-

[16] Я. Н. Щапов. Ук. соч., см. в этой книге.
[17] Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Ук. соч. СА, 1967, № 3, стр. 289—291.

тана (Болгариновича)[18]. По заключению В. А. Арнаутова, собственно смоленская древняя летопись была в Смоленске утрачена уже в XV в. Видимо, это было следствием падения Смоленска в 1404 г.: летопись перешла в чужие руки и растворилась в чужих летописных сводах, так что составитель смоленской летописной выборки, известной под именем «Киевской летописи» Супрасльского сборника, работавший в Смоленске около 1500 г., вносил дополнения и поправки не на основе старых летописных текстов, а на основании устных преданий, памятников старины и случайных смоленских записей[19]. Видимо, именно этими обстоятельствами объясняются несообразности и ошибки Краткого летописца. Однако часть его показаний, как мы видели, имеет некоторое значение.

Гораздо ценнее запись Киевского сборника, хотя и сделанная почти двумя веками позднее. Ее списатель явно имел под руками какие-то старые смоленские летописные материалы. Отсюда летописная структура записи, относительная точность содержания, даты «от сотворения мира», отличающиеся от даты рассказа о взятии Смоленска в 1611 г., показанной по новому летосчислению. Этот рассказ явно прибавлен к «летописной» части записи.

Рассмотренные отрывки летописного характера содержат главным образом неотраженные в других летописях сведения о Смоленске XII в. Иными словами, это — следы недошедшей до нас древней смоленской летописи. Как можно заключить, она была внимательна к внутренней жизни Смоленской земли, в частности к фактам гражданского и церковного строительства. Однако эти летописные записи дошли до их списателей XV—XVII вв. уже в достаточно искаженном виде. Тем не менее и они драгоценны, а продолжение поисков, несомненно, принесет и новые находки.

[18] В. А. Арнаутов. «Киевская» летопись Супрасльского сборника (к вопросу о смоленском летописании). ИОРЯС, т. XIV, кн. 3. СПб., 1910, стр. 31.
[19] В. А. Арнаутов. Ук. соч. ИОРЯС, т. XIV, кн. 3, стр. 15 и 30.

Я. Н. ЩАПОВ

ОСВЯЩЕНИЕ СМОЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ БОГОРОДИЦЫ В 1150 г.

Летописная запись об освящении смоленской кафедральной церкви Богородицы епископом Мануилом известна в литературе уже давно, в течение пятидесяти лет. Ее опубликовал вместе со связанной с этой записью Похвалой князю Ростиславу Мстиславичу смоленский историк И. И. Орловский [1]. Однако публикация этого интересного памятника была выполнена не по рукописи XVI в., в которой она сохранилась, а по копии с нее сделанной в начале XIX в. для Н. П. Румянцева [2]. Сравнение этой копии с ее источником показывает, что копиист плохо передал свой источник, внес в него несколько искажений, а главное — неправильно понял дату записи. Вместо «в лета S̃. X̃. Ñ. H̃е» (6658-е) он написал «в лета ≠S̃. X̃. H̃ и Ẽ» (6650 и 5, что может соответствовать 1147 г.). В свою очередь Орловский, воспроизведя текст летописной записи с датой кописта, не только в исследовании, но и во введении к этой публикации, счел возможным еще раз заменить дату с 6655 на 6650, что может соответствовать 1142 г. Он сделал это, руководствуясь датой записи об освящении той же церкви в Киевском Михайловском сборнике, а также соображаясь с тем, что освящение собора должно было произойти скорее через 5 лет после учреждения епископии

[1] И. И. Орловский. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. «Смоленская старина», вып. 1, ч. 1. Смоленск, 1909, стр. 211—212, прим. 2. Текст перепечатан в кн.: М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска (XII—XIII вв.). Л., 1964, стр. 125.

[2] ГБЛ. Отдел рукописей, собрание Румянцева, № 34, лл. 4—4 об. Запись кописта: «Выписано из книги в 4-ю [долю], хранящейся в Волоколамской Иосифовской библиотеке под № 8-м (по старой описи), называемой сборник Нифонтовской на еретики и от правил, стр. 505».

(традиционной даты этого учреждения 1137 г.), чем через 10 лет [3]. Исследователи смоленского зодчества XII—XIII вв. неоднократно привлекали свидетельство этой записи, как и предшествующей ей Похвалы князю Ростиславу, причем исходили из даты 1142 г., предложенной Орловским [4]. В последнее время был высказан и скептический взгляд на этот памятник как восходящий к поздней традиции [5].

Обращение к самому тексту Нифонтовского сборника, источнику румянцевской копии, позволяет исправить ошибки копииста и осмысления первого публикатора и заново ввести эту ценную запись в науку. Вот текст этой записи: «С[вя]тилище с[вя]тые б[огороди]цы ѡс[вя]тисѧ ѡт Мануила перваго епископа града Смоленска м[е]с[я]ца августа є Ĩд[е]нь индикта г̃і в лѣта ≠S̃. X̃. Ñ. H̃е» [6].

Летописная запись находится в сборнике в качестве непосредственного продолжения другого памятника — Похвалы князю Ростиславу Мстиславичу, умершему 14 марта 1167 г. Изучение Похвалы показывает, что она представляет собой местный смоленский памятник, возникший вскоре после смерти князя и связанный, очевидно, с той же кафедральной смоленской церковью Богородицы. Похвала принадлежит к распространенному в XI—XIII вв. жанру посмертных похвальных слов князьям в составе древнерусских летописей и прологов [7].

Известный историкам русской публицистики и литературы XV—XVI вв. Нифонтовский сборник составлялся в Иосифо-Волоколамском монастыре постепенно, в течение 30-х — начала 40-х годов XVI в., по указанию и при участии его игумена Нифонта Кормилицына, последователя Иосифа Волоцкого [8].

Это историко-полемический сборник, содержащий сочинения в защиту истинности официального русского православия и против других, нехристианских, языческих и неправославных, католических исповеданий и особенно против еретических, неофициальных течений. Статьям сборника посвящена большая литература [9].

[3] И. И. Орловский. Ук. соч. «Смоленская старина», вып. 1, ч. 1, стр. 212; см. также его введение к публикации: «К 1142 году относится известие об устройстве Ростиславом соборной церкви в Смоленске. Оно содержится: 1) в «Киевском кратком летописце»., 2) подробнее излагается в повести «О великом князе Ростиславе Смоленском и о церкви...» (там же, стр. 211).

О дате учреждения епископии (1136 г., а не 1137 г.) см. Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М.—Л., 1963, стр. 137; А. В. Поппэ. Учредительная грамота Смоленской епископии. В кн.: «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 59.

[4] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 14, 26—27; Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Смоленский детинец и его памятники. СА, 1967, № 3, стр. 287—302.

[5] А. В. Поппэ. Ук. соч. в кн.: «Археографический ежегодник за 1965 год», стр. 70, сн. 48; A. Poppe. Fundacja biskupstwa smoleńskiego. «Przegląd historyczny», 1966, t. 57, zesz. 4, s. 553.

[6] Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде). Отдел рукописей, Q.XVII. 15 (собр. Ф. А. Толстого, II. 254), лл. 469—469 об. Состав сборника см. К. Калайдович и П. Строев. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей гр. Ф. А. Толстого. М., 1825, стр. 412—418.

[7] Подробнее о Похвале князю Ростиславу см. Я. Н. Щапов. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как смоленский памятник литературы XII в. «Труды Отдела русской литературы», т. XXVIII.

[8] О датировке сборника по его содержанию см. В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, стр. 67—69.

[9] См., например: С. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 236; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI вв. М.—Л., 1955, стр. 464; Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текстов А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, стр. 133; С. О. Шмидт. Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты. «Историко-археологический сборник (А. В. Арциховскому к шестидесятилетию со дня рождения)». М., 1962, стр. 319—325.

Похвала князю Ростиславу за его внимание к кафедральной смоленской церкви с летописной записью об освящении этой церкви, являющейся в этом сборнике продолжением Похвалы, заинтересовала составителя, очевидно, как сочинение, показывающее древность православия на Руси и успехи в его распространении, тем более, что незадолго до возникновения сборника, в 1514 г., Смоленск, захваченный Витовтом, был возвращен Московскому великому княжеству.

Запись в сборнике содержит сообщение об освящении смоленской кафедральной церкви 15 августа 6658 г., причем этот год соответствовал 13 индикту. Такая дата показывает, что перед нами сентябрьский, византийский календарный год, и освящение церкви произошло 15 августа 1150 г.

Близкое к этой записи сообщение о том же событии содержится в другой рукописи, принадлежащей XVII в. и не связанной с Нифонтовским сборником. Это сборник собрания Киевского Михаило-Архангельского монастыря, он хранится сейчас вместе с этим собранием в Центральной публичной библиотеке Академии наук УССР в Киеве [10]. Здесь находится подборка из четырех смоленских летописных сообщений об «устроении» князем Ростиславом городов Смоленска и Мстиславля, постройке им церкви Спаса «верху Смядыни», освящении епископом Мануилом церкви Богородицы, «создании» князем Давидом Ростиславичем церквей в Смоленске и его окрестностях и перенесении мощей Бориса и Глеба, наконец, о взятии польским королем Сигизмундом III Смоленска с его защитниками и взрыве соборной церкви [11].

Знакомство с составом этой рукописи показывает, что в ней собраны различные историко-литературные произведения и выписи по истории Восточной Европы XV—XVII вв., в частности полемически направленные против латинства. Здесь упоминаются Владислав II — «король угров и чехов», король Сигизмунд I Старый, великий князь Василий III Иванович, турецкий султан Баязид, король Янош Венгерский; речь идет также о Литве, о Супрасльском монастыре и о Смоленске.

Смоленские известия связаны со взятием города поляками в 1611 г., после 20-месячной осады и разрушением кафедральной церкви. Смоленск с его округой оставался в составе Литовского великого княжества до 1667 г. Что касается сообщений о постройках в Смоленске в XII в., то часть из них, в том числе известие об освящении церкви, как и об «устроении» Ростиславом Смоленска, приведены, очевидно, также в связи с захватом города и его разрушениями. Сборник составлялся в первой половине XVII в. на белорусских землях Речи Посполитой. Не исключено, что он связан с городом Пинском, который упоминает запись на л. 175. «Ян Карол [ь] старости Пински маршалок».

---

[10] ЦПБ АН УССР, Петров 476 (1656), сборник без начала, писан южно-белорусской (близкой к украинской) скорописью XVII в., филигрань — кувшин с одной ручкой и литерами РВ/А. Краткое описание: Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве, вып. II. М., 1896.

[11] Записи опубликованы Н. И. Петровым (там же, стр. 153—154, не точно, с искажением дат) и перепечатаны М. К. Каргером (ук. соч., стр. 125). В приложении воспроизводим текст смоленских сообщений по рукописи. В списке абзацы не выделены, при публикации буквы *от*, иотированное *а*, малый *юс*, высокое *у* передаются соответствующими современными, выносные буквы даются курсивом, опущенные — в скобках. Знаком * передано непонятное слово — сокращенное начертание, состоящее как бы из букв *г* и *р* или *г* и *е*, в первом случае под титлом.

Запись об освящении в Михайловском сборнике очень близка к статье Нифонтовского, но отличается прежде всего датой 6650 вместо 6658. Однако указание на 13-й индикт (его имели годы 6643, 6658, 6673), совпадение числа дня и месяца с датой Нифонтовского сборника показывают, что дата Михайловского сборника искажена в результате пропуска последнего знака и (8) и должна читаться также 6658. Другим отличием киевской записи является типичный формуляр краткой летописной статьи, начинающийся датой, после которой сообщается о событии, а затем об обстоятельствах, его сопровождающих. В Нифонтовском сборнике в связи с характером всего смоленского памятника в его составе не столько историографического, сколько литературного (похвалы князю) — летописный формуляр сообщений перестроен, а слова, содержавшие только информацию «освятися церковь святыя Богородицы», поданы в торжественной литургической форме трехкратного освящения, поставленного в начало: «святилище святые Богородицы освятися».

Установив большую близость сообщений об освящении Смоленской кафедры в двух не связанных непосредственно между собой источниках (русском и белорусском), мы с бо́льшим доверием можем отнестись и к дате этого освящения, чем это делали исследователи ранее.

Оказывается, что смоленская кафедральная церковь была освящена в 1150 г., через 49 лет после заложения ее Владимиром Мономахом (1101 г.) и через 14 лет после учреждения в этой церкви Ростиславом епископской кафедры (1136 г.). В литературе освящение церкви епископом Мануилом, о котором сообщают указанные источники, рассматривается или как повторное освящение, или как первое освящение этой церкви. И. И. Орловский обосновывал повторное освящение (в 1142 г.) тем, что собор, построенный в начале XII в., в связи с учреждением епископии нуждался в ремонте и основательной переделке, которой и занимался Ростислав в течение 4 лет, до 1142 г. [12]. М. К. Каргер высказал предположение, что церковь не была освящена до 1142 г., так как к приезду епископа Мануила собор не был достроен и его кончал уже Ростислав в 30-х годах XII в. [13]. В работе 1967 г. Н. Н. Воронин склонялся к такому же объяснению первого запоздалого освящения церкви [14]. Трудно, однако, видеть в записи об освящении 1150 г. указание на первое освящение церкви, ставшей с 1136 г. епископской кафедрой. Похвала князю Ростиславу в Нифонтовском сборнике сообщает, что Ростислав, придя впервые в Смоленск, «негодовал» подчинением этой церкви Переяславлю, учредил в ней епископию и обеспечил ее материально [15], а о завершении ее строительства ничего не говорит, хотя жанр некрологической похвалы непременно требовал от ее автора указать как можно подробнее достойные подражания дела князя по устроению церкви. Смоленская хронология в Михайловском сборнике также говорит только об освящении, а о ее достройке не сообщает. Еще в одном источнике, статье 6673 г. о смерти князя

---

[12] И. И. Орловский. Ук. соч. «Смоленская старина», вып. 1, ч. 1, стр. 212.

[13] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 14—15.

[14] Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Ук. соч. СА, 1967, № 3, стр. 287.

[15] «Сей треблаженный и святый князь Ростислав, сын Мстиславль, внук Володимирь божием повелением и святые Богородици и отца своего молитвою прииде первое в град Смолинеск на княжение, и виде смолинскую церковь сущую под Переясловлем, и негодова, и здума с бояры своими и с людми, и постави епископа к церкве святыя Богородици, и уял часть от всея области своея, и дал святей Богородици и епископу, и боле люди сия и землю просвети...».

Ростислава в Супрасльском списке летописи, представляющем смоленскую обработку второй половины XV в. новгородской летописи [16], в смоленской вставке о заслуге князя перед Смоленском указано, что он «святую Богородицу строил в Смоленьсце» [17]. Однако здесь термин «строити» мог быть употреблен не в современном нам смысле «возводить», а в древнерусском значении слова благоустраивать, окружать заботами [18]. В Уваровском сборнике конца XV в., содержащем два смоленских летописных известия о событиях XII в., Ростиславу дано такое определение: «Ростислав, создавый первую епископью у Смоленьску, святую Богородицю» [19]. Эти слова можно понимать как утверждение автора о постройке Ростиславом кафедральной церкви Богородицы [20], но смысл записи в указании на основную заслугу князя — учреждение епископской кафедры.

Церковно-административное подчинение городского собора переяславскому епископу свидетельствует скорее о том, что это был действующий храм, в котором служили попы, поставленные этим епископом, чем о том, что церковь ждала достройки и освящения. Таким образом, нужно рассматривать акт 1150 г. не как первое освящение храма, а как вторичное, связанное с какими-то событиями истории данной церкви до середины XII в.

Сопоставление записей в двух сборниках с еще одним документом смоленской кафедры XII в. дает дополнительный материал для объяснения причин этого позднего освящения. Мы имеем в виду «данную» запись князя Ростислава этой церкви на «холм», очевидно, часть городской территории, прилегающей к кафедральной церкви [21]. Он передавался для того, чтобы «строити наряд церковный и утверженье» — вероятно, не только обеспечивать поддержку церкви, но и, судя по первоначальному значению слова «утверженье» как опора, подпорка, укрепление [22], — производить на средства клира церкви и епископа какие-то работы по ее укреплению.

Археологические раскопки Н. Н. Воронина в 1965 г. по сторонам собора, стоящего на месте мономаховского, показали два этапа строительства на этом месте в XII в. Меньшая часть строительной плинфы, 25—30% общего ее количества, тонкая, толщиной 3,3—4 *см* вместе с другими признаками позволяет отнести ее к началу XII в., к строительству собора Мономахом. Остальная часть (следовательно, 70—75%) — крупноразмерная, с клеймами и знаками, характерна для середины XII в., для времени Ростислава. Н. Н. Воронин, согласовывая в работе 1967 г. свидетельства письменных памятников в списках XVII—XIX вв. с этими данными, относил второй этап к 1142 г., ко

[16] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 234—235, прим. 4.

[17] «Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи». М., 1836, стр. 132.

[18] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стб. 554—555.

[19] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 356—357, прим. 3.

[20] О других княжеских сооружениях говорится в близкой форме: «Давид Ростиславичь создав церковь св. Михаила... Мьстиславь Ростиславич создав церковь святаго [Спаса] на Поле...». М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 357. О записях в Уваровском сборнике см. статью Н. Н. Воронина «Следы раннего смоленского летописания» в этой книге.

[21] «[А]се и ещѣ и холм даю святей Богородици и епископу, яко же дано дедом моим Володимером Семеонови преже епископу строити наряд церковный и утверженье. В лето 6659 индикта 14 месяца сентября 30». Смоленские грамоты XIII—XIV вв. Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963, стр. 79.

[22] И. И. Срезневский. Ук. соч., т. III, стб. 1308—1309.

времени достройки собора Ростиславом [23]. Как было показано выше, дата 1142 г. результат описки поздних копировщиков. Как в этих условиях может быть объяснено существование рядом с разрушенным собором строительной плинфы и начала, и середины XII в.? Количественное соотношение ранней и поздней плинфы, свидетельствующее о значительных строительных работах при Ростиславе, как и результаты изучения письменных источников, едва ли дают основание видеть в строительных работах середины XII в. достройку собора. Мало вероятно также считать плинфу этого времени остатками каких-то укреплений и дополнительных опор для собора, построенного в начале века, — вскрытой плинфы излишне много. Возможно, этот строительный материал свидетельствует о каких-то других сооружениях, поставленных в середине XII в. рядом с собором, например, епископских палатах или каких-то пристройках. Мономахов собор, как показал Н. Н. Воронин, занимал внутри плана современного собора центральное, несколько сдвинутое в сторону апсид (если престол нового собора был на месте престола старого), положение, но был значительно (вчетверо) меньше его по площади. Возможно, что раскопки внутри нового собора вскроют существование на его территории и других сооружений XII в., хотя нужно учитывать, что массивность нового собора потребовала при постройке его стен значительной подготовки фундамента, разрушившего предшествующие строительные слои [24].

Все эти данные склоняют нас к выводу, что строительство собора было закончено еще до 1136 г. Как в таком случае можно объяснить его повторное освящение в 1150 г.? Вторые и последующие освящения церквей на Руси производились согласно правилам в различных случаях их осквернения перестройками и росписями, животными или службой в них церковников, не имевших на это права и пр. Что касается случайного осквернения храма, не вызванного какими-либо чрезвычайными обстоятельствами, казусы такого рода, очевидно, устранялись келейно, без сохранения этих недостойных упоминания случаев для истории. Могло ли быть вторичное освящение в данном случае связано с пристройками к собору или новыми росписями в нем? Это представляется маловероятным, так как запись говорит об освящении всего храма, причем в очень торжественной форме. Освящение пристройки или даже новых работ внутри собора, как представляется, не требовало такого пафоса.

Возможно, что ответ на вопрос о причинах вторичного освящения собора 15 августа 1150 г. связан с известными политическими и церковно-политическими событиями 40-х годов XII в. [25]. Назначение великим князем киевским Изяславом Мстиславичем вместе с большинством созванного им в Киеве в 1147 г. собора епископов нового митрополита, древнерусского ученого монаха Клима Смолятича, вызвало борьбу двух политических группировок. Два епископа — грека, смоленский Мануил и новгородский Нифонт, ссылаясь на неправомочность собора без благословения патриарха, выступали против поставления Клима и подверглись опале. Нифонта заточили в Печерском монастыре в Киеве, а Мануил был вынужден скрываться от митрополита. Если он не исполнял своих обязанностей в смоленском соборе, их должен был выполнять кто-то другой, кто не имел по представлению Мануила (и по известным ему правилам) на это права. Такое осквернение со-

[23] Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Ук. соч. СА, 1967, № 3, стр. 293.

[24] Там же.

[25] Я. Н. Щапов. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича. В кн.: «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 43—44.

бора и могло привести к его второму освящению 15 августа 1150 г. после того, как Мануил вновь вернулся к службе. А через полтора месяца Ростислав подтвердил передачу епископу и церкви территории, где стояла она и, возможно, строились другие помещения кафедры.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лѣта ≠S̃X̃.MB̃ [6642]. Ростислав Мстиславич устрои градъ великии Смоленесъкъ и церковъ созда с[вя]того Сп[а]са верху Смядыни, и градъ Мстиславълъ на Вехре онъ же созда; и княжения его ѕ [60] лѣтъ было.

Лѣта ≠S̃.X̃.Ñ. [6650] августа Є͂ [15] индикта Г͂І [13] освети с[я] ц[е]рковъ с[вя]тыя Б[огороди]ца внутри града Смоленъска от Мануила перваго еп[и]скопа града Смоленъска.

Лѣта ≠S̃Ψ̃.MS̃ [6746] Д[а]выд Ростиславичъ созда ц[е]рковъ на пристани собор арханъгела Михаила, и Бориса Глѣба на Смядыни, и принесение мощеи из Вышегорода, и с[вя]того Василия ц[е]рковъ созда *.

Лѣта от норожения г[оспод]а б[о]га и Сп[а]са н[а]шего Исуса Христа X̃.AĪ [611] м[еся]ца июня в Г̃ [3] д[е]нь з недели на п[о]н[е]д[е]локъ къ [! вм. въ] четвертом часу нощи взял король Жикгимонт третии Смоленескъ и в Смоле[н]ску взяли архиепископа Сѣргея и воевод Михаила Борисавича Шеина да князя Петра Горчакова и в замъку домы в[с] и погжгли [!] и ц[е]ркви, и порохъ весь сполили, и соборную ц[е]рковъ порохи возорвали и многих людеи в неи позабивало *.
(ЦПБ АН УССР, Петров 476, л. 196).

П. А. РАППОПОРТ

«ЛАТИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ» В ДРЕВНЕМ СМОЛЕНСКЕ

Еще в XIX в. в Смоленске помнили о том, что к западу от церкви Ивана Богослова существовала какая-то древняя постройка. С. П. Писарев высказал предположение, что это могло быть «училище славяно-греко-латинское, основанное Романом Ростиславичем, на которое он тратил свои княжеские средства» [1]. Хотя С. П. Писарев и не указал, что послужило основанием для его предположения, об этом нетрудно догадаться, — это сведения, приводимые В. Н. Татищевым [2]. Со ссылкой или без ссылки на С. П. Писарева, утверждение о наличии при церкви Ивана Богослова школы, основанной князем Романом Ростиславичем, утвердилось в научной литературе [3].

В 1909 г. при прокладке водопровода близ церкви Ивана Богослова были обнаружены остатки древнерусской кирпичной постройки. В газетных информациях об этих работах вновь всплыли предположения о школе князя Романа [4].

Через 40 лет, в 1950 г., остатки древнего здания впервые были раскопаны и обмерены архитектором И. Д. Белогорцевым [5]. Ему удалось выяснить, что здание имело совершенно необычную для древнерусской архитектуры форму — это была круглая постройка-ротонда, внутри которой расположены столбы. С юго-восточной стороны в стене

[1] С. П. Писарев. Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898, стр. 117.
[2] В. Н. Татищев. История Российская, т. 3. М.—Л., 1964, стр. 123.
[3] См., например, Н. Редков. Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом. «Смоленская старина», вып. 1, ч. 1. Смоленск, 1909, стр. 26, прим. 3 и стр. 37.
[4] ИАК, приб. к вып. 34. СПб., 1910, стр. 131.
[5] И. Д. Белогорцев. Новые исследования древнесмоленского зодчества. МИСО, вып. 1. Смоленск, 1952, стр. 106.

ротонды имелись два разрыва, принятые И. Д. Белогорцевым за входы. Наличие входов не с запада, а с юго-востока окончательно убедило его в том, что раскопанная постройка не могла быть церковью, а была той школой, о которой писали исследователи еще в прошлом веке. Начав с предположения, «что эта постройка являлась первым в Смоленске школьным зданием», И. Д. Белогорцев далее уже прямо называет раскопанную ротонду «Академической школой», оговаривая впрочем, что «здание школы одновременно могло служить и княжеской гридницей (приемным залом) и таможней (местом сбора пошлины)».

Поразительно своеобразный план этой постройки привлек к ней всеобщее внимание историков архитектуры и археологов. В 1955—1956 гг. П. Д. Барановский продолжил раскопки здания и составил проект постройки над руинами специального защитного павильона [6]. Проект этот, однако, не был осуществлен, и остатки здания были засыпаны.

В 1958 г. здание вновь, теперь уже полностью, раскопала археологическая экспедиция под руководством Д. А. Авдусина. Новые раскопки были проведены вполне профессионально, материал обработан и опубликован [7].

Раскопанная постройка расположена приблизительно в 30 *м* к западу от церкви Ивана Богослова; она представляет собой круглое здание. Наружный диаметр — 18,1 *м*. Наружная поверхность кирпичных стен почти всюду нарушена, и поэтому не исключена возможность, что в действительности наружный диаметр здания мог быть немного больше. Внутри постройки довольно тесно расставлены 4 массивных прямоугольных столба. Внутренний диаметр ротонды — 15,7 *м*. Постройка расположена на склоне, опускающемся в сторону Днепра с юга на север. Склон этот перед началом строительства был несколько подрезан и выравнен. Однако и после выравнивания разница между северным и южным краями площадки достигала по высоте 160 *см*.

Здание построено целиком из кирпича, в обычной порядовой технике. Там, где сохранились незначительные участки ненарушенных поверхностей стен, видно, что обработка этих поверхностей довольно небрежная, с затеками раствора.

Стены ротонды сохранились на некоторых участках (например, в южной части здания) на высоту до 1,6 *м* от древнего уровня поверхности. Толщина стен в восточной части здания — 1,18 *м*, а включая уступ фундамента — 1,4 *м*. У внутренних столбов размеры сторон — от 2,1 до 2,5 *м*, а расстояния между столбами — от 1,55 до 1,85 *м*. Расположены столбы не идеально точно; поверхности их не вполне параллельны друг другу.

Размеры столбов также несколько варьируют. Сохранилась кладка столбов на высоту до 2,5 *м* от фундамента.

В южной части стен ротонды удалось проследить три узких окна шириной 20—22 *см*. Среднее окно расположено на оси здания, а боковые примерно на равном расстоянии от него в обе стороны. В восточной части постройки, также на оси здания, обнаружено еще одно такое же окно (рис. 1, *а*).

Руины ротонды были засыпаны землей, смешанной со строительным мусором — известью и обломками кирпичей как древних, так и

[6] М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска (XII—XIII вв.). Л., 1964, стр. 53.

[7] Д. А. Авдусин. Смоленская ротонда. «Историко-археологический сборник (А. В. Арциховскому к шестидесятилетию со дня рождения)». М., 1962, стр. 243.

современных. Слой засыпи весь перемешан и пронизан могилами, относящимися в основном к XIX в. Кроме рядовых могил в деревянных гробах, обнаружены кирпичные склепы, сильно нарушившие столбы древнего здания.

Плохая сохранность памятника не позволяет достаточно уверенно судить о его верхних частях. Нельзя использовать для этой цели и старинные графические материалы, поскольку никаких более или

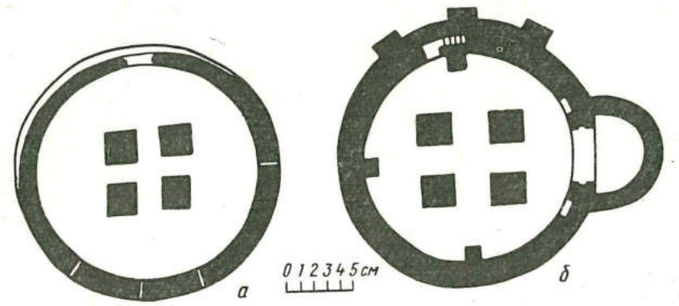


Рис. 1. Схематические планы смоленской ротонды (*а*) и церкви в Хагби в юго-восточной Швеции (*б*)

менее достоверных изображений ротонды не существует. Правда, на гравюре Гондиуса в этом районе города можно видеть 2 постройки, но они изображены настолько условно, что не дают никаких оснований для суждения о том, что это за сооружения. Д. А. Авдусин предполагает, что ротонда имела плоское перекрытие. Это совершенно неправдоподобно: 4 мощных внутренних столба, безусловно, свидетельствуют о том, что здание было перекрыто сводами. Более того, размер столбов заставляет думать, что центральная часть здания имела не один, а по крайней мере два этажа.

Вопрос о датировке ротонды в общих чертах ясен и не вызывает сомнений. Вся строительная техника этого здания полностью совпадает с остальными смоленскими постройками второй половины XII в. Некоторые мелкие детали, в частности довольно значительная длина кирпичей (29 *см*), дают основание полагать, что строительство ротонды было выполнено скорее ближе к середине XII в., чем к его концу.

Каково же могло быть назначение смоленской ротонды? Конечно, наивные рассуждения об «Академической школе» князя Романа вряд ли могут приниматься всерьез. Все эти предположения целиком основаны на домыслах С. П. Писарева, восходящих к очень вольному толкованию текста В. Н. Татищева. Ведь В. Н. Татищев писал лишь об устройстве училищ (князь Роман Ростиславич «учению младых людей понуждал, устроя на то училиспа, и учителей греков и латинистов своею казною содержал...»), ни слова не упомянув о постройке для этих училищ специальных зданий, а тем более о месте их расположения. Видимо, сам С. П. Писарев предположил, что училище должно было быть расположено близ церкви Ивана Богослова — покровителя просвещения. К этому можно добавить, что данный текст В. Н. Татищева очень убедительно проанализировал историк русской церкви

Е. Голубинский и совершенно справедливо признал его не заслуживающим доверия [8].

Для И. Д. Белогорцева один из важнейших аргументов в пользу светского, а не церковного назначения ротонды — наличие входа с восточной стороны. Раскопки Д. А. Авдусина показали, что дверного проема с востока в здании не было и, таким образом, этот аргумент И. Д. Белогорцева оказался ошибочным. Тем не менее отсутствие апсиды и тесное расположение внутренних столбов заставили Д. А. Авдусина также отвергнуть культовое назначение постройки. Он высказал предположение, что это было оборонительное сооружение, хотя тут же добавил, что «трудно сказать, какую оно играло роль в общей системе обороны Смоленска» [9]. М. К. Каргер ограничился фразой, что «догадка Д. А. Авдусина ... вполне правдоподобна» [10].

Между тем имеются очень серьезные аргументы против того, чтобы признать смоленскую ротонду оборонительным сооружением. Монументальные каменные оборонительные башни появились на Руси только во второй половине XIII в. — примерно на 100 лет позже постройки смоленской ротонды. Немного ранее, также в основном в XIII в., такие башни получили распространение и в соседних с Русью странах [11]. Кроме того, нигде, — ни на Руси, ни в остальных странах Европы — неизвестны боевые башни с тесно поставленными внутри столбами. Наконец, если бы это была оборонительная башня, ее, несомненно, поставили бы либо на плоскости берега Днепра, либо на вершине холмистой гряды, но никак не на середине между этими точками, у основания горы, в самых невыгодных для обороны условиях.

Итак, очевидно, что смоленская ротонда не была оборонительным сооружением. Что же приводило исследователей к утверждению, что эта постройка не могла быть церковью? Прежде всего — необычность ее плана. Однако церкви, имеющие сходный план, хорошо известны. В XII в., и особенно во второй его половине, круглые церкви получили широкое распространение в Северной Германии, Дании, Швеции [12]. Такие церкви имеют несколько разновидностей — без внутренних столбов, с одним столбом или с несколькими столбами. Довольно часто встречаются церкви с 4 столбами. Этот вариант был особенно характерен для Дании, хотя известны такие церкви и в Швеции, и в Северной Германии. В г. Висби на острове Готланд церковь с 4 столбами имеет не круглую, а восьмиугольную форму [13]. Большей частью это сельские церкви, хотя встречаются среди них и замковые капеллы. Все эти церкви были двух- или даже трехэтажными и обычно приспособленными к обороне. Наибольший внутренний диаметр подобных церквей — 22 *м*, наименьший — около 8 *м*; чаще всего встречаются церкви с внутренним диаметром около 11 *м* или немного больше. Эти северноевропейские ротонды очень существенно отличаются от современных

[8] Е. Голубинский. История русской церкви, т. I. (Первая половина тома), период первый. М., 1901, стр. 875.
[9] Д. А. Авдусин. Ук. соч. «Историко-археологический сборник...», стр. 253.
[10] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 58.
[11] П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967, стр. 141, 205.
[12] Fr. Seesselberg. Die Frueh-Mittelalterliche Kunst der Germanischen Voelker. Berlin, 1897 (альбом к этой работе: Fr. Seesselberg. Die skandinavische Baukunst der ersten Nordisch-christlichen Jahrhunderte. Berlin, 1897); V. Lorenzen. Églises à plan rayonnant en Danemark. «Revue de l'art chrétien», 1907, Lille, p. 151; H. F. Frölén. Nordens befästa rundkytkor, t. I. Stockholm, 1911.
[13] Fr. Seesselberg. Die Frueh-Mittelalterliche Kunst.., S. 81.

им ротонд Центральной Европы (Чехия, Южная Германия, Южная Польша).

Большинство церквей подобного типа по схеме своего плана очень близки смоленской ротонде. Единственное, хотя и очень существенное отличие всех подобных церквей от смоленской ротонды в том, что они имеют апсиду. Правда, в очень редких случаях известны круглые церкви, не имеющие апсиды. Однако даже и в этих редких примерах археологические раскопки иногда дают основания утверждать, что апсида некогда существовала, но позднее была уничтожена (например, круглая церковь с 4 столбами, расположенная в Шламерсдорфе близ Любека) [14].

Естественно возникает вопрос, не могла ли и смоленская ротонда первоначально иметь апсиду? Если апсида была давно разрушена и разобрана вместе с фундаментом, ее следы можно было не заметить при раскопках, учитывая нарушенность грунта поздними могилами, а также траншею, проведенную вокруг здания при раскопках И. Д. Белогорцева и П. Д. Барановского. Однако с восточной стороны апсиды быть не могло, так как здесь как раз на оси симметрии находятся остатки узкого окна. Проем шириной около 2 *м*, который мог служить проходом из основного помещения в апсиду, расположен не в восточной, а в северной части здания. Впрочем, вряд ли и здесь могла располагаться апсида, поскольку напротив нее должен был находиться вход, а с юга в стене ротонды также имеются остатки окна.

За исключением отсутствия апсиды, план ротонды почти точно совпадает с планами многих северноевропейских круглых церквей. В качестве примера можно привести часовню в замке Себорг (Дания), построенную в 60-х годах XII в. [15]. В отдельных случаях сходство настолько велико, что можно говорить о почти полном совпадении планов, включая даже размеры помещения и расстановку столбов. Например, церковь в Хагби в юго-восточной Швеции, относящаяся к концу XII в. (рис. 1, *б*) [16].

Конечно, абсолютного тождества планов (даже не учитывая отсутствие апсид) нет нигде, но следует учесть также очень плохую сохранность смоленской ротонды, не позволяющую достаточно детально реконструировать ее план. Так, при раскопках И. Д. Белогорцева на наружной стене ротонды было обнаружено основание пилястры толщиной и шириной в один кирпич. В раскопках Д. А. Авдусина эта деталь уже отсутствует [17].

Таким образом, есть все основания полагать, что здание смоленской ротонды — не «Академическая школа» и не боевая башня, а церковь, но не русская церковь, а «немецкая божница». Предположение, что руины смоленской ротонды — остатки «немецкой» церкви подтверждается наличием рядом с руинами заброшенного лютеранского кладбища. Об этом кладбище упоминает и Д. А. Авдусин [18]. Расположение в XIX в. лютеранского кладбища поблизости от русской церкви Ивана Богослова совершенно необъяснимо. Но все становится на свои места, если предположить, что это кладбище сохранялось здесь по традиции, поскольку некогда оно было расположено рядом с немецкой церковью.

[14] H. F. Frölén. Op. cit., p. 15.
[15] T. Mårtensson. Borg och rundkyrka. Rig. m. 19. Stockholm, 1936, S. 264.
[16] I. Anderson. Hagby fästningskyrka. «Fornvännen», 1967, S. 22.
[17] Д. А. Авдусин. Ук. соч. «Историко-археологический сборник...», стр. 246, прим. 4.
[18] Там же, стр. 244.

Существование в древнем Смоленске немецкой церкви не должно вызывать удивления. Эта церковь известна по письменным источникам XIII в.: она упомянута, например, в Смоленском договоре 1229 г. с Ригой, Готландом и немецкими городами. В одном из списков договора в Смоленске упомянута «Латинская церковь», в другом списке (по-видимому, несколько более позднем) — церковь «Немецкая Богородица» [19]. Упомянута эта церковь («...ecclesie beate virginis in Smolencike...») и в документе конца XIII в. [20].

И. М. Хозеров высказал предположение, что остатки немецкой церкви — это руины церкви на Малой Рачевке [21]. Основанием для такого заключения была чрезвычайная усложненность профилировки наружных лопаток этого храма, которую И. М. Хозеров сопоставлял с формами романской архитектуры. М. К. Каргер справедливо отверг это предположение, отметив, что подобная профилировка характерна именно для русского зодчества конца XII — начала XIII в. [22]. Полное археологическое вскрытие церкви на Малой Рачевке, исполненное в 1966 г., показало, что здесь нет никаких черт западной архитектуры и, следовательно, нет никаких оснований считать эту постройку немецкой церковью [23]. С гораздо большим основанием немецкую церковь искали как раз близ церкви Ивана Богослова [24]. Видимо, уже в XII в. здесь жили немецкие купцы, образуя своего рода немецкую слободу. Помимо наличия лютеранского кладбища на этот район указывали и некоторые косвенные данные. Так, например, возчики, перевозившие товары с кораблей в немецкую слободу, жили у основания горы, там, где начинался подъем к церкви Ивана Богослова [25].

Постройка немецкой церкви в Смоленске была, несомненно, выполнена под руководством иноземного зодчего. Вся композиция здания не имеет ничего общего с архитектурой Смоленска, полностью повторяя формы, принятые в эту пору в Скандинавии и Северной Германии. Любопытно, что для строительства был избран тип церкви, приспособленной к обороне. Это, очевидно, связано с тем, что район, выделенный для проживания немцев в Смоленске, находился вне городских укреплений [26]. Из какого именно района северной Европы был зодчий — из Северной Германии, Дании, Швеции или Готланда — пока судить трудно. Однако необходимо отметить, что строительство немецкой церкви осуществляли местные, смоленские мастера. Об этом

[19] П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895, стр. 166.

[20] П. В. Голубовский. Ук. соч., стр. 135.

[21] И. М. Хозеров. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. КСИИМК, вып. XI. М.—Л., 1945, стр. 23.

[22] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 119.

[23] Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. Раскопки в Смоленске в 1966 г. СА, 1969, № 2, стр. 216.

[24] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 119; И. И. Орловский. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. «Смоленская старина», вып. 1, ч. 1, стр. 219—220. И. Д. Белогорцев помещал немецкую церковь на берегу Днепра, несколько ниже церкви Ивана Богослова (см. ук. соч. МИСО, вып. 1, стр. 90). Расположенные в районе раскопанной ротонды улицы вплоть до Октябрьской революции назывались — одна Немецкой улицей, другая Немецкой горой.

[25] И. М. Красноперов. Очерк промышленности и торговли Смоленского княжества с древнейших времен до XV века. «Историческое обозрение», т. 7. СПб., 1894, стр. 92.

[26] Предположение, что немецкая церковь в Смоленске служила центром, заменявшим собой отсутствовавший общий торговый двор — см. Н. Н. Усачев. К вопросу о немецком торговом дворе в древнем Смоленске. «Рефераты и тезисы докладов XI научной конференции Смоленского госуд. педагогического института». Смоленск, 1960, стр. 78.

совершенно определенно говорит типично смоленская кирпичная кладка ротонды, по существу ничем не отличающаяся от кладки других построек Смоленска этого времени.

Д. А. Авдусин, который интерпретировал смоленскую ротонду как оборонительное сооружение, отметил сходство ее плана с планами некоторых северноевропейских сооружений (в том числе с церковью на острове Борнхольм) и высказал мнение, что объяснить назначение смоленской ротонды могут связи с «Готским берегом» [27]. Это замечание совершенно справедливо. Смоленская ротонда — памятник, очень важный для выяснения культурных взаимосвязей Древней Руси с Северной Европой.

[27] Д. А. Авдусин. Ук. соч. «Историко-археологический сборник...», стр. 253.

М. А. ИЛЬИН

О НАИМЕНОВАНИИ ПРИДЕЛОВ СОБОРА ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

В литературе, посвященной истории русской архитектуры, прочно утвердилось мнение, что собор Покрова, «что на рву» — Василий Блаженный, с его приделами был построен в память взятия Казани и самопосвящение приделов связано со знаменательными событиями окончательной победы над татарами. Действительно, летопись под 1555 г. отметила, что храм в честь «Покрова с приделы» сооружен «о Казаньской победе» [1].

Казалось, спорить или сомневаться в чем-либо не было основания. Однако посвящение отдельных приделов оставалось непонятным (приделы Входа Господня в Иерусалим, Троицы и Варлаама), так же как наименование центрального храма, посвященного Покрову, день празднования которого приходится на 1 октября, в то время как Казань была взята 2 октября. Считалось, что в этом случае допущена известная натяжка, тем более что праздник Покрова издавна чтился на Руси.

Все эти неясности и несуразности заставляют вновь вернуться к этому, казалось, давно решенному вопросу. Его решение не представляет трудности, если внимательно отнестись к сообщениям летописи, не только связанным с фактом самой постройки, но и с событиями Казанского похода. Следуя за рассказом летописи, постепенно становится ясно, как формировался замысел наименования приделов.

Казань была взята 2 октября 1552 г. После того как город «вычистили от множества трупиа мертвых», 4 октября Иван Грозный «освети град во имя святыя и живоначальныя Троица». Тем самым Казань из мусульманского города превратилась в христианский — православный.

[1] ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 251.

Одновременно становится очевидным факт заложения в Москве временного деревянного храма в честь той же Троицы. Об этом говорится под 1555 г., когда было решено построить каменный храм, так как «за два годы заложена бысть *едина Троица*», и государь велел прибавити к той же церкви Покров Пречистеи и приделы (курсив всюду мой.—*М. И.*) [2]. Естественно, что при изменении замысла в новом девятипрестольном уже каменном храме Троицкий придел был сохранен, заняв важное место на его восточной стороне. Это и подчеркнуто в летописи: «Великий государь велел заложити церковь Покров каменну о девяти верхах, которой был преже древян, о Казаньском взятии, у Фроловских ворот надо рвом, *придел к той же церкви живоначальной Троицы*» [3]. Помимо этого, как увидим ниже, посвящение придела Троицы приобретало особое значение в связи с событиями возвращения Ивана Грозного из Казани в Москву.

Летописная запись 1555 г. о заложении девятиверхого храма, по-видимому, точно отмечает появление самого замысла, исходившего от Грозного. Этот замысел мог появиться лишь после осмысления всего торжественного шествия — возвращения царя в Москву в окружении войск, ведших десятки тысяч пленных. Проследим этот путь и отметим то, что могло вызвать появление новых приделов, усложнивших композицию этого редчайшего произведения древнерусской архитектурной мысли.

Иван Грозный покинул Казань 12 ноября 1553 г. и «сел государь и з братом своим в ушкулы и погреб вверх Волгою» до Свияжска, где и ночевал. Оттуда путь продолжался Волгою на Васильсурск и Нижний Новгород. От Нижнего Иван Грозный уже «поехал на конех на Балахну к Володимирю». По дороге его встретил гонец царицы Анастасии с вестью о том, что у «царицы его, родися ему сын царевичь Дмитрей» [4]. Это известие не могло не вызвать великой радости царя (ведь первым его ребенком была дочь Анна), так как тем самым решался вопрос о престолонаследии, столь волновавший Грозного. Получив такую исключительную весть, царь из Владимира повернул в Суздаль «к Покрову Пречистые, и там молебная соверша» [5], то есть направился в Покровский монастырь, основанный его отцом как моление о даровании сына-наследника. Посещение Покровского монастыря и вызвало появление Покровского придела в новом каменном соборе, занявшем в нем центральное место.

Из Суздаля царское шествие двинулось на Юрьев-Польской, а затем «к живоначальной Троице и к чудотворцу Сергию», где вновь были совершены торжественные богослужения [6]. Так «тема» Троицы получила новое подкрепление и, естественно, должна была отразиться в задуманном храме, сооружавшемся в честь достопамятного события.

Никоновская летопись под 1553 г., как и «Казанская история» — специальное литературное произведение, посвященное Казанскому походу, сохранили красочное описание возвращения победоносных войск во главе с Иваном Грозным в Москву [7]. Вступление в столицу вылилось действительно во всенародное торжество, которое современники стремились запечатлеть не только литературными средствами, но и средствами живописи (икона «Церковь воинствующая»). Более того,

[2] ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 255.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 222.
[5] Там же, стр. 223.
[6] Там же.
[7] Казанская история. М.—Л., 1954, стр. 166 и сл.

это торжество из торжеств и праздник из праздников определил, как мне кажется, весь художественный строй собора — все «многоголосие» его архитектуры. Поэтому нет ничего удивительного, что западный придел был посвящен празднику Входа Господня в Иерусалим, единственному празднику земной славы Христа, который невольно сопоставлялся с «входом» Грозного в Москву [8].

Учрежденный вскоре крестный ход «на осляти» в Вербное воскресение, то есть в праздник Входа в Иерусалим, не только образно воспроизводил евангельское событие, но и ежегодно напоминал народу возвращение в Москву победоносного войска. Сам вход крестного хода в собор также знаменовал обретение горнего Сиона-Иерусалима теми, кто пожертвовал собой за общенародное дело.

Таким образом, три основных придела по оси запад-восток теснейшим образом связывались с действиями и поступками самого Грозного. Иными словами, их посвящение наделено династическим характером, перекликаясь с тем, что было уже осуществлено московским царем в его подмосковной Коломенском, точнее в храме Дьякова, где наименование приделов следовало тому же принципу [9].

К этой же группе должен быть отнесен и юго-западный придел Варлаама Хутынского, имя которого принял отец Ивана Грозного — Василий III накануне своей смерти, постригшийся по обычаю того времени в монахи (любезно указано мне В. И. Шередегой). Празднование Варлаама приходится на 6 ноября. В этот день, по-видимому, Иван Грозный устроил праздничный въезд в Москву участников похода. Таким образом, из 9 приделов 4 имеют прямое отношение к Ивану Грозному и его действиям во время Казанского похода или связаны с его семьей.

Самому взятию Казани и военным победам, предшествовавшим ее штурму, посвящены также 4 придела. Северный — Киприану и Устине, память которых отмечается 2 октября, то есть дню, когда была взята Казань (тем самым подтверждается, что центральный храм в честь Покрова не непосредственно связан с окончательным штурмом Казани). Северо-западный придел, похожий на посадский храм, посвящен епископу Григорию, просветителю Армении. В день его памяти — 30 сентября — была взорвана Арская башня Казани и одержана победа на Арском поле. Северо-восточный придел посвящен Александру Свирскому, на день памяти которого 30 августа пришлась победа над войсками Епанчи. Северо-западный придел посвящен трем патриархам — Александру, Иоанну и Павлу Новому. Их память празднуется в этот же день — 30 августа. Посвящение двух приделов святым, поминаемым в один и тот же день, было, видимо, обусловлено значением первой победы над казанскими татарами.

И. Кузнецов, открывший в 1896 г. в одной небольшой летописной рукописи имена зодчих собора — Бармы и Посника, привел любопытные сведения, что первоначально предполагалось: «...здати церкви камены заветные восемь престолов, мастера же Божьим промыслом основаша девять престолов», так как «разум даровася им в размерении основания» [10]. Этот девятый южный придел был посвящен иконе Николы Великорецкого, привезенной в Москву для поновления ее самим митрополитом Макарием.

Хотя собор Покрова, «что на рву» — Василий Блаженный — и был выстроен как память о «Казанском взятии», но Иван Грозный вложил в этот замысел собственную династическую идею, теснейшим образом связанную с обстоятельствами жизни его семьи. По его мысли, эта идея определяла расположение приделов. Однако вполне естественно, что возобладали не честолюбивые монархические помыслы, а идея всенародного торжества по случаю одержанной победы и память о подвиге участников похода, отдавших жизнь за окончательное освобождение Руси от ненавистных поработителей и татарского ига.

---

[8] М. Ильин. Собор Василия Блаженного и градостроительство XVI века. В кн.: «Ежегодник Института истории искусств АН СССР». М., 1952, стр. 217—256.

[9] А. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества. М., 1937, стр. 257 и сл.

[10] И. Кузнецов. Еще новые данные о построении московского Покровского (Василия Блаженного) собора. ЧОИДР, кн. II (177), разд. IV. М., 1896, стр. 25 и сл.

И. Г. СПАССКИЙ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НОВГОРОДСКОМ ДЕНЕЖНОМ ДВОРЕ В 1611—1617 гг.

Вопрос о чеканке русской монеты шведами в оккупированном Новгороде вполне мог быть поставлен еще в 1864 г., когда Археографическая комиссия опубликовала вывезенные из Швеции С. В. Соловьевым «Книги денежного двора за 1610—1611 гг.»[1]. В 1865 г. к этому источнику обратился Д. И. Прозоровский, который, однако, не проявил никакого интереса ни к месту чеканки, ни к датам зафиксированных в этих книгах четырех переделов серебра в монету[2]; между тем они были один другого интереснее. Первый происходил при польском наместнике И. Салтыкове, когда в Новгороде единственный раз чеканились копейки с именем Владислава, второй и третий — когда Новгород, свергнув и казнив Салтыкова, на короткое время обрел полную самостоятельность; четвертый завершился через несколько дней после захвата города солдатами Делагарди.

Можно было бы предположить, что на последнем переделе деятельность Денежного двора в Новгороде надолго оборвалась. Однако в 1890 г. появился труд К. И. Якубова, опубликовавшего в выдержках изученные им в Стокгольме в «Делагардиевском архиве» «Записные книги Новгородского денежного двора за 1611—1617 гг.», и факт не прекращавшейся при шведах чеканки русских копеек стал бесспорным. Новгородские денежники Богдан, Нефед и другие плавили скупаемые шведами у населения «с наддачей» старые серебряные копейки и выделывали новые, более легкие[3]. Поскольку указаны затраты и доходы

[1] Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 2. СПб., 1864.

[2] Д. И. Прозоровский. Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865, стр. 390—401.

[3] К. И. Якубов. Русские рукописи Стокгольмского архива. ЧОИДР, чч. I и IV. М., 1890.

по операции, не составляет труда вычислить, что по конец 1614 г. «шведская» копейка весила в среднем около 54 *мг*, то есть вместо прежней 3-рублевой стопы (вес копейки 68 *мг*) возникла стопа в 3,6 рубля; а с начала 1615 г. новые копейки чеканились уже по 4-рублевой стопе, следовательно, имели вес около 50 *мг*.

Вполне понятно, что сами монеты, выпускавшиеся в Новгороде в течение 6 лет, не могли бесследно исчезнуть. Если никто не знает их, значит они затаились среди массы копеек начала XVII в. и их нужно угадать. Поразительно, что публикация К. И. Якубова осталась забытой, когда в 1909—1913 гг. шла дискуссия о том, *кто* первым понизил вес копейки — Михаил Федорович или В. Шуйский. В ходе ее указывалось, что среди монет Шуйского легковесные известны только в новгородской чеканке и только двух типов — чеканенные датированным штемпелем 1610 г. (вместе с такими же полновесными) и еще более легкие, битые старым штемпелем 1605 г.[4]. Но догадка о чеканке их шведами не родилась, хотя и была где-то совсем рядом.

Безрезультатный исход полемики предопределила, с одной стороны, неверная постановка вопроса — *кто*, вместо *как* и *почему*, а с другой — полная неизученность всего периода чеканки серебряной копейки. Наиболее авторитетный участник этого обсуждения, С. Б. Веселовский через несколько лет с недоумением вспоминал о легковесных копейках Шуйского в «Сошном письме»[5].

Для меня шведская чеканка в Новгороде стала одним из стержневых вопросов в 1946 г., когда я занялся изучением и подготовкой к публикации нескольких тысяч русских монет XVI и XVII вв., добытых раскопками А. П. Окладникова на восточном берегу Таймыра[6] — и именно потому, что в изученном монетном комплексе не оказалось ни одной легковесной новгородской копейки!

Большинство специалистов, работавших с разными материалами экспедиции, склонялись к датировке плавания русских мореходов, на века опередивших прославленного Норденшельда, 30-ми годами XVII в. Но монетный комплекс с полной очевидностью датировался самыми первыми годами царствования Михаила Федоровича — 1614 г., в крайнем случае, 1615 г. Оно было представлено только московской чеканкой, без Новгорода и Пскова; из более чем 30 известных верхних штемпелей его московских монет встречались только 2 и из доброй сотни нижних (именных) — 5.

Среди тысяч собранных монет не оказалось ни одной легковесной копейки с именем Шуйского обоих упомянутых выше типов, и уже одно это показывает, что казна русских мореходов сложилась на Севере не позднее 1615 г., когда по живому телу страны пролегла граница, на несколько лет отрезавшая в 1611 г. Новгород и новгородские земли. Взаимопроникновение выпускавшейся по обе стороны этого рубежа монеты по каналам обращения стало невозможным; следовательно, состав накопившейся *после 1611 г.* части местного монетного фонда обращения по обе стороны этого рубежа должен быть различным и различимым в подходящих по времени кладах.

[4] С. Б. Веселовский. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909, стр. 5, 14 и сл.; он же. Понижение веса монеты при царе Василии Шуйском. «Нумизматический сборник», т. II. М., 1913; И. И. Кауфман. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. СПб., 1910, стр. 82—86; С. И. Чижов. О весе копеек царя Василия Шуйского. «Нумизматический сборник», т. II.

[5] С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. I. М., 1915, стр. 27 и 405.

[6] Сб. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса». Л.—М., 1951.

В таймырской казне 1615 г. верхний, самый молодой «слой» монет составляют московские копейки Михаила 1613—1615 гг., ниже залегают копейки Ополчения 1612—1613 гг., далее — монеты польских оккупантов (Владислава) 1610—1612 гг., а еще ниже — мощная масса копеек Шуйского всех монетных дворов; все годы его датированной новгородской чеканки по 1610 г. включительно обильно представлены только добротными, полновесными копейками! (Более старые копейки, от

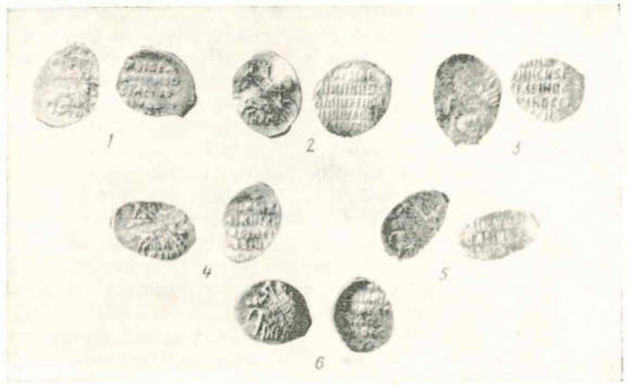


Рис. 1. *1.* Копейка В. Шуйского РІИ — 1610 г. *2.* Копейка Лжедмитрия РГІ — 1605 г. *3.* Копейка В. Шуйского PSI — 1608 г. *4.* Шведская копейка 1611—1614 гг. Чеканка обоими старыми штемпелями 1610 г. *5.* Шведская копейка, чеканившаяся с начала 1615 г. лицевым штемпелем 1605 г. и оборотным 1608 г. *6.* По-видимому, шведская копейка с именем Михаила Федоровича

времени Самозванца до Грозного, в данном случае интереса не представляют.)

Легковесные копейки с именем Шуйского нужно искать за шведским рубежом. В любых кладах царствования Михаила, особенно его начала, открытых на занятой шведами после 1611 г. территории, всегда присутствует масса этих копеек обоих видов. Если счастливый случай когда-нибудь пошлет нам новгородский клад, зарытый в 1610 г., даже до середины 1611 г., в нем не будет ни одной легковесной; позже, по начало 1615 г., будут легкие копейки со знаком РІИ, а потом пойдут и совсем легкие копейки со знаком НРГІ.

Материалы К. И. Якубова в сопоставлении с анализом состава многих кладов позволили мне в публикациях 1947—1955 гг. изложить события 1611—1617 гг. в Новгороде. До конца 1614 г. шведы из серебра скупаемой старой монеты выделывали более легкие копейки по стопе в 3,6 рубля вместо прежних 3 рублей (возможно, что после Салтыкова остались какие-то документы, сообщавшие о введении этой стопы поляками в Москве). Но и в Москве, а вслед за ней и в чеканке Ярославского ополчения уже в 1612 г. появилась еще более облегченная стопа в 4 рубля. В 1613 г. ее узаконило и правительство Михаила Федоровича. Шведы оставались в неведении и спохватились только в начале 1615 г.

Чтобы иметь возможность продолжить скупку старых полновесных копеек, а также и недавней собственной продукции 1611—1614 гг.,

пришлось сменить штемпели; воспользовались на редкость характерным по композиции, отличной сохранности старым штемпелем 1605 г. (времени Самозванца), а вторым взяли приметный по крупным буквам легенды старый именной штемпель Шуйского (рис. 1).

Изучение новгородских монет с именем Михаила привело меня к убеждению, что где-то после 1615 г. шведы решили отказаться от имени Шуйского и завели штемпель с именем Михаила: после подделки старой монеты — подделка законной монеты нового государя! Зная, что, покидая Новгород, шведы увезли с собой весь архив Денежного двора, было естественно предположить, что они не оставили на месте и штемпели, которыми чеканили свои поддельные копейки [7].

Изложенное в целом было положительно встречено советскими нумизматами, но вызвало различное отношение в Швеции. Д-р Э. Натхорст-Бёёс, дважды побывавший в те годы в отделе нумизматики Эрмитажа, опубликовал в 1964 г. рецензию на несколько моих работ разного содержания, обойдя молчанием вопрос о шведах в Новгороде [8]. Эта рецензия вскоре вызвала «контррецензию» д-ра Э. Г. Берггрена «Несколько замечаний по поводу рецензирования работ И. Г. Спасского». В ней давалось понять, что д-р Натхорст-Бёёс имеет слабое представление о рецензируемых работах и излагает предвзятые и поверхностные суждения о них [9]. Ответом была очень сердитая рецензия на одну появившуюся перед тем работу д-ра Берггрена, причем основным объектом критики на этот раз стала отсылка автора к моим занятиям шведской чеканкой в Новгороде. «Эти сведения не новы, — писал д-р Натхорст-Бёёс, — Спасский много раз повторял их в частной переписке и в докладах, но, несмотря на требования, упорно избегал давать какие-нибудь доказательства, что и следует теперь отметить, когда читаешь эту статью, которая лишь цитирует Спасского, полагаясь на его авторитет. Пока Спасский не сообщил какого-либо источника, представляется более чем сомнительным, можно ли принимать на веру эти сведения...» [10].

Д-р Берггрен сделал то, что следовало бы сделать его и моему строгому оппоненту: лично убедился в существовании в самой Швеции моего главного источника — «Записных книг Новгородского денежного двора». В 1967 г. вышла его статья «Шведская чеканка в Новгороде в «Смутное время»; свой материал он изложил также в очень большой газетной статье [11].

Я получил от д-ра Берггрена его публикации, а приложением к ним был полный текст ставших ему известными уже после их выхода двух интереснейших писем короля Густава Адольфа, имеющих самое непосредственное отношение к предмету споров. Хотя я еще не имел

---

[7] И. Г. Спасский. Классификация русских монет XVI и XVII вв. Диссертация. Л., 1947; он же. Анализ технических данных в нумизматике. КСИИМК, вып. XXXIX. М.—Л., 1951; он же. Денежная казна. В кн.: «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века»; он же. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. МИА, № 44. М., 1955; он же. Виницкий клад. Из истории денег в России в период польско-шведской интервенции начала XVII в. ИКФАН СССР, № 2. Петрозаводск, 1951.

[8] E. Nathorst-Böös. Nyare österuropeisk litteratur. NNUM, 1964, N 8, p. 16.

[9] E. B-n. Nagra kommentarer till resensionen av I. G. Spasskijs arbeten. NNUM, 1965, N 2.

[10] E. N.-B. — E. G. Berggren. Något om ryska koppармyntningen. «Samlarjournalen», 1964, N 5—6; Skövde. NNUM, 1965, N 5.

[11] E. G. Berggren. Den svenska myntningen i Novgorod under «Oredans tid». NNUM, 1967, N 5; idem. En svensk falskmyntningen i forska dagars Rysland. «Smälands Allerhanda and Jönköpings Posten», 25 & 26. IV. 1967.

никакого представления об их содержании, я знал об их существовании, так как еще в 1964 г., вслед за выходом первой критической статьи, глава нумизматов Швеции профессор Н. Л. Расмуссон любезно уведомил меня о том, что в Государственном архиве совсем недавно обнаружены письма Густава Адольфа 1615 г. из-под Пскова, которые будут для меня чрезвычайно интересны. Перевод их любезно выполнила для меня Ф. Б. Шаргородская.

Посланное 29 июля 1615 г. из лагеря под Псковом письмо руководителю Государственного казначейства содержит разработанный шведским королем план финансовой операции — форсирования чеканки «новых копеек», то есть самых легких, выпуск которых производился всего полгода, начавшись в январе 1615 г. Густав Адольф был уверен, что если удастся организовать систематическую закупку талеров в Данциге или Гамбурге (для начала он требовал добыть в кредит под 15% 200 000 или 300 000), то прибыль от переделки их в Новгороде в копейки позволит, рассчитавшись с поставщиками, организовать постоянное производство и сбыт и полностью обеспечить содержание оккупационных войск!

Понимая особый характер своей затеи, король предупреждал: привлекаемым к поставкам купцам как заморским, так и отечественным, незачем знать для чего требуются талеры. Несмотря на серьезные просчеты, в основе увлекшего Густава Адольфа плана лежало хорошее понимание специфики русского денежного хозяйства XVI—XVII вв. — всегда существовавшего весьма определенного соотношения между ценой в копейках, по которой иностранные поставщики отдавали талеры, и количеством выделываемых из талера копеек; соотношение это было такого рода, что переходя в руки русского частного лица или казны, талер уже потенциально заключал в себе ощутимую прибыль! (Именно это составляет наибольшее затруднение при возникающих время от времени попытках доказывать, что талеры использовались в России как платежные единицы, полноценные деньги. Кому же был расчет отказаться от добрых 10% дохода?) Что касается иностранных поставщиков талеров, то хотя и известно немало жалоб на корыстолюбие «бессовестных русских», в поставщиках обычно не было недостатка и они позволяли «обирать» себя — так как отлично знали, какие высокие барыши дают русские товары на Западе.

Вполне надежные источники свидетельствуют, что со времени Грозного и вплоть до 1610 г., когда из талера выходило до 42 тяжелых копеек 3-рублевой стопы, за него платили не больше 36 копеек. После ликвидации последствий интервенции, в условиях стабилизации 4-рублевой стопы, на десятки лет установилась цена в 48—50 копеек, которая не поколебалась ни под влиянием небольшого уменьшения веса копеек, ни даже тогда, когда прекратилась очистка серебра талеров, и выход копеек стал соответственно большим. Перепад этого соотношения приходится на годы интервенции, когда временами могли складываться весьма непрочные «пропорции», вроде той, которую имел в виду король: цена 42 копейки за талер, видимо, была «пережитком» стопы в 3,6 рубля, по которой шведы чеканили больше трех лет. В связи с переходом к 4-рублевой стопе она вот-вот должна была поползти вверх.

В какой мере планы Густава Адольфа оправдались и получили осуществление? Ответ содержится, вероятно, в «Записных книгах» за 1616 и 1617 гг. Они только упомянуты Якубовым, но какой-либо характеристики не получили. Микрофильмы этих выдержек имеются в ЦГАДА.

Почти одновременно с этими интересными для истории Новгорода археографическими новинками мне стал известен не менее замечательный русский документ, указанием на который я обязан И. П. Шаскольскому. Это наставление боярам, назначенным принимать приезжавшего в 1618 г. шведского посла Г. Стенбука в Москве. Им предлагалось заявить претензии по поводу нарушений шведами условий мирного договора; одна из них касалась непосредственно Денежного двора: «после такого мирного договору свейские державцы, которые были в Великом Новегороде, вывезли из царского величества отчины... ноугороцского государства печать, да из денежного двора чеканы, которые деланы были блаженные памяти при царе и великом князе Василье Ивановиче Всея Руси, и денежных мастеров Нефедка с товарищи взяли с собою и свезли в Свею силно и ныне в Свее денги чеканят, переделав те старые чеканы на великого государя нашего его царского величества имя...».

Новые документы — ценные источники для истории Новгорода в годы интервенции. Они освещают и большие, государственного значения дела, и судьбы простых новгородцев, силком уведенных шведами. И шведский, и русский документы, столь удачно ставшие известными в одно время, подтверждают то, что ранее было достигнуто в значительной мере чисто нумизматическими методами. Наконец, письмо Густава Адольфа представляет значительный интерес не только для истории Новгорода: сообщая сведения о спросе на копейки в Данциге и Гамбурге, Польше и Литве, оно фиксирует цену талера в середине 1615 г. В свете этого документа становится понятной заинтересованность шведской стороны в получении платежей по Столбовскому договору в копейках, а не в талерах. Увоз новгородских денежников в Швецию свидетельствует о том, что заинтересованность в возможном продолжении производства копеек там явно существовала. Можно надеяться, что со временем методами нумизматики удастся проверить правильность заявленного московскими дипломатами обвинения шведского правительства в незаконной чеканке копеек Михаила Федоровича в самой Швеции.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Графу Якову Делагарди о присылке полка Еспера Андерсона. В лагере под Псковом, 28 июля 1615 г. Государственный архив Швеции, Riksregistraturen, Fol. 622.

Густав Адольф. Божией милостью... и т. д. После того, как мы дали распоряжение графу Якову Делагарди о возвращении полка Йеспера Андерсона сюда под Псков, мы хотим, чтобы он поторопился сюда и прибыл как можно скорее, не задерживаясь. Мы также желаем получить с нарочным несколько чеканенных в последнее время московских денег, которые мы хотим послать в Швецию как образцы. С нами бог.

2. Руководителю Государственного казначейства и Счетной конторы относительно двух или трех бочек золота* для чеканки копеек. Из лагеря под Псковом, 29 июля 1615 г. Государственный архив Швеции, Riksregistraturen, Fol. 623.

Густав Адольф. Нашей высокой милостью... и проч. Мы не хотели задерживать Йеспера Маттсона, Юхана Шютте и Брудера Андерсона,

* «Бочка золота» — счетное понятие, соответствующее 100 000 серебряных риксдалеров.

так как здесь в России производятся на содержание войска большие затраты денег и вы сами должны понимать, как затруднительно доставлять их из Швеции. Поэтому мы считаем, что здесь в стране должны найтись средства для содержания войск без особенно больших затрат средств из Швеции для содержания гарнизонов. В особенности это касается монет, которые чеканятся в виде новых копеек. Если там найдется порядочная сумма в запасе, из которой можно чеканить, то это будет выгодно. Не только можно будет возместить вложенную сумму, но сверх того получится порядочная помощь для содержания войска и это дело и эти предложения настолько мудры, что не может произойти никакой ошибки. Так как мы можем с замечательной выгодой покрыть все расходы этими копейками, выделанными из хороших риксдалеров, если они (копейки. — *И. С.*) будут так же хороши, или даже лучше тех, которые чеканят теперь в Москве, и они могут пойти не только по всей России наравне с другими, но и в Польше и в Литве, а также в Данциге, Риге и прочих приморских городах по 42 за 1 риксдалер. И по нашему мнению, указанный доход и выгода от этих монет последуют несомненно. Препровождаемые монеты двух сортов копеек — сделанных в Новгороде и на монетных дворах Московии, — для нашего пробирера и оценщика. В самом деле, мы должны знать, что нам следует делать, и нужно найти какие-то пути, чтобы содержать здесь в стране наших солдат, и чтобы они не покидали ее самовольно, а нам чтобы не посылать взамен их из Швеции. Поэтому нашим милостивым желанием является изготовление названных монет с самым большим старанием. И мы приказываем вам закупить в Гамбурге или в Данциге, которые имеют торговлю с Россией, 2 или 3 бочки золота в виде риксдалеров, то есть серебро в риксдалерах, в кредит и под проценты, чтобы это было доставлено в Нарву или в Ревель настолько крупной суммой, какую только возможно окажется доставить; кроме того, можно договариваться с Руленгагеном, братом Гердта Тора Хейдена, фельдполковником, с которым обычно мы имеем дела, а также с Эриком Ларсеном и другими бюргерами в Стокгольме, которые ведут торговлю с Ригой и Данцигом, чтобы они могли доставить теперь для начала порядочную сумму. Для того и другого случая следовало бы сравнить, насколько выгодны будут условия и если купцы согласятся, они должны быть уверены, что мы уплатим их главную сумму в копейках, хорошей ходячей монете, которая теперь идет в России по 42 копейки за 1 риксдалер, и что они главную сумму получат не ранее, как через 3 месяца после доставки, считая день с 12-и часов; и 14% или, самое большее, 15% прибыли, поскольку это является выгоднейшим делом и мы в этом не сомневаемся; и поищем для себя выгоду там, где можно, или в Ревеле, или в Нарве, как договорном месте. Что мы вам нашей королевской верой и правдой безусловно хотели сказать. Но мы не хотим, чтобы купцы и другие причастные лица что-нибудь знали и должно быть скрыто вышеуказанное, что это требуется для чеканки монеты, а они пусть себе думают, что риксдалеры требуются нам только для выкупа Эльфсборга, или еще на что-нибудь другое. Кроме того, мы хотели бы использовать этот доход, который имеем в России от чеканки копеек, и поднять его выше так, как вы посчитаете лучшим, поскольку мы отдаем этот вопрос на ваше суждение и полагаем, что мы сперва получим какую-то приличную сумму для начала, а затем могут доставляться одна почта за другой, так, чтобы монетная чеканка производилась чем больше, тем лучше, тем большую выгоду мы будем иметь от нее. Так что мы надеемся, что получим то, что просим для Ставки, и сможем таким образом содержать в большинстве мест наши войска без особых вспоможений из Швеции. Но на все это требуется время и терпение. Так где же еще мы сможем найти подобные выгоды? И мы предоставляем вам все полномочия в настоящем деле, в чем подписываемся. Густав Адольф.

3. Наставление боярам, назначенным на встречу с шведским послом Стенбуком. ЦГАДА, ф. 96 (Сношения России с Швецией), 1618 г., д. 3, листы 132, 133.

Да бояром же говорити во беседе со свейскими послы о договорных записях великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии самодержца его царского величества великих послов окольничево и наместьника Суждалского князя Данила Ивановича Мезецкого с товарищи и государя их Густава Адолфа короля полномочных послов графа Якова Иванова Делегарда с товарищи, как они учинили меж государей мирное постановление написано и крестным целованьем закреплено, что было после договору как поставлено меж послов царского величества и свейских послов, тож зелембного Якуба короля англинского и шкоцкого после при князе Иване Мерике, в прошлом РКЕ (125) году ноября К (20) числа в Ладоге, из царского величества отчине из Великого Новагорода и из иных городов, которые царскому величеству отданы и очищены, никаких дел и книг и иного ничего не вывозить и людей силно не выводить. А что после того мирного договору будет вывезено, или кому не по договору отдано, и то сыскав, послати назад в Великий Новгород. И ныне ведомо великому государю нашему его царскому величеству учинилось, что после того мирного договору свейские державцы, которые были в Великом Новегороде, вывезли из царского величества отчины из Великого Новагорода ноугороцского государства печать, да из денежного двора чеканы, которые деланы были блаженные памяти при царе и великом князе Василье Ивановиче Всея Руси, и денежных мастеров Нефедка с товарищи взяли с собою и свезли в Свею силно и ныне в Свее денги чеканят, переделав те старые чеканы на великого государя нашего его царского величества имя и то учинено через (л. 133) мирной договор неведомо коими обычаи, кабы на роздор, а не соединенье, чего искони не бывало, что государю вашему денги чеканить в своем государстве великого государя нашего царского величества имянем, мимо своего королевского имяни. И государь свейский Густав Адолф корол по договору полномочный своих послов Якова Делегарда с товарищи ноугороцкого государства печать и денежные чеканы и денежных мастеров и иные дела, что будет после договору из Великого Новагорода и из ыных городов вывезено, сыскав, велеть прислать назад. И впредь бы сверх мирного договору ничего назад делать не велеть, чтоб тот нынешней вечной мирной договор меж великих государя нашего его царского величества и меж государя вашего королевского величества и их государств ничом не нарушивался, но от часу утвержался. А с великого государя нашего его царского величества стороны никаких неправд и задоров и мирному постановлению нарушенья не будет.

А. П. СМИРНОВ

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

В настоящее время можно считать решенным вопрос о многоплеменном составе Волжской Болгарии. Это достаточно хорошо документируется археологическими, историческими и антропологическими материалами [1]. В формировании культуры и языка булгар и их наследников казанских татар большую роль сыграли половцы. Они принимали активное участие в жизни булгар еще в домонгольский период, что достаточно хорошо видно по историческим данным [2]. Однако остаются еще неясные положения и среди них вопрос об удельном весе самих булгар в жизни государства и формировании казанских татар.

А. В. Арциховский в своем курсе отметил большое значение пришельцев булгар в этнической истории края и ассимиляцию ими аборигенного финно-угорского населения [3].

В 1966 г. А. Х. Халиков, касаясь прихода булгар, отметил: «Однако эти племена, очевидно, были немногочисленны. Об этом свидетельствуют и археологические материалы и письменные источники. Арабский географ Аль-Бекри писал о болгарских племенах, проникших на Волгу: «они малочисленны, около 500 семейств». Основная масса населения края, с которой столкнулись пришлые болгары, состояла из тюркоязычных племен, появившихся в Поволжье в Прикамье раньше бол-

[1] А. П. Смирнов. Очерки по истории древних булгар. «Труды ГИМ», вып. XI. М., 1940, стр. 86; Т. А. Трофимова. Антропологический состав г. Болгара X—XV вв. «Антропологический сборник», № 1. М., 1956, стр. 62.

[2] А. П. Смирнов. Ук. соч. «Труды ГИМ», вып. XI, стр. 86, 88.

[3] А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954, стр. 230.

тар, и в значительной степени смешавшихся с ними финно-угорских племен» [4].

Ссылка А. Х. Халикова на текст Аль-Бекри едва ли закономерна. Уже Хвольсон высказал сомнение в правильности данной цифры. Не встречает она подтверждения и в археологическом материале. П. Н. Старостин в своей интересной книге [5] приписал городища, считавшиеся позднегородецкими, и Рождественский могильник пришлым тюркским племенам. Не приводя никаких доказательств, он отрицает связь именьковских памятников с городецкой культурой и решает вопрос о происхождении именьковской культуры, исходя из сложной политической обстановки в районах Прикамья и Среднего Поволжья в эпоху переселения народов. Одним из основных компонентов этой культуры он считал восточный, о чем, по его мнению, свидетельствует сходство культур Прикамья и Западной Сибири. Однако главное внимание он уделил сходству с синхронным материалом Башкирии. Приведенные им аналогии не решают основного вопроса о происхождении именьковской культуры и не дают оснований считать ее принадлежащей тюркам. Едва ли прав автор, считающий единственный известный могильник (Рождественский) в именьковской культуре тюркским. Ни он, ни другие исследователи, придерживающиеся той же точки зрения, не смогут указать аналогий в материале тюркских погребальных сооружений. Нет их и в Прикамье, и на Средней Волге, где ни в более раннее время, ни позднее нет погребений типа полей погребальных урн. Эти могильники существуют западнее и юго-западнее, в области лесостепи, где они связаны со славянами. Их отдельные небольшие группы, уходя из лесостепи в бурный период движения кочевников с востока на запад, попали на Волгу и здесь были ассимилированы местным финно-угорским населением. Основу именьковской культуры составляли мордовские племена, перешедшие на левый берег Волги и здесь смешавшиеся с пьяноборским населением.

Смешение этих, несомненно, родственных этнических групп проходило и по правому берегу Волги, в тех местах, куда проникали пьяноборцы [6]. Все элементы именьковской культуры хорошо сопоставляются с элементами городецкой культуры. Это видно по керамике, по бытовым изделиям из кости, железа и бронзы, а также по типам жилищ. Есть все основания считать именьковскую культуру финно-угорской. Эти племена вошли в состав Волжской Болгарии, будучи ассимилированы пришельцами булгарами [7].

В оценке Больше-Тарханского могильника никаких споров не возникает. Все исследователи относят его к числу булгарских. Помимо него на Средней Волге известны еще булгарские могильники: Кайбельский, Танкеевский, Хрящевский, Кокрятьский, Тетюшский [8]. Заслуживает внимания наличие в Танкеевском могильнике финно-угорского элемента, на что обращалось внимание в литературе. Эти элементы есть и в Больше-Тарханском могильнике, где встречены чаши с закругленным, несколько уплощенным дном, горшки типа городецких и украшения, аналогичные финно-угорским [9].

[4] А. Х. Халиков. О происхождении казанских татар. «Советская Татария», 3 июня 1966 г., № 155 (14 323), стр. 3.

[5] П. Н. Старостин. Памятники именьковской культуры. М., 1967.

[6] П. Н. Старостин. Ук. соч., стр. 20; А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура. М., 1965, стр. 27.

[7] П. Н. Старостин. Ук. соч., стр. 32.

[8] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 69—95.

[9] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., табл. XVI.

Особенно ярко процесс культурной ассимиляции чувствуется в Танкеевском могильнике, который систематически исследуется археологами ТАССР. В настоящее время вскрыто несколько сот погребений, которые можно разбить на 3 группы: булгарскую, финно-угорскую и смешанную. Финно-угорская группа полно и весьма выразительно представлена чашами, лепленными из глины с примесью толченой раковины и украшенными веревочным и штампованным орнаментом в виде рамчатых узоров треугольной и квадратной формы [10]. Немало украшений верхнекамского и чепецкого типа.

Приток населения на Среднюю Волгу из более северных областей хорошо документируется старыми собраниями Болгарского фонда Государственного музея Татарии в Казани. Этот процесс наблюдается в течение длительного времени. Во всяком случае можно говорить об этом для I тыс. до н. э., когда отдельные группы прикамского населения проникли вниз по течению Волги, основав на территории Самарской Луки ряд городищ. В. В. Гольмстен отметила на многих из них большое число керамики прикамского типа. Точно такая посуда встречается и на отдельных поселениях в районе Хвалынска. Вещи Танкеевского и Больше-Тарханского могильников не идентичны, что объясняется не различием происхождения, а временем. Танкеевский могильник по сравнению с Больше-Тарханским датируется несколько более поздним временем — IX — XI вв.

Если взять могильники более позднего времени городов Волжской Болгарии, то нетрудно убедиться в большой роли пришельцев булгар в этнической истории края. Об этом свидетельствует, в частности, кладбище на «Бабьем бугре», давшее смешанный булгаро-мордовский комплекс. Оставляя в стороне могильник у Греческой палаты, принадлежавший населению армянской колонии [11], мы располагаем материалом более 200 погребений, не считая православных захоронений Успенского монастыря XVIII—XIX вв. Булгарские захоронения относятся к длительному периоду — от X до XV в. Часть погребений у Ханской усыпальницы доходит до XVIII—XIX вв. На этом кладбище татары хоронили наиболее уважаемых лиц. Кроме того, сюда привозили из дальних районов умерших, которые хотели быть похороненными на территории, считавшейся священной.

Длительный срок бытования кладбищ в Болгарах дает возможность проследить эволюцию погребального обряда. Сложность изучения этого процесса усугубляется еще переменой религии булгарами в X в. По письменным источникам известно, что мусульманство появилось в 922 г., когда прибыло посольство халифа Муктадира к булгарскому царю Альмасу. По данным археологии известно, что родовая религия продолжала жить долго наряду с мусульманством. Об этом можно судить по жертвенному месту около Ага-Базара, существовавшему в золотоордынский период [12]. Существование языческой религии в эпоху мусульманства документируется и материалом святилища Шолом [13]. Старые языческие традиции можно подметить и в обряде погребения.

На территории городища в настоящее время известны кладбища: в центре у соборной мечети «Четырехугольник», у мавзолея — «Церковь св. Николая», Малого минарета, Ханской усыпальницы и Черной палаты. Не имеют отношения к нашей теме находки костяков людей, погиб-

[10] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 77, табл. XX, рис. 8—10.
[11] А. П. Смирнов. Армянская колония г. Болгары. МИА, № 61. М., 1958, стр. 45.
[12] К. А. Смирнов. Святилище в урочище Ага-Базар. МИА, № 61, стр. 451.
[13] Б. Б. Жиромский. Древнеродовое святилище Шолом. МИА, № 61, стр. 448.

ших при военной катастрофе, и такие как скелет, лежавший в сильно скорченном положении, найденный в жилом квартале городища. Это или погребение колдуна, или скрытое преступление. Особое место занимает погребение № 11 домонгольского времени, в котором костяк лежал спиной вверх, головой на запад, лицом на север [14].

По-видимому, наиболее правоверным мусульманским надо считать кладбище около соборной мечети «Четырехугольник». Здесь открыты могилы с домонгольского времени до 30-х годов XIV в. Этот могильник характеризуется однообразием погребального обряда [15].

Все костяки лежали вытянуто, головой на северо-запад-запад, лицом на юго-юго-запад, с вытянутыми ногами, полусогнутыми руками, с кистями на тазовых костях. Ориентировка костяков соответствует направлению мечетей и мавзолеев Болгаров. Мавзолеи отклоняются на 20° к северу. Таким образом, для Болгарского городища направление северо-запад-запад соответствует западной ориентировке и вызвано географическим положением Болгаров по отношению к священному мусульманскому центру Мекке. Покойники лежали в деревянных гробах, от которых сохранился древесный тлен, гвозди и скобы. Замечены некоторые отклонения в положении покойников. 7% костяков лежали наклонно на правом боку. У 2% ноги перекрещены в лодыжках. У 4% костяков две или одна рука вытянуты. Над одной могилой находилась каменная вымостка. Как выше отмечено, могильник хорошо датирован. 7% погребений относится к домонгольскому времени, до постройки мечети. Самые поздние не выходят из границ 30-х годов XIV столетия, когда площадь вокруг мечети была вымощена, и кладбище более не функционировало. Некоторые особенности хорошо сопоставляются с ранними булгарскими могильниками. Например, прямоугольная форма могилы с закругленными углами, аналогичная форме могил Больше-Тарханского могильника. В том же могильнике зафиксирован некоторый разворот покойников на правый бок [16]. Могильник у соборной мечети «Четырехугольник» можно считать характерным мусульманским, в котором только в редких случаях можно проследить реминисценцию более ранних погребальных обрядов. К числу таких пережиточных явлений можно отнести и перекрещенные ноги в могиле № 6 [17]. Несколько иной характер имеют погребения у мусульманского мавзолея «Церковь св. Николая». Здесь наряду с христианскими монастырскими были открыты могилы булгарского времени. Один костяк лежал на правом боку при мусульманской ориентировке головой на запад, лицом на юг. Одно погребение повернуто лицом на север. Руки у всех вытянуты вдоль тела. Выделяется одно погребение, расположенное к югу от мавзолея «Церковь св. Николая». Женщина лежала головой на северо-восток, лицом вверх, левая рука согнута так, что кисть ее была около подбородка, правая на животе. Рядом с ней лежали дети на спине, руки полусогнуты, ноги вытянуты. Могила обложена лубом [18]. Данное захоронение ничем не связано с мусульманским обрядом. Оно датировано булгарским временем.

Остальные могильники дали более смешанный обряд захоронения. Погребений, совершенно идентичных захоронениям у соборной мечети, которые, по-видимому, можно считать типично мусульманскими, обращенных головой на северо-запад-запад, лицом на юг, на спине, с полу-

[14] Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3647.
[15] Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3011, 3480.
[16] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 20.
[17] Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3480.
[18] Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3220.

согнутыми руками и вытянутыми ногами, всего 5%. Остальные отличаются в деталях [19]. Так, встречены могилы с двумя заплечиками — 6%, с одним боковым заплечиком — 1%. В одной могиле выступ ограждает погребение с трех сторон. Другая могила с северной стороны была ступенчатой. Могил с подбоем 2%. Кроме положения на спине встречены костяки, несколько повернутые на правый бок. Таких погребений 10%. Кроме характерной ориентировки на северо-запад-запад имеются погребения, обращенные головой на северо-запад, — 6,2%, на юг — 0,6% и юго-запад — 0,6%. Кроме того, имеются отклонения в направлении лица. Положенных лицом вверх около 10% и на северо-запад — 2%. Редки скорченные захоронения на боку с полусогнутыми руками и кистями рук около лица — 1,3%. У 20% погребенных одна рука, чаще всего правая, вытянута. У 10% костяков вытянуты две руки. В 3% погребений одна рука, чаще всего правая, а иногда и обе, лежали в согнутом положении, кистями на плече или около лица. Положение рук покойников около лица встречается спорадически на широкой территории. Кроме булгарских могильников такое положение рук отмечено на кладбище Армянской колонии. Известны подобные случаи и в славянских погребениях и на Руси XVI в., примером чего может служить погребение Ивана IV [20].

Такое положение рук, крайне редкое везде, по-видимому, не может служить этническим признаком, а было обусловлено какими-то идеологическими требованиями. Два погребения имели в засыпи большое количество угля. При исследовании могил у Ханской усыпальницы открыты развалины нескольких каменных дюрбе с включенными небольшими кирпичными склепами с коробовыми сводами для индивидуальных погребений. У невысоких ступенчатых надгробий две отвесные стены: западная и восточная. Каменные склепы и надгробия, по-видимому, пришли к булгарам из городов Нижнего Поволжья, где был широко распространен такой тип могильных сооружений. Раскопки 1967 г. достаточно ясно показали, что разрушение склепов связано с постройкой Ханской усыпальницы, для которой и была расчищена достаточная площадь. Склепы и мавзолеи известны на Болгарском городище только с золотоордынского времени. Был ли такой порядок погребения заимствован правящей булгарской верхушкой у золотоордынской знати или мавзолеи свидетельствуют о приходе золотоордынцев на Среднюю Волгу, сказать трудно.

Отмеченные выше отклонения от типичного мусульманского обряда являются реминисценцией ранних погребальных обычаев и заставляют вспомнить раннебулгарские захоронения. Так, в устройстве погребений в Больше-Тарханском могильнике, а также в Танкеевском помимо простых могильных ям с закругленными углами имеются ямы с одним и двумя заплечиками. Господствующим было положение покойника на спине с вытянутыми руками, головой на запад или северо-запад [21]. Положение углей в засыпи некоторых могил в Болгарах перекликается с обожженными предметами и углями Больше-Тарханского могильника. В ранних булгарских могильниках встречены захоронения в скорченном положении [22] и подбои [23].

[19] Архив ИА АН СССР, Р-1, №№ 2863, 3011, 3480, 3647, 3821.
[20] А. П. Смирнов. Ук. соч. МИА, № 61, стр. 345; Архив Оружейной палаты Московского Кремля. Акт вскрытия погребений Архангельского собора.
[21] В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 10, 22, 23.
[22] Там же, стр. 21, 22, рис. 6.
[23] Там же, стр. 19.

Отмеченные аналогии в ранних булгарских погребениях не случайны; в целом они довольно многочисленны и могут свидетельствовать об известной преемственности, которая хорошо прослеживается в поздних захоронениях, несмотря на нивелирующую роль мусульманства. Приведенные материалы говорят о большой роли пришельцев булгар в этнической жизни Среднего Поволжья. Поскольку в продолжении длительного времени, вплоть до Русского периода, эти древние традиции сохранялись, можно сделать вывод о большом числе пришельцев булгар, которые в чужой обстановке, в условиях мусульманства, сохранили свои этнические особенности. Судя по археологическим данным, можно думать, что в многоэтничном населении Болгарского государства основным компонентом были булгары.

А. Г. МУХАМАДИЕВ,
Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

СКЛЕП С КЛАДОМ ТАТАРСКИХ МОНЕТ XV в. ИЗ СТАРОГО САРАЯ

В 1969 г. на Селитренном городище, являющемся развалинами Старого Сарая (или Сарая-Бату), в 50 *м* к юго-востоку от больницы на северо-восточном склоне Больничного бугра был заложен раскоп VII (4×6,7 *м*), ориентированный длинной стороной на северо-восток (азимут 42°). Местность, где расположен раскоп, известна как район некрополя. По рассказам местных жителей, здесь издавна добывали кирпич, при этом часто обнаруживали погребения. Один из таких склепов, описанный еще Ф. В. Баллодом, сохранился и поныне служит погребом [1].

В северо-восточной части раскопа был обнаружен склеп (рис. 1), сложенный из целых и обломков жженных кирпичей.

Пол склепа — песчаный материк (на уровне — 0), плоский. Стены склепа стоят на этом уровне. Склеп был поставлен в яму, вырытую в материке с уровня +120. Выкиды из ямы прослеживаются на материке на всех профилях в виде слоев чистого песка без находок, слоистых по структуре.

На уровне пола склеп представляет собой квадрат со стороной 360 *см*. Углы срезаны и образуют стенки длиной 70 *см*. В юго-западной части склепа имеется вход шириной 80 *см*. Вход перекрыт полукруговым сводом (рис. 2); высота его от пола до замкового кирпича — 90 *см*. Вход имел материковую ступеньку высотой 25 *см*. Уровень пола входа у самого его начала +68. Внешняя поверхность свода у входа неровная, она образована сколами обломков кирпичей.

Пята свода прохода у внутренней стены склепа располагается на уровне +65. На этом же уровне стены склепа переходят в полусферический купол. Переход от восьмерика к куполу осуществлен в виде находящих друг на друга кирпичей, образующих в углах «лесенку» (рис. 3).

[1] Ф. В. Баллод. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Казань, 1923, стр. 45.

От купола сохранились кирпичи в юго-западной части до уровня +150, в северо-восточной до уровня +140. Толщина стен склепа при-

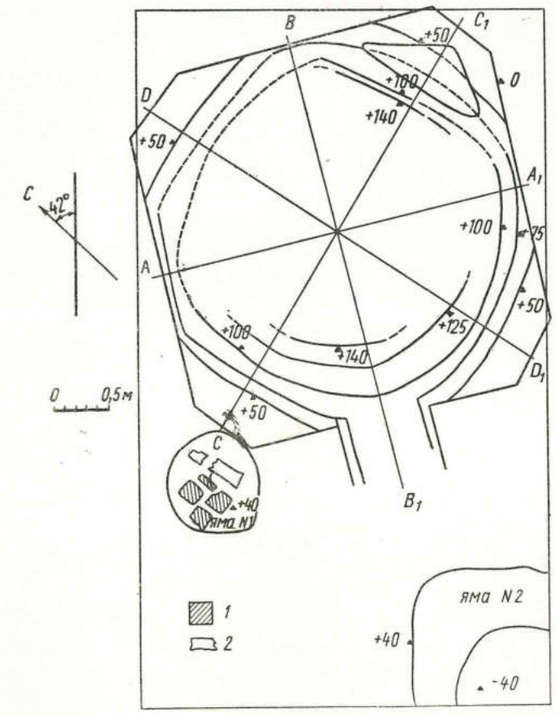


Рис. 1. План склепа и ям (*1* — жженный кирпич, *2* — обломок трубы), вскрытых на Селитренном городище в 1969 г. (раскоп VII)

мерно 20 *см*. Внешняя поверхность их неровная, образована сколами обломков кирпичей. Этот характер стены и купола сохраняется на внешней поверхности до уровня +130; выше купол сложен из целых кирпичей и его внешняя поверхность — ровная. Купол в той его части, которая имеет ровную внешнюю поверхность, возвышался над дневной поверхностью. Ниже внешние стены склепа углублены в материк. Котлован в материке для склепа был вырыт с тем, чтобы стенки склепа соприкасались со стенами котлована. В котловане у западного угла склепа, вне его, найден в обломках золотоордынский неполивной сосуд.

Обожженные кирпичи, из которых построен склеп,— квадратные, шириной 22,5 *см*, толщиной в среднем около 5 *см*. Более толстый кир-

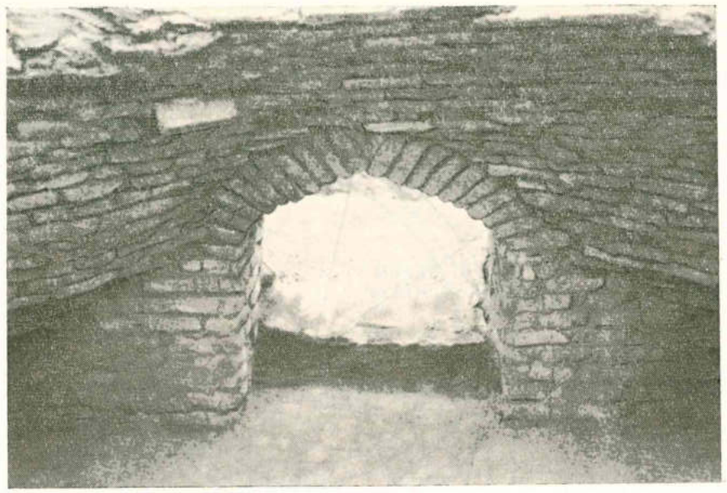


Рис. 2. Внутренний вид склепа

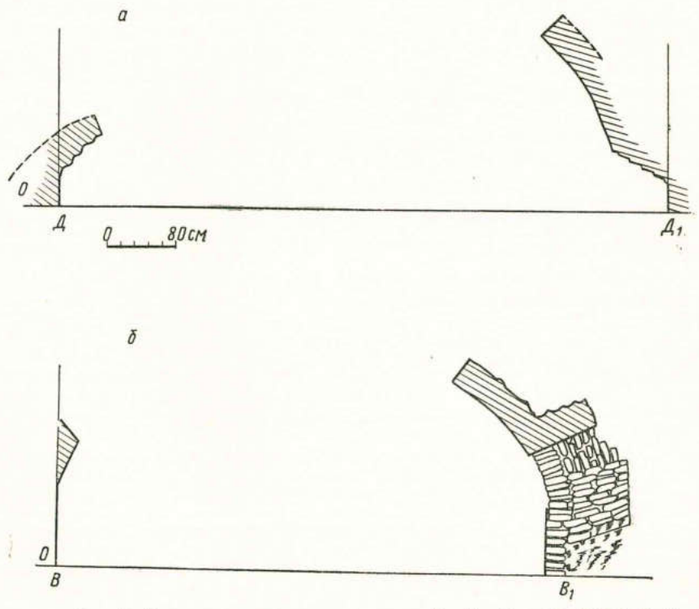


Рис. 3. Разрезы склепа: *а* — по линии Д—Д$_1$, *б* — по линии В—В$_1$

пич характерен для конца XIV—XV в., что зафиксировано в Сарае-Берке[2].

В склепе в ровном рыхлом слоистом заполнении без следов перекопов обнаружены 5 захоронений.

Погребение № 1. Обнаружены следы деревянных вертикальных стенок трапециевидного гроба, шириной в головах — 60 *см*, в ногах — 25 *см*, длиной — 160 *см*. Погребенный лежал на спине, головой на северо-запад, лицом вверх, правая кисть лежит на тазе, левая прижата к левому бедру. Ноги вытянуты.

Погребение № 2. Сохранились следы вертикальных стенок деревянного гроба, трапециевидного в плане, шириной в головах — 50 *см*, в ногах — 25 *см*, длиной — 200 *см*. Костяк лежал головой на северо-запад-запад, вытянуто на спине, лицом вверх, левая рука прижата к левому бедру, правая согнута, и кисть лежит на груди. Ноги вытянуты (рис. 4).

Погребение № 3. Гроба не обнаружено. Скелет лежит головой на северо-запад-запад, вытянуто на спине, голова сдвинута к северу, нижняя челюсть осталась на месте. По ней можно установить, что череп лежал лицом вверх. Погребение № 3 было нарушено.

Погребение № 4. Гроб не прослежен. Костяк лежал на левом боку, головой на северо-запад-запад, лицевая часть черепа обращена на северо-восток. Руки слегка согнуты, прижаты к бокам. Левая нога слегка согнута в колене; правая нога сильно согнута в колене. Погребение № 4 было слегка нарушено при совершении погребения № 3. Тазовая кость погребенного № 3 лежит на плечевой кости погребенного № 4. На уровне +50 лежит деревянная крышка гроба шириной 55 *см*, длиной 65 *см*, сколоченная из досок шириной 15 *см*. В южной части ее сохранились 6 железных кованых гвоздей длиной 10—12 *см*.

Под этой доской на уровне +15 лежит нарушенное *погребение № 5*. По сохранившим свое первоначальное положение ребрам можно восстановить, что костяк лежал на правом боку, головой на северо-запад-запад. Кости рук и ног сдвинуты. В ногах погребенного обнаружено скопление обломков жженных кирпичей, лежавших на уровне +15.

Все эти погребения мусульман-горожан. Аналогичные погребения встречаются при раскопках некрополей городов Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и т. д.[3]. Такие погребения обычно бедны вещами, так как захоронение с вещами противоречит мусульманскому ритуалу. Но различного рода отклонения от мусульманского обряда, в частности отклонения от «кыблы», при ориентации головы покойника и пережитки языческой старины в погребальном ритуале позволяют охарактеризовать этнический состав тех городов, около которых обнаружены эти погребения.

Кипчакские (половецкие) черты в инвентаре некоторых погребений на кладбищах городов Нижнего Поволжья свидетельствуют о значительной массе кипчакского населения в таких городах. Присутствие каменных обкладок в насыпях древнекипчакских курганов Восточной Европы и Казахстана в домонгольский период, по-видимому, предопре-

[2] А. Г. Мухамадиев, Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае. СА, 1970, № 3, стр. 155.

[3] А. Башкиров, У. Боданский. Памятники крымско-татарской старины. «Новый Восток», № 8—9. М., 1925; Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи. М.—Л., 1923; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований на месте развалин города Маджар в 1907 г. «Труды XIV АС», т. III. М., 1911; А. М. Ефимова. Кладбище и Ханская усыпальница болгарского городища. В кн.: «Древности Восточной Европы». М., 1969; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 120 и сл., 201—204 и сл.

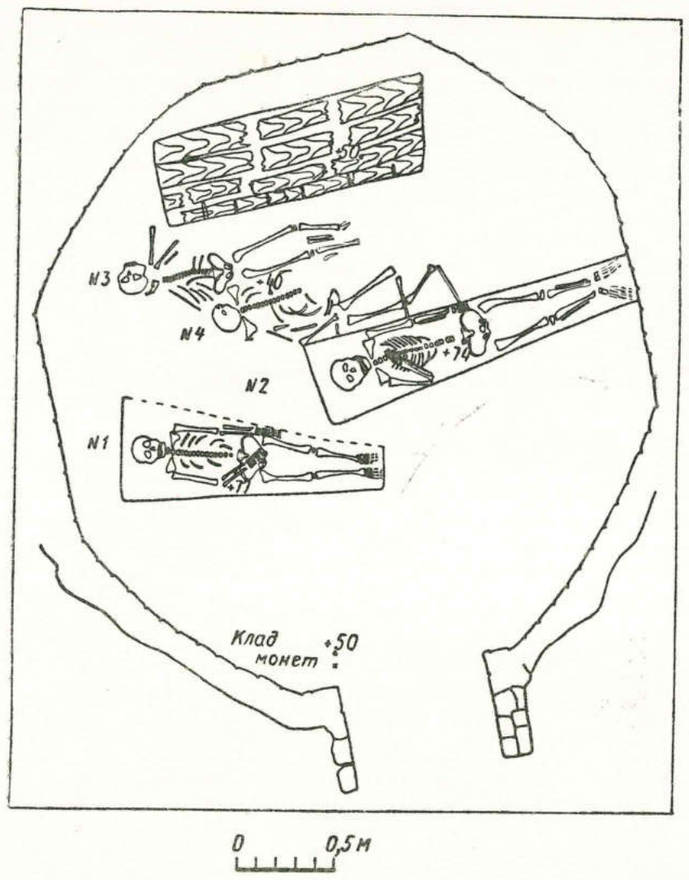


Рис. 4. План погребений в склепе

деляет черты погребального обряда некоторых тюркских племен, в частности тюрков Поволжья[4], а также некоторые мусульманские могилы в золотоордынских городах.

Судя по письменным источникам, монголы, переселившиеся в Восточную Европу, не составляли какую-либо значительную компактную массу. Это положение подтверждается и археологически: в Восточной Европе нет погребальных памятников, которые можно было бы связывать с монголами по комплексу характерных черт[5]. Для монголов характерна секретность места погребений[6]. Однако увеличение числа

[4] А. Х. Маргулан. Третий сезон археологических работ в Центральном Казахстане. Отчет экспедиции 1948 г. ИАН КазССР, 1951, № 108, серия археологии, вып. 3; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы.., стр. 122 и сл.
[5] Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы.., стр. 157 и сл.
[6] Л. П. Зяблин. О «татарских» курганах. СА, т. XXII. М., 1955, стр. 86.

погребений с северной ориентировкой можно связывать с прямым или косвенным воздействием пришлых племен на погребальный обряд местных кипчакских племен в XIII—XIV вв.[7].

В восточном углу склепа прослежен грабительский ход, проломавший в этом месте купол свода северо-восточной стенки раскопа. Попытка ограбления склепа сделана через грабительский ход и над южным углом склепа. Этот ход прослежен на профиле юго-восточной стены раскопа. Однако он не затронул стену склепа.

Оба грабительских хода имеют дневную поверхность в верхних слоях, представляющих, судя по малому числу находок культурных остатков, слои запустения.

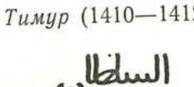
Другая попытка ограбления, также не нарушившая свод склепа, совершена через грабительский ход над западным углом склепа. В этой яме обнаружены обломки и целые жженные кирпичи, а также два фрагмента древней водопроводной трубы.

Внутри склепа с правой стороны у входа на глубине +50 найден завернутый в тряпку клад из 23 серебряных монет. Монеты относятся к XV в. От монет XIV в. они отличаются не только облегченным весом, но и плохим качеством серебра, из которого чеканились. Как следствие этого, монеты XV в. чеканены более грубо и поэтому трудно определимы.

Известно, что денежное обращение Поволжья к середине XV в. переживает упадок и выпуски монет в это время становятся немногочисленными. Не случайно по сравнению с XIV в. денежно-весовая система Поволжья XV в. исследована весьма недостаточно. Поэтому можно считать, что находка нового клада монет XV в. представляет определенный интерес для нумизматики.

Приведем описание монет, встречающихся в этом кладе.

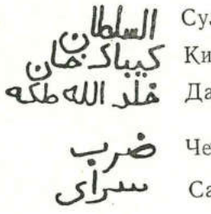
1. *Тимур* (1410—1412 гг.)



Султан
Тимур хан
Да хранит аллах его царствование!

Место чекана стерто.
1 экз. 1,08 г.

2. *Кибак* (1414—1415 гг.)



Султан
Кибак хан
Да хранит аллах его царствование!
Чекан
Сарая

1 экз. 0,88 г.

[7] Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы.., стр. 159.

3. *Дервиш* (1417—1418 гг.)

л. с. السلطان — Султан
درويش — Дервиш
خلد الله ملكه — Да хранит аллах его царствование!

о. с. اوردو — Орду

1 экз. 0,92 г.

4. *Улу Мухаммед* (1421—1445 гг.)

а)

л. с. السلطان محمد خان — Султан, Мухаммед хан

о. с. ضرب سراى — Чекан, Сарая

1 экз. 0,94 г.

б)

л. с. السلطان محمد خان — Султан, Мухаммед хан

о. с. ضرب خاجى ترخان — Чекан, Хаджи-Тархана

3 экз. 0,98 г; 0,93 г; 0,90 г.

в)

л. с. السلطان محمد خان — Султан, Мухаммед хан

о. с. ضرب عال وى معظم — Чекан, Иль-уй, Высочайший

3 экз. 1,08 г; 0,95 г; 0,92 г.

5. *Давлет-бирди* (1426—1427 гг.)

л. с. عظم دولت — Верховный Давлет

о. с. ضرب عال وى معظم — Чекан, Иль-уй, Высочайший

1 экз. 0,92 г.

6. Ахмед (?)

л. с. السلطان احمد — Султан, Ахмед

о. с. ضرب خاجى ترخان ٨٦٢ — Чекан, Хаджи-Тархана, 862

1 экз. 0,86 г.

Остальные 11 монет из клада неопределимы. На некоторых монетах читается только место чекана. Одна из них чеканена в Сарае, одна в Орду, две монеты в Орду-базари и одна в Джидибик-базари (Базар семи беков). На 6 монетах ни имя хана, ни место чеканки монеты не читаются.

Место чеканки Орду-базари, Иль-уй муаззам и Джидибик-базари обычно встречаются только на монетах ханов 30-х годов XV в. Судя по весу монет, местоположение этих монетных дворов — Нижнее Поволжье. Правда, встречаются монеты с обозначением места чеканки Орду-базари, но чеканенные по булгарской весовой норме. Это дает возможность предположить, что Орду-базари был ставкой ханов, их было несколько и выпускаемые в них монеты чеканились по местным весовым нормам.

Обращает внимание место чекана — «Иль-уй муаззам». Эпитет «муаззам» (высочайший) характерен для ставки ханов Орды: это не совсем обычный монетный двор. Не случайно Х. М. Френ сомневался в чтении этого слова и писал по поводу этих монет: «не Орда ли это?»[8].

Но место чекана «Иль-уй муаззам» хорошо читается и его нельзя спутать с Ордой. Четкий красивый почерк надписи «Иль-уй» показывает, что в начале этого слова не просто «алиф», с которого пишется «Орду», а «алиф» с «хамзой» внизу, то есть «и». Вторая буква — хорошо начерченный «лям», и она не соединяется с последующей буквой «вав». Это говорит о том, что перед нами не одно, а два слова, то есть Иль-уй. Надпись на монете можно перевести как «Дом страны высочайший», и она означает, может быть, столицу — город Сарай. Слова «иль» — стра-

[8] Ch. M. Fraehn. Recensio numorum muhammedanorum. Petropoli, 1826, p. 390, № 24.

на и «уй» — дом в татарском языке XIV—XV вв. встречаются часто[9]. Довольно распространенные выражения в средневековых восточных письменных источниках «Дом Бату», «Дом Берке» или «Дом Узбека», означающие страну в целом или только столицу, подтверждают возможность чтения данной надписи как «Дом страны высочайший».

Надпись «Иль-уй муаззам» встречается на монетах Улу-Мухаммеда и Давлет-бирди. В истории известно о борьбе этих ханов за престол в Сарае. Каждый из них, захватив столицу — этот символ владения уже эфемерной Золотой Ордой, спешил возвестить об этом миру, чеканя монету со своим именем.

Монеты клада по весу распределяются так:

0,72 *г* — 1; 0,78 *г* — 1; 0,80 *г* — 1; 0,85 *г* — 1; 0,86 *г* — 1; 0,87 *г* — 1; 0,88 *г* — 1; 0,90 *г* — 1; 0,91 *г* — 1; 0,92 *г* — 5; 0,93 *г* — 2; 0,94 *г* — 1; 0,95 *г* — 1; 0,98 *г* — 2; 1,04 *г* — 1; 1,08 *г* — 2.

Наибольшее число монет приходится на веса 0,90—0,95 *г* (11 экз.). Этот факт, подтверждаемый весовыми данными и других кладов, свидетельствует, что если монеты после реформы начала XV в. в Нижнем Поволжье чеканились с весовой нормой 1,17 *г*, то есть 4 дирхема на вес мискаля в 4,68 *г*, то к 30-м годам XV в. этот вес снизился приблизительно до 0,93 *г*. Следовательно, к данному времени из мискаля в 4,68 *г* чеканили уже не 4, а 5 монет весом 0,936 *г*.

Монеты клада позволяют датировать склеп близ Старого Сарая 30-ми годами XV в.

Существование еще в XV в. Сарая как города по письменным источникам известно давно. Но вопрос заключается в том, который из городов упоминается в письменных источниках: Старый или Новый Сарай? Этот вопрос в исторической литературе является спорным. Некоторые историки, например Б. Н. Заходер, считали, что в XV в. был только один город — Сарай-Берке, отождествляемый современными историками с Новым Сараем (Царевское городище) [10].

Существование некрополя, а следовательно, и города в XV в. в Селитренном городище, подтверждаемое и другими археологическими материалами, свидетельствует, что в первой половине XV в. в Нижнем Поволжье главенствующее положение занимал не Новый Сарай (кстати, ни монеты XV в., ни культурный слой XV в. там не обнаружены), а Старый Сарай.

[9] Борынгы татар эдэбияты. [Древнетатарская литература]. Казань, 1966, стр. 226—248.

[10] Б. Н. Заходер. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. В кн.: «Каспийский свод сведений о Восточной Европе», т. II. М., 1967, стр. 167.

Н. П. ЖУРЖАЛИНА

К ИСТОРИИ КЛАССИФИКАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Огромная роль науки и техники в жизни современного общества, все возрастающий объем научной продукции предъявляют большие требования к научной информации, призванной ориентировать исследователя в потоке литературы [1]. Проблемы научной информации волнуют не только библиографов, библиотекарей и информатиков, но и специалистов различных отраслей знания, в том числе и археологов. Статьи, посвященные проблемам информации в области археологии, публикуются на страницах археологических и специальных изданий [2].

Значительная роль в информации принадлежит научным библиотекам, накопившим огромные фонды отечественной и зарубежной литературы. Наряду с поиском новых автоматизированных средств информации продолжается совершенствование традиционных средств информации, в частности библиотечных каталогов, разрабатываются классификации, отвечающие современному уровню науки, новым информационно-библиографическим задачам советских научных библиотек.

Библиотечные каталоги существовали уже в глубокой древности. Расстановка материала по содержанию и другим признакам (язык произведения, литературная форма, авторство) была знакома библиотекам Древнего Востока (библиотека Ашшурбанипала, систематика Калимаха) и античного мира. В период раннего средневековья каталоги выполняли функции имущественной описи, фиксируя в то же время

[1] А. И. Михайлов, А. И. Черный, Р. С. Гиляровский. Основы информатики. М., 1968.

[2] Л. С. Клейн. Заметки о зарубежной библиографии по археологии за 1950—1960 гг. СА, 1963, № 2, стр. 259—265; М. Ю. Брайчевский, Л. Э. Пшеничная, Э. Ф. Скороходько. Информационный поиск в области археологической литературы. «Научно-техническая информация», 1963, № 8, стр. 13.

местонахождение книг на полке[3]. В более позднее время каталоги и библиографические указатели создавались на основе классификационных схем, разработанных с учетом современной научной систематики.

В области археологии наибольший интерес представляют русские и зарубежные библиотечно-библиографические классификации XIX—XX вв. Они опираются на классификацию наук, отражают состояние археологической науки своей эпохи, а также классовую идеологию составителей[4].

Археология как наука сложилась в середине XIX в. Первоначально она развивалась в виде четырех отдельных отраслей — классической, восточной, средневековой и первобытной, из которых каждая была связана с филологией, историей, естественными науками. К началу XX в. ветви археологии слились в единую науку. По-разному определяли место и предмет археологии русские дореволюционные и зарубежные ученые. Советские и буржуазные ученые предлагают различное понимание предмета археологической науки.

Передовые русские дореволюционные археологи включали в круг своих исследований все памятники материальной культуры прошлого, не ограничивая их памятниками древнего искусства, как это было на Западе. Русские археологи в отличие от западноевропейских ученых считали историческую археологию прямым продолжением первобытной (доисторической) археологии и рассматривали ее в качестве составной части исторической науки, ограничивая в то же время предмет своих исследований изучением археологической вещи, видя в археологии вспомогательную дисциплину[5].

Составители русских дореволюционных библиотечно-библиографических классификаций первой половины XIX — начала XX в., следуя в определении предмета, объема и задач археологии за русской наукой, относили, как правило, раздел «Археология» целиком к классу «История» в качестве вспомогательной дисциплины. Так, в классификации, разработанной в 1806 г., для каталога личной библиотеки П. Г. Демидова, археологическая литература отнесена в раздел «Древности», являющийся подразделением класса «Историография»[6].

Классификация А. Н. Оленина (1808 г.), предназначенная для петербургской публичной библиотеки, относит археологию к «Вспомогательным сведениям» класса «История»[7]. В классификации каталога библиотеки А. Ф. Смирдина, составленной выдающимся библиографом В. Г. Анастасевичем (1828 г.), археология также представлена в качестве вспомогательной дисциплины в разделах «История Российская» и «История всеобщая»[8].

[3] Е. И. Шамурин. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации, т. 1. М., 1955.

[4] Е. И. Шамурин. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации, т. 2. М., 1959.

[5] В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 1; М. Г. Худяков. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933; Н. В. Покровский. Новейшие воззрения на предмет и задачи археологии. «Сборник археологического института», кн. 4. СПб., 1880, стр. 23; А. С. Уваров. Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа. «Труды III АС», т. I. Киев, 1878, стр. 19—39.

[6] П. Г. Демидов. Каталог Российским книгам библиотеки Павла Демидова. М., 1846.

[7] А. Н. Оленин. Опыт нового библиографического порядка Санкт-Петербургской императорской библиотеки. СПб., 1809.

[8] В. Г. Анастасевич. Роспись Российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная в 4-х частях. СПб., 1828.

Из классификаций первой половины XIX в. лишь в классификации книг Библиотеки Российской Академии наук, составленной К. Э. Бэром в 1841 г., археология разделена между двумя классами — искусством и историей[9].

К классу «История» отнесена археология и в библиотечно-библиографических классификациях (В. И. Межова, М. Е. Беккера, Н. А. Рубакина)[10] второй половины XIX — начала XX в. Известный интерес с точки зрения подхода к решению вопроса о месте и объеме раздела «Археология» представляет работа М. Е. Беккера. Если в более ранних русских библиографических классификациях об объеме раздела «Археология» можно судить лишь на том основании, что он упоминается в классе «История», то в классификации М. Е. Беккера, изданной в 1910 г., в отношении этого раздела дано прямое указание. Рубрика, отведенная для археологической литературы, в классе, посвященном историко-социальным наукам, формулируется точно: «Д Археология и археологические материалы исторической и доисторической эпохи». Эта формулировка прямо перекликается с заявлением крупнейшего русского археолога В. А. Городцова, писавшего в том же 1910 г., что историческая археология является прямым продолжением археологии первобытной[11].

Таким образом, за исключением классификации К. Э. Бэра, во всех русских дореволюционных классификациях археология отнесена к классу исторических наук и рассматривается в качестве вспомогательной исторической дисциплины, что вполне соответствовало месту археологии в русской дореволюционной науке.

Совершенно иную картину рисуют зарубежные классификации XIX—XX вв., отражающие состояние буржуазной археологии, отрицавшей за незначительным исключением связь между археологией и историей, относящей первобытные древности к области «доистории»[12]. Особый интерес представляют взгляды американских ученых на предмет и задачи археологической науки, так как они нашли отражение в американских библиотечно-библиографических классификациях, претендующих на мировое признание. Официальным выразителем взглядов американской науки на предмет археологии является В. Тейлор, давший теоретическое обоснование сложившемуся в буржуазной науке разделению археологии на две не связанные между собой дисциплины, одна из которых, занимающаяся классическими и ближневосточными культурами, тяготеет к истории, вторая, изучающая первобытные древности и так называемые «примитивные» народы,— к культурной антропологии[13].

Авторы зарубежных библиотечно-библиографических классификаций XIX—XX вв. (М. Дьюи, Универсальной десятичной классификации (УДК), классификации Библиотеки Конгресса США, Г. Э. Блисс и

[9] К. Э. Бэр. Система классификации книг II Отделения Библиотеки Российской Академии наук, составленная в 1841 г. Л., 1926.

[10] А. И. Межов. Систематический каталог русским книгам, продающимся в книжном магазине Александра Федоровича Базунова. СПб., 1869; М. Е. Беккер. Главные основания для выработки системы библиотечного каталога. «Библиотекарь», 1910, вып. III—IV; Н. А. Рубакин. Среди книг, т. II. 2-е изд. М., 1913.

[11] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 1.

[12] Подробно о взглядах буржуазной науки на предмет и задачи археологии см. А. Л. Монгайт. Кризис буржуазной археологии. КСИИМК, вып. XL. М.—Л., 1951; Д. Димитров. Увод в археологията. София, 1958.

[13] А. Л. Монгайт. Американская археология на службе империализма. ВИ, 1949, № 5, стр. 96—104.

др.) [14], следуя в понимании предмета археологии за буржуазной наукой, искусственно разделяют отдельные отрасли археологии, относя их к различным классам, сужая хронологические рамки археологической науки, искажая ее задачи. Для их классификаций характерны отрыв первобытной археологии от археологии классового общества и отнесение ее в качестве «доистории» к биологическим наукам (классификация М. Дьюи и УДК), к географии (классификация Библиотеки Конгресса США) или к социологии (классификация Г. Э. Блисса). «Художественная археология» и большинство дисциплин, имеющих своим предметом изучение отдельных категорий археологических памятников, рассматриваются в указанных классификациях как составная часть класса «Искусство». К истории относится лишь «общая археология», включающая работы по общим вопросам археологической науки (организация и история науки, методы археологического исследования, периодика, справочные издания). Как правило, отсутствуют даже ссылки от общей археологии к «доисторической».

Наиболее ярко представления американской археологии отразились в классификации Г. Э. Блисса, получившей довольно широкое распространение [15]. Он делит археологию на антропологическую, «доисторическую» и историческую. Первую он относит к классу «Антропология», первобытную археологию — к социологии, историческую археологию — к классу «Социально-политическая история», художественные древности — к искусству. Отнесение первобытной археологии к социологии, а не к естественным наукам в классификации Блисса кажется, на первый взгляд, шагом вперед. Однако это сближение американской буржуазной этнографии, а следовательно, и археологии, с социологией имеет своей основой отрицание обеими науками общей закономерности в развитии общества [16].

Если в период становления археологии как науки такое разделение ее на отдельные отрасли, сближение художественной археологии с историей искусства, а первобытной археологии с естественными науками имело известные основания и объяснялось историей возникновения и развития той или иной отрасли археологии, то в наше время это имеет определенную классовую основу. В наше время разделение археологии на «доисторическую» и «историческую» и отнесение первобытной археологии к естественным наукам отражают представления реакционной буржуазной историографии, отрицающей единство и прогрессивность исторического процесса, делящей народы на «высшие» и «низшие», подчеркивающей, что на первобытные народы распространяются биологические, а не общественные законы.

Как же решался вопрос о месте и объеме археологии в каталогах советских библиотек? В. И. Ленин придавал большое значение постановке библиотечного дела в стране, считая его состояние «показателем общей культурности» [17]. Советское библиотечное строительство началось

---

[14] Dewey M. Decimal classification. 13th ed. rev. and en lary. New York, 1932; Classification decimale universelle. Bruxelles, 1927—1933; Library of Congress. Classification. Preliminary ed. of June 1946.

[15] Реакционным методологическим установкам классификации Г. Э. Блисса посвящена статья Е. С. Зевакина и В. Л. Самодуровой «Фальсификация истории в библиографической классификации Г. Э. Блисса», опубликованная в Трудах государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (т. III, 1959, стр. 147—170).

[16] Ю. Аверкиева. О постановке некоторых проблем в современной американской этнографии. СЭ, 1958, № 3.

[17] Н. К. Крупская. Что писал и говорил Ленин о библиотеках. 4-е изд. М., 1939, стр. 28 и 35.

буквально с первых дней Советской власти. Уже тогда встал вопрос о централизации библиотечного дела, рациональной организации каталогов и введении единой системы классификации, отвечающей задачам советских библиотек. Однако в то время отсутствовали предпосылки для разработки новой, основанной на принципах марксизма-ленинизма, библиотечно-библиографической классификации. Поэтому в 1921 г. для упорядочения каталогов в наших библиотеках была введена «Международная десятичная классификация» (УДК). Это была временная мера. В дальнейшем таблицы УДК подвергались неоднократным переработкам, приспосабливались к нуждам советских библиотек. Одновременно шла подготовка к разработке советской библиотечной классификации.

Место и объем археологии в переработанных таблицах УДК определялись, с одной стороны, решениями, принятыми в УДК, а с другой стороны — корректировались местом и объемом археологии в советской науке. Советская наука не сразу нашла четкий и правильный ответ на вопрос о предмете, месте и задачах археологической науки. Этот вопрос подвергся после Великой Октябрьской социалистической революции широкому обсуждению. Преодолевая буржуазное вещеведение дореволюционной археологии, советская археология прошла путь развития от вспомогательной исторической дисциплины до органической, неотъемлемой части исторической науки. В ходе борьбы за марксистскую археологию в 20—40-е годы были допущены отдельные ошибки. В 20—30-е годы делались попытки ликвидации археологии вообще. Поэтому, учитывая опасность полного упразднения археологии, Всероссийское археолого-этнографическое совещание 1932 г., обсуждавшее вопрос о предмете археологии и ее месте в системе знаний, признав археологию неотъемлемой частью исторической науки, в своей резолюции приняло все же осторожную формулировку, объявляющую археологию вспомогательной наукой [18].

Издаваемые в нашей стране в этот период становления советской археологической науки переработки Универсальной десятичной классификации чутко реагировали на все изменения, происходящие в науке. И если во 2-м издании десятичной классификации Е. Н. Добржинского сохранено деление археологии на «историческую» и «доисторическую» (последняя осталась под индексом 571 класса биологических наук) [19], то в вышедших в 1944 г., но подготовленных к изданию в 1932—1933 гг., таблицах десятичной классификации одного из крупнейших советских теоретиков в области библиографической классификации Н. В. Русинова уже отразились решения Всероссийского археолого-этнографического совещания. Хотя автор и сохранил в своем издании рубрику «571 Палеоархеология...», но в примечании к ней не рекомендует пользоваться рубрикой 571, «поскольку первобытная археология,— пишет он,— трактуется в качестве вспомогательной дисциплины для истории культуры, ей не место среди естественных наук», и рекомендует археологическую литературу сосредоточить под рубрикой 902.6 класса «История». К отделу «7 Искусство» он также дает примечание о дублировании карточек на литературу о памятниках древности, имеющих художественное значение, в раздел 902.6 Археология. Известный советский библиограф Л. Н. Троповский идет еще дальше [20]. В его значительно перера-

---

[18] «Сообщения ГАИМК», 1932, № 5—6, стр. 89—96.

[19] Е. Н. Добржинский. Десятичная классификация. 2-е испр. и доп. изд. М.—Л., 1930.

[20] Л. Н. Троповский. Десятичная классификация (сокращенные таблицы для массовых библиотек). М., 1938, 1939, 1942.

ботанных таблицах десятичной классификации, получивших наибольшее распространение, индекс 571 вообще опускается, а литература о материальной культуре первобытного человека размещается под индексом: 9 История, 902.6 Археология, 902.7 Этнография, 902.8 История первобытной культуры.

Перечисленные переработки таблиц УДК получили распространение главным образом в массовых библиотеках. Крупнейшие научные библиотеки страны (Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека АН СССР) разрабатывали для систематических каталогов собственные, основанные на принципах марксизма-ленинизма классификации, так как УДК не соответствовала потребностям крупных научных библиотек.

Отсутствие единой системы классификации и организации каталогов в наших библиотеках отрицательно сказывалось на информационно-библиографическом обслуживании читателей.

Поэтому в 1959 г. разобщенные усилия крупнейших библиотек по разработке советской библиотечно-библиографической классификации были объединены. Эту работу возглавила Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. В создании новой классификации в качестве консультантов и редакторов приняли участие многие ведущие советские ученые. В ее основу были положены общие методологические принципы марксистско-ленинской классификации наук, достижения современной научной мысли, идеология марксизма-ленинизма. В настоящее время ее издание завершено. В течение 1960—1968 гг. вышло 25 выпусков Библиотечно-библиографической классификации (ББК) в 30 томах.

Органической, составной частью этой универсальной классификации является раздел «Т4 Археология»[21]. Работа над ним началась с формирования каталога, так как до 1944 г. в Генеральном систематическом каталоге Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина раздела археологии не существовало. Литература по археологии была распределена по многочисленным отделам систематического каталога; это мешало обслуживанию читателя-специалиста и не соответствовало той роли, месту и назначению, которые приобрела археология в советской науке.

Определяя место археологии в новой советской библиотечно-библиографической классификации, ее составители руководствовались марксистско-ленинским определением предмета археологии, ее места в системе общественных наук. В соответствии с этим археология отнесена в ББК в отдел исторических наук как самостоятельная дисциплина.

В отличие от современных буржуазных классификаций археология представлена в ББК как единая наука, включающая археологию первобытного, рабовладельческого и раннефеодального общества. Это соответствует марксистско-ленинскому пониманию археологии — науки, исследующей историю человечества в период докапиталистических формаций как единый прогрессивный процесс.

Определение объема и места археологии в ряду исторических наук — первый шаг в разработке классификации археологической литературы. Не менее существенное значение имеет принцип расположения археологической литературы внутри раздела, его структура. Рассмотренные выше библиотечно-библиографические классификации не дают

[21] Библиотечно-библиографическая классификация. Таблицы для научных библиотек, вып. XIV, ч. 4. Археология. Этнография. М., 1964.

правильного решения о структуре раздела «Археология». Русские дореволюционные классификации обычно ограничивались одним, двумя делениями. Современные зарубежные классификации, положившие в основу построения раздела «Археология» взгляды буржуазной историографии, нельзя взять за основу. Не может помочь и расположение материала в современных зарубежных указателях археологической литературы[22]. Из советских схем классификации археологической литературы привлекает внимание схема, взятая в основу библиографического указателя, изданного в 1959 г. Библиотекой Ленинградского отделения Института археологии АН СССР[23]. Однако схема, положенная в основу группировки ограниченного по объему материала, не может удовлетворить библиотечные каталоги и картотеки, требующие большой детализации. Кроме того, представляется неудачным принятый в этой схеме в качестве первичного территориальный принцип расположения материала по археологии СССР. Правильнее считать первичным хронологический принцип, а территориальный использовать как вторичный признак деления.

Поэтому составители советской Библиотечно-библиографической классификации при разработке структуры раздела «Т4 Археология» опирались на определение предмета археологии, на современную систему археологической науки, учитывали аспекты ее исследования. Изучая историю докапиталистических формаций на основе преимущественно вещественных источников, археология рассматривает ее в хронологическом, территориальном, этническом, типологическом и проблемно-тематическом (отдельные стороны жизни общества — хозяйство, социальные отношения и т. п.) аспектах. Все эти аспекты следует учитывать как классификационные признаки при систематизации археологической литературы.

В качестве основного признака классификации археологической литературы следует признать принцип научной периодизации. Руководствуясь существующим в настоящее время делением археологии на общую и национальную и характером археологической литературы, составители классификации сочли целесообразным сгруппировать периоды в пределах всеобщей археологии и археологии отдельных стран. Поэтому первыми делениями раздела Т4 представлены: Т4(О) Всеобщая археология, Т4(2) Археология СССР, Т4(3/8) Археология зарубежных стран.

Аналогично построен раздел собственно истории.

Однако распределение археологической литературы по странам имеет и известные неудобства, так как современные государственные границы не имеют отношения к границам расселения древних племен. Поэтому для литературы, посвященной древним обществам, выходящим за пределы границ одного государства, предусмотрены специальные рубрики в соответствующих периодах всеобщей археологии и археологии отдельных континентов.

Приведенными выше делениями не исчерпывается основной ряд раздела Т4. Учитывая научный интерес к сравнительному изучению отдельных археологических категорий, техники, хозяйства и другим проблемам, в основном ряду раздела «Археология» предусмотрено деление «Т49 Археологические категории и типы. Отдельные проблемы археологии». Это деление предназначено для группировки литературы, написанной в сравнительном аспекте, и для литературы об археологи-

[22] Л. С. Клейн. Ук. соч. СА, 1963, № 2, стр. 259—265.
[23] Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская, А. А. Любимова. Советская археологическая литература. (Библиография 1941—1957). Л., 1959.

ческих памятниках, место находки и дата которых неизвестны. Кроме того, под индексом Т49 предоставляется возможность собрать всю литературу об археологических памятниках и отдельных проблемах археологии путем дублирования соответствующей литературы из подразделов всеобщей археологии и археологии отдельных стран.

Перечисленным делениям предшествует «Общий раздел», предназначенный для литературы по теоретическим и методологическим вопросам археологической науки, ее истории и организации, преподавании и подготовке научных кадров, методике и технике научного исследования, а также для литературы, группируемой по форме издания и читательскому назначению — библиографические, справочные, продолжающиеся и периодические издания, серии, учебники и другие издания широкого содержания. Каждая тема выделяется особой рубрикой.

В разделах всеобщей археологии, археологии СССР и археологии отдельных континентов и стран материал располагается, как уже сказано, в хронологическом порядке. В пределах хронологических подразделений материал группируется по территориальному, а затем по этническому (народы, племена или археологические культуры) признакам.

Для отражения в каталогах археологической литературы, написанной в проблемно-тематическом плане, в классификации разработаны специальные таблицы типовых делений (рубрик), которые систематически могут повторяться в пределах отдельных периодов, стран, племен, археологических культур. Последовательность рубрик этой таблицы в значительной мере условна. Она открывается тремя рубриками: — 1 Природные условия. — 2 Вопросы заселения данной территории. — 3 Происхождение отдельных племен и народов. Следующая рубрика предназначена для группировки литературы об археологических категориях: — 4 Археологические категории и типы. Эта рубрика имеет более 30 подразделений, каждое из которых посвящено определенной вещевой категории (орудия труда, оружие, украшения и т. п.) или памятника-комплекса (поселения, могильники и т. д.). Завершается таблица рубриками: — 5 Социально-экономические отношения. — 6 Межплеменные отношения и культурные связи. — 7 Духовная культура.

Наиболее подробно, естественно, разработан в советской классификации раздел, посвященный археологии СССР. Таблицы дают возможность представить в каталоге литературу по археологии СССР в двух аспектах — хронологическом и территориальном. В качестве основного принят хронологический аспект. В пределах отдельных периодов материал группируется по территориальному признаку; в основе его лежат крупные историко-культурные комплексы — Европейская часть СССР, Кавказ, Сибирь и Дальний Восток, Средняя Азия и Казахстан, в пределах которых выделяются более узкие территории.

В подразделе, представляющем литературу в территориальном аспекте (археология союзных республик и местностей СССР), собирается литература с широким хронологическим охватом и литература о памятниках, время которых еще не определено. Кроме того, библиотеки, считающие целесообразным собрать вместе всю литературу по археологии определенной территории, могут это сделать за счет дублирования описаний книг из подраздела, в котором литература сгруппирована по хронологическому принципу.

Раздел «Т4 Археология» в течение 8 лет используется для организации литературы в каталогах крупнейших универсальных библиотек. ББК применяется в каталогах библиотек Чехословакии, в частности

библиотеки Братиславского университета. По таблицам ББК в Болгарии подготавливается репертуар болгарской книги за 1944—1969 гг. В настоящее время в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина ведутся исследования по использованию ББК в автоматизированной информационно-поисковой системе. Проведены эксперименты по созданию печатных машинных каталогов, издаваемых с помощью электронно-вычислительных машин. Эксперимент дал положительные результаты. Ведется анализ таблиц ББК для использования их при автоматизированном поиске информации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею императорской Академии наук.
АО — Сборник «Археологические открытия...».
АС — Археологический съезд.
ВАИ — «Вестник археологии и истории».
ВВ — «Византийский временник».
ВДИ — «Вестник древней истории».
ВИ — «Вопросы истории».
ВМУ — «Вестник Московского университета».
ВЦНИЛКР — Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория консервации и реставрации музейных предметов.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.
ГИМ — Государственный ордена Ленина Исторический музей.
ГЭ — Государственный ордена Ленина Эрмитаж.
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. Подг. к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950.
ДСИФ МГУ — «Доклады и сообщения Исторического факультета Московского государственного университета».
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».
ЗРАО — «Записки Русского археологического общества».
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР.
ИАИ — «Известия на Археологическия институт».
ИАК — «Известия Археологической комиссии».
ИАН КазССР — «Известия Академии наук Казахской Советской Социалистической Республики».
ИАН КиргССР — «Известия Академии наук Киргизской Советской Социалистической Республики».
ИАзербФАН СССР — «Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР».
ИГАИМК — «Известия Государственной академии истории материальной культуры».
ИЗ — «Исторические записки».
ИИАТ — «Известия Института археологической технологии».
ИКФАН СССР — «Известия Карельского филиала Академии наук СССР».
ИОЛЕАЭ — «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии».
ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук».
ИСО АН СССР — «Известия Сибирского отделения Академии наук СССР».
ИТУАК — «Известия Таврической ученой архивной комиссии».
КСИА, Киев — «Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР».
КСИА, М., — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР».
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР».
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.

МАК — «Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества».
МАР — «Материалы по археологии России».
МАЭ — Музей антропологии и этнографии.
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР».
МИСО — «Материалы по изучению Смоленской области».
НИС — «Новгородский исторический сборник».
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.
НЭ — «Нумизматика и эпиграфика».
ОАК — «Отчет Археологической комиссии».
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры.
ПИДО — «Проблемы истории докапиталистических обществ».
ПИКГ — Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.
ПЛ — Псковские летописи. Под ред. А. Н. Насонова, т. 1. М., 1941; т. 2. М.—Л., 1955.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1843; т. III. Новгородские летописи. СПб., 1841; т. IV. Новгородская четвертая летопись. Псковская первая летопись. СПб., 1848; т. VI. Продолжение Софийской первой летописи. Софийская вторая летопись. СПб., 1853; т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856; т. X. [Никоновская летопись]. СПб., 1885; т. XI. [Никоновская летопись (продолжение)]. СПб., 1897; т. XIII, ч. 1. [Никоновская летопись (продолжение)]. СПб., 1904; т. XX, ч. 1. Львовская летопись. СПб., 1910.
СА — «Советская археология».
САИ — «Свод археологических источников».
СЭ — «Советская этнография».
ТИИ АН КиргССР — «Труды Института истории Академии наук Киргизской Советской Социалистической Республики».
ТИИАЭ — «Труды Института истории, археологии и этнографии».
ТКАЭЭ — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции».
ТРУАК — «Труды Рязанской ученой архивной комиссии».
ТСА РАНИОН — «Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук».
УЗКП — «Ученые записки Казахского пединститута».
УЗМГУ — «Ученые записки Московского государственного университета».
УЗСГУ — «Ученые записки Саратовского государственного университета».
ЦПБ АН УССР — Центральная публичная библиотека Академии наук Украинской ССР.
ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете».
AA — «Archäologischer Anzeiger Beiblatt zum Iahrbuch des Archäologischen Instituts».
AJA — «American Journal of Archaeology».
CIL — «Corpus inscriptionum latinarum».
IOSPE — «Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini».
JGS — «Journal of Glass Studies».
JSGT — «Journal of Society of Glass Technology».
NNUM — «Nordisk Numismatisk Unions Medlemsblad».
SCIV — «Studies si cercetari de istorie veche».
RE — «Real-Encyclopädie des Klassischen Altertumswissenschaft».

СОДЕРЖАНИЕ

Очерк научной деятельности Артемия Владимировича Арциховского 3

Б. А. Колчин, В. Л. Янин. Новгородская археологическая экспедиция (организация и методика полевых работ в городе) 15
О. Н. Бадер. О возникновении арифметического счета в палеолите 28
И. В. Синицын. Древние поселения в излучине Дона 36
Н. Я. Мерперт. Древнейшие каменные крепости Болгарии 46
А. И. Мелюкова. Находки из скифского могильника IV—III вв. до н. э. на левобережье Днестровского лимана 56
Д. С. Раевский. О семантике одного из образов скифского искусства . . . 63
И. В. Яценко. Херсонесская амфора с клеймом астинома Героксена 69
И. Т. Кругликова. Мраморная головка Афродиты из Горгиппии 79
Н. А. Онайко. Античные импортные изделия на юго-восточной окраине Боспора (I в. до н. э. — IV в. н. э.) 84
Ю. Г. Виноградов. Дипинто из раскопок поселения в Широкой балке близ Новороссийска 90
Д. Б. Шелов. Нефть в Танаисе 94
Л. Р. Кызласов. Сакская коллекция с Иссык-Куля 102
С. А. Плетнева. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья 108
П. Н. Третьяков. Селище в Лавриковом лесу 119
Е. И. Крупнов. О происхождении средневековых ингушских височных колец . 124
С. А. Изюмова. Гончарный горн на городище у с. Супруты 130
А. В. Успенская. Женское погребение с конем X в. из Березовецкого могильника 134
В. В. Седов. Браслетообразные височные кольца восточных славян 138
Е. А. Шмидт. О некоторых особенностях курганных погребений XI—XIII вв. в земле кривичей 145
А. А. Коновалов. Характеристика медных сплавов украшений из кривичских курганов у дер. Каблуково 152
Д. А. Авдусин. Гнездово и днепровский путь 159
М. Г. Рабинович. Древнерусские знамена (X—XV вв.) по изображениям на миниатюрах 170
А. А. Бобринский. О некоторых результатах трассологического изучения древнерусских гончарных клейм 182
Ю. Л. Щапова. Трактат Теофила и производство стекла в средневековой Европе 191
М. В. Фехнер. Ткань с изображением львов и птиц из великокняжеской гробницы во Владимире 198
М. К. Каргер. К истории полоцкого зодчества XII в. (Руины вновь открытого храма на Верхнем замке) 202
А. Л. Монгайт, М. Б. Чернышев. Спасский собор в Старой Рязани 210
М. Д. Полубояринова. Раскопки на Рюриковом Городище в 1965 г. 217
Е. А. Рыбина. Из истории ввоза янтаря в Новгород (по материалам раскопок 1951—1970 гг.) 224
М. В. Седова. Об одной группе металлических изделий из Новгорода 229
Н. Л. Подвигина. К вопросу о существовании цехов в Новгороде конца XII—начала XIII в. 234
А. С. Хорошев. Участие новгородской церкви в политической жизни (1200—1230 гг.) 241
В. Н. Лазарев. О дате одной новгородской иконы 247
П. И. Засурцев. Каменные гражданские постройки XV в. в Новгороде 254
И. К. Лабутина. К топографии городских концов Пскова в XV в. 264
Н. Н. Воронин. Следы раннего смоленского летописания 271
Я. Н. Щапов. Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. 276
П. А. Раппопорт. «Латинская церковь» в древнем Смоленске 283
М. А. Ильин. О наименовании приделов собора Василия Блаженного 290
И. Г. Спасский. Новые материалы о новгородском Денежном дворе в 1611—1617 гг. 294
А. П. Смирнов. Об этническом составе Волжской Болгарии 302
А. Г. Мухамадиев, Г. А. Федоров-Давыдов. Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая 308
Н. П. Журжалина. К истории классификации археологической литературы . . 317

Список сокращений 326